

В. М. ЖИРМУНСКИЙ · ИСТОРИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

ИСТОРИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАНИЕ 3-е,
исправленное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ
НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
МОСКВА 1948

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

ИСТОРИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАНИЕ 3-е,
исправленное и дополненное

*Допущено
Министерством Высшего Образования СССР
в качестве учебника для высших
учебных заведений*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
МОСКВА 1948 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Предисловие</i>	7

Часть первая

РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

✓ § 1. Древнейшие сведения о германцах.	9
§ 2. Общественный строй древних германцев.	13
§ 3. Великое переселение народов и образование варварских государств	16
✓ § 4. Германские языки в ряду других языков индоевропейской группы	22
§ 5. Основные этапы истории немецкого языка.	28
✓ § 6. Древнейшие памятники германского письма.	31
§ 7. Древневерхненемецкий	33
§ 8. Средневерхненемецкий	39
§ 9. Восточная колонизация	44
§ 10. Ранний нововверхненемецкий. Язык канцелярий и печатников	49
§ 11. Эпоха реформации. Язык Лютера и образование письменной нормы национального языка.	56
§ 12. Борьба с языковым сепаратизмом в XVI—XVII вв.	60
§ 13. Роль грамматиков и теоретиков языка.	63
§ 14. Проблемы языкового объединения в XVIII—XIX вв.	70
§ 15. Национальный язык и диалекты.	74
§ 16. Интернациональные и националистические тенденции в немецком языке эпохи капитализма.	82

Часть вторая

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА

Глава I. Звуковая система	91
1. Орфография и произношение	91
§ 17. Противоречия орфографии и произношения в современном немецком языке	91
2. Развитие фонетической системы новонемецкого языка.	97
§ 18. Фонетика и орфография средневерхнемецкого языка	97
§ 19. Гласные. Качественные изменения	98
§ 20. Гласные. Количественные изменения	101
§ 21. Согласные.	106
3. Фонетические взаимоотношения древневерхнемецкого и готского	109
§ 22. Фонетика и орфография древневерхнемецкого языка	109
§ 23. Вокализм	110
§ 24. Консонантизм.	116
4. Основные закономерности немецкой звуковой системы.	117
§ 25. Ударение	117
§ 26. Умлаут	120
§ 27. Преломление	126
§ 28. Аблаут	129
§ 29. Происхождение аблаута	133
§ 30. Перебои согласных. II перебой.	136
§ 31. Западногерманское удлинение согласных	141
§ 32. I перебой и закон Вернера.	142
Глава II. Склонение имен	148
§ 33. От флексии к анализу	148
1. Существительные	151
§ 34. Готский язык	151
§ 35. Древневерхне немецкий	160
§ 36. Средневерхне немецкий	164
§ 37. Новонемецкий	167
§ 38. Употребление падежей и развитие предложных конструкций.	174

2. Прилагательные	183
§ 39. Сильное склонение	183
§ 40. Слабое склонение	190
§ 41. Степени сравнения	193
§ 42. Образование наречий	196
3. Местоимения и числительные	199
§ 43. Личные местоимения	199
§ 44. Указательные местоимения	202
§ 45. Вопросительные местоимения	205
§ 46. Другие местоимения	205
§ 47. Местоименные наречия	206
§ 48. Артикль	207
§ 49. Числительные	209
Глава III. Спряжение глаголов	213
§ 50. Развитие глагольной системы.	213
1. Сильные и слабые глаголы.	215
§ 51. Обзор форм	215
§ 52. Настоящее	220
§ 53. Сильное прошедшее	226
§ 54. Слабое прошедшее	232
§ 55. Оптатив. Императив. Страдательный залог.	235
§ 56. Личные окончания	238
§ 57. Инфинитив	239
§ 58. Причастие I	241
§ 59. Префикс ge- в причастии II.	243
2. Неправильные глаголы	245
§ 60. Praeterito-praesentia в готском.	245
§ 61. Praeterito-praesentia в немецком.	247
§ 62. Атематические глаголы	248
3. Аналитические формы	254
§ 63. Сложные времена. Страдательный залог.	254
§ 64. Наклонения: глаголы модальности, условное наклонение	260

Глава IV. Словообразование	262
1. Суффиксация	262
§ 65. Образование существительных. Старые суффиксы	262
§ 66. Развитие новых суффиксов	268
§ 67. Образование прилагательных. Старые суффиксы	272
§ 68. Развитие новых суффиксов	273
§ 69. Заимствованные суффиксы	275
§ 70. Образование глаголов. Суффиксация.	278
§ 71. Глагольные префиксы	280
§ 72. Современное состояние	283
2. Словосложение	284
§ 73. Сложные слова	284
Заключение	
§ 74. Общий обзор развития немецкого языка.	292
<i>Объяснение знаков</i>	297
<i>Список сокращений</i>	298
<i>Литература для самостоятельной проработки.</i>	300

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебник «История немецкого языка» предназначен для студентов педагогических институтов иностранных языков и филологических вузов, а также для преподавателей, работающих над повышением своей квалификации по специальности. В соответствии с программой курсов по этому предмету, читаемых в вузах, он включает основные сведения по истории немецкого литературного языка (часть I) и по грамматикам отдельных языков, входящих в план преподавания, — средневерхненемецкого, древневерхненемецкого и готского (часть II). Для того, чтобы этот грамматический материал был представлен с необходимой полнотой и в историческом развитии, он выделен в специальный отдел исторической грамматики. Изложение этой последней исходит из противоречий современного языка и ищет их объяснения в историческом развитии строя немецкой речи.

Изучение древнегерманских языков представляет для начинающих значительные трудности. На долголетнем опыте преподавания истории немецкого языка я убедился, что усвоение незнакомых форм значительно облегчается, если начинать изложение с фонетических взаимоотношений новонемецкого и средневерхненемецкого (§§ 19—21), которые дают учащимся ключ к пониманию старого языка. Поэтому фонетический раздел начинается со средневерхненемецкого, заключающего ближайшие предпосылки современных языковых отношений и наиболее важного для их первоначального исторического объяснения, а затем уже переходит к древневерхненемецкому и готскому.

Для облегчения самостоятельной работы учащихся, главам, посвященным исторической фонетике языков средневерхненемецкого и древневерхненемецкого предпосланы параграфы, дающие краткий обзор фонетики и орфографии этих языков (§§ 18 и 22).

Общие исторические закономерности звуковой системы немецкого языка выделены в особую главу, поскольку этими закономерностями определяются исторические особенности немецкой фонетики на всем протяжении ее развития.

Примеры из других германских и негерманских языков приводятся лишь в той мере, в какой они помогают осветить процесс развития строя немецкого языка, как аналогии или как стадияльно более древние формы. Такая сравнительно-грамматическая пер-

спектива в предисторию языка, не засвидетельствованную непосредственно в письменных памятниках, необходима для исторического осмысления всего последующего развития немецкой грамматики.

В настоящем издании учебник пополнен разделом, обычно входящим в курс «Введения в германскую филологию», посвященным образованию древнегерманских племен и народов и их языков, вопросу о месте германских языков в системе языков индоевропейских и древнегерманскому письму (§§ 1—4 и б). Критика теории «праязыка» и «пранарода», господствующей в буржуазной лингвистике Запада (§ 4), позволит учащемуся с позиций советского языкознания самостоятельно и критически подойти к работам западно-европейских германистов.

В историю новонемецкого литературного языка включен раздел об интернациональных и националистических тенденциях в немецком языке эпохи капитализма (§ 18), — проблема, имевшая особенно важное значение для развития немецкого языка во второй половине XIX — начале XX века.

Частные дополнения внесены в главы о степенях сравнения прилагательных (§ 41), местоимениях (§§ 46—47) и немн. др.

Учебник составлен на основе лекций, читанных мною в течение ряда лет на филологическом факультете Ленинградского государственного университета.

Считаю долгом выразить глубокую благодарность товарищам по факультету, принимавшим участие в обсуждении настоящей книги на научных заседаниях кафедры романо-германской филологии, а также моим рецензентам и ученикам, которым я обязан рядом ценных указаний.

В. Жирмунский

Часть первая

РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Древнейшие сведения о германцах встречаются в сочинениях древних греческих и римских писателей и относятся к той эпохе, когда культурные народы античного Средиземноморья, греки и римляне, впервые сталкиваются на своих восточных и северных границах с различными германскими варварскими племенами, населявшими территорию средней Европы. Свидетельства античных историков и географов дополняются данными археологии. В сочинениях античных писателей дошли до нас и первые памятники языка древних германцев: это — племенные и географические названия и личные имена, — конечно, в соответствующем переоформлении, греческом или латинском.

Эти источники дают основание предполагать, что в VI—V вв. до н. э. германские племена занимали северную часть низменности между Лабой (Эльбой) и Одрой (Одером), полуостров Ютландию и южную Швецию, по преимуществу же — поскольку внутренняя часть страны была покрыта лесами и болотами — морское побережье и долины рек. В нынешней западной, средней и южной Германии жили, судя по данным географических названий, кельтские племена. Среди живших по соседству с германцами кельтов римские писатели называют могущественное племя «вольков» (Volcae); их племенное название в германской форме (ahd. walha) впоследствии перенесено было на всех кельтов вообще, в том числе и на романизованных кельтов, и употребляется в немецком языке по отношению к соседним романским народам («Welsche» — итальянцы, иногда французы). Название это проникло и в славянские языки: ср. слав. «влахи», «волохи». Кельты занимали также территорию Галлии (нынешней Франции), большую часть Британии, значительные пространства северной Италии и Испании и доходили в своих передвижениях до Балканского полуострова и Малой Азии. Некоторые ученые полагают, что германские племена были сперва в подчинении у кельтов, опередивших в культурном отношении своих восточных соседей. Об этом свидетельствуют предполагаемые кельтские заимствования в германских языках, к числу которых относятся термины власти и права; например,

got. reiki, ahd. rihhi «Reich» (из кельтск. rīg); ahd. ambahti «Amt», got. andbahti (кельтск.-лат. ambactus); может быть также: ahd. gīsal «Geisel»; got. aiþs, ahd. eid «Eid»; got. arbi, ahd. erbi «Erbe»; названия металлов: got. eisarn, ahd. īsarn «Eisen»; ahd. lōt «Blei» (ср. nhd. Lot); оружие: got. brunnjō, ahd. brunna «Brünne»; ahd. gēr «Ger» (герм. *gaisa-) и др.

Кроме кельтов, на территории западной Германии можно предполагать присутствие разных других племен, имена и языки которых не дошли до нас, — подобно тому, как и в других частях древней Европы засвидетельствованы народы, говорившие на языках, отличных от языков индоевропейской системы: напр., в Италии — этруски, в Испании — иберы, на Балканском полуострове — пеласги и др. (остатком таких языков неиндоевропейского типа является баскский — в Пиренеях). Подводя итоги многочисленным археологическим и антропологическим исследованиям по этому вопросу, Энгельс писал: «Немцы отнюдь не первые обитатели той территории, которую они занимают в настоящее время. По меньшей мере три расы предшествовали им» («К истории древних германцев», Собр. соч., т. XVI, ч. I, стр. 339).

Распространение германцев в западном направлении до Рейна происходит в IV—I вв. до н. э. Повидимому, оно шло быстрее на менее заселенном севере и медленнее на юге, где еще в I в. до н. э. засвидетельствованы кельтские племена. Одновременно германцы продвигаются и в восточном направлении. Эти переселения и завоевания с самого начала были связаны с сильнейшими племенными смешениями, отразившимися и на структуре, и на лексике германских языков.

Появившись в I в. до н. э. на верхнем Дунае, германцы вступают в непосредственное соприкосновение с римлянами, в то время уже завладевшими южной (т. наз. Нарбонской) Галлией, а вскоре после этого и приальпийскими землями (Ретия и Норик). Первым значительным столкновением между германцами и римлянами является нашествие кимвров и тевтонов, прорвавшихся в южную Галлию и северную Италию и одержавших между 113 и 105 гг. до н. э. ряд побед над римскими войсками. Это движение, угрожавшее безопасности Рима, имело характер настоящего переселения полукочевых племен в поисках новой оседлости: варвары передвигались на повозках, вместе с женами и детьми, со скотом и домашним скарбом. Разбитые римским полководцем Марием при Аквах Секстийских (102) и Верцеллах (101), они были частью истреблены победителями, частью захвачены в плен и обращены в рабство.

В дальнейшем римляне переходят в наступление. Завоеватель Галлии, Юлий Цезарь, в целях укрепления римского владычества в новой провинции, вынужден был вступить в

борьбу с германцами, перешедшими на левый берег Рейна. В 58 г. до н. э. Цезарь победил Ариовиста, вождя германского племени свевов, который, будучи призван вместе со своей дружиной на помощь кельтам-секванам, успел подчинить своей власти обширную территорию в пределах нынешнего Эльзаса. В 56 году Цезарь построил мост через Рейн около Кобленца и первый совершил военный поход в правобережную Германию. В 55—54 году он переправился в населенную кельтским племенем бритов Британию, которая была окончательно завоевана римлянами при императоре Клавдии (45 г. н. э.) и осталась римской провинцией до начала V в.

Составленные Цезарем «Записки о галльской войне» («Commentarii de bello Gallico») заключают описания его походов и первые подробные сведения об общественном быте древних германцев.

При императоре Августе продолжались попытки завоевания германской территории к востоку от Рейна (т. наз. Germania magna). В результате победоносных походов Друза (12—9 гг. до н. э.) и Тиберия (6 г. н. э.) страна между Рейном и Везером становится римской провинцией. Этому распространению римского влияния на восток положен был предел восстанием германского племени херусков под предводительством своего «герцога» (племенного вождя) Арминия (Германа): легионы римского наместника Вара были окружены восставшими в Тевтобургском лесу и подверглись полному уничтожению (9 г. н. э.). Хотя римляне и предприняли удачную попытку отомстить германцам за понесенное поражение (походы Германика, 14—17 гг. н. э.), однако, потеряв надежду на возможность длительной оккупации германских земель, они с этого времени переходят от наступательной политики к оборонительной.

В осуществление этих новых задач на Рейне и на верхнем Дунае возводится цепь укреплений. Между Рейном и Дунаем, приблизительно в направлении от нынешнего Кобленца до Регенсбурга, в конце I и в начале II в. н. э. строится вал, укрепленный частоколом, со сторожевыми башнями и крепостями (т. наз. limes), за которыми проходит военная дорога; в юго-западной части Германии, защищенной этими укреплениями, в пределах т. наз. «десятичных земель» (agri decumates) поселяются римские военные колонисты со своими семьями, число которых доходит до 100 000 человек. Германские племена, оказавшиеся здесь, на восток от Рейна, в соседстве с новыми поселенцами, — как на левом берегу Рейна среди кельтов, — подвергаются сильнейшей романизации.

Источником и средством распространения римских культурных влияний на правобережные германские племена становятся в это время многочисленные римские военные и торговые колонии, возникающие по течению Рейна, как главной артерии страны:

Colonia Agrippina (Köln), Confluentes (Koblenz), Moguntiacum (Mainz), Argentoratum (впоследствии — Straßburg) и др.; на реке Мозель — Augusta Treverorum (Trier); меньшее значение имели на верхнем Дунае Regina castra (Regensburg), на среднем Дунае Vindobona (Wien) и др. С середины I в. н. э. до начала III в. продолжается интенсивное хозяйственное и культурное общение территорий, расположенных по обоим берегам Рейна и по побережью Северного моря и включающих северную Галлию, западную Германию и римскую Британию, с крупными провинциальными центрами в Кельне и Трире. Эта длительная мирная полоса сыграла существенную роль в общественном и культурном развитии западных германцев, находившихся в непосредственном соприкосновении с римлянами.

Свидетельством хозяйственного и культурного влияния римлян на западных германцев являются многочисленные латинские лексические заимствования: это — проникшие в германские языки латинские слова для обозначения предметов быта и понятий более высокой римской культуры. В немецком языке такие древнейшие заимствования выделяются особенностями своей фонетической формы: ассимилировавшись с исконными германскими словами, они подвергались в дальнейшем вместе с ними влиянию II перебора согласных (см. ниже § 30) и другим явлениям, характерным для позднейшего развития звуковой системы немецкого языка. С развитием земледельческой культуры германцы перенимают у римлян названия новых для них земледельческих орудий: например, *flagellum* > *Flegel* «цепь», *secula* > *Sichel* «серп»; термины виноделия, занесенного в долину Рейна римскими военными колонистами: например, *vīnum* > *wīn* (Wein) «вино», *vīnitor* > *Winzer* «виноградарь», *acētum* > *Essig* «уксус», *mustum* > *Most* «сусло», *sōra* > *ahd. kuofa* «Kufe», *trā(je)ctorium* > *Trichter* «воронка», *bicārium* > *Becher* «кубок» и др.; названия культурных растений, распространившихся из Галлии и Италии вместе с развитием овощного хозяйства и плодоводства: например, *caulis* > *ahd. kōl* (Kohl) «капуста», *(cu)curbita* > *Kürbis* «тыква», *gādix* > *ahd. retih* (Rettich) «редька», *cerasus* > *ahd. kirsā* (Kirsche) «вишня», *grūnum* > *ahd. pfrūma* (Pflaume) «слива», *pira* > *ahd. bira* (Birne) «груша», *(a)mandula* > *Mandel* «миндаль», *piper* > *Pfeffer* «перец» и др. Вместе с каменными постройками римского типа, заменяющими прежние плетеные из прутьев шалаши (вначале, вероятно, у знатных и в постройках общественного назначения), появляется соответствующая терминология строительного дела: например, *mūrus* > *ahd. mūra* (Mauer) «каменная стена» — в отличие от прежней плетеной (ср. *Wand* от слова *winden* «вить»), *tēgula* > *Ziegel* «кирпич», *calcem* (от *calx*) > *Kalk* «известь», *pīlārium* > *ahd. pfilāri* (Pfeiler) «каменный столб», *porta* > *Pforte* «ворота», *fenestra* > *Fenster*

«окно» — в отличие от прежнего примитивного люка, дымохода или глазницы (ср. *an. windauga* «глаз для ветра» — *англ. window*, или *got. augadaúrō* «дверь для глаза»), *cellārium* > *Keller* «погреб», *spēārium* > *ahd. spīhhāri* (Speicher) «амбар» и мн. др. Развитие римской колониальной торговли с германцами отразилось в словах *sauropones* «торговцы вином» > *got. kaupōn*, *ahd. koufōn* (*kaufen*) «покупать», *monēta* > *ahd. munizza* (Münze) «монета», *pondo* («весом», твор. пад.) > *Pfund* «фунт», *tolōnēum* > *Zoll* «пошлина» и др. Военные столкновения германцев с римлянами, в особенности же знакомство с оборонительными сооружениями на германской границе, также засвидетельствованы в языке такими словами, как, например, *vallum* > *Wall* «вал», *pālus* > *ahd. pfāl* (Pfahl) «деревянный столб в частоколе», *strāta* (*via*) «военное шоссе», «высланная» дорога > *strāzza* (Straße) «дорога» и др. Изучение современных диалектов — как немецких, так и французских — позволило с большой точностью восстановить первоначальные районы этих латинских заимствований, пути их проникновения на германскую территорию и важнейшие центры распространения культурных влияний, засвидетельствованных в языке.

К концу I в. н. э. относится книга римского историка Тацита, посвященная Германии (P. Cornelius Tacitus, «Germania»). Книга эта является важнейшим источником по этнографии древних германцев и содержит сведения о расселении германских племен, их общественном быте, религиозных верованиях и поэтическом творчестве. Хотя Тацит сам, повидимому, и не бывал в Германии, он обладал широкой осведомленностью, почерпнутой из недошедших до нас сочинений других авторов (Плиния Старшего и Тита Ливия), из официальных донесений римских полководцев и устных рассказов римских купцов и легионеров, побывавших за Рейном. Несмотря на относительную достоверность сообщений Тацита, его освещение исторических данных нередко бывает тенденциозно и требует критической проверки. В своих нравственно-политических целях он часто идеализирует древних германцев, стремясь противопоставить их первобытно-патриархальные нравы моральному разложению рабовладельческой аристократии Рима.

§ 2. Переселения германцев, приведшие к столкновению с римлянами, объясняются особенностями их экономического и общественного строя.

Германцы в эпоху Цезаря и Тацита жили в условиях патриархально-родового строя. «Род» обозначается в германских языках словом *got. kuni*, *ahd. kunnī*, одного корня с *лат. gens*, *греч. genos* «род». Германское племя является совокупностью родовых объединений. По свидетельству Цезаря, германцы селились «по

родам и родственным группам». Это подтверждается многочисленными местными названиями на -ingen, -ungen (Reutlingen, Eppingen, Kissingen, Morungen и др.). Суффикс -ing, -ung служит в германских языках для обозначения родовой связи, общности происхождения (ср. родовые имена типа — Меровинги, Каролинги, Амелунги и др.); формы на -ingen, -ungen представляют дат. множ. с местным значением: Eppingen — «bei den Leuten von Erro» (ср. слав. местные названия на «-ичи» того же типа: Боровичи, Климовичи, Барановичи и др.).

Родовым строем порождена была обязанность «кровной мести», которую мы находим у древних германцев, как и у других народов, стоящих на той же ступени общественного развития. Многочисленные упоминания о кровной мести встречаются в исландских сагах, свидетельствующих об общественных отношениях скандинавского севера, еще очень близких к патриархально-родовому строю. Смягчением родовой мести является «вира» — Wergeld (от ahd. wer, got. waír «муж» — ср. лат. vir «муж») — выкуп, получаемый родом за убийство или увечье родича.

При господстве у германцев патриархально-родовых отношений могут быть отмечены отдельные пережитки более древнего материнского рода (т. наз. матриархата). По словам Тацита, у германцев «сыновья сестер в такой же чести у дяди, как и у отца. Некоторые считают этот вид кровной связи теснее и священнее и при взятии заложников предпочитают именно их, так как при этом и обязательство держится прочнее, и охватывается более широкий круг домашних». Однако наследуют по отцовской линии, хотя при отсутствии детей могли наследовать братья и дяди не только с отцовской, но и с материнской стороны. Характерно, что в песнях древнескандинавской «Эдды» двоюродные братья называются an. systrungar — буквально: «дети сестер»; ср. также нем. Geschwister (от Schwester), имеющее значение «братья и сестры».

Основой хозяйства древних германцев являлись скотоводство и примитивное переложное земледелие. Германцы во времена Цезаря, согласно его свидетельству, «мало занимаются земледелием, и большая часть их пищи состоит из молока, сыра и мяса». Значение скота, как главного богатства германцев, подтверждается данными языка: слово «скот» (ahd. fihu, got. faíhu «Vieh») в большинстве древнегерманских языков употребляется также в значении «имущества», «денег» (ср. англ. fee «денежное вознаграждение»); такое же значение имело, вероятно, первоначально и слово Schatz (got. scatts, ahd. scaz), которое одного корня с русск. «скот».

Как сообщает Цезарь, у севево земля находилась еще в общинном владении и обрабатывалась совместно родовым коллективом: «Раздельной или частной пашни у них совсем нет, но должно-

стные лица и предводители ежегодно отводят родам и родственным группам где и сколько окажется нужным земли и через год побуждают переходить на другое место. Во времена Тацита германцы, стесненные римлянами в своих передвижениях, окончательно переходят к оседлости. Земледелие приобретает в их хозяйстве несколько большее значение, но скот все еще остается их главным достоянием. Существует обработка земли отдельными семьями с ежегодным переделом земли. При этом «община каждый год запахивала другой участок, а пашню прошлого года оставляла под паром или совсем давала ей зарастить» (Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Собр. соч., т. XVI, ч. I, стр. 118).

Общественный строй древних германцев соответствовал высшей ступени патриархально-родового общества и носил характер «военной демократии» (Энгельс). Высшая власть в родовой общине или в племени принадлежала народному собранию, которое называлось þing (нем. ding). Все взрослые мужчины, способные носить оружие, имели равное право на участие в народном собрании и на его судебную защиту в форме «кровной мести» или «виры». Кроме того, по Тациту, повсеместно существовал совет старейшин, решавший более мелкие дела и подготавливавший более крупные для народного собрания. Родовые и племенные старшины обозначались словом kuning «König» (позже — «король»), производным от kuni «род». Такие старейшины выбираются обыкновенно из одной и той же «знатной» семьи; впоследствии власть их становится наследственной. Рядом со старейшиной (лат. princeps) существует племенной вождь, военачальник (лат. dux), который выбирается на время похода: ahd. herizogo «Herzog» (от ahd. heri «Heer» и ziohan «ziehen» в смысле «водить» — буквально: «вое-вода»). Такой предводитель, прославившийся своими подвигами, собирает вокруг себя дружину (герм. druht, ahd. truht), состоящую из молодых воинов, жаждущих добычи и связанных со своими начальниками (герм. druhtin, ahd. truhtin) взаимной верностью. Эти дружины кормились постоянными войнами, разбойничьими набегами и грабежами; они служили наемниками в римских войсках и телохранителями римских императоров; они содействовали появлению королевской власти и в эпоху великого переселения народов послужили началом упадка старинной народной свободы и одним из элементов будущей феодальной знати.

Таким образом внутри патриархального родового общества древних германцев уже намечается процесс социальной дифференциации, как предпосылка будущих классовых отношений. Рядом с основной массой свободных существуют рабы (военнопленные), трудом которых пользуются при обработке земли, и выделяется родовая знать (лат. nobiles). Последние

обозначались словом *edel* (ahd. *edili*) «благородный», «знатный», которое связано с *Adel* (ahd. *adal* «благородный род») и с ahd. *uodal* «земельное владение». Начало частной собственности на землю, в условиях длительной оседлости, военная или просто награбленная добыча, владение рабами, более крупные стада, — все это создавало предпосылки для имущественного неравенства и связанного с ним разложения родовых отношений.

В результате дальнейших сдвигов в хозяйственной и общественной жизни, до сих пор недостаточно освещенных за отсутствием исторических источников, мы видим в III веке существенное изменение в политическом строе германцев. Исчезают многочисленные мелкие родоплеменные объединения эпохи Цезаря и Тацита (сугамбры, тубанты, марсы, бруктеры и мн. др.); они поглощаются большими племенными союзами или народами франков, алеманнов, саксов и др., нередко весьма пестрыми по своему составу, с наследственной королевской властью, с зачатками военной знати — будущей феодальной аристократии.

§ 3. Началом т. наз. «великого переселения народов» послужили передвижения восточных германцев, более отдаленных от центров римской культуры и благодаря этому сохранивших большую подвижность, характерную для примитивной стадии общественного развития. Особенно важную роль в последующих передвижениях германцев сыграли готы. В эпоху Тацита готы (лат. *gutones*, *gotones*) живут якобы на побережье Балтийского моря, в низовьях Вислы. По сохранившимся у них сказаниям, о которых сообщает готский летописец Иордан (VI в.), они пришли на континент с острова *Scandza*, т. е., по видимому, из Скандинавии. Это сказание подтверждается существованием в историческую эпоху в южной Скандинавии народа *гаутов*, впоследствии смешавшегося со шведами: племенное название *гауты*, сохранившееся в наименовании шведских провинций *Östergotland* и *Vestergotland* и города *Göteborg*, вероятно, связано с готами; точно так же готами (*gotar*) именовались жители шведского острова Готланд. Во II в. н. э. готы передвигаются с берегов Балтийского моря на юг, в начале III в. они появляются в черноморских степях у восточной границы Римской империи и распространяются от Дуная до Днепра. Здесь готы распались на несколько племен, из которых главные составляли две группы: западную — *визиготов* (*Wisigothi*) и восточную — *остготов* (*Ostrogothi*), по позднему переосмыслению получившие название *вестготов* и *остготов*. В 274 г. император Аврелиан должен был уступить вестготам пограничную задунайскую провинцию Дакию (нынешнюю Румынию и Трансильванию), чтобы с их помощью обезопасить границы империи от дальнейших нашествий вар-

варов. В середине IV века (по свидетельству античных писателей и летописца готов Иордана) в черноморских степях существовал крупный межплеменной союз, весьма пестрый по своему этническому составу, во главе которого, в пору его наибольшего могущества, стоял остготский король Эрманарик. Готский союз был уничтожен в 375 г. при нашествии гуннов, тюрко-монгольских кочевников, нахлынувших из Азии. Память об Эрманарике, изукрашенная романической легендой, сохранилась в германском героическом эпосе (в скандинавской «Эдде» и в средневерхненемецких поэмах о Дитрихе Бернском).

Остготы оставались более столетия в зависимости от гуннов, вместе с ними частично перекочевали в Паннонию (нынешнюю Венгрию) и принимали участие в их походах против Римской империи до распада гуннского государства, последовавшего после смерти короля гуннов Аттилы (453). Средневековый немецкий эпос (напр., «Нибелунги») сохранил воспоминание об этой зависимости готов от гуннов: Дитрих (остготский король Теодорик) является здесь вассалом Аттилы (mhd. *Etzel*). В свою очередь, вестготы, теснимые гуннами, переходят в 376 г. через Дунай и поселяются в качестве союзного войска на территории Восточной Римской империи, в придунайской провинции Мезии (нынешняя Болгария).

Под напором восточногерманских племен приходят в движение и западные. С 213 г. начинаются алеманнские войны, которые продолжаются с перерывами в течение всего III и IV веков: в конце III века алеманны окончательно захватили «десятинные земли», а к концу IV века они уже владели всем верхним течением Рейна и Дуная. Около 242 г. на нижнем Рейне выступают франки, совершающие периодические набеги на северную Галлию. Римляне вынуждены уступить им пограничную территорию, чтобы пользоваться их защитой против других германских племен. К началу V века франки завладели нижним и средним Рейном. Они распадаются на два племенных союза: *салиев* (*Salii*) и *рипуариев* (*Ripuarii*), из которых первые расположены на нижнем Рейне и к юго-западу от него, вторые — в области Кельна до р. Мозель. В результате дальнейшего развития франкской и алеманнской колонизации оба берега Рейна оказались германизированными: побежденные, по преимуществу — романизированные кельты, были частью вытеснены победителями, частью смешались с ними и приняли их язык. Таким образом, в формировании будущей немецкой национальности и в эту эпоху участвовали иноплеменные и иноязычные элементы, первоначально расположенные на территории западной Германии.

С начала V века Римская империя, потерявшая, в условиях экономического и политического разложения рабовла-

дельческого общества, всякую способность к сопротивлению, становится жертвой нахлынувших на нее варваров, которые «объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим» (И. В. Сталин, «Вопросы ленинизма», XI издание, 1939, стр. 432). «Это были подлинные переселения народов», говорит Энгельс. «Целые народности или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с женами и детьми, со всем своим имуществом. Повозки, прикрытые кожами животных, служили им для жилья и для перевозки женщин, детей и скудной домашней утвари; скот они также вели с собой. Мужчины, вооруженные и в боевом порядке, были готовы преодолевать всякое сопротивление и защищаться от нападений» (Энгельс, «К истории древних германцев», Собр. соч., т. XVI, ч. 1, стр. 344).

Из событий «великого переселения народов» необходимо отметить лишь основные передвижения германских племен, определившие их дальнейшую судьбу в эпоху раннего средневековья. Наиболее значительными были при этом перемещения восточных германцев. Так, вестготы, под предводительством Алариха, в 401 г. впервые вторгаются в Италию; в 410 г. они захватили и разрушили Рим; из Италии они проникли в 412 г. в южную Галлию и оттуда в 414 г. в Испанию. Испанское королевство вестготов, включавшее первоначально юго-западную часть Галлии до р. Луары (т. наз. Аквитанию), просуществовало до 711—713 гг., когда арабы, переправившись через Гибралтарский пролив, завладели большей частью Пиренейского полуострова. Одновременно с вестготами другое восточно-германское племя, вандалы, в 406 г. прошли через Галлию, в 409 г. захватили Испанию, в 429 г. переправились на побережье северной Африки, где вандалское королевство существовало более столетия, до 533—534 г., когда оно было разрушено войсками византийского императора Юстиниана, предпринявшего попытку воссоединения с Восточной Римской империей ее западных провинций, отторгнутых германцами. В начале V века бургунды, также принадлежавшие к восточно-германской группе, пытались основаться на среднем Рейне, между франками и алеманнами. Центром бургундского королевства на Рейне был город Вормс. Разбитые римским полководцем Аэцием, наместником Галлии, бургунды были истреблены союзными с ним гуннами (437), в бою с которыми, как сообщает летописец, погиб король Гундикарый (Gundicarius) «вместе с родом и племенем». Память об этом событии сохранилась в германском героическом эпосе (скандинавская «Эдда» и немецкие «Нибелунги»), где король Гунтер, вместе со своей дружиной, погибает в борьбе с Аттилой и гуннами.

Уцелевшая часть бургундов, согнанная со своих мест, была поселена Аэцием в 443 г. на территории юго-восточной Галлии,

в нынешней Савойе; отсюда бургунды распространились к югу по долине Роны; т. наз. второе бургундское королевство просуществовало до 532—534 гг., когда оно было разрушено франками и присоединено к меровингскому государству. От него получила название Бургундия, значительная часть которой образовала впоследствии французскую провинцию Бургонь (Bourgogne).

В 476 г. германский военачальник Одоакр свергнул с престола последнего римского императора и объявил себя королем Италии. Но власть его была непродолжительна: в 489 г. Италия подверглась нашествию остготов под предводительством Теодорика, который после трехлетней борьбы с Одоакром победил своего соперника и воцарился на его месте (493—526 гг.). В героических сказаниях немецкого эпоса остготский король Теодорик воспевался под именем Дитриха Бернского (Dietrich von Bern): Bern — средневековое немецкое название итальянского города Вероны, одного из опорных пунктов владычества остготов в Италии. При преемниках Теодорика остготское королевство в Италии было уничтожено византийцами при императоре Юстиниане (555 г.).

Последним крупным событием «великого переселения народов» является захват северной и средней Италии западно-германским племенем лангобардов под предводительством Альбуина (568). Лангобардское королевство в Италии существовало до 774 года, когда оно было присоединено к франкской империи Карла Великого. От лангобардов получила свое название провинция Ломбардия в северной Италии.

Большинство западно-германских племен к началу великого переселения народов занимает территорию нынешней западной Германии, между Рейном и Лабой (Эльбой). На нижнем и среднем Рейне расположены франки, к югу от них (после ухода бургундов) — алеманны; восточную часть указанной территории занимают на севере — саксы, в середине — туринги, на юге — баварцы. Из этих западно-германских племен в дальнейшем сложится немецкая нация. Земли к востоку от Лабы населяют балтийские и славянские племена.

В середине V в. группа саксонских племен, обитавших первоначально на юго-восточном побережье Северного моря, в пределах нынешних Шлезвига и Голштинии, — англ, саксы и юты, — переселяется с континента через море на территорию Британии, в начале V в. оставленную римлянами. В результате продолжительной и кровопролитной борьбы с германскими пришельцами, кельты (бриты) оказались частью оттесненными в гористые окраины Британии (Валлис, Корнуэльс, северную Шотландию), частью выселились на территорию Галлии, в нынешнюю Бре-

тань (где кельтское население ведет свое происхождение не от континентальных галлов, а от островных бритов), частью, как обычно, смешались с победителями.

Историческая судьба остальных западногерманских племен тесно связана с судьбами франкского государства. Основателем этого последнего явился Хлодвиг, из рода Меровингов, объединивший под своей властью салических и рипуарских франков. В 486 г. Хлодвиг захватил северную Галлию, уничтожив в ней власть последнего римского наместника Сиагрия; в 496 г. он победил алеманнов на верхнем Рейне, в 507—509 гг. присоединил к франкской державе вестготскую Аквитанию. Его ближайшие преемники распространили свою власть на германское племя турингов (531) и на бургундское королевство в долине Роны (534). Таким образом, под властью Меровингов объединилось большинство западногерманских племен, как расположенных на старой германской территории к востоку от Рейна, так и основавших новые государства в пределах романизированной Галлии. Для объединения созданного им государства Хлодвиг искал материальной и идеологической поддержки римской церкви, которая была наиболее мощным институтом, пережившим падение Римской империи: с этой целью он принял христианство в 496 г. Во второй половине VI века франкская держава Меровингов постепенно распадается. Новое объединение начинается в VIII веке. Его проводят домоправители («майордомы») последних франкских королей, основатели новой династии Каролингов, опираясь на свои обширные земельные владения в германской, северо-восточной части государства. Завершителем этого объединения является Карл Великий (742—814): он снова соединяет под своей властью всю державу Меровингов; в 774 г. он присоединяет к ней королевство лангобардов в Италии; в 778 г. он подчиняет себе Баварию; с 772 по 804 г. он ведет кровопролитные войны с саксами, сохранявшими до тех пор свою независимость в лесах северной Германии, в условиях, близких к родовому строю. Насильственная феодализация саксов Карлом Великим открывает путь для интенсивных культурных (в частности — языковых) влияний франкского запада и юга на более отсталую северную Германию. Таким образом держава Карла объединяет будущую Францию, Германию и Италию. Пользуясь поддержкой церкви, Карл в 800 г. венчается римским императором, чтобы опереться в своей власти на идеологические традиции Римской империи и ее преемницы, католической церкви. Однако, несмотря на попытки административной централизации государства и упрочения материальной и идеологической базы императорской власти, основанная франками варварская империя при ближайших преемниках Карла распадается на части, и окончательно устана-

вливается феодальная раздробленность, характерная для раннего средневековья.

Борьба между централизацией и дроблением, охватывающая первые четыре века существования франкской державы, характерна для периода разложения родового строя и зарождения феодальных отношений. Завоевание германцами новых земель способствует развитию этих тенденций, уже заложенных в античном обществе в эпоху его разложения. Новые общественные отношения формируются на основе разложения рабовладельческого строя Римского государства и распада германской родовой общины. Завоевание римских провинций способствует окончательному подрыву древнегерманских родовых институтов. В результате захвата крупных земельных участков и раздачи их королевской дружине развивается крупное землевладение. Мелкие земельные собственники, разоренные беспрестанными войнами, теряют свою первоначальную свободу и становятся крепостными своих более сильных соседей. Эти последние становятся все более независимыми от центральной власти, превращаясь в самостоятельных государей на своей территории. Таким образом, завершается разложение родового строя древних германцев и создается феодальное государство, основанное на внеэкономическом принуждении и вооруженной эксплуатации трудящихся.

Государственные образования древних германцев на территории Западной Римской империи имели различную судьбу. Там, где число завоевателей было немногочисленно, как в Италии, в Испании и в Галлии (будущей Франции), они поглощались местным населением. В состав феодальной аристократии рядом с верхушкой разлагающегося варварского общества входили остатки местной рабовладельческой знати; с другой стороны, когда-то свободные германцы, становясь крепостными, смешивались с местными полусвободными земледельцами и рабами. Римская культура, светская и духовная, пользовалась в глазах германской знати особым обаянием. Остготский король Теодорик, как впоследствии Карл Великий, считал себя наследником западоримских императоров и покровительствовал латинской культуре; его преемники были совершенно романизованы; вестготы и лангобарды, по крайней мере знатные, повидимому, утратили германский язык задолго до потери ими независимости. Языки средневековой Франции, Италии и Испании развиваются на базе народной латыни, утвердившейся в этих странах до германского завоевания в результате романизации разноплеменного туземного населения.

В старых германских землях к востоку от Рейна, к которым присоединяется довольно широкая левобережная полоса, колонизованная франками и алеманнами уже в IV—V вв., сохраняют

ся племенные диалекты западных германцев, из которых в дальнейшем разовьется немецкий язык. В пределах франкской державы Меровингов и Каролингов западная (по преимуществу — романская) и восточная (по преимуществу — германская) половины развивались в тесном культурном общении и в сходных исторических условиях. Этим объясняется целый ряд аналогичных тенденций в древнегерманском и в ранней стадии французского языка (напр., в развитии аналитического строя, частично, может быть, даже в области фонетики).

В период Меровингов и Каролингов нельзя еще говорить ни о немцах, ни о французах в современном смысле сложившихся национальностей. Лишь после Карла Великого намечается размежевание в области языка, как одна из важнейших предпосылок будущей национальной дифференциации. Существенной гранью в этом смысле является раздел империи Карла Великого между его внуками по Верденскому договору (843 г.), согласно которому западная часть (будущая Франция) отошла к Карлу Лысому, восточная (будущая Германия) — к Людовику Немецкому, а южная часть (Италия) вместе с императорской короной сохранилась за старшим братом Лотаром; к нему отошла также вся средняя полоса (долина Рейна и Роны), прирейнская часть которой, впоследствии получившая название Лотарингии, в дальнейшем не раз была предметом борьбы между французами и немцами. За год до окончательного раздела, в 842 г., Людовик Немецкий и Карл Лысый заключили перемирие и союз против Лотара на спорной земле у Страсбурга. Их договор (т. наз. «Страсбургские клятвы») был переведен на два языка, чтобы сделать текст присяги понятным для воинов обоих братьев. Французский текст клятв является древнейшим памятником французского языка, немецкий — одним из наиболее ранних древневерхнегерманского. Двухязычность этих «Страсбургских клятв» наглядно свидетельствует о совершившемся языковом разделении.

§ 4. Германские языки относятся к обширной группе или системе языков, издавна имевшей широкое распространение в Европе и Азии и получившей условное название индоевропейской. К индоевропейской группе, кроме германских языков, относятся языки славянские, балтийские (литовский, латышский, древнепрусский), кельтские, италийские (в том числе латинский с происходящими от него романскими языками — французским, итальянским, испанским и др.), греческий, частично — армянский и албанский, в Азии — языки индийские (среди них санскрит — язык древнеиндийской письменности) и иранские.

В новейшее время, в результате археологических раскопок, стали известны древние письменные языки индоевропейской группы: в Передней Азии — группа хеттских языков (в клинопис-

ных и иероглифических надписях, начиная с III тысячелетия до н. э.), в Центральной Азии — тохарский (VII в. н. э.).

В немецкой исторической и лингвистической литературе индоевропейские языки обычно называются «индогерманскими» (indogermanisch), а народы, говорящие на этих языках, — «индогерманцами» (Indogermanen), — словоупотребление, чрезвычайно характерное для воинствующего национализма немецкой буржуазной науки.

Языки индоевропейской группы объединяются по сходству в области лексики, фонетики и грамматики.

В лексическом отношении они обладают для одинаковых понятий значительным фондом одинаковых или сходных слов всех категорий (имен, глаголов, местоимений, числительных, служебных слов). Ср. got. brōþar «Bruder» — русск. 'брат' — лат. frāter — греч. phrātōr — санскр. bhrātṛ; ahd. muoter «Mutter» — русск. 'мать' — лат. māter — греч. mētēr — санскр. mātr; ahd. mūs «Maus» — русск. 'мышь' — лат. mūs — греч. mūs — санскр. mūṣ; got. juk «Joch» — русск. 'иго' — лат. jugum — греч. zygon — санскр. yugam; got. nahts «Nacht» — русск. 'ночь' — лат. nox — греч. nux — санскр. naktiṣ; ahd. niuwi «neu» — русск. 'новый' — лат. novus — греч. ne(v)os — санскр. navas; got. baīra «ношу» (нем. ge-bāre «вынашиваю» = «рожаю») — русск. 'беру' — лат. fero — греч. pherō — санскр. bhārāmi; got. þreis «drei» — русск. 'три' — лат. trēs — греч. treis — санскр. trayas; got. þat «das» — русск. 'то' — лат. (is)tud — греч. to — санскр. tad; got. af «ab» — лат. ab — греч. apo — санскр. ara и т. д.

В области фонетики между одинаковыми словами в индоевропейских языках наблюдаются закономерные звуковые соответствия. Напр., в начале слова санскр. bh-соответствуют лат. f- — греч. ph- — герм., слав. b-: ср. в приведенных примерах санскр. bhrātṛ. — лат. frāter — греч. phrātōr — герм. got. brōþar — слав.-русск. 'брат'; санскр. bhārāmi — лат. fero — греч. pherō — герм. got. baīra — слав.-русск. 'беру' и др. Краткому о большинства индоевропейских языков (латинского, греческого, славянских и др.) соответствует в германских языках краткое a: ср. слав.-русск. 'гость' — лат. hostis («враг», «гость») — герм. got. gasts «Gast»; лат. hortus «сад» — греч. chortos — герм. got. gards (nhd. Garten); слав.-русск. 'молоть' — лат. molere — герм. got. malan «mahlen» и др. Германские языки отличаются от остальных языков индоевропейской группы закономерным передвижением всех взрывных согласных (т. наз. «первый перебой согласных» — ср. § 32). Такого рода закономерные звуковые соответствия между языками (или диалектами) одной группы или между последовательными стадиями одного языка или диалекта получили название «звуковых законов».

По своему грамматическому строю все индоевропейские языки принадлежат к типу языков флективных, в которых грамматико-синтаксическая функция слова выражается особыми строевыми элементами слова, аффиксами (обычно — окончаниями, реже — приставками), образующими неразрывное единство с носителем предметного значения слова, его «корнем». Сопоставление между собой различных индоевропейских языков показывает, что в большинстве случаев они пользуются одинаковыми или сходными аффиксами. Ср., напр., спряжение настоящего времени:

Готск.	Русск.	Санскр.	Греч.	Лат.
baīra	беру	bharāmi	pherō	fero (lego)
baīris	берёшь	bharasi	phereis	fers (legis)
baīriþ	берёт	bharati	pherei	fert (legit)
baīram	берём	bharāmas	pheromen (-mes)	ferimus (legimus)
baīriþ	берёте	bharatha	pherete	fertis (legitis)
baīrand	берут	bharanti	pherūsi	ferunt (legunt)

Как видно из приведенной таблицы, личные окончания почти во всех случаях в основном совпадают (при наличии существенных фонетических вариантов). Личному окончанию предшествует гласный элемент, являющийся суффиксом настоящего времени (т. наз. «тематический гласный»), который следует за корнем. Таким образом каждая форма слагается из трех одинаковых элементов: корень + суффикс (тематический гласный) + личное окончание: ср. санскр. bhar + a + si, русск. бер + e + шь, готск. baīr + i + s и др. (см. ниже § 52).

Наличие общего лексического фонда, аналогичного грамматического оформления и закономерных фонетических соответствий между языками индоевропейской группы, установленное сравнительно-исторической грамматикой в начале XIX века, вызвало теорию, согласно которой все индоевропейские языки будто бы восходят к одному «праязыку», являясь его закономерными разветвлениями по принципу родословного древа. Сторонники этой теории полагали, что индоевропейский праязык был языком индоевропейского «пранарода» и что в процессе разделения этого народа на ряд самостоятельных племен и расселения отдельных племен в местах их нового жительства произошло и распадение праязыка на ряд отдельных языковых групп (германскую, славянскую, греческую и т. д.), из которых каждая в свою очередь, путем дальнейшего дробления, распалась на соответствующие языки и диалекты. Сравнивая между собой отдельные индоевропейские языки, индоевропейцы пытались восстановить гипотетический индоевропейский «праязык», из которого, путем зако-

номерных соответствий, выводились затем отдельные языки. Изучение общего лексического фонда индоевропейских языков служило основанием для характеристики культуры индоевропейского «пранарода», его экономического и общественного развития, его быта и идеологии и, в частности, для определения первоначального географического распространения — т. наз. «прародины» индоевропейцев. До конца XIX в. в индоевропейистике господствовало мнение, будто «прародину» индоевропейцев следует искать в степях Средней Азии, откуда европейская группа переселилась в Европу, отчасти вытеснив первоначальное доиндоевропейское население, отчасти смешавшись с ним, тогда как азиатская группа (индусы, иранцы) распространилась вблизи расположения первоначальной родины. Некоторое изменение в эту точку зрения внесли О. Шрадер и О. Бремер, считавшие «прародиной» индоевропейцев причерноморские и прикаспийские степи (нынешнюю южную Россию и южную Украину).

В конце XIX в. и в начале XX в. немецкими учеными (археологом Коссиной, этнографом Муком, лингвистом Гиртом и др.) была выдвинута другая, еще менее обоснованная гипотеза, согласно которой «прародиной» индоевропейцев следует считать северо-немецкую низменность, т. е. ту территорию, на которой мы застаем германцев в начале их вступления в историю (в VI—V в. до н. э.). За пределами Германии эта теория сочувствия не встретила. В сущности она противоречит всему, что мы знаем об исторических фактах распространения народов из стран, более приспособленных по своему климату для первобытной человеческой культуры, в более холодные северные страны. Трудно предположить, чтобы в лесах и болотах северо-немецкой низменности могли сложиться полупастушеские племена, какими являлись почти все индоевропейские народы на заре их исторической жизни, тогда как обратное движение степных кочевников из Азии или Восточной Европы неоднократно засвидетельствовано в историческую эпоху (напр., гунны, авары, угры, татары, турки и др.). Однако в Германии сомнительная гипотеза «германской прародины» индоевропейцев получила большое распространение: она льстила воинствующему шовинизму немецкой империалистической буржуазии, позволяя рассматривать германцев как «исконных» индоевропейцев, будто бы сохранивших в наибольшей чистоте свои «расовые» признаки, тогда как остальные индоевропейцы, покинув свою первоначальную родину, должны были смешаться на местах своей новой оседлости с другими, неиндоевропейскими, народами и тем самым утратили свою первоначальную расовую «чистоту».

Демагогическим вариантом этой лженаучной теории явилось известное учение немецкого фашизма о «северной» или «арий-

ской» расе, преимущественными представителями которой якобы являются древние германцы и современные немцы, как их «прямые потомки».

Между тем уже сами индоевропеисты вынуждены были признать, что «язык» и «раса» — понятия не совпадающие. На протяжении истории народы нередко меняли свои языки: например, в кельтской Ирландии английский язык в значительной степени вытеснил исконный ирский язык и т. п. Самая гипотеза об «индоевропейском праязыке» и «пранароде», на которой строилась в XIX в. сравнительная грамматика индоевропейских языков, подверглась сокрушительной критике в советской лингвистике, особенно — в работах акад. Н. Я. Марра.

Исторические примеры более недавнего времени полностью подтверждают справедливость этой критики. Так, если бы мы знали только латинский язык и современные романские языки, мы могли бы предположить на основании схематических соответствий сравнительной грамматики, что французы, итальянцы, испанцы являются родственными племенами, которые выделились из единого «пранарода», говорившего на латинском «праязыке». Между тем на самом деле романские языки возникли на совершенно разных этнических почвах, в результате романизации различных по своему происхождению и языку племен, совершавшейся несколькими этапами, в разное время, хотя и в общих рамках Римского государства. Германские племена, завоевавшие и поделившие между собою римские провинции и вскоре также смешавшиеся с местным населением, создали новые границы варварских государств; временно объединенные под властью франкских королей, они после смерти Карла Великого окончательно распались на множество самостоятельных феодальных территорий, из которых постепенно сложились новые национальные государства Западной Европы. В результате этого сложного исторического процесса современные романские диалекты Франции, Италии, Испании связаны непрерывными переходами; с другой стороны, на фоне этих диалектальных переходов четко выделяются и противостоят друг другу национальные письменные языки — французский, итальянский, испанский и др. Но эти четкие границы между языками — не разветвления доисторического родословного древа, а, наоборот, результат конвергенции (схождения) диалектов, их сближения и смешения в условиях сложного исторического процесса консолидации наций, экономического, политического, культурного и языкового объединения пестрых и смешанных племенных образований и последующих феодальных территорий.

Несомненные соответствия, объединяющие индоевропейские языки, указывают на историческую близость народов, говорящих на этих языках, близость, связанную с определенными конкретными историческими и географическими условиями, которые должны быть предметом дальнейшего исторического изучения на основе данных археологии, этнографии, антропологии и сравнительного языкознания. Однако близость эта вовсе не предполагает обязательного этнического «родства» и в разных случаях имела разный характер, определивший условия схождения, расхождения и смешения племенных языков. «Индоевропейские языки», как пишет по этому поводу Н. Я.

Марр, «составляют особую семью, но не расовую, а как порождение особой степени, более сложной, скрещения, вызванной переверотом в общественности в зависимости от новых форм производства...» (Избр. работы, т. I, стр. 185). При этом черты различия между близкими языками не менее существенны, чем черты сходства, и нередко древнее этих последних. Не будучи замкнутыми в отношении расового происхождения, индоевропейские языки, как показал Н. Я. Марр, не замкнуты и в языковом отношении: они входят, как определенная языковая система, в единый глоттогонический процесс развития языков и обнаруживают целый ряд пережитков, выходящих за пределы индоевропейского языкового строя.

В частности, как показывают работы Н. Я. Марра, именно германские языки особенно богаты такими пережитками. На это обстоятельство с своей точки зрения обращали уже внимание и некоторые передовые представители индоевропеистики (например, французский ученый Мейе), рассматривавшие германские языки как продукт смешения языка индоевропейского типа с неиндоевропейским.

Действительно, германские языки резко отличаются от других индоевропейских языков особенностями своей фонетики (перебой согласных — см. ниже § 32, ударение на первом, коренном слоге — см. § 25). В составе лексики германских языков около 30% слов не имеют соответствий в других индоевропейских языках. Эти лингвистические факты свидетельствуют о сложных процессах языковых и этнических смешений, сопровождавших образование древнегерманских языков и племен, говорящих на этих языках.

Как уже было указано, по данным истории образование германских племен и, в особенности, будущих немцев, действительно сопровождалось непрерывными смешениями с иноплеменными и иноязычными соседями, как, впрочем, история большинства европейских и иных народов. Занятие германцами страны между Лабой и Рейном (в V — I вв. до н. э.) сопровождалось смешением с кельтами, а может быть и с другими, неиндоевропейскими племенами. На Рейне (в I — IV в. н. э.) западные германцы подверглись усиленной романизации. Точно так же позднейшая немецкая колонизация залабского Востока (XII—XIV вв.) и юговосточных придунайских земель (X—XIV вв.) сопровождалась смешением со славянскими и балтийскими племенами (см. ниже, § 9). Таким образом, исторические данные об образовании немецкого языка и национальности разоблачают фашистскую теорию «расовой чистоты» германского народа как грубую фальсификацию истории. Объединение немецкого языка, как и образование немецкой национальности, есть результат продолжительного и сложного исторического процесса, который не

имеет ничего общего с мнимой общностью происхождения от какого-то единого индоевропейского «пранарода» и «праязыка».

§ 5. Литературный немецкий язык обозначается термином «hochdeutsch» («верхненемецкий»). Термин этот употребляется в двух смыслах. С одной стороны, он служит для обозначения диалектов более южной, возвышенной части Германии в противоположность диалектам севернонемецкой низменности, объединяемым под названием «niederdeutsch» («нижненемецкий»). Граница между верхненемецкими и нижненемецкими диалектами определяется II перебоем согласных и проходит в настоящее время приблизительно по линии Дюссельдорф (на Рейне) — Магдебург (на Лабе) — Франкфурт (на Одре) (см. ниже § 30).

С другой стороны, hochdeutsch обозначает единый литературный язык, сложившийся в новонемецкий период на почве верхненемецких диалектов, в противоположность территориально раздробленным диалектам (крестьянским и мещанским) как нижненемецким, так и верхненемецким. Так как в условиях классового, буржуазного общества литературный язык фактически является достоянием «образованных», в то время как широкие народные массы продолжают пользоваться в устной речи своими местными диалектами, то слово hochdeutsch в этом значении приобретает социальный оттенок: язык более «высокий», обладающий авторитетом социальной нормы («Hochsprache»).

Историю верхненемецкого языка разделяют на три периода: древневерхненемецкий (althochdeutsch), средневерхненемецкий (mittelhochdeutsch), новеверхненемецкий (neuhochdeutsch). Более точная периодизация учитывает между средневерхненемецким и новеверхненемецким довольно продолжительный период образования новонемецкого литературного языка, который выделяется под названием раннего новеверхненемецкого (frühneuhochdeutsch).

Древневерхненемецкий охватывает промежуток времени от начала письменных памятников на немецком языке (VIII в.) до конца XI в. Это период раннего феодализма, от которого сохранились памятники преимущественно клерикального содержания. Средневерхненемецкий (XII—XIII вв.) принадлежит периоду расцвета феодализма и рыцарской культуры, представленной на немецком языке многочисленными памятниками рыцарской поэзии. Ранний новеверхненемецкий (XIV в. — середина XVI в.) связан с началом разложения феодализма, ростом городов, развитием бюргерской культуры; в этот период заложены основы письменной нормы новонемецкого национального языка (реформация и деятельность Лютера). Дальнейшее распространение и окончательное закрепление этой нормы относятся к новеверхненемецкому периоду (с конца XVI в.).

В языковом отношении древневерхненемецкий характеризует-

ся относительным разнообразием полных окончаний, типичным для языка флективного строя. На протяжении древневерхненемецкого периода происходит постепенная редукция неударных гласных, связанная с растущей унификацией типов склонения и спряжения, падежных и личных окончаний. К началу средневерхненемецкого периода все безударные гласные редуцированы в безразличное *-e*. Новеверхненемецкий отличается от средневерхненемецкого целым рядом существенных фонетических изменений, распространившихся в ранний новонемецкий период и определивших собою звуковую систему новеверхненемецкого литературного языка (см. §§ 19—21). Одновременно происходят значительные изменения в области морфологии и синтаксиса, связанные с развитием более сложной и дифференцированной системы грамматических отношений.

Немецкий язык относится к группе языков западногерманских. Древнегерманские языки разделяются на три основных группы: восточную (готскую), северную (скандинавскую) и западную. Западногерманская группа представлена в период раннего средневековья языками и наречиями древневерхненемецким (althochdeutsch), древнесаксонским (altsächsisch), англосаксонским (angelsächsisch), фризским (altfriesisch) и нижнефранкским (altniederfränkisch). Из них древневерхненемецкий послужил основой литературного немецкого языка, англосаксонский — английского, нижнефранкский — голландского; древнесаксонский и фризский, в условиях дальнейшего исторического развития, не обособились в самостоятельные национальные языки и остались на положении диалектов.

По лингвистическим признакам верхненемецкий отличается от других западногерманских языков (как и от языков восточной и северной группы) наличием так наз. II перебора согласных (см. § 30). По этому признаку современные диалектологи обычно противопоставляют верхненемецкому нижненемецкую группу диалектов, объединяющую нижнефранкский и нижнесаксонский. Однако II перебой — явление относительно позднее (V—VII вв.) и распространен на территории верхненемецких говоров неравномерно. При этом франкские говоры частично совсем не имеют перебора (нижнефранкский), частично проводят его лишь в ограниченных пределах (так наз. средненемецкие диалекты — среднефранкский и рейнскофранкский); только южнонемецкие диалекты (алеманнский и баварский) проводят II перебой полностью (см. § 30). Между тем, как показал Энгельс («Франкский диалект»), нижнефранкский по ряду основных признаков теснейшим образом связан с верхненемецкими франкскими диалектами, от которых он отделяется только позднейшим явлением перебора.

В противоположность формалистической классификации диалектов по фонетическому признаку II перебора Энгельс в своей

работе о «Древних германцах» (Собр. соч., т. XVI, ч. I) исходит из исторической группировки древнегерманских племен, засвидетельствованной у римских писателей (Плиния и Тацита). По данным этих писателей, западные германцы образовали три племенные группы: ингвеонов, иствеонов и герминонов; кроме того Плиний называет племенные группы вандилиев и гиллевионов, из которых первая совпадает с восточными германцами, а вторая — с северными. Энгельс отождествляет ингвеонов с саксами и фризами, иствеонов с франками, герминонов с южно-немецкими племенами. Отметим, что древнесаксонский и фризский (как и позднее обособившийся от них англосаксонский) действительно объединяются по целому ряду общих особенностей: фонетических (выпадение носовых перед спирантами с удлинением предшествующего гласного: *fif* «fünf», *ûs* «uns», *ôper* «ander»), грамматических (например, общая форма множ. числа настоящего времени — *ags. -ad, as, -ed*; ср. 1—3 множ. *ags. singad* и др.) и лексических. Близость современного нижнесаксонского (нижне-немецкого) и верхнемецкого диалектолог Вреде рассматривает как явление более нового времени, объясняя его позднейшим «верхнемецением» (*Verhochdeutschung*) первоначальной «ингвеонской» основы в условиях последующего исторического общения в рамках немецкого государства.

Наличие внутри западногерманских наречий различных переkreщивающихся группировок показывает, что признаки, объединяющие ту или иную группу, являются не столько общим наследием определенной «языковой ветви», как это предполагает формалистическая классификация старого буржуазного языковедения, сколько результатом последовательного сближения языков в условиях исторической близости тех или иных племен на разных этапах их развития. В частности, совершенно отпадает возможность восстановления на основании тех или иных признаков «пранемецкого» («urdeutsch») как особой самостоятельной ветви западногерманской группы, объединяющей «верхнемецкий» и «нижнемецкий». Единство немецкого языка лежит не в прошлом, не в общности происхождения немецких диалектов от мнимого «праязыка»; оно создается в процессе длительного исторического развития, на основе сближения верхнемецких (франкских, алеманнских, баварских) племенных диалектов, их последующего оформления в средневековые поместно-территориальные говоры и распространения сложившейся на ранней стадии буржуазного общества национально-языковой нормы на территории других, первоначально самостоятельных западногерманских наречий (древнесаксонского, частично — фризского и нижнефранкского). Дальнейшее языковое объединение является результатом объединения национального, совершающегося в условиях капиталистического развития.

§ 6. Изучение древнейших стадий развития германских языков весьма затруднено отсутствием письменных памятников. Развитие письменности на древнегерманских языках относится к сравнительно позднему времени: будучи результатом христианизации, оно связано с усвоением элементов грекоримской образованности господствующим классом возникающего феодального общества. Применение алфавитов — греческого (у готов) и латинского (у западных и северных германцев) — для связной записи на германских языках первоначально служило целям церковной пропаганды и было делом клириков, единственно образованных людей средневековья.

Для самой ранней эпохи мы вынуждены обращаться к свидетельству германских собственных имен (племенных, географических и личных), сохраненных античными писателями, сопоставляя их с аналогичными словами в современных германских языках: так, напр., племенное название *suēbi* (у Тацита) в сопоставлении со средневековым немецким *swāben* «Schwaben» свидетельствует о состоянии языка, предшествовавшем характерному для западногерманских языков переходу $\bar{e} > \hat{a}$ (ср. § 23); собственные имена на *-mêrus*, позднее сменяемые именами на *-mârus* (*Theudemêres*, *Vadomârius* — ср. *ahd. mâri* «славный»), могут быть использованы для установления дальнейшей хронологии и диалектальных границ этого перехода. Сравнение латинской формы исторического имени [H]arminius — «Арминий» с позднейшим немецким *Hermann* свидетельствует о более позднем проникновении $a > e$ и т. д.

Весьма ценным свидетельством древнейшего характера являются германские заимствования в языках народов, вступивших в разное время в соприкосновение с германцами. В особенности интересны финские заимствования (преимущественно — из скандинавских языков), относящиеся, повидимому, к первым векам нашей эры. Они сохранили в наиболее полном виде окончания германских слов, в историческую эпоху подвергавшиеся более или менее полной редукции (ср. § 34): напр., финск. *rengas* «кольцо» < герм. *hringas (*got. hrings, ahd. ring*), *ruhtinas* «князь» < герм. *druhtinas (позднее *druhtin, ahd. truhtin* «вождь дружины»), *kuningas* «König», *riikas* «богатый» (*got. reiks, ahd. rich* «reich») и др.

Более богатый материал дают рунические надписи, сохранившиеся во всех местах распространения древних германцев. Рунический алфавит был распространен в одинаковой форме у всех германцев до принятия ими латинского или греческого алфавита. Его происхождение в точности неизвестно, но по характеру отдельных букв он представляет настолько значительное сходство с латинским и греческим письмом, что несомненно восходит к образцу, заимствованному у культурных народов Среднеземно-

морья. В настоящее время полагают, что основой рунического алфавита послужил один из северноиталийских алфавитов, близкий к латинскому. Древнейшая форма рунического алфавита имела 24 знака.

Руны употреблялись для кратких надписей и встречаются на оружии и предметах домашнего обихода, сделанных из дерева, на каменных плитах (могильных памятниках) и др.; по форме рунических знаков можно сказать, что первоначально они вырезались на дереве. Германцы, как и другие первобытные народы, приписывали письму магическое значение, употребляя его преимущественно в сакральных целях для заговоров, заклинаний, прорицаний. Самое слово «руна» (got. *rūna*, ags. *rūn*) означает «тайна» (ср. н. г. *raunen* «таинственно шептать» < ahd. *rūnēn*); в значении «песни» («волшебной») оно заимствовано финнами (ср. «руны» «Калевалы»). Уже Тацит сообщает, что германцы вырезали знаки на деревянных палочках и, разбросав их на белом платке, пользовались ими для гадания; в качестве толкователя знаков выступает жрец или отец семейства. Отсюда, вероятно, идет употребление слова *stab* (an. *stafr*, ags. *stæf*) в значении «буквы»; слово *Buchstabe* (ahd. *buohstab*) обозначало первоначально буквовую палочку с вырезанной руной, слово «Buch» «книга» (ahd. *buoh*) — буквовую дощечку или в собирательном значении «письмена», «буквы» (ср. got. *bōkōs* «книга», «письмо» — множ. число от *bōka* «буква»). «Чтение» букв обозначается по-немецки словом *lesen* (ahd. *lesan*) — буквально «собирать» (руны), по-английски — словом *read* (ags. *rædan* «raten») — буквально «гадать» (по рунам); готское *us-siggwan* — «читать», буквально — «петь» (ср. нем. *singen*) связано, вероятно, с чтением нараспев христианских богослужебных текстов. Для письма английский язык сохранил слово *write* (ags. *writan* «ritzen»), первоначальное значение которого — «вырезать» (руны), тогда как немецкий пользуется заимствованным латинским термином *scriban* «schreiben» < лат. *scribere*, обозначающим новую технику письма, воспринятую под влиянием латинско-христианской культуры; с этой техникой связано и готское *mēljan* «писать» (буквально «malen»).

С введением христианства руническое письмо было вытеснено латинским алфавитом (у готов — греческим). На территории Германии рунические памятники очень немногочисленны и ограничиваются предметами обихода, относящимися главным образом к VI—VII вв. Гораздо большее распространение руны получили в Англии и, в особенности, у скандинавских народов, где они известны начиная с III века. Здесь они сохранялись особенно долго, ввиду поздней христианизации Скандинавии. Латинский шрифт появляется здесь только в XI веке, первоначально — в латинских текстах; рукописи, пользующиеся руническим письмом,

встречаются еще в XIV в., а в частных записях руны употребляются, в виде исключения, до XVI—XVII вв., особенно в Швеции.

§ 7. В эпоху раннего средневековья образование и письменность носили исключительно клерикальный характер. Средневековая христианская церковь, сросшаяся с феодальным государством, становится его главной идеологической опорой и одним из важнейших средств порабощения еще недавно свободных народных масс. В условиях господства клерикальной идеологии латинский язык, как язык богослужения и церковных книг, становится в Западной Европе орудием клерикального просвещения, языком науки и школы, возникающей под сенью церкви, языком государственных актов и канцелярской переписки, находящейся на попечении клириков, единственных грамотных и образованных представителей феодального общества. Таким образом, латинский язык выполняет в средневековой Европе все важнейшие общественно-политические и культурные функции будущих национальных литературных языков буржуазного общества; но вместе с тем это язык не национальный, а международный, и притом в основном — только письменный; т. е. язык специального назначения, по самому своему характеру недоступный широким народным массам. Рассадниками клерикального просвещения на латинском языке являются монастыри и монастырские школы. Здесь будущий клирик получает основы церковного образования, в которое входит и чтение некоторых «языческих» латинских классиков, приспособленных с помощью аллегорических комментариев к средневековому мировоззрению.

Народному языку в монастырских школах не обучали, но им приходилось пользоваться при обучении латыни. С этим связаны первые попытки применения латинского письма для записей на немецком языке. Древнейшие из них представляют *глоссы*, т. е. словари к латинским текстам (VIII—IX вв.). Практическую цель преследуют *подстрочные переводы*, например, перевод устава монахов-бенедиктинцев (монастырь Сан-Галлен, конец VIII в.). С распоряжением Карла Великого преподавать на родном языке основы непонятной массам христианской веры связаны первые переводы некоторых важнейших молитв («Отче наш», «формула крещения», «символ веры»), сделанные в конце VIII и в начале IX вв. в нескольких монастырях (Сан-Галлен, Вейссенбург, Фрейзинг). Из *связных переводных памятников* клерикальной прозы, вышедших из монастырских школ, наиболее ранним является перевод богословского трактата Исидора Севильского «О католической вере» (конец VIII в.). По систематической и продуманной нормализации орфографии (на основе рейнскофранкского диалекта) этот памятник выделяется среди

других, и его возникновение приписывается некоторыми исследователями просветительной деятельности сотрудников Карла Великого. К первой половине IX века относится перевод свода евангелий сирийца Татиана, вышедший, повидимому, из знаменитой монастырской школы в Фульде. К концу X в.— началу XI в. относится переводческая деятельность Ноткера, руководителя монастырской школы в Сан-Галлене. Для целей школьного преподавания он перевел с латинского языка целый ряд произведений классической и религиозной литературы, бывших в употреблении в средневековых школах, в том числе «Риторику» и «Категории» Аристотеля, моральный трактат Бозция «Утешение философии» (V в.), аллегорическую энциклопедию Марциана Капеллы «Брак Филологии и Меркурия» (V в.), «Псалтырь» и др. Переводы Ноткера интересны как сознательная попытка создать немецкую философскую терминологию для пояснения латинских научных терминов, встречающихся в школьном преподавании. Он также пользуется очень точной и продуманной орфографией на южнонемецкой (алеманнской) основе. Язык Ноткера обнаруживает значительную редукцию окончаний, являющуюся переходным этапом к средневерхненемецкому. Еще заметнее эти явления в памятниках XI века, например, в переводах аббата Виллирама («Песнь песней») и др.

Поэтические памятники древневерхненемецкого языка служат в большинстве случаев задачам пропаганды новой веры. Из них наиболее значительные относятся к IX в.: «Муспилли» («Muspilli»), поэма о страшном суде, написанная древнегерманским аллитерационным стихом; обширное стихотворное евангелие монаха Отфрида из Вейссенбурга, который первый ввел в немецкую поэзию рифму, следуя образцу латинских церковных гимнов; «Песнь о Людвиге» («Ludwigslied»), прославляющая в церковном духе победу западнофранкского короля Людовика III над норманнами (в 881 г.), и некоторые другие. Вне письменной фиксации остается древнегерманский героический эпос эпохи «великого переселения народов»: он продолжает жить в устной традиции, но под запретом церкви, которая ведет ожесточенную борьбу с остатками язычества и дофеодальных вольностей, сохранившимися в песнях этого времени. К немногочисленным дошедшим до нас остаткам дохристианского устнопоэтического творчества относятся отрывок старинной эпической песни о Гильдебранде (из цикла Дитриха Бернского), написанный аллитерационным стихом (конец VIII в.), и два языческих заговора, так называемые «Мерзебургские заклинания» (X в.). «Песнь о Гильдебранде» обнаруживает своеобразное смешение нижненемецких и верхненемецких особенностей. По своему языку и стилю, связанному с древнегерманской эпической традицией, этот памятник значительно отличается от переводной клерикальной прозы.

В языковом отношении древневерхненемецкие памятники обнаруживают большую пестроту, которая усугубляется отсутствием прочной орфографической традиции. Приспособление латинского письма к немецкому языку происходит самостоятельно в различных монастырских центрах, обычно — без какой-либо систематической регламентации и, притом, на основе различных по своей фонетике диалектов. Таким образом почти каждый памятник имеет свою орфографию, как и свои фонетические особенности. Первоначальные различия племенных диалектов западных германцев (франков, алеманнов, баварцев), в результате передвижений и смешений, по-новому переформируются в границах племенных герцогств, на которые распадается восточная часть франкского государства при преемниках Карла Великого. Различают для древневерхненемецкого периода следующие основные группы диалектов: 1) *средневерхненемецкая (франкская) группа* (mitteldeutsch) — с диалектами *среднефранкским* — mittelfränkisch (Кельн, Трир), *рейнскофранкским* — rheinfränkisch (Майнц, Франкфурт, Вормс, Шпейер) и *восточнофранкским* — ostfränkisch (Вюрцбург, Бамберг); 2) *южнонемецкая группа* (oberdeutsch) с диалектами *алеманнским* — alemannisch (юго-запад — монастыри Сан-Галлен, Рейхенау) и *баварским* — bayrisch (юго-восток — монастырь Фрейзинг). Распределение письменных памятников по диалектам производится в основном по признакам II перебора согласных (см. ниже § 30). Из более крупных текстов «Исидор» принадлежит рейнскофранкскому диалекту, «Татиан» — восточнофранкскому, «Муспилли» — баварскому, «Отфрид» — южной части рейнскофранкского, граничащей с алеманнским (монастырь Вейссенбург на границе Эльзаса), Ноткер — южной части алеманнского (Сан-Галлен в Швейцарии). По характеру консонантизма, определяемому перебором, наиболее близок современному немецкому языку восточнофранкский «Татиан»; поэтому в грамматиках и словарях древневерхненемецкого языка, в случае необходимости фонетической и орфографической унификации примеров, обыкновенно ориентируются на диалект «Татиана».

Следует отметить, что общепринятая классификация имеет чрезвычайно схематический и поверхностный характер. Наши сведения о древневерхненемецком фактически ограничиваются небольшим числом письменных памятников, происходящих из нескольких монастырских центров, значительно удаленных друг от друга. Целые области, не имевшие подобных центров (например, Швабия, Тюрингия), не представлены никакими связными языковыми документами. Об устном народном языке в его отличии от письменного языка литературных памятников мы не имеем никаких сведений, как, впрочем, и для средневерхненемецкого периода, ввиду узко классового характера средневековой письменности в целом.

Несмотря на диалектальную раздробленность древневерхненемецкого языка, взаимодействие диалектов и унифицирующие тенденции уже наблюдаются и в эту эпоху, по крайней мере в языке письменном. В IX—X вв. в ряде случаев замечается влияние рейнскофранкского на южнонемецкие диалекты, поддерживаемое политическим и культурным авторитетом франков в каролингской державе. Так, франкская форма дифтонга *uo* (*guot* «gut») вытесняет во второй половине IX в. баварскую форму *ô* (*gôt*) и алеманнскую *ua* (*guat*): см. стр. 112. В глагольных префиксах (*gi-*, *zi-*, *ir-*, *fir-*) франкский гласный *i* вытесняет южнонемецкое, особенно — баварское *a* (*ga-*, *za-*, *ar-*, *far-*): см. стр. 115. Южнонемецкие написания *r* и *k* (*c*), вместо *b* и *g*, *ch* [*cx*] вместо *k*, *c* [*k*], отражающие уровень перебоя в диалектах южной Германии (*got* «Gott», керан «geben», *chint* «Kind» и др.), заменяются в X в. франкскими *b*, *g* и *k* (*c*): см. стр. 139. Однако с другой стороны возникают новые диалектальные различия, ограниченные пределами феодальных территорий.

Самостоятельное положение сохраняет в этот период древнесаксонский язык, представленный на территории северной Германии небольшим числом письменных памятников, главным образом — IX века, среди которых самым значительным является поэма «Heliand» («Спаситель»), стихотворное переложение жизни Христа в формах древнегерманского аллитерационного эпоса. Произведение это написано по заказу Людовика Благочестивого, сына Карла Великого, и связано с христианизацией саксов, начало которой было положено Карлом. В результате насильственного включения саксов в империю Каролингов начинается постепенно усиливающееся воздействие верхненемецкого языка (франкских диалектов) на нижненемецкий, заметное уже в языке «Гелианда».

Развитие письменного древневерхненемецкого языка совершается под влиянием церковной латыни. Изучение латыни в монастырских школах сопровождалось усвоением более отвлеченных и сложных форм богословско-философского мышления. На древне-немецких переводах латинской клирической прозы мы наблюдаем процесс развития примитивного языка, приспособляющегося к выражению более сложных понятий и отношений между понятиями. В связи с этим обогащается словарный состав, как идеологический инвентарь языка, и вместе с тем изменяется его синтаксическая структура: развиваются предлоги с более отвлеченным значением, появляются новые формы сложного предложения.

Изменение древневерхненемецкой лексики особенно заметно на росте латинских заимствований. Эти новые заимствования относятся в большинстве случаев к предметам и понятиям церковной жизни. Наиболее ранние из этих заимствований также

предшествуют эпохе древневерхненемецких письменных памятников. Ср. греч.-лат. *presbyter* > народн. лат. *prēstre* > *Priester*; лат. *custos* > народн. лат. *custor* > *Küster*; лат. *peregrinus* > ahd. *pilgerin* «Pilgrim»; лат. *claustrum* > ahd. *klōstar* «Kloster»; лат. *monachus* > ahd. *munih* «Mönch» и мн. др. Некоторые слова церковного происхождения с течением времени вышли из религиозной сферы и получили более широкое употребление: например, лат. *fēria* > ahd. *fira* > *Feier* (первоначально — «церковный праздник»); *signāre* > *segnen* (первоначально в значении «делать знак креста», от *signum* «знак», «знамение»); *murmurāre* «бормотать» > *murmeln* (первоначально в значении «бормотать молитвы»); *nocturnus* «ночной» > *nüchtern* «трезвый» (первоначально — о ранней службе «натошак»). В соответствии с характером средневекового школьного просвещения ряд слов, относящихся к школьному делу, восходит также к латинским церковным заимствованиям этой эпохи: например, лат. *scōla* > ahd. *scuola* «Schule»; лат. *tincta* «краска» > ahd. *tinta* «Tinte»; лат. *scribere* > ahd. *scriban* «schreiben»; лат. *brève* «краткое (сообщение)» > ahd. *brief* «Brief» и мн. др.

Во многих случаях новые термины носят переводный характер. Так нем. *taufen* «крестить» служит переводом к лат.-греч. *baptizāre*. Это слово возникло у готов, там, где понимали первоначальное значение греч. *baptizō* «погружаю в воду»; got. *daupjan*, ahd. *toufen* одного корня с got. *diups*, ahd. *tiof* «tief» и также означало «погружать в воду» (языческий обряд, повидимому, совершавшийся у древних германцев над новорожденными еще до распространения христианства). Точно так же *Demut* (ahd. *dio-muotī*) есть перевод к лат. *humilitas* «смирение»: это слово, обозначавшее новую добродетель, которую церковь проповедывала поработенным массам, было переведено на немецкий язык как «рабский дух» (ср. got. *rius* «раб»; нем. *diene* < ahd. *dionōn*). В северной части Германии с ним конкурирует слово *ōdmuotī* «нищий дух» (от слова ahd. *ōdi* «пустой», «бедный» — нем. *öde*). Подобные различия указывают на столкновение двух культурных влияний (в частности — двух христианских миссий): более древнего (IV—VI вв.), идущего с юга от готов, и более позднего (VII—VIII вв.), связанного с деятельностью англосаксонских миссионеров. Таким же образом конкурируют, например, сев. *heilag* «святой» (ags. *hālig*, англ. *holy*), новое слово, образованное от *heil* (буквально: «целительный»), и южн. *wih* (got. *weihs* — отсюда ahd. *wihan* «weihen»), старое языческое слово, приспособленное к новому церковному понятию, и др.

Большинство таких переводов носит этимологический характер и калькирует принципы словопроизводства иноязычного слова. Ученый характер подобных кальк (*Übersetzungslehnwörter*) указывает на их происхождение из среды монастырских

книжников. Ср. лат. *misericors* «милосердный» > *armaherzi* (got. *armahaírts*) «barmherzig»; лат. *communio* «общение» > ahd. *gimeinida* «Gemeinde»; лат. *conscientia* «сознание», «совесть» > ahd. *giwizzanî* «Gewissen»; лат. *confessio* «исповедь» (от *confiteri* «сознаваться») > ahd. *bijilt* «Beichte» (от глагола ahd. *jehan* «говорить»); лат. *convertere* «обращать» > ahd. *bikêran* «bekehren» и др. Любопытные примеры переводов латинско-греческой философской терминологии содержат сочинения Ноткера. Он переводит лат. *tempus* «время» и *locus* «место» — *zît unde stat*; лат. *forma* «форма» — *bild*; лат. *mens* — *muot* «дух»; лат. *infinitus* «бесконечный» — *unentlih*; лат. *intelligere* «понимать» (*intellectus* «разум») — *vernemen, vernumt*; лат. *individuum* (буквально: «неделимый») — *unspaltig* (от *spalten*); лат. *principium* «принцип» (буквально: «начало») — *anegenge* (от *anegangan* «an-gehen» — «начинать»); лат. *subjectum* «подлежащее» он конкретизирует как *daʒ undere* «низшее» («фундамент»), а *praedicatum* «сказуемое» — соответственно *daʒ ubarzimber* «Überzimmer» («надстройка») и т. п.

Для выражения отвлеченных понятий, наличествовавших в латинской богословско-философской литературе, существенное развитие получает система словообразования (ср. §§ 66 и 68). Новые типы отвлеченных слов, выработанные в переводной прозе VIII—X вв., в дальнейшем утверждаются в общем обиходе немецкого литературного языка, тем самым обогащая его грамматическую структуру. Диалекты до сих пор лишь в незначительной степени пользуются образованиями этого типа.

Характерно, что в древневерхненемецкий период для племенных диалектов, из которых в будущем разовьется немецкий язык, еще не существует общего названия, как и для германских племен, объединенных во франкском государстве. Слово *deutsch* происходит от прилагательного *diutisc* «народный» (от ahd. *diot*, got. *þiuda* «народ»). Впервые оно появляется в латинской клерикальной прозе, как *theodisca lingua* (с 778 г.) в значении *lingua vulgaris* «народный язык», в противоположность латинскому языку и в применении ко всем германским племенам (франкам, англосаксам, готам и др.). По-немецки Отфрид около 860 г. называет свой язык *thiu frenkiska zunga* «франкский язык», по господствующему в каролингском государстве племени франков. Впервые *diu diutisca zunge* (тоже — в значении языка, а не народа) употребляется у Ноткера (около 1000 г.). Как название народа *diutesc* встречается лишь в конце XI в. Новый термин, появившийся в этом значении на границе средневерхненемецкого периода, свидетельствует о начинающейся консолидации немецкой национальности в границах бывшего восточнофранкского государства.

§ 8. Средневерхненемецкий (*mittelhochdeutsch*) представляет язык периода расцвета феодализма (XII—XIII вв.). К этому времени феодальная Германия уже сложилась как пирамида иерархически подчиненных друг другу поместий-государств, в значительной степени независимых от центральной императорской власти и покоящихся на широкой базе эксплуатируемого методами внеэкономического принуждения крепостного крестьянства. Господствующий класс, военно-земледельческая знать, получает четкое сословное оформление, обособляясь в своих наследственных привилегиях и в своей кастовой идеологии. Военные предприятия этого периода — итальянские экспедиции германских императоров, борьба между папством и империей, крестовые походы — способствуют возникновению и развитию рыцарства, сперва как конных отрядов, окружающих крупных феодалов и награждаемых за службу землей, впоследствии как сословной организации, охватывающей всю феодальную аристократию, со своим уставом, своими обычаями и правилами «куртуазного» поведения, своими идеалами сословной чести и доблести. В Германию новая рыцарская культура проникает из Франции, передовой страны западноевропейского феодализма. Передаточную роль играют двуязычная Фландрия и прирейнские земли, опередившие в своем развитии остальную империю.

Выражением новой идеологии является *рыцарская литература*. В XII в. в Германии впервые возникает светская литература на национальном языке, зафиксированная в письменной форме; она служит культурным интересам феодальной аристократии и претендует на равноправие с латинской клерикальной письменностью. Рыцарская поэзия этого времени еще в значительной степени предназначена для песенного исполнения или для рецитации вслух странствующими певцами-профессионалами (так наз. шпильманами), к которым в некоторых случаях (любовная лирика) присоединяются дилетанты из самой рыцарской среды. Образцы нового куртуазного стиля приходят в Германию из Франции и Прованса. Преобладают стихотворные жанры, характеризующиеся высоким стилем, героическим или романическим, и идеализацией действительности в духе господствующей сословной идеологии. К важнейшим жанрам рыцарской поэзии относятся *героический эпос*, *куртуазный эпос* (стихотворный *рыцарский роман*) и *рыцарская лирика* (*миннезанг*).

Героический эпос представляют произведения, по своим сюжетам восходящие к традиции древнегерманской народной эпической поэзии, но переработанные в той или иной степени в духе рыцарской идеологии развитого феодального общества: «Нибелунги» (около 1200 г.), «Кудруна» (около 1210 г.), поэмы о Дитрихе Бернском (XIII в.) и др. Сюжеты куртуазного эпоса заимствованы из Франции: большинство немецких произведений этого

жанра является переводами или переделками французских рыцарских романов. Сюда относятся романы так наз. «бретонского цикла» (о короле Артуре и рыцарях «круглого стола»), к числу которых принадлежат поэмы Гартмана фон Ауэ, переводчика французского поэта Кретьена из Труа («Эрек» и «Ивейн», около 1190—1195 гг.), романы о Тристане и Изольде и о святом Граале, представленные в немецкой поэзии «Тристаном» Готфрида Страсбургского (1210 г.) и «Парсифалем» Вольфрама фон Эшенбах (1205—1210 гг.) и др. Под влиянием любовной лирики провансальских трубадуров складывается рыцарская лирика немецких миннезингеров (с 1170-х гг.), восходящая по своим народным корням к весенней обрядовой поэзии: она заимствует у провансальцев доктрину «куртуазной» любви, служение даме, своеобразную феодализацию любовных отношений. Среди ее многочисленных представителей выделяется Вальтер фон дер Фогельвейде (около 1170—1227 гг.), известный как своей любовной лирикой, так и политическими стихами («Sprüche»), вызванными борьбой между империей и папством. Таким образом средневерхненемецкий период (в особенности — конец XII и начало XIII вв.) ознаменован в Германии расцветом литературного творчества феодальных кругов, что связано с общим экономическим и политическим подъемом Германской империи при Гогенштауфенах.

Сословный характер литературного языка этого периода особенно отчетливо выражается в его лексике. Идеи рыцарского служения даме, рыцарской чести и куртуазного «вежества», вся терминология рыцарского ремесла, военного дела, вооружения и убранства имеет замкнуто-сословный характер и определяет специфические лексические особенности, характеризующие язык господствующего класса. Поскольку рыцарская культура приходит в Германию из Франции, значительное число таких слов заимствовано или переведено с французского. Французскими словами обозначают предметы и понятия, связанные с рыцарским делом: например, mhd. turnei («турнир»), tjoste («конный поединок»), âventiure («рыцарское приключение» — ср. нем. Abenteuer), buckel («щит»), panzier («панцырь» — нем. Panzer), lanze («копье»), schineliere («наколенник»), covertiure («попона»), banier («стяг») и др.; предметы обстановки, быта, развлечений рыцарского общества: например, palas («дворец» — нем. Palast), castel («замок»), kumpanie («компания», «общество»), habîr («одежда»), mursel («кусочек еды»), gastel («пирожное»), rîment («напиток»), tanzen («танцевать» — в противоположность springen со старым значением «плясать»), parlieren («беседовать»), flöitieren («играть на флейте»), schanzdn («песня») и др.; психологические понятия и моральные принципы новой рыцарской культуры: kurtois («вежливый», «куртуазный»), maniere («манера»), fin («изящный»

—нем. fein) и др.; обращения и приветствия, принятые в светском обществе: amis («друг»), merzi или gramerzi («спасибо»), bien sei venûz («добро пожаловать»), adê («прощай») и мн. др. Характерно, что с развитием бюргерской формы немецкого национального языка в XIV—XVI вв. значительная часть этих заимствованных слов выходит из употребления вместе с породившими их предметами и понятиями рыцарской культуры. Относительно некоторых из них можно предполагать, что они никогда не существовали в языке других общественных групп, кроме господствующего класса — феодальной аристократии.

Не меньшее значение, чем прямые лексические заимствования, имеют и в этот период заимствования переводные. Противоположность аристократической куртуазности феодального двора (фр. courtoisie — от court «двор») и «мужицкой» грубости (старофр. vilainie — от vilain «крестьянин», «виллан») переводится немецкими поэтами соответствующими социальными эквивалентами — hovesceit, hovesch «höfisch» (от hof «двор») и dörperheit, dörper (от dorf «деревня» — «деревенщина»). Отсюда в современном немецком языке как отражение социальных оценок эпохи феодализма: hübsch «красивый» (mhd. hübesch — диалект. вариант слова hovesch) и Tölpel «увалень», «грубиян» (ср. такое же развитие франц. vilain — «безобразный», «душной»). Необычная фонетическая форма этих немецких слов указывает на то, что заимствование шло через нижнефранкский диалект Фландрии (ср. бесперебойное p в слове dörper «Dörfer»). Условная терминология рыцарской поэзии, связанная с культом дамы, целиком переведена с провансальского языка трубадуров и французского — стихотворных рыцарских романов. Рыцарское служение даме обозначается феодальным термином dienst — dienen (пров. servir); дама принимает рыцаря в свои вассалы — an sich nemen (пров. retener); она достойна похвалы — guot ze lobenne (фр. faite à louer); любовь богата радостью — fröiden rîch (фр. riche de joie); хотя в то же время поэт испытывает любовное томление — senen «Sehnsucht» (пров. dezir); отношения любящих определяются правилами приличия и воспитания — zuht, fuoge (пров. bel captemen), моральным и эстетическим принципом «меры» — mîße (пров. mezura) и т. д. Так вместе с новыми понятиями сословного рыцарского мировоззрения складывается и язык как выражение его идеологии.

Вопрос о диалектальной дифференциации средневерхненемецкого литературного языка был предметом длительной научной полемики. Первый исследователь средневерхненемецкой литературы Карл Лахманн (1793—1851 гг.) исходил из мысли о существовании в период расцвета рыцарской поэзии особого литературного языка, отличного от местных диалектов. По мнению Лахманна, язык этот сложился при императорском дворе

Гогенштауфенов, т. е. на алеманнской основе. Сюда съезжались представители феодальной аристократии всей Германии; лучшие поэты периода расцвета ориентировались на этот язык, отказываясь от употребления резких местных особенностей, непонятных за пределами их родного говора. Правда, дошедшие до нас рукописи обнаруживают значительную диалектальную пестроту, но это объясняется, с точки зрения Лахманна, небрежностью позднейших переписчиков, внесивших в рукописи особенности своего диалекта. В своих критических изданиях Лахманн исправлял рукописи, восстанавливая, на основании исследования рифм точно рифмующих поэтов, первоначальную форму языка в ее подлинной «чистоте».

Эта теория господствовала в романтической германистике первой половины XIX в. Основатель германской филологии Яков Гримм вслед за Лахманном утверждает в своей «Немецкой грамматике» («Deutsche Grammatik», 1822, изд. 2-е): «В XII и XIII вв. на Рейне и Дунае, от Тироля до Гессена, господствует уже общий язык, которым пользуются все поэты; в нем смешались и растворились более древние наречия; только единичные слова и формы сохраняют еще местный характер». Несколькими осторожнее формулирует это положение ученик Гримма и Лахманна Карл Мюллер: «Немецкую койне́ (т. е. общий язык) средневерхненемецкий, положим, не создал, как и Гогенштауфены не создали твердой общегосударственной власти. Куртуазный язык сохранял не только в северной и средней Германии в основном свой особый диалектальный тип, но и на юге он обнаруживал различия, смотря по области, и наречие указывает то больше, то меньше на родину автора. Однако существовал некий идеал языкового совершенства, к которому все стремились, а более других приближались алеманны».

В середине XIX в. ряд новых исследований с несомненностью указал на черты диалекта, присущие многим средневерхненемецким поэтам. Пфейфер (1861 г.) отметил языковые особенности средневерхненемецких памятников, Вильгельм Брауне (1871 г.) исследовал нижнефранкский диалект одного из основателей рыцарской поэзии Генриха фон Фельдеке. Наиболее решительной критике точка зрения Лахманна подверглась в брошюре Германа Пауля «Существовал ли средневерхненемецкий литературный язык?» («Gab es eine mittelhochdeutsche Schriftsprache?» 1872 г.). Хотя вопрос этот и до сих пор не решен окончательно, тем не менее в основном можно считать точку зрения Лахманна опровергнутой. Диалектальные различия рукописей во многих случаях объясняются различиями в диалекте самих поэтов, о чем при более внимательном обследовании свидетельствуют и рифмы. Конечно, письменный литературный диалект никогда не совпадает полностью с родным говором того или другого поэта. В поэти-

ческом языке частично наблюдаются тенденции к сглаживанию слишком резких местных особенностей и к смешению языковых признаков различных диалектов. Поэты, выступая со своими произведениями при разных феодальных дворах, воздерживаются от употребления таких элементов своего говора, которые могли бы показаться непонятными или смешными в других частях Германии: например, баварцы не употребляют двойственного числа местоимений *ös* и *enk*, сохранившегося до нашего времени в баварских диалектах в значении множественного *ihr* и *euch* (ср. стр. 200). С другой стороны, в традиции поэтического языка средневековые поэты находят формы, не встречающиеся в пределах их непосредственной родины: в одном и том же поэтическом памятнике употребляются рядом *gân* и *gên* («gehen»), *stân* и *stên* («stehen»), хотя в диалектах каждая из этих форм имеет свой исключительный район распространения. В этом смысле язык поэзии отстает от местного говора в сторону большего обобщения, нормализации, традиционной связанности. Однако эти обобщающие тенденции носят скорее региональный, чем общенациональный характер и ограничиваются сферой литературного языка.

Это положение вполне соответствует историческим условиям развития немецкого общества в период феодальной раздробленности. Экономическая, политическая и культурная жизнь Германии в эту эпоху носит по преимуществу региональный характер, а императорский двор Гогенштауфенов, будучи средоточием международных политических интересов средневековой Римской империи, меньше всего мог являться центром сцепления «национальных», объединяющих культурных сил. Кратковременные съезды имперского рыцарства на рейхстагах и торжественных празднествах не могли служить существенным и постоянным фактором языкового объединения, каким становятся в более позднюю эпоху постоянная совместная жизнь в городах и оживленные торговые сношения между городами. Отсутствие сколько-нибудь распространенной письменности и даже грамотности на национальном языке, в связи с господством латыни в клерикальном просвещении, лишало феодальное общество важнейшей массовой опоры языкового объединения.

Эпоха феодализма характеризуется территориальной разобщенностью экономической и политической жизни, при общей слабости объединяющих тенденций, обычной в условиях натурального хозяйства и мелкого товарного производства. Хозяйственно-политические связи замыкаются в пределах более или менее обширной территории феодального поместья-государства. Поэтому характерной формой существования языков в период феодальной раздробленности является тип поместно-территориальных говоров, замкнутых в границах средневекового поместья-

государства. Благодаря этому племенные говоры германцев по новому кристаллизуются в границах феодальных территорий. Средневерхненемецкий литературный язык не позволяет полностью установить эту дифференциацию, но в раннем новонемецком она выступает уже вполне отчетливо, вместе с дальнейшим углублением различий между диалектами и появлением практической прозы на местных территориальных говорах.

Наибольшую самостоятельность сохраняет и в этот период нижненемецкий. Правда, целый ряд поэтов эпохи расцвета рыцарской литературы, являющихся уроженцами саксонских земель, подчиняясь культурному авторитету западной и южной Германии, обогнавшей северную в своем экономическом и общественном развитии, пишут не на своем родном нижненемецком языке, а на средневерхненемецком (например, Эйльхарт фон Оберг, автор первой немецкой обработки романа о Тристане, Альбрехт Гальберштадтский и др.). Однако с ростом севернонемецких городов в период расцвета ганзейской торговли возникает бюргерская литература на средненижненемецком языке (mittelniederdeutsch). Ее главными памятниками, относящимися преимущественно уже к XIV — XVI вв., являются юридические акты городских и княжеских канцелярий, уставы гильдий и цехов, городские хроники и художественная литература, преимущественно морально-дидактического и сатирического содержания. Наиболее ранним памятником средненижненемецкого является «Саксонское зеркало» («Sachsenspiegel» — около 1225 г.), первый свод немецкого права, составленный Эйке фон Репкове (Eike von Repkove), патрищем города Галле. В литературном отношении наибольший интерес представляет поэма «Рейнеке Лис» («Reynke de Vos»), народная сатира на феодальное общество (1498 г.). Памятники средненижненемецкого языка обнаруживают значительные диалектальные различия. От древнесаксонского средненижненемецкий отличается (как и средневерхненемецкий) редукцией безударных окончаний и развитием аналитических форм склонения и спряжения. Растущее влияние верхненемецкого сказывается, между прочим, в обильных словарных заимствованиях, которые по фонетическим признакам (наличию II перебора согласных) обнаруживают свое верхненемецкое происхождение: например, ganz, Herz, Scha(t)z, Glanz, Zorn и мн. др.

§ 9. Весьма существенное значение для дальнейшего развития немецкого языка имела в о с т о ч н а я к о л о н и з а ц и я, значительно расширившая территорию средневековой Германии в восточном и юго-восточном направлениях. При Карле Великом и его преемниках восточная граница франкского государства проходит по Лаббе и ее левому притоку Сале (Заале). Восточную

часть нынешней Германии занимают полабские (приэльбские) славяне, которых немцы называли «вендами» (Wenden), поляки и балтийские племена (прусы и литовцы). После неудачных попыток завоевания залабских земель, предпринятых еще в X веке при саксонских королях, систематическое продвижение немцев на восток возобновляется в XII веке. В течение XII—XIV вв. немцы распространяются в северо-восточном направлении на территории, расположенные от Лабы до устья Немана (восточная Гольштиния, Мекленбург, Померания, Пруссия).

Распространение это явилось результатом ряда хищнических военных экспедиций, организованных крупными феодалами северной Германии и рыцарскими орденами («тевтонов» и «меченосцев») под видом «крестовых походов» против язычников, при участии и с благословения церкви, и сопровождалось частичным истреблением местного населения и феодальным порабощением оставшихся. В завоеванных землях крестоносцы «неистовствуют, как испанцы в Мексике и Перу». «Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство» (М а р к с, «Хронологические выписки», Архив Маркса и Энгельса, V, стр. 342-343).

На грабительски захваченных светскими и духовными феодалами землях строились города, как военные и торговые центры, и шла усиленная крестьянская колонизация из всех частей старой Германии. Привлекая на новые земли колонистов-крестьян, крупные князья и мелкие феодалы предоставляли им всевозможные льготы. Крестьянские наделы отводились целыми участками, в то время как на западе господствовала чересполосица, наследие старого общинного землевладения: участки эти (так наз. Königshufe) во много раз превосходили мелкие раздробленные крестьянские наделы западной Германии и предоставлялись колонистам в наследственное владение за сравнительно незначительный денежный оброк (Zins), вместо барщины и других феодальных повинностей старого типа.

Поток немецкой колонизации, связанный с завоеваниями, сужается и ослабевает по мере продвижения на восток. Так, в низовьях Вислы сохранялась чересполосица немецких и славянских поселений, причем последние местами имели сплошной характер и к югу от Гданска (Данцига) разрывали область, заселенную немцами, отделяя Восточную Пруссию от Померании. В восточной части орденских владений в Ливонии (Прибалтике) феодальная экспансия и городская колонизация (Рига, Ревель-Таллин и др.) не сопровождалась колонизацией крестьянской: немцы составляли здесь господствующий класс (дворянство и бюргерство), тогда как крестьяне принадлежали к местному литовскому, латышскому и эстонскому населению, закрепощенному завоевателями.

На крайнем северо-востоке дальнейшие завоевания ордена

меченосцев были остановлены на границе русских земель благодаря храброму сопротивлению новгородцев, которые, под руководством князя Александра Невского, разбили немецких рыцарей на льду Чудского озера (1242 г.).

Несколько иной характер носили попытки продвижения немцев в славянские области к востоку от р. Салы, по среднему течению Лабы, в пределах нынешней Саксонии. Колонизация Верхней Саксонии (называемой так в отличие от Саксонии нижнегерманской) началась уже в X в. и закончилась в XII в. В Силезию, Чехию, Польшу немецкие колонисты проникают, начиная с XII в. Там, где городская колонизация сопровождалась крестьянской, это привело к частичной или полной германизации. Так, часть Силезии оказалась насильственно германизированной уже в XIII в. В Чехии немецкая крестьянская колонизация распространилась по преимуществу на северную полосу и отдельные «островки» (Sprachinseln) внутри страны. Население многих городов стало в связи с этим в значительной части немецким. В XV в. против немцев возникает национальная оппозиция, которая, осложняясь внешне-политическими отношениями и социальной борьбой внутри страны, продолжалась в дальнейшем на протяжении всей чешской истории вплоть до окончательного освобождения от немецкого владычества. В Польше, за исключением западных окраин, средневековая немецкая колонизация была сосредоточена преимущественно в городах, где немецкие купцы и ремесленники пользовались самоуправлением по так называемому «магдебургскому праву».

Значительно раньше начинается продвижение немцев вниз по Дунаю, в нынешнюю Австрию. Карл Великий, после победы над аварами (796 г.), организует здесь Аварскую или Восточную Марку (Ostmark), пограничную территорию, которая получает впоследствии название Ostarrîchi (Österreich) и заселяется в течение IX в. В X—XI вв. немецкие колонисты проникают в Штирию и частично в Каринтию, перемешиваясь с славянским населением. Дальше на юг и юго-восток встречаются лишь отдельные немецкие «острова» (Sprachinseln), из которых наиболее значительными являлись поселения в Трансильвании (так наз. Siebenbürger Sachsen), возникшие в XII—XIII вв.

В племенном отношении население восточной, колониальной части Германии в значительной степени явилось продуктом смешения немецких пришельцев с местным славянским или балтийским населением, которое в основных своих массах не покидало своей родины даже там, где немецкая колонизация сопровождалась, как на севере, военным захватом и истребительными войнами. Об этом свидетельствуют прежде всего многочисленные упоминания о наличии славянского населения в областях немецкой оккупации на протяжении всего позднего средневековья. Так,

мы встречаем «вендов» в XIII в. в окрестностях Любека (1253 г.), в конце XIV в. — в различных частях Мекленбурга. На протяжении XIV—XV вв. в пределах Саксонии (Лейпциг, Цвиккау, Мейссен) и Ангальта издаются распоряжения, запрещающие пользоваться славянским языком на суде. В XVI в. восточная Померания (Hinterpommern) считается полуславянской страной. Славянской остается в это время и вся Лузация (Lausitz), за исключением городских поселений; до настоящего времени здесь сохранился небольшой славянский район по верхнему течению р. Шпре к северу от г. Бауцен, насчитывающий до 100 000 человек, говорящих на лужицком наречии (так наз. лужичане). Такой же славянский островок существовал сравнительно недавно на территории Лüneбурга (в Ганновере), к западу от нижней Лабы; здесь еще в XVIII в. совершалось богослужение на «вендском» языке. В Силезии в конце XVIII в. польский язык был распространен в ближайших окрестностях Бреславля. Таким образом, во всех названных местностях, как и во многих других, сохранялось славянское население, в разное время частично онемеченное, частично смешавшееся с пришельцами. Подтверждением этого служат чрезвычайно многочисленные географические названия славянского происхождения, сохранившиеся во всей восточной Германии, в особенности названия городских и сельских поселений с славянскими окончаниями -itz, -ow, -in, -au (слав. -ава) и др.: например, Strelitz, Ostritz, Graditz, Grabow, Treptow, Wollin, Kammin, Zittau (Цитава) и др. Нередко немецкое название является германизацией первоначального славянского: ср. Brandenburg — Бранный бор, Stargard — Старый град, Leipzig — Липск, Chemnitz — Каменец, Lübeck — Любечь, Pommern — Поморье и т. п. О том же свидетельствуют и славянские фамилии, чрезвычайно распространенные в Пруссии, Саксонии и Австрии и в других частях колониальной Германии. Славянские фамилии носили многие выдающиеся деятели Германии, как, напр., Leibnitz, Virchow, Leskien, Bebel (из польск. Bebło), Lessing (вероятно, из слав. Лесник) и др.

В языковом отношении восточная Германия является как бы продолжением западной и также распадается на нижнегерманскую, средненемецкую и южнонемецкую зону. Однако колониальные говоры по своему происхождению имеют смешанный характер. В заселении восточной Германии принимают участие не только ближайшие соседи, но и выходцы из более отдаленных частей западной и южной Германии, из Голландии и Фландрии, с берегов Рейна, из швабских и баварских земель. На северо-восток кроме саксов направляются и франки: помимо языка, об этом свидетельствуют местные названия типа Frankenfeld, Frankental, Fleming, Flemendorf, Hollendorf и др. (в особенности в Бранденбурге). Восточно-средненемецкие говоры Верхней Саксонии, Силезии, а

также Тюрингии (частично ранее обезлюдившей благодаря набегам славян и реколонизированной с запада и с севера) обнаруживаются целый ряд признаков, указывающих на колониальное смешение нижненемецкого с верхненемецким. К таким признакам относятся, например, начальное *f*- вместо *pf*- (*funt* «*Pfund*», *fanne* «*Pfanne*» и др.), которое диалектолог В. Реде объясняет из колониального смешения бесперебойного *r*- (*rund*, *ranne*) нижненемецких и западной части средненемецких говоров с южнонемецким *pf*- (*pfund*, *pfanne*): при усвоении севернемецкими поселенцами южнонемецкого *pf*-, отсутствующего в их родных говорах, они заменяли его ближайшим сходным звуком *f*-.

Иной характер имела колонизация Австрии, заселенной по Дунаю из соседней Баварии. С точки зрения языка австрийские горы принадлежат к одной группе с баварскими. Трансильванские «саксы» по языку являются франками со среднего Рейна: их диалект относится к мозельской группе (среднефранкский). В Прибалтике до XVIII века засвидетельствован нижненемецкий диалект, но, благодаря отсутствию в этой области немецкого крестьянства, он был рано вытеснен общенемецким литературным языком с незначительной местной (нижненемецкой) окраской (в частности также начальное *f*- вместо *pf*-).

Значительно позже и при других исторических обстоятельствах возникли довольно многочисленные немецкие крестьянские поселения в странах восточной Европы (Венгрии, Польше, России). Большинство этих немецких поселенцев происходило из западной Германии, сильно разоренной в XVIII и в начале XIX вв. в результате длительных пограничных войн с Францией. Благодаря изолированному островному положению поселений в иноязычном окружении и обычно привилегированному положению «колонистов» по сравнению с местным крепостным крестьянством, они почти всюду сохранили свои родные диалекты, среди которых первое место занимают пфальцский, швабский, гессенский, южнофранкский. Там, где поселенцы происходили из разных частей Германии, образовались смешанные говоры новейшего происхождения, представляющие по характеру своего образования известные аналогии со смешанными колониальными говорами восточной Германии.

С конца XVII в. немецкие поселения создаются также в Северной Америке (наиболее значительные из них — в Пенсильвании). Их диалект (пфальцский) носит название *Pennsylvania-Dutch*.

Немецкая военная экспансия и колониационное продвижение на восток («*Drang nach Osten*»), сопровождавшиеся грабительским захватом и заселением исконно славянских и литовских земель, сделали прямую угрозой для существования этих народов, в особенности после возвышения Пруссии (XVIII—XIX вв.),

основавшейся на территории Тевтонского ордена как военно-крепостническое, юнкерское государство, унаследовавшее традиции «рыцарей-псов» (Маркс) в их борьбе со славянством. Нашествие гитлеровских варваров в 1939—1942 гг. поставило народы восточной Европы перед опасностью окончательного экономического и политического порабощения и физического истребления завоевателями. Героическая борьба Советской Армии и всего советского народа против гитлеровских захватчиков освободила славянские и балтийские народы от этой страшной угрозы. В настоящее время, согласно решению Потсдамской конференции (1945), земли к востоку от Одры, захваченные немцами, возвращены их исконным насельникам и владельцам.

§ 10. Ранний нововерхненемецкий (XIV—XVI вв.) является периодом образования письменной нормы немецкого национального языка. «Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нацию» (И. В. Сталин, «Марксизм и национальный вопрос», Сочин., т. II, стр. 303). Вместе с образованием нации впервые возникает и национальный язык как «общий язык» нации, преодолевший обособленность поместно-территориальных говоров периода феодальной раздробленности.

Предпосылкой образования национальных языков является разложение феодальных отношений, развитие городской промышленности и торговли, рост городов с их смешанным составом населения, освобожденного от прикрепления к земле и более подвижного по характеру своей деятельности, и оживление межтерриториальных связей, обусловленное развитием товарного хозяйства. В соответствии с потребностями начинающегося капиталистического развития абсолютная монархия проводит территориально-политическое объединение внутреннего рынка и на развалинах потерявших свою самостоятельность феодальных территорий создает национальные государства нового типа, с централизованным бюрократическим аппаратом, наемной армией, организованным налоговой системой. В этих исторических условиях возникает общий национальный язык, в основе которого обыкновенно лежит смешанный по своему происхождению диалект главного экономического, политического и культурного центра национального государства (язык Лондона, Парижа и т. д.), зафиксированный в памятниках национальной литературы. Но, выступая с претензией на общенациональную значимость, язык в условиях классового общества фактически не может осуществить эту тенденцию. Широкие крестьянские массы продолжают говорить

на диалектах, сохраняющих территориальную раздробленность, характерную для предшествующей стадии языкового развития. Только в эпоху социализма, с уничтожением классовых противоречий, национальный язык становится в подлинном смысле всенародным, как национальная форма новой, социалистической культуры.

В то время как передовые страны Запада в XIV — XVI вв. завершают процесс экономического и политического объединения в национальные государства нового типа, в Германии к середине XIII в., после периода феодальных междоусобиц, происходит крайнее ослабление центральной государственной власти феодального типа («Священная Римская империя»), и на ее месте вырастают крупные княжеские территории, своего рода абсолютные монархии в малом масштабе, конкурирующие между собой в борьбе за политическую гегемонию. Рядом с ними сохраняется, в особенности на Западе, огромное множество мелких и мельчайших самостоятельных феодальных владений (имперских графов и рыцарей). Многочисленные города, вырастающие в XIII — XV вв. и носящие в себе зачатки будущего капиталистического развития, расположены по преимуществу по окраинам страны, по Рейну и Дунаю, Северному и Балтийскому морям; их экономические интересы направлены в разные стороны; будучи в значительной степени передаточными пунктами для чужеземных товаров, они гораздо менее заинтересованы в объединении внутреннего рынка, чем города английские и французские, и поэтому лишь очень вяло поддерживают центральную власть в ее попытках территориально-политического объединения империи.

Как известно, социальные бури эпохи реформации (первая половина XVI в.) не закончились национальным объединением Германии, хотя идея эта выдвигалась в разной форме и крестьянской революцией (1524—1525 гг.) и рыцарским восстанием (1522 г.). Немецкое бюргерство, испугавшись крестьянского движения, в лице своего идеолога Лютера переходит на сторону князей. «Недостаточное промышленное, торговое и сельскохозяйственное развитие Германии», говорит Энгельс, «делало невозможным всякое объединение немцев в единую нацию... оно допускало лишь местную и провинциальную централизацию... поэтому носители этой централизации в общем расщеплении, князья, составляли единственное сословие, на пользу которому должно было пойти всякое изменение общественных и политических отношений» («Крестьянская война в Германии», Собр. соч., т. VIII, стр. 195). Во второй половине XVI в. города теряют свое политическое значение вследствие хозяйственного кризиса, вызванного упадком немецкой торговли в связи с перенесением торговых путей из Средиземного моря в Атлантический океан. В этих новых условиях развития мирового хозяйства Германия XVII в. теряет уже завоеванные по-

зиции; экономический и политический упадок усугубляется катастрофой Тридцатилетней войны, которую ведут на территории Германии и отчасти ее силами конкурирующие между собою соседние национальные государства. Тридцатилетняя война завершает политический распад империи; постановления Вестфальского мира (1648 г.) узаконили политическую раздробленность Германии на 300 и более вполне самостоятельных и суверенных княжеских территорий, помимо которых относительной самостоятельностью должны были пользоваться 50 имперских городов и более 1500 имперских рыцарей. Лишь в XVIII в. начинается медленный подъем производительных сил Германии, подорванных на целое столетие военной катастрофой. Но только во второй половине XIX в. с дальнейшим ростом капиталистических отношений совершается государственное объединение Германской империи (1871 г.).

Благодаря длительному сохранению феодальной раздробленности и общей отсталости общественного развития Германии в период позднего средневековья, процесс образования немецкого национального языка происходит гораздо медленнее, чем в передовых западных странах, растягиваясь в целом на время от XIV до XIX вв. Если основы письменной нормы национального языка заложены уже к XVI в. (эпоха реформации), то унификация языка разговорного даже господствующих классов может считаться законченной только во второй половине XIX в.

Характерной особенностью языкового развития Германии в начальный период образования новонемецкого национального языка является письменный, книжный характер языковой нормализации, при сохранении значительных различий в устной речи всех общественных групп. Экономическая и политическая децентрализация Германии, недостаточная интенсивность межтерриториальных связей и сношений, отсутствие единого центра страны, подобного Парижу и Лондону, — все эти обстоятельства должны были помешать непосредственной унификации разговорного языка в процессе живого обмена и смешения. В основе развития немецкого национального языка лежит не разговорный язык крупнейшего городского центра, нормализованный с помощью письменности, а письменный язык городских и княжеских канцелярий, язык печатников, язык лютеровской библии и клерикальной литературы эпохи реформации, язык грамматиков-нормализаторов, язык буржуазной национальной литературы XVIII — XIX вв. Эти пять основных этапов истории новонемецкого письменного языка определяют последовательную унификацию разговорного языка господствующих классов, которая следует со значительным отставанием за письменной нормой, в тех широких границах, в которых письменная норма может наметить объединение разговорных диалектов.

Существенной предпосылкой развития национальных языков является национализация письменной публичной речи. Национализация и секуляризация просвещения в нарождающемся буржуазном обществе способствуют вытеснению клерикальной латыни с командных высот культурной жизни: национальные языки постепенно утверждаются в государственных и частных правовых актах, в административной канцелярской переписке, в школьном преподавании, в науке, частично в церкви и в религии, по крайней мере — в протестантских странах.

В Германии первые юридические грамоты на немецких диалектах появляются в сороковых годах XIII в. (в эпоху так наз. «междоусобицы»), а к шестидесятым годам число их заметно увеличивается. Среди этих грамот на первом месте стоят документы частногоправового характера, число которых с ростом товарного хозяйства в эту эпоху быстро растет. Переход на народный язык вызывается необходимостью сделать такой документ доступным для сторон. Во главе движения идут городские канцелярии, отчасти — в сделках с рыцарями, мелкими дворянами-землевладельцами. В городах появляются писцы и нотариусы из местных юристов, постепенно вытесняющие клириков; в XIV в. организуются первые городские школы, в которых обучают немецкой грамоте. В XIII в. ряд городов кодифицирует на немецком языке местное городское право: пример был дан около 1225 г. в Галле «Саксонским Зерцалом» Эйке фон Репкове, написанным на нижненемецком языке (см. стр. 44), за ним последовали Магдебург (середина XIII в.), Любек (1260—1270 гг.), Фрейбург (1275 г.) и др. В XIV в. появляются городские хроники на немецком языке (первая — в Страсбурге). Канцелярии крупных князей, в особенности духовных, отстают от этого движения, продолжая пользоваться услугами клириков. В восьмидесятих годах XIII в. немецкие грамоты уже неоднократно встречаются в императорской канцелярии Рудольфа Габсбурга. Но окончательно императорская канцелярия переходит на немецкий язык при Людовике Баварском, в двадцатых годах XIV в., во время ожесточенной борьбы империи против папства. В этой борьбе император делает попытку опереться на города, поощряя своей культурной политикой секуляризационные и национальные тенденции немецкого бюргерства.

Первоначально грамоты пишутся на местных наречиях. Однако уже в начале XIV в. можно констатировать наличие известного нормирующего влияния, исходящего из более крупных и авторитетных городских центров. Первая попытка сознательной нормализации немецкого канцелярского языка исходит от императорской канцелярии Карла IV Люксембурга в Праге. Быстрое экономическое развитие Чехии в XIV в. было вызвано главным образом разработкой серебряных рудников в Кутной Горе (Куттенберге). Благодаря производительности Куттенберга в

Чехии стали развиваться торговля и промышленность. Чешский король Карл I (1346—1378 гг.), избранный императором «Священной Римской империи» под именем Карла IV, является первым монархом особого типа, характерного для ранних этапов развития абсолютной монархии: не воином-феодалом, а расчетливым дипломатом и купцом. Опираясь на раннее капиталистическое развитие Чехии, материальные ресурсы которой доставили ему императорскую корону, он создает на своей территории централизованное государство с сильной королевской властью, организованными финансами, многочисленным чиновничеством; он заботится о поднятии торговли и промыслов, о поддержании и проведении путей сообщения; он покровительствует искусствам и науке (строительство Праги, основание первого в империи Пражского университета как будущего рассадника образованного чиновничества); разыгрывая роль мецената, он поддерживает личные связи с культурными деятелями раннего Ренессанса в Италии (Петрарка). Под влиянием гуманизма стоят и реформы в организации императорской канцелярии в Праге, которые проводит ближайший сотрудник Карла IV, его канцлер Иоганн фон Неймарк, епископ Оломуцкий (Ольмюцкий). С этого времени язык императорской канцелярии, как и ее строгие процессуальные формы, становятся образцом для германских князей и городов.

Основные диалектологические признаки нового канцелярского языка характерны для смешанного, колониального по своему происхождению немецкого говора Праги, объединяющего диалектальные особенности говоров средненемецких и южнонемецких.

1. Дифтонгизация долгих гласных: mhd. *î, û, iu* [y:] > *ei* [ai], *au, eu* [ɔi]; например, mhd. *îs* > *Eis*, *hûs* > *Haus*, *liute* > *Leute*: явление южнонемецкое (с XII — XIII вв. в Австрии и Баварии).
2. Стяжение старых дифтонгов: mhd. *ie, uo, ûe* > *î* (ie), *û*, *Û*; например, mhd. *liêp* > *lieb* [li:p], *guot* > *gut*, *mûede* > *mûde*: явление средненемецкое (с XI — XII вв.).
3. Расширение дифтонгов: *ei, ou* > *ei* [ai], *au*; например, mhd. *breit* > *breit* [brait], *ouge* > *Auge*: расширение — явление южнонемецкое (в Баварии с XII в.), сохранение *ei* в языке пражской канцелярии — средненемецкий признак.
4. *pf* вместо *p* по II перебою согласных — *pfund*, *arfel*, *korpf* (вместо *rund*, *appel*, *korpp*): только в южнонемецком. Объединение этих признаков, впервые намечающееся в письменных памятниках канцелярии Карла IV, определяет основу фонетической структуры немецкого национального языка (см. ниже § 19).

На протяжении XV в. наблюдается проникновение новой письменной нормы в канцелярскую практику городов и князей по преимуществу средней и западной Германии. В начале XVI в. она утверждается в городах среднего Рейна — в Майнце, Франкфурте, Вормсе, Шпейере; несколько раньше, в конце XV в., — в Аугсбурге и Нюрнберге. Особенно важно присоединение с

конца XV в. канцелярии саксонского курфюрста к новому типу языка. Саксонская канцелярия становится в XVI в. ведущим звеном языкового объединения, главным проводником того средненемецкого типа письменного языка, основы которого были заложены пражской канцелярией.

В XV—XVI вв. Саксония выдвигается как передовой участок промышленного развития Германии. Быстро развиваются рудники тюрингенские и саксонские, обгоняя чешские. Растут города как центры торговли и ремесел (Эрфурт, Галле, позже Лейпциг). Благодаря своим доходам саксонские князья начинают играть ведущую роль во внутренних делах империи. Курфюрст саксонский Фридрих возглавляет княжескую оппозицию против императора Карла V. Он достаточно силен, чтобы защитить Лютера как своего подданного от папы и императора, предоставить ему убежище на своей земле и использовать бюргерскую реформацию в интересах княжеского абсолютизма. Всеми этими условиями объясняется роль Саксонии в лютеранской реформации и самого Лютера в истории образования немецкого национального языка. Свое положение передовой в экономическом и культурном отношении территории Саксония сохраняет и в XVII—XVIII вв. до Семилетней войны. Саксония XVIII в. является главной промышленной территорией Германии, а Лейпциг уже в XVII в. опережает города западной Германии, как крупный торговый центр. Саксонские университеты (Виттенберг, Иена и в особенности Лейпциг — один из старейших в Германии, основанный уже в 1409 г.) становятся в XVII в. главными центрами протестантской образованности, обслуживающими всю лютеранскую северную и среднюю Германию. Культурной гегемонией Саксонии в протестантской северной и средней Германии определяется ее руководящая роль в вопросах литературных и языковых на ранних стадиях буржуазного развития Германии (до середины XVIII в.).

С другой стороны, XV в. приносит образование нового, конкурирующего центра языкового объединения в юго-восточной Германии. В первой половине XV в. Чехия теряет свое господствующее положение в империи: быстро назревшие социальные противоречия, осложненные национальной борьбой чехов против немцев, создают революционную ситуацию гуситских войн (1419—1436 гг.). Политические и социальные катастрофы этого времени ведут к потере императорской власти династией Люксембургов. Императорская корона переходит к австрийским Габсбургам, политический центр империи передвигается на юго-восток; вместе с тем императорская канцелярия переносится из Праги в Вену (1438 г.). Язык венской канцелярии, в основных чертах совпадающий с пражским (новые дифтонги, южнонемецкое *pf*), обнаруживает, однако, некоторые местные (южные) признаки: 1) написания *ÿ*, *ÿ̄* вместо *u*, *ü*, соответствующие дифтонгическому произноше-

нию *ie*, *uo*, *üe*, сохранившемся в южнонемецких диалектах; 2) написание *ai* вместо *ei*, соответствующее южнонемецкому расширению *ei* > *ai*: например, *Klaid*; 3) *p* вместо *b* в начале слова, связанное с потерей звонкости по II перебою в южнонемецких диалектах: например, *prait*, *pin* вместо *breit*, *bin*; 4) отпадение конечного неударного *-e* в соответствии с более сильной редукцией в южнонемецких говорах (там, где восточно-средненемецкие диалекты, например, саксонский, сохраняют *-e*): *die Kron*, *der Nam*, *die Sonn* и т. д. К этому венскому типу канцелярского языка примыкают теперь южнонемецкие города. При императоре Максимилиане I (1493—1519 гг.) усиление Австрии и попытки более прочного объединения империи придают «императорской» норме известный авторитет, поддержанный заботой самого Максимилиана и его ближайших сотрудников (канцлера Циглера) о развитии письменного языка.

Так создаются два близких, но конкурирующих типа будущей нормы письменного языка. Их борьба продолжается до XVIII в., отражая соперничество двух экономических, политических и культурных центров восточной Германии, будущих протестантских и католических земель.

Изобретение книгопечатания в середине XV в. создает новое могучее орудие языковой унификации. Книгопечатание впервые дало возможность стереотипного воспроизведения письменного памятника в сотнях и тысячах экземпляров и тем самым широчайшего территориального воздействия его письменной формы. С другой стороны, печатники крупных центров книжного производства (Аугсбург, Нюрнберг, Лейпциг, Франкфурт, Страсбург, Базель), как своего рода мелкие капиталистические предприниматели, были максимально заинтересованы в том, чтобы книги, напечатанные для сбыта во всей Германии, были доступны по своей языковой форме за пределами города, на языке которого говорит данный автор или печатник. Поэтому крупные центры книгопечатания вели свою собственную языковую политику, направленную к нормализации написания, ориентируясь на традиции авторитетных княжеских канцелярий (императорской и саксонской).

Обособленной языковой жизнью продолжает жить крайний юго-запад империи — Эльзас и Швейцария: здесь к началу XVI в. уже наметились те тенденции экономического и политического развития, которые приведут к обособлению этих территорий, а со временем и к полному отделению от империи. Диалекты Эльзаса и Швейцарии сохраняют до сих пор средневековые дифтонги *ue*, *io* (mhd. *uo*, *ie*) и старые долгие гласные *i*, *ü* (*ÿ*). Письменный язык этих областей в начале XVI в. характеризуется теми же явлениями — прежде всего сохранением старых недифтонгированных долгих гласных: *is*, *hūs* и т. д. Развитию местной «верх-

нерейнской» письменной нормы («oberrheinische Schriftsprache») в Страсбурге и Базеле способствует высокий уровень литературного творчества бюргерства в условиях общего подъема экономической и культурной жизни верхнерейнских городов. В Эльзасе протекает литературная деятельность Себастьяна Бранта («Das Narrenschiff», 1494 г.) и Томаса Мурнера («Die Narrenbeschwörung», 1512 г., «Die Gäuchmatt», 1519 г. и др.), авторов сатирико-дидактических поэм во вкусе немецкого бюргерского гуманизма. Оба пишут и печатают на местном «верхнерейнском» литературном диалекте. Но характерно, что нюрнбергский издатель Бранта (1494 г.) переводит его поэму на «общенемецкий» язык, выправляя ее в соответствии с новой письменной нормой.

В конце XV и в начале XVI вв. можно найти свидетельства о существенных изменениях в живом разговорном языке городского общества (его высших слоев), ориентированных в сторону большей «правильности», т. е. усвоения складывающейся письменной нормы. Однако эти сдвиги пока еще не слишком значительны. По словам Лютера, «в Германии существует много разных диалектов, т. е. способов говорить, так что люди на расстоянии 30 миль не понимают друг друга, австрийцы и баварцы не понимают тюрингцев и саксонцев, особенно же нижних немцев»; и в другом месте: «например, баварцы не понимают саксонцев, особенно же те, которым не приходилось путешествовать, и даже баварцы не всегда, как следует, понимают друг друга, — те, кто грубые баварцы». В этом свидетельстве, относящемся к первой половине XVI в., характерно указание на наличие крайней территориальной расчлененности разговорного языка и глубоких различий между диалектами: и то и другое явление типично для феодальной раздробленности Германии. С другой стороны, существенно указание на социальные различия: «грубые» баварцы, по словоупотреблению того времени, — крестьяне. Крестьяне в эту эпоху начинают выступать как главные носители диалектальных различий.

§ 11. Наиболее существенным этапом в фиксации нормы немецкого письменного языка является период реформации и деятельность Мартина Лютера (1483 — 1546 гг.). По словам Энгельса («Диалектика природы», Собр. соч., т. XIV, стр. 476), «Лютер вычистил не только авгиевы конюшни церкви, но и конюшни немецкого языка, создал современную немецкую прозу и сочинил текст и мелодию того пропитанного чувством победы хорала, который стал марсельезой XVI века» (протестантский религиозный гимн: «Eine feste Burg ist unser Gott»). Эта личная инициатива Лютера должна быть осмыслена в свете действия тех исторических процессов, которые сделали борьбу за национальный язык и за его объединение одним из

существенных идеологических мотивов социальных столкновений эпохи реформации.

Реформация была для Германии эпохой великих социальных потрясений революционного характера, всколыхнувших все общественные классы и сделавших вопросы общественно-политические (в характерной для того времени религиозной оболочке) предметом страстных споров и обсуждения широких народных масс. Тем самым старая академическая форма латинского богословского трактата, доступного лишь узкой группе профессиональной интеллигенции средних веков — ученым клирикам, специалистам-теологам, заменяется новым жанром — религиозно-политическим памфлетом на немецком языке, агитационно-политической брошюрой, стихотворной или прозаической «агиткой», воззванием или диалогом, обращенным к широкой общественности и защищающим противоборствующие экономические и политические интересы различных общественных групп. С такими немецкими брошюрами агитационного характера одинаково выступает Лютер — представитель умеренной бюргерской реформации, Ульрих фон Гуттен — идеолог мелкого феодального дворянства («имперских рыцарей») и Томас Мюнцер — вождь революционных крестьян и городских плебейских масс. Религиозно-политическая борьба делает своим орудием и художественную литературу: с одной стороны, из католического лагеря выступает гуманист Т. Мурнер с сатирой против «великого лютеровского глупца» («Von dem grossen lutherischen Narren», 1522 г.), с другой стороны — нюрнбергский мастерзингер Ганс Сакс сочувственно приветствует «виттенбергского соловья» (1523 г.) и в диалоге между попом и сапожником («Disputation zwischen einem Chorherrn und einem Schuhmacher») защищает право мирянина читать Библию и рассуждать о делах веры. Внешним признаком идеологического возбуждения, характерного для революционной эпохи, является рост числа немецких печатных книг, отчетливо обозначившийся с 1517 г. (первое выступление Лютера против папы) и достигающий апогея в годы рыцарского восстания и крестьянской войны (1521 — 1524 гг.). В 1500 г. напечатано было всего 80 немецких книг, в 1518 — 150, в 1524 — 990. По подсчетам Клуге, за пять лет, 1518 — 1523 гг., напечатано было значительно больше немецких книг, чем за первые 50 лет от начала книгопечатания.

Борьба против феодализма и римской церкви принимает характер национального движения. В политическом отношении это движение не привело к национально-политическому объединению Германии. Тем не менее победа бюргерской, умеренной лютеранской реформации в значительной части северной и средней Германии и во многих крупных городских центрах южной Германии (Аугсбург, Нюрнберг, Страсбург и др.) оказала существенное

влияние на судьбы немецкого языка. В соответствии с идеологией бюргерской реформации эта победа привела прежде всего к переводу просвещения (вначале — преимущественно клерикального) на родной язык, сделав его доступным широким слоям городского населения. Тем самым наметились новые пути для широкого распространения книжной, письменной языковой нормы и новые возможности непосредственного влияния этой нормы на разговорный язык «образованного общества», т. е. прежде всего социальной верхушки бюргерства. В этих условиях язык лютеровской библии, его катехизиса и церковных песен, трактатов и посланий приобретает особое значение в закреплении письменной, а впоследствии и устной нормы национального языка.

В области грамматической структуры этого языка Лютер не был новатором: он примыкает к норме, установившейся в саксонской канцелярии. Известны его собственные слова: «Я не имею своего особого немецкого языка, я пользуюсь общим немецким языком (ich brauche der gemeinen deutschen Sprache) так, чтобы меня одинаково понимали южане и северяне (Ober- und Niederländer). Я говорю на языке саксонской канцелярии (ich rede nach der Sächsischen Canzlei), которой следуют все князья и короли Германии; все имперские города и княжеские дворы пишут на языке саксонской канцелярии нашего князя, потому это и есть самый общий немецкий язык (die gemeinste deutsche Sprache)». Сам Лютер был уроженцем восточной Тюрингии, области, непосредственно примыкающей к Саксонии и династически с нею объединенной. Он был профессором саксонского университета в Виттенберге и выступал под покровительством саксонского курфюрста Фридриха, возглавлявшего княжескую оппозицию против императора и лютеранскую партию. Местные особенности языка, характеризовавшие ранние работы Лютера, отпадают в ту эпоху его деятельности (1524—1532 гг.), которая окончательно связала его с Саксонией, как вождя умеренной бюргерской реформации, проводимой в союзе с князьями. С этого времени, по условиям, указанным выше, Саксония становится не только политическим и культурным центром лютеранской Германии, но также приобретает особый авторитет в вопросах нормализации языка.

Если язык Лютера в грамматическом отношении не является новшеством, то он, с другой стороны, не последняя ступень развития общенемецкого письменного языка. До середины XVII в. происходит ряд частичных изменений в орфографии и грамматике, благодаря которым некоторые особенности языка Лютера воспринимаются уже как архаизмы: написания типа *eddel*, *fedder*, *odder*, свидетельствующие о краткости гласного перед конечным сонорным (см. стр. 103); слабое склонение женского рода на *-en* в косвенных падежах единств. числа: *der zungen*, *der sonnen*

и т. д. (см. стр. 168); настоящее время второго ряда сильных глаголов на *-en* во 2-3 л. ед.: *du kreichst*, *er zeucht* (ср. стр. 222); сохранение различия в вокализме ед. и множ. сильного прошедшего: *ich reit* — *wir ritten*, *ich beisz* — *wir bissen*, *ich sang* — *wir sungen*, *ich warf* — *wir wurfen* (ср. стр. 230) и некоторые другие.

Грамматическая норма канцелярий и печатников определила только формальную структуру языка Лютера. Словарный материал, которым он пользуется, не мог, по самому своему содержанию, восходить к языку канцелярских, т. е. юридических, документов. В этом вопросе Лютер выступает как противник канцелярского стиля в защиту буржуазно-демократической языковой политики, приближающей письменный язык к народной речи: «Не следует спрашивать буквы латинского языка, как надо говорить по-немецки, следует спрашивать о том мать семейства (*die Mutter im Hause*), детей на улице, простого человека (*den gemeinen Mann*) на рынке и смотреть им в рот (*denselbigen aufs Maul sehen*), как они говорят, и соответственно с этим переводить, тогда они уразумеют и заметят, что с ними говорят по-немецки».

В соответствии с этим принципом Лютер в своем переводе библии и в других сочинениях широко черпал словарный материал из народной речи той части Германии, в которой он вырос и воспитался, т. е. из восточно-средненемецких говоров Тюрингии и Саксонии, граничащих с нижненемецкой областью. Восточно-средненемецкие диалекты, смешанные по своему происхождению, включают целый ряд лексических элементов нижненемецкого, проникших таким путем из языка Лютера в общенемецкий литературный язык. Словарь Лютера был наименее понятен для его читателей в западной и южной Германии, так как формальные, фонетические и грамматически унифицирующие тенденции канцелярий и первых печатников почти не затрагивали словарной синонимии территориальных диалектов. Первые издания лютеровской библии в Страсбурге, Аугсбурге, Базеле (1523 г.) сопровождаются словарями, переводящими Лютера «на наш верхненемецкий язык» (*auf unser hochdeutsch*). Особенным успехом пользовался словарь при библии, изданной Адамом Петри в Базеле, заключавший 200 слов и переиздававшийся несколько раз. Словари эти позволяют проследить начало процесса лексической унификации немецкого языка. Ср. лютеровское *beben* — южн. *bidmen* («дрожать»), лютер. *bunt* — южн. *gespräckelt*, *gescheckt* («пестрый»), лютер. *Hügel* — южн. *Bühel* («холм»), лютер. *Lippe* — южн. *Lefze* («губа»), лютер. *Pfuhl* — южн. *Teich* («пруд»), лютер. *Gefäß* — южн. *Geschirr* («сосуд») и др. В большинстве приведенных случаев в современном языке победили слова, представленные у Лютера, вытеснив конкурирующее западное или южное слово в сферу диалекта.

§ 12. Норма письменного языка, окончательно закрепленная Лютером, не сразу получает признание во всей Германии. Языковая борьба продолжается во второй половине XVI и в XVII вв. и завершается только в конце XVIII в. вместе с созданием буржуазной национальной литературы. Распространение новой нормы происходит в разных частях Германии не одинаково равномерно, в соответствии с хозяйственной и политической раздробленностью Германии, противоположностью экономических и культурных связей и интересов юга и севера, усугубленной религиозным расколом реформации и последующей борьбой католических и протестантских земель.

В центральной и западной части языковое объединение, наметившееся уже до Лютера, завершается очень быстро, по крайней мере в области письменного языка. Напротив, юго-восток (Бавария и Австрия) надолго замыкается в своем языковом своеобразии: здесь попрежнему господствует письменная норма императорской канцелярии, правда — в грамматическом отношении не столь отличающаяся от лютеровской нормы (р- вместо b-; ai вместо ei; ð ð; отпадение конечного -e и др.). В конце XVI и в начале XVII в. Бавария и Австрия становятся главным оплотом католической реакции. Идеологическая борьба против лютеранства соединяется с вопросами языковой политики в католических переводах Библии, ориентированных на норму «императорского» языка, из которых наибольшей известностью пользуется так наз. «Ингольштатская Библия» главного теоретического противника Лютера, баварского профессора Эка (1537 г.). Языковое обособление Баварии и Австрии поддерживается растущим политическим обособлением юго-востока от средней и северной Германии и связанным с ним религиозно-политическим антагонизмом, особенно резко сказавшимся во время Тридцатилетней войны. Борьба Пруссии и Австрии в XVIII — XIX вв. продолжает и углубляет этот исторический конфликт. В области письменного языка местные особенности сохраняются до середины XVIII в. как традиция «императорского» языка. Против «саксонского» конечного -e («e Saxonism»), как «лютеровской ереси», выступает еще в 1755 г. католический патер Дорнблют, полемизируя с Готтшедом, защитником саксонской нормы и языковой унификации. В разговорной форме литературного языка в Австрии до конца XIX в. сохранялась очень заметная местная окраска произношения; в более слабой форме она существует и в наше время.

Языковая самостоятельность сказывается отчетливо и в немецкой Швейцарии, где она также опирается на экономическое и политическое обособление, которое приводит в период Тридцатилетней войны к окончательному выделению Швейцарии из имперского единства. Бюргерская реформация имеет результатом в немецкой

Швейцарии, как и в Германии, перевод религиозного просвещения на родной язык; но языковая форма национального просвещения дается здесь переводом Библии цюрихского реформатора Цвингли (1524 г.). Этот перевод примыкает к традиции местного верхнерейнского письменного диалекта, который сохраняет старые долгие гласные и целый ряд других архаических и местных особенностей в грамматике и словаре. Цюрихская Библия Цвингли становится в реформатской церкви Швейцарии канонической книгой, как Библия Лютера в лютеранской части Германии. Тем не менее в конце XVI в. и в первой половине XVII в. новые формы языка постепенно проникают в обиход швейцарских канцелярий. Цюрихская Библия, после продолжительной полемики, переводится на общенемецкий язык в 1660 г. В XVIII и XIX вв. швейцарцы принимают деятельное участие в создании немецкой буржуазной литературы: в XVIII в. Бодмер и Брейтингер, Галлер, Лафатер и др. пишут на общенемецком языке, хотя и не без некоторых местных особенностей, в защиту которых против диктатуры «саксонца» Готтшеда выступают с принципиальными возражениями именно швейцарские критики Бодмер и Брейтингер; швейцарские писатели середины XIX в., Готфрид Келлер, К. Ф. Мейер и др., уже свободны от таких особенностей. Однако разговорный язык швейцарской буржуазии сохранил до нашего времени ярко выраженный диалектальный характер: «Schwyzler düttsch» («швейцарско-немецкий») является своего рода диалектальным общим языком, который, с значительными местными вариациями, царит в языковом обиходе образованного швейцарца во всех случаях, кроме официальных (церковь, школа, парламент, театр), где, однако, тоже достаточно ярко выступает местная окраска общенемецкого литературного языка.

Самым важным завоеванием немецкого национального языка в XVI — XVII вв. является обширная область нижненемецких диалектов (niederdeutsch). Языковые влияния южной Германии на северную, поддержанные авторитетом передовых в экономическом и культурном отношении верхненемецких земель, продолжают непрерывно с конца VIII в., эпохи саксонских войн Карла Великого. Для языковых отношений XVI в. характерно употребление смешанного письменного диалекта, возникшего из неумелой попытки приблизить родной нижненемецкий к новой верхненемецкой норме: так наз. «missingsch» — «латунный» язык, вероятно, как переосмысление слова «meißnisch» — «мейссенский» (по считавшемуся образцовым «саксонскому» языку г. Мейссена). В начале XVI в. отдельные канцелярии, в особенности — в тех частях северо-восточной Германии, которые издавна поддерживали торговые и культурные связи с соседней Саксонией (Магдебург, Берлин), переходят на верхненемецкий. Тем не менее на протяжении ста лет (1522—1621 гг.) насчитывают

15 различных изданий лютеровской библии на нижненемецком. К этому времени относятся также последние примеры церковной проповеди на нижненемецком. В канцеляриях этот процесс завершился около 1600 г. Характерно, что севернонемецкая драматическая литература конца XVI в. — начала XVII в. пользуется нижненемецким только для речевой характеристики социально-«низких» комических персонажей. Это показывает, что к тому времени нижненемецкие диалекты опустились в социальной оценке господствующих классов до положения «простонародных» говоров. Термин «Plattdeutsch», появляющийся в конце XVII в. (1691 г.), обозначает в буквальном смысле язык немецкой низменности («нижненемецкий»), но вместе с тем он переосмысливается как социально-«низкий» язык («Platt») в противоположность верхненемецкому («Hochdeutsch»), понимаемому как язык социальных «верхов».

Приобщение северной Германии к языковому объединению немецкого национального языка сыграло существенную роль в установлении господствующей ныне в немецком национальном языке произносительной нормы. Верхненемецкий национальный язык (Hochdeutsch), в его письменной форме, явился для севернонемецкого бюргерства «чужим языком»; благодаря книжному характеру процесса усвоения и отсутствию точек соприкосновения с местными говорами, в разговорной речи верхов буржуазного общества северной Германии установилась та образцовая, ориентированная на письменную норму «чистота» произношения, которая не встречается в средней и южной Германии, где местные верхненемецкие говоры, более близкие к литературному языку, по-разному, но всюду достаточно заметно окрашивают разговорную речь. Уже в XVIII в. грамматики отмечают образцовый характер произношения в высших слоях городского общества северной Германии. В конце XIX в. фонетист К. Виетор (K. Viëtor) выдвигает формулу образцового немецкого произношения: «верхненемецкая языковая форма в нижненемецком произношении» («hochdeutsche Sprachform in niederdeutscher Aussprache»). Это касается в особенности произношения звонких b, d, g, s [z], которые в большинстве верхненемецких говоров и даже в обязательном произношении литературного языка заменяются слабыми глухими (lenes) и частично смешиваются с p, t, k, ss [s], тогда как в нижненемецком произношении имеются оба ряда согласных, как в письменном языке (см. стр. 139), а также — сохранения лабиализации в гласных ö, ü, eu, которые в средней и южной Германии произносятся как e, i, ai (см. § 19). Для средней и южной Германии звонкие согласные и лабиализованные гласные, исчезнувшие в живом произношении, оставались, в сущности, архаизмами орфографии, отставшей от новых произносительных навыков; напротив, в северной Германии ориентированное на орфографию произно-

шение, имея возможность опереться на фонетические особенности местных диалектов, сохранило эти звуки в языковой практике усвоивших литературную норму высших классов. В XIX в., в соответствии с экономической и культурной гегемонией северной Германии, этот северно-немецкий тип произношения литературного языка, поддержанный орфографией, заново насаждается в верхненемецких областях через книгу и школу. В настоящее время он окончательно канонизован в так наз. «сценическом произношении» — «Bühnendeutsch» (см. § 14).

§ 13. Существенная роль в унификации немецкого национального языка XVI—XVIII вв., сперва в его письменной, потом и разговорной форме, принадлежала сознательным усилиям теоретиков в языке, грамматиков-нормализаторов. Грамматические трактаты, посвященные немецкому языку, появляются в большом числе начиная с XVI в., сперва — в целях инструкции писцам канцелярий, несколько позже — для обучения грамоте и письму в элементарном школьном преподавании, ориентированном на библию и катехизис, или как пособие для иностранцев; еще позже, в XVII — XVIII вв., — с установкой на обработку литературного языка и в связи с деятельностью возникших в эту эпоху языковых академий («Sprachgesellschaften»), стремившихся поднять значение немецкого языка созданием национальной литературы по классическим образцам. Языковая обособленность католического юго-востока и Швейцарии отчетливо проявляется в обосновании и защите местных письменных диалектов, в Швейцарии — до середины XVII в. (Joh. Kolross, 1530 г., Н. J. Redinger, 1656 г.), в Баварии и Австрии — до первой половины XVIII в. (J. V. von Antesperg, 1747 г.). Характерно совершенное отсутствие нижненемецких грамматических трактатов, свидетельствующее о ранней потере социальной значимости нижненемецкими диалектами. Наиболее авторитетные грамматики ориентируются на письменную норму языка лютеровской библии. В XVI—XVII вв. таким авторитетом пользуется Клаус, автор написанной по-латыни «Грамматики немецкого языка, выбранной из немецкой библии Лютера и других его книг» (Clajus, «Grammatica germanicae linguae, ex Bibliis Lutheri germanicis et aliis eius libris collecta», Лейпциг, 1578 г.). Во второй половине XVII в. ее заменяет грамматика Шоттеля, руководящего деятеля одного из «языковых обществ» (J. G. Schottelius, «Ausführliche Arbeit von der teutschen Haubtsprache», Брауншвейг, 1663).

Опираясь в области письменного языка на грамматическую норму библии Лютера и примыкающей к ней литературной традиции, немецкие теоретики обнаруживают большие разногласия при установлении правил языка разговорного. В условиях феодальной раздробленности и культурной децентрализации

Германии XVI—XVIII вв. нельзя было сослаться в этом вопросе на бесспорный образец, каким в передовых, национально-объединенных государствах Запада, во Франции и в Англии, являлся издавна язык социальных верхов Парижа и Лондона, «двора и города», по выражению французских теоретиков эпохи абсолютизма. Большинство немецких грамматиков, придерживающихся лютеровской нормы, в поисках за авторитетной формой устной речи останавливаются на Саксонии. «Не подлежит сомнению», пишет Иероним Фрейер, автор известной «Немецкой орфографии» (1722 г.), «что в Галле, Лейпциге, Виттенберге, Дрездене и других благородных городах той же местности говорят на самом лучшем немецком языке». Однако, указание грамматиков на образцовое «саксонское» произношение («мейссенское» или «лейпцигское») всегда ограничиваются ориентацией на определенную социальную норму. По словам Лаврентия Альберта (1573 г.), немецкому языку уделяется большое внимание «людьми учеными и начитанными», а также «при дворах и в семействах людей высокопоставленных и знатных»: эти люди, «ведущие изящный образ жизни, окруженные почетом и блеском, не терпят небрежности и испорченности языка». Таким образом с территориальной общностью литературного языка соединяется его социальная исключительность, как привилегии господствующих классов. Во всех грамматических трактатах единой норме письменной речи противопоставляется многообразие «простонародных» диалектов, как признак социально-«низкой» языковой сферы.

С этой точки зрения образцовый немецкий язык не связан с определенной территорией, но является признаком культуры, образования. Сторонники надтерриториальной нормы национального языка, отрицая преимущественное значение Саксонии, должны, по необходимости, искать опоры в письменной форме национального языка. Шоттель, величайший грамматический авторитет во второй половине XVII в., смеется над претензией жителей Мейссена и некоторых других мест Германии «быть судьями в вопросах верхненемецкого языка (hochdeutsche Sprache) на основании своего родного диалекта». По мнению Шоттеля, «верхненемецкий язык — не диалект в ряду других диалектов, — это немецкий язык в собственном смысле, как его принимают и употребляют люди ученые, мудрые, опытные». Грамматическая нормировка является якобы основным отличием письменного языка от диалектов, на которых говорит «чернь», а диалекты являются результатами «порчи» языка людьми невежественными, и первоначально они были чужды немецкому языку. Так создается теория, характерная для буржуазных языковедов XVII—XVIII вв., защитников национального единства в языке, которая рассматривает диалект

как результат искажения национального языка в устах необразованных «низов» общества. Теория эта господствовала в лингвистике до возникновения в начале XIX в. исторического языкознания и научной диалектологии; в обывательском представлении господствующих классов буржуазного общества она не изжита до сих пор.

Весьма важным препятствием для развития немецкого национального языка в XVI—XVII вв. было отсутствие в Германии подлинно авторитетной национальной литературы. В XVII—XVIII вв. передовые народы Запада уже имеют классическую национальную литературу большого стиля, как результат национальной консолидации и творческой активности новых общественных классов. В Италии такая литература создается в XIV—XVI вв. (эпоха Возрождения), в Англии — в конце XVI в. (Шекспир и его время), во Франции — в XVII в. (период французского классицизма). Напротив, немецкое бюргерство XVI—XVII вв., экономически слабое и политически мало активное, связанное феодальными пережитками, сохранившись в полной мере после неудачи крестьянской революции, политически и конфессионально раздробленное и ограниченное узким кругом местных интересов, не может создать национальной литературы, подобно другим западным народам того времени. Лучшие писатели XVI в., например, Ганс Сакс, не выходят за пределы бюргерского провинциализма, наивного реализма, элементарной морали и дидактики, характерных для узкого идейного горизонта немецкого «вольного города»; по сравнению с Шекспиром или французами той же эпохи — это писатели средневековые.

Период Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.) характеризуется не только всеобщим экономическим упадком, но и культурной деградацией. Поэзия этого времени носит характер ученого подражания иностранным образцам, построенного по правилам поэтики классицизма. Теоретиком этого направления является Мартин Опитц (1597—1639 гг.), автор ученой «Поэтики» («Buch von der deutschen Poëterey», 1624 г.), в которой он выступает как реформатор немецкого стихосложения. Там, где поэзия XVII в. оригинальна, как в лирике Грифуса, иезуита Шпе или мистика Ангела Силезского (Angelus Silesius), она впадает в иступленность чувства, манерность и напыщенность, характерные для стиля упадочной эпохи (немецкое «барокко»). В науке безраздельно царит латинский язык, которым пользуются в трактатах ученые (Кеплер), юристы и политики (Пуффендорф), философы (Лейбниц), в то время как в передовых странах Запада по вопросам философии, политики, отчасти и науки уже пишут на национальных языках (Декарт, Гоббс и др.).

Правда, сам Лейбниц, опираясь на грамматиков XVII в., главным образом на Шоттеля, выступил с широкой программой развития немецкого национального литературного языка («Umvorgreifliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache», 1697 г.); но в своей собственной научной практике, когда он хочет быть общедоступным, он пишет не на немецком, а на французском языке. Только ученик его Хр. Вольф (1679—1754 гг.) выступает с серией немецких учебников по различным отраслям университетского преподавания, которые благодаря своей широкой популярности сыграли существенную роль в создании научной терминологии на национальном языке. Университетские лекции по-немецки читает впервые Хр. Томазус (1687 г.). Наконец, в разговорном языке господствующего класса, в дворянском обществе, в особенности при многочисленных княжеских дворах, частично также среди тянущегося за дворянством городского патрициата, все более укрепляется французский язык как признак образованности и «хорошего тона», в результате политической и культурной гегемонии передовой страны эпохи абсолютизма. Отсюда характерное для так называемой «эпохи модников» XVII в. («A-la-Mode-Zeit») обилие иностранных заимствований в обиходном языке; часто это заимствования, относящиеся к области бытовой лексики, не только интернациональные культурные слова. Валленштейн пишет, например, в донесении императору после битвы со шведами при Нюрнберге: «Das *Combat* (фр. битва) hat von frühe an angefangen und den ganzen Tag *caldissimamente* (ит. жарко) gewährt. Der König hat sein Volk über die Maßen *discouragiert* (фр. обескуражил); Euer Majestät *Armee* (фр. армия), indem sie gesehen, wie der König *repoussiert* (фр. отбит) wurde, ist mehr denn zuvor *assecouriert* (фр. ит. обнажен) worden».

С борьбой против засилия «иностранщины» выступают буржуазные пуристы, теоретики так наз. «языковых академий» (Sprachgesellschaften). В первой половине XVII в., по примеру Италии и Франции, в Германии возникает целый ряд таких обществ, деятельность которых посвящена «защите и украшению» национального языка: «Плодородное общество» в Веймаре («Fruchtbringende Gesellschaft» — с 1617 г.), «Общество Ели» в Страсбурге («Aufrichtige Gesellschaft von der Tannen» — с 1633 г.), «Орден Розы» в Гамбурге («Rosenorden» — с 1643 г.), «Цветочный орден» в Нюрнберге («Blumenorden» — с 1644 г.) и др. В противоположность «Французской Академии» (Académie Française), которая, по замыслу своего основателя, министра Ришелье (1635 г.), должна была служить орудием языковой централизации абсолютной монархии и осуществлять в области языка и литературы диктатуру «хорошего вкуса», т. е. политику

королевского двора, немецкие «языковые общества» обязаны своим возникновением националистическим настроениям отдельных меценатствующих аристократов и ученых бюргеров, и вся их деятельность имеет благодаря этому местный характер и ограничена узкими рамками частной инициативы. Деятели этих обществ мечтают о том, чтобы поставить немецкий язык и литературу на уровень других передовых национальных языков и литератур, прежде всего итальянской и французской, продолжающих традицию античности, на которую ориентируется литература Возрождения и классицизм XVII в. Языковую практику они пытаются выправить с помощью языковой политики, декларативных программ, сознательными усилиями грамматиков-нормализаторов. Из этих кругов вышли поэт Опитц и грамматик Шоттель.

Таким образом, немецкий литературный язык вступает в XVIII век лишенный опоры в классической национальной литературе большого стиля, не овладев сферой науки, и в то же время вытесняемый из обихода господствующего класса салонным французским языком. Он не был еще орудием высокого искусства и отвлеченной научной мысли и носит на себе черты того бюргерского провинциализма, который так характерен для Германии той эпохи, как отсталого захолустья Европы.

Вопрос о языковой норме продолжает быть предметом оживленного обсуждения и в первой половине XVIII в. Наиболее авторитетным защитником языковой унификации является в это время лейпцигский профессор Готтшед (J. Chr. Gottsched, 1700—1766 гг.), известный литературный теоретик, насаждавший в Германии идеи французского придворного классицизма. В духе господствовавшего тогда рационализма философской школы Лейбница и Вольфа Готтшед рассматривает язык как выражение логической мысли, слово — как отвлеченное понятие; рассудочная ясность, логическая последовательность, грамматическая правильность и единообразие являются для него главными достоинствами литературного языка. В своей «Немецкой грамматике» («Grundlegung einer deutschen Sprachkunst», 1748 г.) Готтшед проповедует нормализацию письменного языка на узкой территориальной и социальной базе «верхнесаксонского» («obersächsisch-meißnisch»), как языка двора и образованного общества. Продолжателем Готтшеда во второй половине XVIII в. является Аделунг (J. Chr. Adelung, 1732—1806 гг.), автор обширной немецкой грамматики и словаря («Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache», 1782 г. и «Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuchs der hochdeutschen Mundart», 1774—1786 гг.). Подобно своему учителю Готтшеду, Аделунг усматривает свою задачу в установлении единой и общеобязательной языковой нормы («die eine richtige

Sprechart»). Согласно известной формуле Аделунга «немецкий литературный язык (die hochdeutsche Schriftsprache) возник и развился в высших классах самой культурной провинции (in den oberen Klassen der kultiviertesten Provinz), оттого из всех немецких диалектов это — самый благородный, благозвучный и развитый». Образцового происхождения следует искать в Саксонии, в особенности в Мейссене, «однако и здесь не среди толпы, но в высших классах населения и в хорошем обществе». Несмотря на языковой консерватизм Аделунга и рационалистическое доктринерство в вопросах нормы, его труды, в особенности «Словарь», пользовались в XVIII в. огромным авторитетом и оказали существенное влияние на грамматическую и лексическую унификацию немецкого языка.

Противниками Готтшеда в литературных столкновениях тридцатых — сороковых годов XVIII в. выступают швейцарские критики Бодмер (Joh. Jac. Bodmer, 1698—1783 гг.) и Брейтингер (Joh. Jac. Breitinger, 1701—1776 гг.). Воспитанные в мировоззрении пиетизма и религиозно окрашенного сентиментализма, господствовавшего в широких кругах отсталого немецкого бюргерства, «швейцарцы» выдвигают в поэтическом творчестве, в противовес интеллектуализму Готтшеда, воздействие на чувство и фантазию, а в языке — эмоциональность и образность. Подобно Готтшеду они стремятся к языковой унификации и для Швейцарии являются проводниками общенемецких норм литературного языка; но языковое единство они строят на более широкой в территориальном отношении и более демократической базе, защищая в известных пределах местные особенности, присущие народному языку. В то же время они интересуются памятниками национальной старины, впервые издают и переводят миннезингеров и «Нибелунгов» (важнейшие исторические публикации Бодмера: «Proben der alten schwäbischen Poesie des XIII Jhs.», 1748 г.; «Sammlung von Minnesingern aus dem schwäbischen Zeitpunkte», 1758—1759 гг.; «Chriemhilden Rache und die Klage», 1757 г.); они ценят архаизмы средневекового языка как средство обогащения современной литературной лексики, в особенности образные выражения («Machtwörter») старинной бюргерской литературы XVI в. («sinnliche Wörter der alten und volkstümlichen Sprache»).

Идеи «швейцарцев» не были направлены против грамматической нормы литературного языка, но они способствовали его стилистическому обогащению в период образования буржуазной национальной литературы. Демократические тенденции молодого бюргерства, особенно ярко сказавшиеся в литературной революции «бури и натиска» (1770-е годы), ведут к борьбе против социальной исключительности придворного и ученого

языка начала XVIII в. Творчество молодых Гете и Шиллера означало в этом смысле принципиальное сближение литературного языка с языком разговорным, широкое стилистическое использование элементов народной речи и архаизмов бюргерской литературы XVI в. (Ганса Сакса и Лютера), стремление к реалистической характерности и эмоциональной выразительности. Теоретическое обоснование нового направления находит в учении Гердера (J. G. Herder, 1744—1803) о двух этапах развития языка: рассудочному языку отвлеченных понятий, языку современной цивилизации и книжной словесности, Гердер противопоставляет язык первобытного общества в его непосредственной эмоциональной выразительности, образности, музыкальности и «народную поэзию» как выражение непосредственного чувства. Правда, в историко-философской концепции Гердера заключались известные элементы реакционной критики прогресса и культуры, характерные для мировоззрения немецкого бюргерства XVIII в.; однако в то же время его идеи способствовали широкой демократической переоценке сословной ограниченности языка и литературы привилегированных классов современного общества и впервые поставили вопрос об исторической обусловленности господствовавших в этой области норм, которые казались догматически незыблемыми теоретикам-рационалистам.

В этом смысле Гердер является одним из предшественников исторического языкознания XIX в., которое, в противоположность господствовавшей практике грамматиков-нормализаторов XVII—XVIII вв., не предписывает определенных правил пользования данным языком, а изучает его происхождение и историческое развитие. Историческое языкознание возникает в Германии в начале XIX в., в эпоху романтизма, в связи с усиленным интересом к национальному прошлому, порожденным мечтами немецкой буржуазии о национальном объединении и борьбой против Наполеона. Основатель германской филологии Яков Гримм (1785—1863 гг.) вышел из кругов немецких романтиков. Романтическое увлечение национальным средневековьем привело его к широкому изучению германских древностей, средневековых германских языков, средневековой литературы и культуры, и тем самым дало ему возможность впервые на обширном, самостоятельно собранном историческом материале поставить вопрос об историческом развитии немецкого языка в ряду других германских языков и диалектов («Deutsche Grammatik», 1819—1822 гг., «Geschichte der deutschen Sprache», 1848 г.). Начатый Яковом Гриммом «Немецкий словарь» («Deutsches Wörterbuch», с 1852 г.), в противоположность Аделунгу и более ранним лексикографам, преследует также прежде всего исторические задачи — не отбор лексической нормы литера-

турного языка, а возможную полноту свидетельств, иллюстрирующих историю каждого слова. Словарь этот после смерти Гримма был продолжен рядом германистов, но благодаря своей обширности до сих пор остается незаконченным. Анализ научных взглядов Я. Гримма и дальнейшее развитие германистики относятся к общей истории лингвистических учений.

§ 14. В начале XVIII в. процесс объединения национального языка еще не может считаться вполне законченным. В разговорном языке немецкого бюргерства отчетливо выступают местные особенности. Трактаты по грамматике и орфографии сообщают нам о некоторых наиболее характерных провинциализмах обиходного языка (Umgangssprache). В Вене (1730 г.) произносят еще старые дифтонги (например, fuəs «Fuß» вместо füs), говорят -scht вместо -st (luscht, gascht), употребляют enker (старое двойственное число) вместо euer; для Пфальца (1769 г.) тоже характерны luscht, gascht, lascht, делабиализованные гласные — heren, bes вместо hören, böse, смешение в произношении d и t (вследствие отсутствия звонкости) и мн. др. В письмах Гогенцоллернов, пестрящих орфографическими ошибками, подсказанными особенностями берлинского диалекта, царит смешение j и g в начале слога, указывающее на характерное для этого диалекта произношение начального g как j: ср. j^ojaget («gejagt»), verjangen («vergangen») рядом с gegaget, jegaget («gejagt»), geger («Jäger»), guhng (jung). Гете, как директор Веймарского придворного театра (1803 г.), рекомендует актерам избегать провинциализмов в патетической декламации, например, произношения интервокального -b- как -w- (Iewen вм. Ieben), что в настоящее время является одним из грубых признаков мещанского просторечия, и т. д.

Особенно интересны с этой точки зрения биографические материалы, касающиеся произношения немецких классиков XVIII в. Гете, уроженец Франкфурта, по своему происхождению принадлежавший к чиновным и образованным верхам городского патрициата, сохранил до конца своей жизни, по свидетельству современников, характерные особенности франкфуртского диалекта. Попав молодым студентом в Лейпциг (1765—1768 гг.), центр тогдашнего буржуазного просвещения и моды, он вызывает насмешки товарищей своим провинциальным произношением. Орфографические ошибки в рукописях Гете (например, в рукописи «Ифигении», 1779 г.) обнаруживают некоторые провинциальные особенности его произношения, например, делабиализацию гласных: leichten (вм. leuchten), zeigt (вм. zeugt); спирантное произношение интервокального -g-: weichern (вм. weigern); отклонения в долготе: trittet (вм. tretet). Рифмы Гете подтверждают эти особенности: например,

в «Фаусте» — reige: schmerzenreiche; steigen: reichen (спирантное -g-); Freude: heute; Ende: Testamente (смешение звонких и глухих).

Еще выразительнее рифмы Шиллера. Как выходец из низов городского мещанства Вюртемберга, Шиллер, по видимому, в молодости говорил с сильным швабским акцентом. Шиллер рифмует: Gesängen: schwingen; Finger: Sänger; beschimmert: dämmert, так как в швабском диалекте i перед носовыми согласными произносится как e; он соединяет Kleider: heiter; raten: laden; heißen: Eisen, потому что звонкие в его произношении совпадают с глухими; он допускает сочетания типа strahlet: wallet; erschlaffen: trafen; Gewinnst: Dienst, потому что долгота и краткость гласных имеют в диалектах другие законы, чем в литературном языке.

Все немецкие поэты допускают рифмы лабиализованных гласных с нелабиализованными (ü : i, ö : e, eu : ei), например, Blick : Glück; verlieren : führen; schweigen : zeugen и т. д. Это правило рифмовки установилось в XVI—XVIII вв. на основании господствовавшей в средне- и южнонемецком произношении делабиализации. По словам одного теоретика XVIII в. (J. S. Wahl, 1725), такие рифмы допускаются, потому что «на слух эти буквы звучат одинаково», так что «никак нельзя по произношению определить различие их написания, хотя в северной Германии и стараются установить между ними разницу». Как поэтическая условность, рифмы такого рода употребляются повсеместно и в наше время как в южной, так и в северной Германии, хотя они уже не соответствуют современному литературному произношению.

Довольно заметные колебания сохраняются в XVIII в. и в письменной норме литературного языка, в его орфографии и грамматике, более всего — в пределах южной Германии, а также в Австрии и в Швейцарии. Особенности местного произношения заметны в проведении умлаута: в южнонемецких текстах иногда не имеют умлаута — Stuck, Brucke, traumen, schamen, nützlich, männlich, Rauber, Verkäufer и др.; в севернонемецких умлаут проводят — gläuben, Häubt, wöllen, färbig, behäglich и др. Краткость и долгота допускают также отклонения: ср. Vatter, treten, Gebott, nemmen, Schemmel, Taffel, Hoff и др. Вопрос о конечном -e еще возбуждает споры, причем в южной Германии, где оно отпадает в диалекте, сторонники «саксонской» нормы в ряде случаев вводят его ошибочно: ср. у «швейцарцев» — Bache (Bach), Weibe (Weib), Lande (Land), Bette (Bett), Gemüte, Prophete, Moraliste и т. д. Ряд грамматических особенностей, характерных для местного языка, находит также свое отражение в письменной речи. Наблюдаются колебания грамматического рода: die Bach, der Luft, der Butter,

das Armut, die Bildnis, das Finsternis и др. Сохраняются пережитки слабого склонения женского рода: род. дат. ед. der Sonnen, der Kapellen, der Brucken. В среднем роде окончание -er, как признак множ. числа, получает более широкое распространение, чем в литературном языке: например, Gewölber вм. Gewölbe, Steiner вм. Steine, Örter, Vieher и др. В прошедшем времени глаголов слабое спряжение вытесняет сильное: ср. er bindete вм. er band, er rufte, er fuhrte и т. д. В южнонемецком письменном языке это явление связано с общей неуверенностью в употреблении простого прошедшего (имперфекта), которое в местных диалектах вытесняется сложным (перфектом). С другой стороны, южнонемецкий письменный язык сохраняет архаические формы сильного прошедшего, утраченные литературным языком: множ. sturben, sprungen, funden (откуда и ед. sturb, sprung, fund и т. д.). Допускаются формы слабого прошедшего и причастия II без нормального чередования гласных (Rückumlaut) в глаголах — nannte, genennt, gebrennt, gekennt и мн. др.

Окончательное закрепление письменной формы немецкого литературного языка, включающее и грамматическую регламентацию, происходит во второй половине XVIII и в начале XIX вв. в связи с новым подъемом буржуазного развития Германии. В этот период возникает классическая национальная литература (Лессинг, Гете, Шиллер), философия (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель), развиваются науки (в особенности гуманитарные). Вместе с этим завершается и процесс объединения немецкого литературного языка и его идеологической перестройки как орудия научной мысли и художественного творчества буржуазного общества. Таким образом языковое объединение предшествует объединению политическому (1871 г.), завершающему процесс формирования немецкой нации. Вместе с оформлением литературного языка в XIX в. закрепляются и нормы языка разговорного. Однако до сих пор в обиходном языке господствующего класса («gebildete Umgangssprache») сохраняются следы языковой раздробленности, притом гораздо более значительные, чем во Франции или в Англии, где национально-политическое и языковое объединение было достигнуто еще в XVI—XVII вв. Между «образованным обществом» в таких крупных центрах, как Берлин, Гамбург, Кельн, Франкфурт, Мюнхен, Вена и т. п., существует довольно заметная разница в окраске произношения, позволяющая отличить уроженца данного города, хотя, по сравнению с мещанским просторечием или крестьянским диалектом, эта разница и не так значительна. В тех случаях, где графическая норма не однозначна и допускает разное толкование, до последнего времени не было даже критерия, определяющего правильность того или другого из конку-

рирующих типов произношения: ср., например, Tag [сев. тах — южн. tāk], Weg [сев. вeç — южн. vĕk] и др. (см. стр. 102).

Попыткой создать такой критерий является с недавнего времени так наз. «сценическое произношение» («Bühnenaussprache»). Нормы «сценического произношения» были установлены в 1898 г. комиссией, состоявшей из филологов-германистов и из сценических деятелей, знакомых с практикой лучших драматических театров Германии. Они опубликованы секретарем этой комиссии проф. Т. Зибсом, в специальной книге, дающей общие правила произношения и фонетический словарь сомнительных слов (Th. Siebs «Deutsche Bühnenaussprache», первое издание — 1898 г.; в новейших изданиях — с подзаголовком «Hochsprache»). В целом ряде случаев (как в приведенном выше примере долготы и краткости, взрывного или спирантного произношения конечного -g и др.) спорный вопрос мог быть решен только большинством голосов, т. е. произвольным и сознательным выбором. Понятно, что в условиях характерной для Германии культурной децентрализации многие предложения комиссии встретили упорное сопротивление и критику со стороны местных теоретиков и практиков орфографии. Тем не менее за пятьдесят лет, прошедших с момента опубликования проф. Зибсом решений комиссии, унификация произношения «образованного общества» сделала в Германии большие успехи. В языковых спорах появилась авторитетная апелляционная инстанция, школа и сцена могли опереться на однозначную произносительную норму. Однако и в настоящее время полная унификация произношения даже верхушки буржуазного общества является только теоретическим постулатом орфоэпии, но никак не подлинным фактом языковой действительности.

Существенные территориальные различия сохранились и в словаре немецкого литературного языка. До сих пор для целого ряда понятий в немецком языке не существует единого общепринятого обозначения, которое могло бы претендовать на «национальную» значимость: территориально дифференцированные синонимы конкурируют не только в обиходном языке «образованных», но даже в письменной, литературной речи. К числу таких расхождений относятся, например: «суббота» — сев. Sonnabend, южн. Samstag; «мальчик» — сев. Junge, южн. Bube; «мясник» — сев. Schlächter, вост. Fleischer, южн. Metzger; «сливки» — сев. Sahne, южн. Rahm, вост. Schmant; «грабли» — сев. Harke, южн. Rechen; «подметать» — сев. fegen, южн. kehren и мн. др.

Большинство наиболее дифференцированных синонимов принадлежит к сферам хозяйственного быта, наименее затронутым обобщающими и унифицирующими тенденциями современного капиталистического развития: сюда относятся названия пред-

метов домашнего хозяйства, обстановки и обихода, продуктов крестьянского труда, потребляемых городом, пищи и питья, наконец — термины ремесленного производства. Именно в этих сферах бытового словаря немецкий язык до сих пор сохраняет в пережиточной форме территориальную раздробленность, характерную для докапиталистической эпохи.

§ 15. В классовом капиталистическом обществе единый национальный язык, несмотря на присущую ему тенденцию к максимальной унификации, не может фактически полностью осуществить эту тенденцию. Широкие народные массы продолжают говорить на диалектах, сохраняющих территориальную раздробленность эпохи феодализма. Главным носителем диалекта в современном буржуазном обществе является крестьянство, в меньшей степени — мещанство (городская мелкая буржуазия).

Крестьянин в буржуазном обществе, несмотря на юридическое раскрепощение, остается экономически прикрепленным к своему клочку земли, за пределами которого он знает только ближайшее базарное местечко. Ограниченный в своем кругозоре тем, что Маркс и Энгельс называли «идиотизмом» (т. е., прежде всего, провинциализмом, замкнутостью) сельской жизни, он не только стоит в стороне от больших путей развития «национальной» культуры, являющейся фактически привилегией господствующего класса, но даже редко поднимается над уровнем элементарной грамотности. При таких условиях объединяющие тенденции, осуществляющиеся в языке господствующих классов и, прежде всего, в письменной, грамматически нормализованной форме этого языка, проникают в толщу крестьянских диалектов лишь в меру разложения самого крестьянского уклада процессом капиталистического развития.

Правда, современный немецкий крестьянин большей частью двуязычен: с письменным языком он знакомится в школе и церкви, этот язык преподносится ему в печати, он даже сам употребляет его (обычно в форме, более или менее окрашенной местным диалектом) в общении с «высшими», т. е. представителями господствующих классов, и вообще в торжественных и официальных случаях жизни. Но родным языком его остается местный крестьянский диалект, которым он пользуется каждый день в семейной жизни и в интимном языковом общении с односельчанами, соседями и товарищами по работе.

Как классическая страна глубокой и поздней феодальной раздробленности, Германия сохраняет в своих диалектах отчетливые следы своего исторического прошлого. В чисто количественном отношении расхождения между крестьянскими говорами, не только нижненемецкими и верхненемецкими, но и в пре-

делах, например, верхненемецкого между баварскими, швабскими, гессенскими и др., не менее глубоки, чем различия между отдельными славянскими языками, как польский и чешский или сербский и болгарский. Крестьянин из окрестностей Мюнхена не поймет не только крестьянина из окрестностей Гамбурга, говорящего на нижненемецком диалекте, но и более близкого соседа из окрестностей Штуттгарта, Гейдельберга, Марбурга, если они будут объясняться друг с другом не на литературном немецком языке, которому обучались в школе, а на родных баварских, швабских, пфальцских или гессенских диалектах.

К этому количественному моменту расхождений присоединяется, с другой стороны, крайняя территориальная раздробленность крестьянских говоров. Если двигаться в западной Германии, например, в прирейнских землях, где господствовала феодальная чересполосица, с севера на юг, от Кельна до Базеля, следуя правому или левому берегу Рейна, мы пересекаем через каждые 40—50 километров глубокие диалектальные границы; более мелкие различия встречаются через 10—15 километров, а иногда от села к селу. В восточной, колониальной Германии, где сложились более крупные политические территории, границы диалектов имеют значительно менее дробный характер.

Научное исследование немецких диалектов начинается в XIX в. одновременно с изучением истории языка под влиянием романтического интереса к народности и к старине. Первым опытом научного описания немецких диалектов является «Баварская грамматика» Шмеллера (A. Schmeller «Die Mundarten Bayerns», 1821; его же «Bayrisches Wörterbuch», 1827—1837, 4 т.). В течение XIX в. во всех частях Германии собирались материалы по местным диалектам как фонетического и грамматического, так и словарного характера. Однако всестороннее изучение закономерностей развития немецких диалектов сделалось возможным лишь в конце XIX в. на основе систематического анкетного обследования, проделанного «Языковым атласом Германии» («Sprachatlas des Deutschen Reichs»).

В 1876 г. Георг Венкер разослал по всем народным школам Германии диалектологическую анкету, состоявшую из 40 предложений (так наз. «Wenkers Sätze»), составленных так, чтобы входящие в них слова могли служить примерами на важнейшие явления фонетики и морфологии немецких говоров. Всего было получено более 40 000 ответов, которые хранятся в архиве Диалектологического института в Марбурге. На основании этих ответов, под руководством Венкера и его преемника Вреде, основателя немецкой диалектографии, было составлено более 1500 рукописных карт; каждая карта соответствует отдельному слову анкеты и иллюстрирует границы определенного грамматического явления, представленного данным словом.

К изданию атласа (в несколько упрощенном виде) Вреде приступил только в 1926 г. («Deutscher Sprachatlas», 1926 г. и сл.); однако задолго до того рукописный атлас уже сделался мощным орудием научного исследования и способствовал разрушению целого ряда традиционных представлений об исторической жизни диалектов.

Диалектология XIX в. рассматривала современные диалекты по общему принципу индоевропеистики как замкнутые ветки родословного древа языка, образовавшегося путем распада первоначального праязыкового единства. С этой точки зрения современные немецкие диалекты непосредственно отождествлялись с племенными диалектами древних германцев. Поэтому традиционная номенклатура современных немецких говоров основывалась на классификации древнегерманских племенных диалектов, засвидетельствованных в ранних письменных памятниках: говоры франкские, алеманнские, баварские и т. д. понимались как непосредственное продолжение диалектов древних франков, алеманнов, баварцев, племен, возникших, в свою очередь, в процессе распада «прагерманского» или «пранемецкого» единства.

Современная диалектография, опираясь на работу «Языкового атласа», обнаружила неправильность этой концепции. Вместо незыблемых границ племенных диалектов она установила сложную сеть перекрещивающихся линий для отдельных звуковых или грамматических явлений. В противоположность старому мнению, согласно которому современные диалекты, как прямое продолжение древних племенных диалектов, характеризуются неизменной совокупностью нескольких диалектальных признаков, было установлено, что каждое языковое явление имеет на карте свою границу, обычно не совпадающую с границами других явлений. Более того, нередко различные слова в пределах одного и того же звукового ряда имеют свою границу. Так, границы дифтонгизации $i > ei$ в Рейнской области не совпадают для слов $is > Eis$ и $wīn > Wein$. То же относится к выпадению h перед s , характерному для севернонемецких диалектов: граница между $sēs$ и $seks$ (mhd. $sehs$ «sechs») проходит на Рейне севернее Дюссельдорфа; граница между $ōs$ и oks (mhd. $Ohse$ «Ochs») значительно южнее, около Кобленца, еще южнее — граница между $wāsen$ и $waksen$ (mhd. $wahsen$ «wachsen»). В данном случае, как и в ряде других, сопоставление карт «Языкового атласа» обнаруживает движение языковых форм, идущее по Рейну, как старинному торговому пути, с юга на север; южные формы, поддерживаемые нормой литературного языка, вытесняют соответствующие северные: об этом свидетельствует небольшой, совершенно обособленный район по левому берегу Рейна южнее Кобленца, сохранивший $ōs$, как пережиток («реликт») старого произноше-

ния, в то время как все окружающие местности имеют новую форму oks . Передвигается, таким образом, не звуковой ряд в целом; передвигаются отдельные слова в зависимости от своего значения. При этом слова $sechs$ и $Ochs$, как более употребительные, непосредственно связанные с торговыми отношениями, передвигаются быстрее, тогда как нейтральное $wachsen$ — отстает.

В переходной полосе «звуковой закон» оказывается нарушенным: напр., местность, лежащая между границами $sechs$ и $Ochs$ (Кельн, Бонн и др.), говорит одновременно $seks$, но $ōs$.

Интерпретация серии диалектологических карт в связи с историческими позволяет установить пути распространения новых языковых явлений, обычно совпадающие со старыми или новыми торговыми путями или с направлением колонизационных движений, и выделить реликтовые районы, отдаленные от торговых путей и сохраняющие, в условиях экономической и культурной отсталости, архаические, пережиточные формы, когда-то распространенные по всей территории. Новые формы слов распространяются как бы волнами из экономических и культурных центров и останавливаются на границах экономических, политических и культурных связей между районами. Таким образом диалектологическая карта вскрывает динамику социально-языкового процесса, смещение языковых границ и языковые напластования различной древности и тем самым подводит нас к конкретной истории языка на данной территории.

В ряде случаев «изоглоссы» (т. е. линии слов) собираются пучками (Linienbündel), образуя пограничный пояс (Grenzgürtel), характеризующий тот или иной «языковый район» (Sprachlandschaft). Работы немецких диалектографов показали, что границы существующих «языковых районов» в общем совпадают с границами феодальных территорий; по утверждению Вреде, «в редких случаях они древнее последних столетий средневековья». Эти эмпирические наблюдения западных лингвистов показывают, что территориальная дифференциация современных крестьянских говоров является пережитком феодальной раздробленности, характерной для средневековых поместно-территориальных диалектов. В свою очередь границы между поместно-территориальными говорами эпохи феодализма в основном определялись границами между средневековыми поместьями-государствами и существовавшими между ними в эпоху феодализма экономическими и политическими связями и отношениями.

Это не значит, конечно, что самые различия диалектов по своему происхождению относятся исключительно к эпохе феодализма: одни действительно возникли сравнительно поздно, в феодальную эпоху, другие восходят к более древним племенным отношениям эпохи «великого переселения народов» или

к еще более древним стадиям развития языка и общества, однако и те и другие, в результате длительных процессов смешения, должны были отстояться в границах средневековых территориальных объединений, перекрывших более древние общественно-территориальные группировки. Так, верхнемецкой перебой согласных — явление, относящееся к эпохе первоначального расселения германских племен и образования варварских государств (V—VII вв. н. э.); однако в район средне-франкских диалектов, в частности — кельнского, это явление проникает только в VIII—XII вв., а современные границы перебоя на нижнем Рейне (около Дюссельдорфа) совпадают с границами территориальных образований XIV—XV вв., отражая борьбу между Кельном и Клеве за промежуточные феодальные территории.

Если наличие языкового раздробления в современных крестьянских диалектах и самые границы этих диалектов являются пережитком феодальной эпохи, то не следует думать, что по всем своим признакам диалекты древнее, чем литературный язык. Многие фонетические и грамматические особенности крестьянских говоров действительно являются архаическими пережитками более раннего периода развития языка: например, сохранение старых долгих гласных в диалектах юго-западной Германии вместо новых дифтонгов литературного языка (zīt, hūs вм. Zeit, Haus) или сохранение старых дифтонгов вместо новых долгих в большинстве южнонемецких диалектов (liēr, guēt вм. Iir, güt). Однако в других отношениях литературный язык, рано зафиксированный в письменности и связанный грамматической нормой, оказался гораздо более консервативным, чем бесписьменные крестьянские говоры, успевшие проделать значительную эволюцию уже после фиксации нового письменного языка. К таким относительным модернизмам немецких диалектов принадлежат, например, делябиализация гласных ö, ü > e, i, многие явления редукции, например, отпадение конечного -n в заударном слове (flīgə, oksə вм. fliegen, Ochsen), в области грамматики — распространение умлаута как показателя множ. числа в таких словах, как tåg (Tage), ärm (Arme), устранение чередования гласных в настоящем времени сильных глаголов (например, du fährst, du gebst вм. du fährst, du gibst) и мн. др. Нередко новообразования такого рода ограничиваются узкими рамками одного или нескольких соседних диалектов, иными словами — захватывают лишь небольшую феодальную территорию или группу таких территорий, связанных между собой в экономическом и политическом отношении. Таким образом, в период разложения феодализма и начального роста капиталистических отношений одновременно с объединением языка господствующего класса продолжается углубление различий

между крестьянскими говорами в старых (или новых) границах феодальных территорий, там, где эти границы еще сохранили свою экономическую и политическую значимость, прежде всего — для крестьянина, прикрепленного к земле. В условиях экономической отсталости и политической раздробленности старой Германии этот процесс продолжается в основном до французской буржуазной революции и наполеоновских войн.

Обширный материал по лексике немецких диалектов собран в областных диалектологических словарях. Поверхностные наблюдения неоднократно указывали на бедность диалектов по сравнению с языком литературным. На самом деле основное различие между ними не в количестве слов, а в составе лексики. В крестьянских говорах отсутствуют обширнейшие лексические сферы, связанные с языком науки и техники, искусства и литературы, политической и общественной жизни, в частности — интернациональные «культурные» слова. Если слова такого рода проникают в крестьянскую речь через школу, газету и книгу, то они являются в диалекте своего рода заимствованиями из литературного языка, нередко сохраняя форму, отличную от фонетических закономерностей данного диалекта: например, диалектальное rōt «совет», но Schulrat «школьный совет» — с сохранением литературного ā [ra:t].

С другой стороны, крестьянские диалекты гораздо богаче литературного языка во всем, что связано со специфической производственной деятельностью крестьянина-земледела. Например, анкета немецких областных словарей, посвященная крестьянской телеге и ее частям, насчитывает 52 детали, имеющие функциональное значение и специальное название; взамен отсутствующих эквивалентов литературного языка такие анкеты гользуются рисунками, на которых представлены номера при соответствующих деталях. Как всякая профессиональная лексика, словарь крестьянского хозяйства обладает чрезвычайно дифференцированными обозначениями для производственного процесса во всех его существенных деталях, для орудий производства и их функционально значимых частей, для объектов производственной деятельности и ее продуктов, их сортов и качества, наконец, для всего, что связано с общественной организацией крестьянского труда, его профессионально-бытовым окружением, его идеологическим осмыслением. Из всех этих элементов слагается специфический для крестьянского диалекта словарь, его «идиотизмы» (т. е. местные, областные отличия). Областные словари крестьянских говоров строились до середины XIX в. преимущественно как собрания таких «идиотизмов», т. е. областных слов и выражений, отступающих от стандарта литературного языка (так наз. «Idiotikon»), и тем самым имели в основном характер «этнографических словарей».

т. е. словарей крестьянского хозяйства и хозяйственного быта (в широком смысле слова).

Понятно, что именно специфическая лексика крестьянского хозяйства представляет наиболее значительные местные различия, ввиду отсутствия общепринятых лексических эквивалентов в литературном языке, могущих служить опорой унифицирующих тенденций. В этом смысле крестьянские говоры Германии обнаруживают необычайную территориальную расщепленность, еще более заметную в области географической синонимии, чем в фонетике и морфологии. Так, для слова «картофель» насчитывается 27 синонимов, из которых каждый приурочен к определенному району: среди них Kartoffel и его производные (Toffel, Tüfke, Erdtoffel), Potate (на нижнем Рейне — ср. англ. potato), Schocke (Erdschocke) — производное от артишока, французское romme de terre и производное от него Pumser, описательное Erdapfel или Bodapfel (термин, употреблявшийся уже в древнегерманском языке для обозначения корнеплодов), аналогичное с ним по типу Grundbirne (Erdbirne, Bodenbirne) или Erdrübe, Erdnuß, другие метафорические образования типа Nudel (Erndudel) и др. Для «черники» существует 35 местных синонимов: Heidelbeere, Basing, Bickbeere, Schwarzbeere, Waldbeere, Staudelbeere, Hangelbeere, Moosbeere и др. На небольшой территории западной Германии, занимаемой говорами гессенскими, пфальцскими, южнофранкскими и швабскими, «племенной бык» обозначается словами Bulle (Boll), Ochs, Fasel, Farren (Farr), Hummel, Mummel, Hagen, Hägel, Heigel, Heime и производными Sprungochs, Brüllochs, Brummochs, Farrochs, Faselochs и др. Городские говоры «образованных» («gebildete Umgangssprache») сохраняют в бытовой лексике лишь незначительную долю исконной дифференциации, о которой свидетельствуют крестьянские диалекты.

Переходное положение между крестьянскими диалектами и разговорной формой литературного языка занимают мещанские говоры, т. е. диалекты ремесленников, торговцев, примыкающих к ним мелких служащих и др. Разобщенность мелких производителей способствует сохранению территориальной раздробленности мещанских говоров. Однако по сравнению с крестьянством городская мелкая буржуазия втягивается более непосредственно в процесс капиталистического развития; сосредоточенная в крупных и мелких городах, она имеет, хотя и скудную, но все же более значительную долю в образовании и культуре, составляющих привилегию господствующих классов.

В основном мещанские говоры утратили наиболее резкие и заметные особенности, так наз. «первичные признаки», местных крестьянских говоров, присутствие которых могло служить существенным препятствием для языкового общения, но в то же время

они сохранили менее резкие местные диалектальные черты, «вторичные признаки» данного диалекта. В Германии, по сравнению с Францией и Англией, мещанские диалекты (Halbmundart) обнаруживают весьма значительные территориальные различия. При этом местная диалектальная окраска поднимается в Германии в более высокие социальные группы, а в некоторых областях немецкого языка (например, в Швейцарии, Эльзасе, Вюртемберге) городской диалект является обиходным языком «образованного общества» (gebildete Umgangssprache). С другой стороны, знание местного диалекта, хотя бы пассивное, можно считать у коренных жителей данного города общераспространенным, так что до сих пор во всех слоях общества, хотя и в разной форме, сохранились остатки прежнего двуязычия, характерного для переходной стадии в развитии национального языка.

Такая жизненность крестьянских и мещанских говоров явилась предпосылкой для развития с конца XVIII и начала XIX века богатой литературы на диалектах. По развитию областной литературы на диалектах Германия безусловно занимает первое место среди современных европейских наций; каждый район имел писателей на диалекте, из которых некоторые заняли почетное место в общенемецком литературном развитии: например, Г е б е л ь (J. P. Hebel, 1760—1826), автор стихотворных идиллий из жизни шварцвальдских крестьян («Alemannische Gedichte», 1803), и Фритц Р о й т е р (Fritz Reuter, 1810—1874), нижненемецкий «классик», юморист-бытописатель Мекленбурга. Важнейшие произведения этой литературы (до середины XIX в.) собраны в обширной хрестоматии: Firmenich «Germaniens Völkerstimmen» (3 т., 1854 г.). Литература на диалектах изображает быт и идеологию провинциальной мелкой буржуазии, городской и сельской, и обслуживает ее специфические культурные и общественные интересы и вкусы: мещанская и крестьянская идиллия, в освещении сентиментального юмора, ограниченный по своему кругозору бытовой реализм, установка на фольклор, местную старину и провинциальный патриотизм выражают более или менее сознательную мелкобуржуазную оппозицию против роста капиталистических отношений, централизации, культуры большого индустриального города.

Таким образом, классовые диалекты современного немецкого языка образуют пирамиду, сходящуюся в унифицированной письменной норме литературного языка. Основание пирамиды образуют крестьянские говоры, в которых расхождения наиболее значительны; в говорах мещанских пирамида сужается; в разговорном языке господствующего класса, более или менее унифицированном в соответствии с письменной нормой, она сходится еще ближе, но на данной стадии языкового развития Германии все еще не достигает безусловного единства.

§ 16. Развитие капитализма, создавая национальные литературные языки, вместе с тем характеризуется растущей тенденцией к преодолению их национальной замкнутости и обособленности. В этом смысле национальные языки следуют общему закону, управляющему национальным развитием в буржуазном обществе.

«Развивающийся капитализм», — говорит по этому поводу Ленин, — «знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм» («Критические заметки по национальному вопросу», Собр. соч., т. XVII, стр. 139—140).

Тенденция к ломке национальных перегородок в языках капиталистической эпохи выражается в мощном росте интернациональной лексики. Важнейшие стороны культурной жизни — наука и техника, политика и искусство — обслуживаются в значительной части этой новой интернациональной лексикой. Однако в условиях буржуазного развития с неизбежностью возникают и противоборствующие националистические тенденции, отстаивающие полную национальную замкнутость, абсолютную «чистоту» национального языка (так наз. «пуризм»).

Как все языки мира, немецкий язык с древнейших времен содержит ряд заимствованных слов, проникших в его состав в результате экономических, политических и культурных связей с другими народами. Эти заимствования свидетельствуют о сложном, многосоставном характере немецкой культуры, сложившейся, подобно культуре других народов, в постоянном взаимодействии с другими культурами. Таковы уже древнейшие латинские заимствования, предшествующие эпохе великого переселения народов и прошедшие через фонетическое оформление II переломка, более поздние латинские церковные слова древнегерманского периода, наконец — французские термины рыцарской культуры, отложившиеся в средневерхнегерманском языке. Но особенно интенсивный характер приобретают международные воздействия на развитие новонемецкого литературного языка начиная с эпохи Возрождения. При этом непрерывный рост международного лексического фонда в языках буржуазного общества совершается не только вследствие широкого обмена между отдельными национальными языками, но в еще большей степени благодаря

развитию особой категории интернациональных слов науки и культуры, заимствованных из латинского или греческого языка или вновь образованных из лексических и грамматических элементов этих языков. Поскольку латинский язык (в меньшей степени — греческий) оставался на протяжении столетий, несмотря на секуляризацию просвещения, не только международным научным языком, но до второй половины XIX века — более или менее обязательным элементом общего (классического) образования господствующих классов, для новых понятий науки и культуры, выходящих за пределы бытового обихода, обычно создавались новые слова из того же лексического материала классических языков, понятного вне национальных границ и сохранявшего в пределах Европы всеобщую международную значимость.

Направление языковых взаимодействий на разных стадиях развития буржуазного общества определяется неравномерностью развития капитализма: ведущая роль в процессе языкового обмена переходит от одной страны к другой, в соответствии с общим ходом экономического, политического, культурного развития.

В XV и в первой половине XVI в. очагом распространения таких новых слов является Италия эпохи Возрождения, передовая страна раннего капитализма. Итальянизмы XV—XVI вв., обычно через посредство Франции, вошли в состав интернациональных элементов большинства европейских языков, в том числе и немецкого, как обозначения для возникших в Италии того времени предметов и понятий новой культуры. Они относятся к тем сферам общественной жизни, в которых в это время влияние Италии особенно заметно, — к области военного дела, мореплавания, финансов, искусства (архитектуры, живописи, несколько позже — музыки), придворного этикета и др. Терминология военного дела свидетельствует о роли Италии XV в. в развитии военного искусства и в организации регулярной наемной армии взамен старого феодального ополчения: ср. ит. *soldato* > нем. *Soldat* «солдат» (фр. *soldat*); ит. *battaglione* > нем. *Bataillon* «батальон» (фр. *bataillon*); ит. *brigada* > нем. *Brigade* «бригада» (фр. *brigade*); ит. *attaca* > нем. *Attacke* «атака» (фр. *attaque*) и др. С развитием финансового хозяйства и кредита связаны термины из области финансов: ит. *banca* («скамья менялы») > нем. *Bank* «банк» (фр. *banque*); ит. *credito* («доверие») > нем. *Kredit* «кредит» (фр. *crédit*); ит. *bilancia* («весы», «равновесие») > нем. *Bilanz* «баланс» (фр. *bilan*); ит. *millione* («большая тысяча», от *mille* «тысяча») > нем. *Million* «миллион» (фр. *million*) и др. В связи с постройками нового, ренессансного типа, вытеснявшими средневековую архитектуру, входят в употребление: ит. *balcone* > нем. *Balkon*

«балкон» (фр. balcon) — вместо старого готического Erker (mhd. ärker < старо-фр. arquiere «выступ стены для стрельбы»); ит. galleria > нем. Galerie «галерея» (фр. galerie); ит. salone > нем. Salon «салон» (фр. salon) и мн. др.

В эпоху абсолютизма XVII — XVIII вв. передовой страной становится Франция. Германия, вследствие своей экономической отсталости и политической раздробленности, находится и в культурном отношении под влиянием своего более сильного соседа. Но влияние французского придворно-аристократического языка эпохи абсолютизма на дворянское общество ощущается в разной степени и в других странах Европы: французский язык на некоторое время становится международным языком «светского общества». «Эта великая честь», пишет Лафарг, «досталась аристократическому языку только потому, что в Европе Франция была единственной большой страной, где дворянство, сосредоточившись вокруг своего феодального повелителя, создало обширный двор и достигло галантности и изящества, которыми восхищалась и которым подражала аристократия остальных европейских государств» («Язык и революция», 1930, стр. 32).

Для придворно-аристократической культуры эпохи абсолютизма особенно характерны заимствования из области моды, светской жизни, развлечений и этикета, костюма, домашней обстановки, предметов роскоши, кулинарии и т. п. Ср., напр., фр. mode > нем. Mode «мода», фр. toilette > нем. Toilette «туалет», фр. meuble > нем. Möbel «мебель», фр. corset > нем. Korsett «корсет», фр. paletot > нем. Paletot «пальто», фр. hôtel > нем. Hotel «отель», фр. bouillon > нем. Bouillon «бульон», фр. omelette > нем. Omlette «омлет», фр. élégant > нем. elegant «элегантный», фр. galant > нем. galant «галантный», фр. compliment > нем. Kompliment «комплимент», фр. dame > нем. Dame «дама» и мн. др.

Рядом с французским дворянским языком, начиная с XVIII в., широкое влияние приобретает язык буржуазной литературы эпохи Просвещения, в особенности — в области общественно-политической. Но решающее значение в этом смысле принадлежит эпохе буржуазной революции, когда Франция вводит в международный оборот множество новых слов, относящихся к новым явлениям и понятиям политической жизни буржуазного общества.

Как известно, идеологи революционной буржуазии XVIII в. охотно выступали в античном костюме, учась ставить политические проблемы современности на исторических «уроках» Греции и Рима. Поэтому большинство этих французских заимствований принадлежит к категории интернациональных слов латинско-греческого происхождения, переосмысленных или созданных заново из материала классических языков. Значительная часть

политического словаря французской революции встречается уже в ученых трактатах XV—XVII вв., посвященных античной истории, но приобретает актуальное значение у теоретиков французского буржуазного Просвещения XVIII в. и их немецких последователей: напр., нем. Aristokratie (фр. aristocratie); Demokratie (фр. démocratie); Monarchie (фр. monarchie); Anarchie (фр. anarchie); Republik (фр. république) и др. Слова Revolution (фр. révolution), Konstitution (фр. constitution), sozial (фр. social), Patriotismus (фр. patriotisme), Klasse (фр. classe) в значении «общественного класса» встречаются уже в предреволюционное время. Революция, однако, активизировала эти слова в сознании современников, наполнив их новым актуальным содержанием и придав им характер политических лозунгов (Schlagworte), связанных с интересами дня. «Я хотел бы подсчитать, — пишет в 1801 г. немецкий писатель Л и х т е н б е р г, — сколько раз слово «революция» произносилось и печаталось в Европе за восьмилетие с 1781 по 1789 г. и с 1789 по 1797. Отношение вряд ли было больше чем 1:1 000 000». Поэтому словари неологизмов, подводящие итоги сдвигам в языке, вызванным французской революцией, обычно регистрируют данные слова как новые.

До образования союза коммунистов и революции 1848 г. Франция сохраняет ведущую роль в вопросах политической идеологии. На ранних стадиях рабочего движения, в связи с развитием утопического социализма, возникают и получают из Франции международное распространение такие слова, как Sozialismus (фр. socialisme), Kommunismus (фр. communisme), Kapitalismus (фр. capitalisme), Proletariat (фр. prolétariat) и многие другие.

С XVIII в. начинает выступать языковое влияние Англии как передовой страны капитализма, отставая, однако, заметно от соответствующего влияния английских буржуазных политических учреждений, английской философии и литературы, английских нравов. Лишь начиная с промышленной революции, в особенности же — в эпоху расцвета капитализма и довоенного империализма, экономическая и политическая гегемония английского капитала прокладывает путь для заметных языковых влияний международного характера, отражающихся в частности и на немецкой лексике. Английские интернациональные заимствования относятся к области общественно-политической жизни, торговли, промышленности и финансов, железнодорожного дела и мореплавания; они охватывают также сферу «светской жизни» буржуазного общества, салонного общения и спорта, в которых английские моды сменили итальянские XV—XVI вв. и французские XVII—XVIII вв. Напр., общественная и политическая жизнь: нем. Parlament (англ. parliament), Bill (англ. bill), Meeting (англ. meeting), Interview (англ. interview) и др. Морепла-

вание: нем. Kabine (англ. cabine), Jacht (англ. yacht), Ballast (англ. ballast) и др. Железнодорожное дело: нем. Lokomotive (англ. locomotive), Tunnel (англ. tunnel) и др. Экономическая жизнь: Export (англ. export), Obligation (англ. obligation), Trust (англ. trust) и др. Спорт: нем. Sport (англ. sport), Box (англ. box), Jockey (англ. jockey), Tennis (англ. lawn-tennis), Tourist (англ. tourist) и мн. др. «Светская» жизнь: Dandy (англ. dandy), Snob (англ. snob), Komfort (англ. comfort), Klub (англ. club) и т. д. Многие из этих английских слов, ставших интернациональными, в свою очередь образованы от французских и латинских, как и вообще значительная часть английского словаря (напр., parliament, export, comfort и мн. др.); но именно в английском языке некоторые из них получили то специальное значение, с которым вошли в состав интернациональной, в частности немецкой, лексики.

Немецкие элементы в международном лексическом фонде появляются в основном со второй половины XVIII в. По сравнению с культурным влиянием Германии на другие страны Европы число этих заимствований сравнительно не очень велико и в XIX веке. До XX в. знание немецкого языка в Англии и Франции было редкостью даже среди интеллигенции; с другой стороны, немецкий язык, по сравнению с языками романскими и даже английским, находился в невыгодной изоляции, будучи лишен опоры в латыни, служившей для народов Европы главным источником интернациональной лексики. Поэтому те слова, которые проникли в международный обиход из немецкой науки и техники, в большинстве случаев либо являются интернациональными учеными терминами греколатинского происхождения, не имеющими специфически немецких языковых признаков (напр., в XVIII в. Teleologie «телеология» — термин философии Х. Вольфа, Ästhetik «эстетика» — термин Баумгартена и т. п.), либо принадлежат к категории переводных заимствований, обретенных в соответствующую национальную языковую форму (ср. нем. Weltanschauung — «мировоззрение», Ding an sich — «вещь в себе» и др.). Особенно значительное международное влияние имела в этом смысле терминология, созданная классической немецкой философией от Канта до Гегеля, а со второй половины XIX в. — политическая лексика немецкого рабочего движения и научного социализма Маркса и Энгельса: ср., напр., Klassenkampf — «классовая борьба» (фр. «lutte de classes»); Diktatur des Proletariats — «диктатура пролетариата» (фр. dictature prolétarienne); Mehrwert — «прибавочная стоимость» (фр. plus-value); Weltmarkt — «мировой рынок» и мн. др. В языках же восточной и северной Европы международные слова в немецком оформлении и собственно немецкие лексические заимствования были несколько более значительны.

Наконец, в эпоху всеобщего кризиса капитализма и пролетарских революций наиболее активным очагом международных языковых влияний становится Советский Союз, первое в мире социалистическое государство. Русский язык, как язык передового отряда мировой социалистической революции и ее вождей, Ленина и Сталина, становится для современного Запада, в условиях назревающего революционного кризиса, носителем идеологических влияний социалистической революции. Интернациональную значимость приобрели, напр., слова «совет» (нем. Sowjet), «большевик» (нем. Bolschewik), «колхоз» (нем. Kolchos или Kollektivwirtschaft), «кулак» (нем. Kulacke) и мн. др. В. И. Ленин писал еще в 1919 г.: «Везде в мире слово «Совет» стало не только понятным, стало популярным, стало любимым для рабочих, для всех трудящихся» («Что такое советская власть?», Соч., т. XXIV, стр. 201). Еще более многочисленны переводные заимствования, употребляющиеся для обозначения новых предметов и понятий, созданных социалистической революцией; ср. «пятилетка» — нем. Fünfjahrplan, «ударник» — нем. Stoßarbeiter, «социалистическое соревнование» — нем. sozialistischer Wettbewerb, «самокритика» — нем. Selbstkritik и мн. др.

Однако интернациональные тенденции в языковом развитии капиталистической эпохи не могут проявиться с полной последовательностью. В условиях капитализма ожесточенная экономическая конкуренция и политическая борьба между национальными государствами ведет к развитию буржуазно-националистической идеологии; в эпоху империализма, вместе с небывалым развитием международных связей между всеми нациями мира, невиданным образом обостряется национальная конкуренция и национальная борьба. Выражением националистической политики господствующих классов в вопросах языкового строительства является так наз. «пуризм» — борьба за абсолютную «чистоту» языка, направленная против каких бы то ни было «иностранных» и интернациональных слов.

В Германии мы встречаемся с первыми проявлениями пуризма уже в XVII—XVIII вв. (начиная с «языковых академий»), где он выступает как реакция против французской гегемонии в культуре и языке: теоретики буржуазного национализма вступают в борьбу с засильем «иностранщины» в обиходном языке дворянского общества. Крайности этого направления хорошо иллюстрирует поэт и романист Цезен (Philipp von Zesen, 1619—1689 гг.), основатель гамбургского «Ордена Розы». Цезен, между прочим, предлагал говорить *vm. Fieber — Zitterweh, vm. Fenster — Tägeleuchter, vm. Affekt — Gemütstrift, vm. Grotte — Lusthöhle, vm. Nase* (слово, которое он считал латинским заимствованием) — *Löschhorn* или *Gesichtserker* и др. С развернутой программой «чистки и обогащения» («Reinigung und Be-

reichung») немецкого языка выступает в конце XVIII и в начале XIX вв. пурист Кампе (J. H. Campe, 1746—1818 гг.), автор обширного словаря «для объяснения и онемечения навязанных нашему языку иностранных слов» («Wörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der unserer Sprache aufgedrungenen fremden Ausdrücke», 1801 г., 2-е изд. — 1813 г.). Согласно принципам Кампе, «онемечению» подлежат все слова, не вошедшие в народный язык и не ассимилированные полностью (в фонетическом и грамматическом отношении). Ряд слов, предложенных Кампе, вошел во всеобщее употребление: например, Flugschrift, Eigenname, Beweggrund, Öffentlichkeit, Zartgefühl, Zerrbild, verwirklichen и др. Характерно, однако, что крайности его позиции вызывают резкий отпор со стороны немецких классиков. Шиллер в «Ксениях» (1797 г.) бранит Кампе «педантом», Гете протестует против тех «ограниченных людей», которые не умеют ценить «достоинство выражения» («den Wert eines Ausdrucks») и потому легко довольствуются «суррогатами» (письмо Риммеру, 30/VI 1813 г.). В свою очередь Яков Гримм резко полемизирует с пуристами типа Кампе, которые, «не чувствуя настоящей радости от красоты и богатства нашего языка», стремятся во что бы то ни стало изгнать из него все чужое; в особенности он возражает против неуклюжих сложных слов, которыми неудачно пытаются заменить привычные и легкие простые слова (предисловие к «Немецкому Словарю», 1852 г.).

Таким образом, в конце XVIII и в начале XIX вв. молодая немецкая буржуазия в лице своих лучших представителей встречает враждебно проявление националистической ограниченности. Но в течение XIX в. положение совершенно меняется. Немецкий капитализм, после запоздалого объединения Германии, развертывает особенно активную политику национального объединения внутри страны и националистической агрессии во-вне, борясь за мировую гегемонию со старыми капиталистическими странами. Языковая политика немецкой империалистической буржуазии становится одним из важнейших средств для мобилизации общественного мнения в этом направлении.

Главным орудием немецкого националистического пуризма становится «Общенемецкий языковый союз» («Allgemeiner Deutscher Sprachverein»), основанный в 1885 г. и насчитывавший в 1932 г. около 480 провинциальных отделений. Союз издает свой журнал («Zeitschrift des Allgemeinen Deutschen Sprachvereins», позднее под заглавием «Die Muttersprache»), с «научными приложениями» («Wissenschaftliche Beilagen»), в которых обсуждаются вопросы и предложения, связанные преимущественно с «чисткой языка» (Sprachreinigung). Практическим целям служат издаваемые этим союзом «Verdeutschungswörterbücher» (словари для «онемечивания» иностранных слов). Основная

точка зрения союза на вопросы чистоты языка выражена несколько неотчетливо в лозунге: «Ни одного иностранного слова для того что столь же хорошо может быть сказано по-немецки» («Kein Fremdwort für das, was ebensogut deutsch ausgedrückt werden kann»). Конечно, ограничительное «столь же хорошо» допускает и вызывает самые различные толкования. Фактически союз за 60 лет своего существования вел организованную борьбу против интернациональных элементов в немецком литературном языке. Для этого была широко использована помощь правительственных инстанций; руководители союза вступали в соглашения с центральными государственными учреждениями, проводившими по его указаниям организованную чистку языка в своей области. Еще до основания союза (в 1876 г.) националистически настроенный директор германской почты Stephan уничтожил в своем ведомстве несколько сот иностранных терминов, заменив их новыми немецкими. За ним последовало железнодорожное ведомство, уничтожившее около 1000 иностранных слов. Банковское дело пережило аналогичную реформу. В Гражданском уложении 1900 г. проведена была систематическая чистка юридической терминологии. Так, были введены официальным путем Fahrkarte вм. Billett (билет), Bahnsteig вм. Perron (платформа), Schaffner вм. Kondukteur (кондуктор), einschreiben вм. rekommandieren (заказное письмо), Währung вм. Valuta (валюта), Zinschein вм. Coupon (купон), Vertrag вм. Kontrakt (договор), Vergehen вм. Delikt (правонарушение) и мн. др. Из новых технических изобретений телефон получил название Fernsprecher, велосипед — Fahrrad или Rad, автомобиль — Kraftwagen, радио — Rundfunk и т. д. В бытовом языке появились Fleischbrühe вм. Bouillon (бульон), Tunke вм. Sauce (соус), Bürgersteig вм. Trottoir (тротуар). Во время первой мировой войны велась ожесточенная борьба против французского adieu, замененного немецким auf Wiedersehen («до свидания»).

Эта кампания мобилизации буржуазного общественного мнения велась с помощью националистической прессы. В систематической и упорной борьбе против иностранных слов пуристы апеллировали к «национальному сознанию», «национальной гордости» немецкой буржуазии. Они заявляли, что «иностранщина пятнает репутацию писателя», что она является своего рода «национальной изменой в языковых вопросах» («sprachlicher Landesverrat»). Конечно, эта точка зрения утвердилась не без некоторой полемики. К началу деятельности союза (1889 г.) стносятся публичное выступление группы выдающихся буржуазных писателей, литературных критиков и ученых, возглавляемой известным германистом проф. Эрихом Шмитом и историком Гансом Дельбрюком, в защиту либеральных позиций невмешательства государства в вопросы языка, свободы писатель-

ской инициативы и личного вкуса и сохранения международных связей в языке, литературе и культуре, необходимых для здорового развития культуры национальной. Однако «либералы», ссылавшиеся на традиции классической немецкой литературы времен Гете и Шиллера, в условиях агрессивного национализма империалистической эпохи оказались побежденными и вынуждены были уступить буржуазному общественному мнению. Позицию крайних шовинистов в языковых вопросах выражает лозунг современного пуриста Энгеля: «Всякое иностранное слово может быть заменено немецким» («Jedes Fremdwort ist entbehrlich»). В период господства немецкого фашизма этот воинствующий шовинизм реакционеров типа Энгеля получил официальную поддержку государства.

Оценку буржуазного пуризма дает Энгельс в предисловии к «Развитию социализма от утопии к науке»: «Ведь необходимые иностранные слова, представляющие собой большей частью общепринятые научно-технические выражения, вовсе не были бы необходимы, если бы они поддавались переводу. Значит, перевод искажает смысл; вместо того, чтобы пояснить, он сбивает с толку» (Собр. соч., т. XV, стр. 624).

Только в условиях подлинно-демократической Германии национальное развитие этой страны может создать благоприятные перспективы для освобождения немецкого литературного языка от шовинистической накипи буржуазного пуризма.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА

Глава I

ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА

1. ОРФОГРАФИЯ И ПРОИЗНОШЕНИЕ

§ 17. Фонетическая система современного немецкого языка состоит из следующих звуков:

I. Гласные.

Долгие: а о и: е: (э:) і: ѳ: у:

Краткие: а ѳ ѳ э і ѳ ѳ

Дифтонги: аі аи ѳі

Редуцированный гласный: э.

II. Согласные.

Сонорные: носовые m n ŋ; плавные l r.

Шумные: губные b p; v f; переднеязычные: d t; s z; š (ž);
заднеязычные и среднеязычные: g k; x—ç; j.

Придыхание: h. Аффрикаты: ts pf.

Между нормой «сценического произношения» этих звуков и фактическим произношением в обиходном языке «образованных» (gebildete Umgangssprache) различных частей Германии существуют заметные различия. Согласно сценическому произношению, долгие гласные являются закрытыми (за исключением э:) и напряженными, краткие — открытыми и ненапряженными (севернонемецкое произношение). Фактически в средней и южной Германии краткие гласные (в соответствии с фонетическими особенностями местных диалектов) часто бывают закрытыми, и различаются два кратких е — открытое [э] и закрытое [e], в зависимости от исторического происхождения (см. ниже стр. 122.) Сценическое произношение предписывает э: для орфографического долгого ä (Käse, quälen, zählen, gebären и др.). Фактически в севернонемецком (и прибалтийском) произношении

долгое е всегда закрыто; в средней и южной Германии различаются открытый и закрытый звук по происхождению, которое часто не совпадает с различием написания е — ä (см. ниже стр. 123). Иногда наблюдается открытое произношение перед г. независимо от написания, как в балтийском be:г (Bär), ſvе:г (schwer). Для дифтонга [ai] широко распространено произношение [äi] — tsäit вм. tsait (Zeit), kläit вм. klait (Kleid); для дифтонга [oi] — произношение [öi]: pöi вм. poi, höitə вм. hoitə. Оба явления (äi и öi) характерны, между прочим, для балтийского.

Редуцированный гласный (Murmelvokal) э встречается только в неударном положении как результат редукции древненемецкого неударного вокализма (см. стр. 114): например, па:тə «Name», гəbirgə «Gebirge»; в живом произношении он имеет различную местную окраску.

Из согласных [z] встречается только перед гласными: sagen, lesen, Amsel; [ž] — только в заимствованных словах: ср. франц. Génie, Journal. В средней и южной Германии, где существует тенденция к замене звонких глухими, не искорененная до сих пор и в языке «образованных», [ž] обычно заменяется [š]. [x] — [ç] (так наз. ach-Laut и ich-Laut), среднеязычный и заднеязычный глухой спирант, являются вариантами звука, которые зависят от характера предшествующего звука: после заднеязычного гласного стоит [x], после переднеязычного гласного или согласного — [ç]; однако [ç] употребляется во всех случаях в суффиксе -chen (из frnhd. -ichen, см. стр. 266). Звук [j] в немецком произношении — звонкий среднеязычный спирант. Аффрикаты [ts] и [pf] представляют соединение взрывного с аналогичным по месту артикуляции спирантом, при котором смычка непосредственно переходит в спирантное произношение.

Современная немецкая орфография передает эту фонетическую систему весьма несовершенно.

Как все современные европейские языки, немецкий язык обнаруживает значительные противоречия между произношением и орфографией. В определенных случаях эти противоречия объясняются столкновением фонетического принципа с лексическим (семантическим). Мы пишем, например, Grab — Gräber, Tag — Tage, Wald — Wälder, хотя звонкие взрывные на конце слова переходят в глухие [gra:p, valt, ta:k]: такое этимологическое правописание, сохраняя лексическое единство слова, облегчает понимание написанного. По той же причине в словах Wald — Wälder, Grab — Gräber пишется ä вместо е, чем подчеркивается лексическая сопринадлежность слов одного корня. В средневерхненемецкую эпоху, следуя фонетическому принципу, писали: walt — welder, grap — greber. В подобных случаях откло-

нение от фонетического принципа правописания оправдывается практической целесообразностью понимания.

Гораздо более многочисленны другие случаи, в которых противоречие между правописанием и произношением объясняется архаической традицией письма и стихийным характером его приспособления к меняющемуся произношению. Если в идеале каждому самостоятельному звуку языка должен соответствовать определенный знак, имеющий только одно значение, то можно свести противоречия этого рода к следующим основным случаям.

1. Простой звук обозначается двумя или тремя буквами: sch [š] — Schild, schwäbisch; ch [x — ç] — Lachen, stechen или [k] — Chor, wachsen; ng [ŋ] — lang, länger; ie [i:] — tief, liege. Группы tz [ts], ck [k], dt [t] заменяют графическое удвоение согласного и служат для обозначения краткости предшествующего гласного: sitzen, Sitz; Zweck, Ecke; Stadt и др.; группа ß [s] чередуется с ss на конце слова (lassen — laß, nasser — naß) и перед согласными (vergessen — vergeßlich) и употребляется вместо ss в интервокальном положении после долгого гласного или дифтонга (größer — groß, heißer — heiß).

2. Группа звуков обозначается одной буквой: x [ks] — Ache, Exemplar; z [ts] — Zeit, Salz. Аффриката [ts] может обозначаться одной буквой — z или двумя — tz, аффриката [pf] всегда двумя — pf.

3. Буква или группа букв употребляется в разных значениях. Например, ch произносится как заднеязычный спирант [x] после задних гласных (ach-Laut), как среднеязычный спирант [ç] после передних (ich-Laut): ср. ach — ich, Macht — Recht. В этом случае мы имеем, в сущности, два варианта одного звука. Но ch обозначает также [k] перед s — wachsen, Ochs, и в словах греческого происхождения — Chor; кроме того [š] в французских словах — Champagner, [tʃ] в английских — Charles. s имеет три значения: глухое [s] — Wespe, Lust, wachsen; звонкое [z] перед гласными — sagen, lesen; [ʃ] в начале слова в сочетаниях st-, sp-: Stein, spielen. g может обозначать палатальный спирант [ç] в суффиксе -ig на конце слова: lustig, König; в северной и средней Германии (как и в прибалтийско-немецком) держится спирантное произношение всякого конечного -g, например tag [taχ], weg [weç]. n перед k означает [ŋ]: trinken, Dank. v [f] в иностранных словах имеет значение [v]: ср. Vogel, voll — Vagabund, Viktor; e в сочетании ei произносится как a: reiten, Stein, в неударном положении оно служит для обозначения редуцированного [ə]: ср. Name, Gebirge.

4. Одинаковый звук обозначается различными буквами. Например, для [f] употребляются буквы v и f без какой-либо закономерности: ср. Vater — Faden; в словах одного корня: voll —

Fülle, vor — für. В словах греческого происхождения тот же звук [f] обозначается ph: ср. Philosophie, Phosphor и др. Рядом с t употребляется th в некоторых немецких собственных именах: Theobald, Lothar, Mathilde, Thüringen, Goethe и др.; также в словах греколатинского происхождения: Aether, Theater, Theodor и др. До орфографической реформы 1901 г. th писалось и в целом ряде немецких слов: Thor, Theil, That и др. Дифтонг [ai] обозначается как ei и ai: ср. leise — Kaiser, Rhein — Main; в прибалтийско-немецком выработалась дифференциация произношения, ориентированная на орфографию: ei звучит как [äi], ai произносится [ai]. Для [k] существует несколько обозначений: k — Werk, kalt; ch перед s — wachsen, sechs; ch в словах греческого происхождения — Chronik, Chor; qu для сочетания [kw] — Qual, erquickten; ck вместо двойного kk [k] — wecken, kess. В словах латинского и французского происхождения еще недавно (до реформы 1901 г.) сохранялось свойственное этим языкам написание с перед a, o, u и согласными, замененное в настоящее время через k: ср. Doktor (лат. doctor), Konsilium (лат. consilium) и др. Однако в небольшом числе слов, сохранивших в целом особенности французского правописания, попрежнему пишется c: ср. Coiffeur, Cousin, Courage и др. Для [ŋ] особого знака не существует; для обозначения этого звука употребляются ng (lang, länger) и n перед k (sinken, Schrank). Об употреблении ä вместо e в чередовании с a было упомянуто выше.

5. Особенно бессистемно обозначение долготы и краткости. Мы имеем одинаковые долгие гласные в разном написании: например, Aal — Zahl — Tal, sehr — Meer — er, Tier — ihr — mir, geben — nehmen. Для обозначения долготы может служить удвоение гласного, знак h, написание ie [i:], просто открытый слог (lesen, geben). Там, где открытый слог чередуется с закрытым, долгота в последнем остается необозначенной (ср. lesen — las, Tage — Tag) или, напротив, двухсложная форма получает h, несмотря на открытый слог, по аналогии с односложной (ср. nahm — nehmen, Zahl — zahlen). Краткость обозначается отдельно от долготы. Признаком краткости является удвоение последующего согласного (ср. schwimmen, Sonne, Wetter) или группа согласных после гласного (stopfen, sitzen, fasten). Иногда это группа только графическая, как sch или ch (waschen, lachen). Графическая группа ß в интервокальном положении: в противоположность ss обозначает долготу предшествующего гласного (ср. Mäße — Maße, lassen — größer), но в конце слова ß пишется независимо от долготы (ср. läß — groß). В ряде случаев встречается долгота перед группами согласных: ср. Bart, werden, Behörde, Mond, Jagd, Krebs, Schuster, trösten (наряду с краткими в аналогичных комбинациях: например,

hart, Mörder, blond, Muster и пр.). Таким образом, несмотря на то, что обозначаются отдельно и долгота и краткость, остается целый ряд двусмысленных и противоречивых написаний, в которых количество гласного не имеет никакого обозначения (так, в особенности, в односложных словах с закрытым слогом типа Tag, Grab, Glas и т. п.).

6. Большие трудности представляет орфография иностранных слов, в которых сохраняются написания, употребительные в данном языке: ср. Shakespeare, Champagner, Physiologie и пр. Практически это значит, что читающий и пишущий по-немецки должен быть знаком с орфографиями всех тех языков, из которых данные слова заимствованы.

7. Особенностью немецкого письма является употребление, наряду с общелатинским шрифтом, специального, так наз. готического. Готический стиль письма был распространен у всех западно-европейских народов в средние века как графический вариант оформления латинских букв; начиная с эпохи Возрождения, он повсеместно выходит из употребления вместе с возвращением к подлинной форме латинских букв: во Франции и в Англии в XVI в., в Голландии в XVII в., в скандинавских странах в XIX в. В Германии готический шрифт до сих пор сохраняется наряду с латинским, и в его защиту ведется националистическая агитация, особенно усилившаяся после империалистической войны 1914—1918 гг. и в период господства фашизма. Между тем с исторической точки зрения готический стиль букв не имеет ничего специфически немецкого, а параллельное существование двух шрифтов представляет значительные практические неудобства.

На практике не все указанные несоответствия представляют одинаково существенные трудности. Так написания st, sp, sch, ch, ng, дробебуквия типа tz и ck и некоторые другие условности традиционного правописания не представляют особых препятствий для усвоения. Другие, практически более существенные недочеты легко могли бы быть устранены частичной орфографической реформой: например, параллельное употребление f и v, аналогичное по своей трудности ð и старое русское правописание, написание chs и x вместо ks, или ch, rh, th вместо k, f, t (в греческих словах). Вместо ß в латинском шрифте нередко пишут ss, однако это создает новые затруднения для обозначения долготы и краткости предшествующего гласного (ср. grösser и lassen, Mäße множ. «меры» и Mäße «масса» и др.).

Значительно сложнее вопрос о рационализации обозначения долготы и краткости, представляющий наибольшие затруднения при усвоении немецкого правописания и так или иначе затрагивающий написание каждого слова. Здесь было бы

необходимо создать параллельные начертательные варианты для долгих и кратких гласных. В сущности вопрос этот в разной форме возникает для большинства языков, пользующихся латинским алфавитом, и радикальная реформа в этом направлении могла бы осуществиться наиболее целесообразным способом только в международном масштабе. В известном смысле это относится и к проблеме написания иностранных слов; простое написание этих слов по принципу немецкой орфографии повело бы к дальнейшему отрыву от интернациональных связей. Конечно, в условиях жесточайшего национального шовинизма, характерного для современного буржуазного общества, действительное международное сотрудничество в вопросах культурного и языкового строительства является утопией. Но представители господствующих классов сопротивляются орфографической реформе и в ограниченных пределах отдельных частных вопросов, разрешение которых могло бы облегчить практическое усвоение письма и тем способствовать его демократизации. Исторически сложившиеся противоречия национального правописания возводятся в догмат и рассматриваются как выражение «национального духа»; тем самым трудности такой, якобы «исторической», орфографии делают ее, как и образование, социальной привилегией господствующих классов.

Немецкая орфография складывается в средние века путем приспособления латинского письма к обозначению звуков немецкого языка, для которых в латинском языке во многих случаях не было соответствия. Так, необходимо было обозначить разницу между *h* и *ch*, между *s* и *z* (*ß*), к которым впоследствии присоединились [*ʃ*] и [*z*]. В латинском языке не было согласных *ch* [*χ—ç*], *sch* [*ʃ*], [*z*], не было гласных *ö* и *ü*; в системе письма не проводилось различия между долгими и краткими гласными, между открытым и закрытым *e*. Приспособление латинского алфавита к немецкой фонетике шло стихийно, кустарным способом, по инициативе отдельных писцов и монастырских школ, с ориентацией на различные местные диалекты. Сознательная регламентация письма начинается, в эпоху становления национального языка, работой канцелярий и печатников, еще позже — усилиями грамматиков-нормализаторов. Установившаяся таким путем в основных своих чертах в XVI веке орфографическая система значительно архаичнее живого произношения, проделавшего в эпоху образования национальной нормы весьма существенные изменения. Для того, чтобы понять основы этой системы, нужно обратиться к средневерхненемецкому и к тем последующим фонетическим процессам, которые определили звуковую структуру новонемецкого литературного языка.

2. РАЗВИТИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НОВОНЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

§ 18. Звуковая система новонемецкого языка отличается от средневерхненемецкой теми существенными фонетическими изменениями, которые были закреплены в немецком литературном языке в пору его образования из средневерхненемецких диалектов. Поэтому для понимания фонетических особенностей средневекового немецкого языка необходимо прежде всего познакомиться со звуковыми соотношениями языков средневерхненемецкого и новонемецкого.

Для звуковой системы средневерхненемецкого языка в грамматических пособиях принята следующая нормализованная орфография.

I. **Гласные.** Долгие: *â æ é î ó û œ iu* [y:]

Краткие: *a ä ë e i o u ö ü*

Дифтонги: *ei ou ûi ie uo üe*

Полугласный *w* [*ʍ*] — неслоговое *u* (в начале слога).

II. **Согласные.** Сонорные: носовые *m, n*; плавные *l, r*. Шумные: губные *b, p*; *f* (*v*); переднеязычные: *d, t*; *s, z*, *sch* [*ʃ*]; заднеязычные и среднеязычные: *g, k* (*c*); *ch* [*χ—ç*]; *j*. Придыхание: *h*. Аффрикаты: *z* [*tʃ*], *pf*.

Средневерхненемецкий язык представлял, как известно, весьма значительные диалектальные различия. Поэтому нормализованная орфография и даже точное воспроизведение изменчивых написаний самих памятников не может дать полной картины произношения. В дальнейшем дается лишь типовое значение принятых знаков, поскольку они отличаются от новонемецкого.

Различие долгих и кратких гласных всегда обозначается особыми знаками. Для долготы употребляется знак *^*: ср. *gâben* «gaben», *mêr* «mehr», *wîn* «Wein», *ôre* «Ohr», *hûs* «Haus». Для долгих умлаутов приняты особые знаки *æ* [e:], *œ* [ø:], *iu* [y:]: ср. *spæte* «spät», *schœne* «schön», *hiuser* «Häuser». При отсутствии знака долготы гласный — всегда краткий, даже в открытом слоге: ср. *pame*, *geben*, *oben*.

Различаются два типа долгого *e* — открытое *æ* [e:] и закрытое *ê* [e:]: ср. *spæte* «spät» — *mêr* «mehr». Из них первое является умлаутом от *â*: ср. *pâmen* «wir nahmen» — *pæme* «ich nähme». Краткое *e* бывает трех типов — открытое *ä*, среднее *ë* и закрытое *e*: ср. *mâhtig* «mächtig», *gêben* «geben», *gêste* «Gäste». Открытое *æ* и закрытое *e* являются умлаутами от *a*: ср. *gast* — *gæste* «Gäste», *maht* — *mâhtig* (см. стр. 122).

Дифтонги *ie, uo, üe* имеют ударение на первом элементе: ср. *lier* «lieb», *guot* «gut», *müede* «müde». При этом *üe* является умлаутом от *uo*, *ûi* — умлаутом от *ou*: ср. *guot* — *güete* «Güte», *louf* «Lauf» — *lôufer* «Läufer». Дифтонг *ei* в противоположность новонемецкому всегда произносится как *ei*: ср. *breit* [breit].

Из согласных *v* является графическим вариантом *f*, преимущественно в начале слова: ср. *fehthen* — *vehthen* «fechten»; точно так же *s* может употребляться вместо *k*, обычно — в конце слова; ср. *werc* «Werk». *s* и *z* представляют два типа переднеязычного спиранта, которые различаются по своему происхождению и произношению: ср. *wæzzer* «Wasser», *haz* «Haß» — *singen*, *lust* (см. § 20, 1). При этом в противоположность новонемецкому произношению *s* во всяком положении произносится как [*ʃ*], в том числе перед гласными и в начале слова в комбинации *st-, sp-*: ср. *sagen* [sagən], *stein* [stein], *spil* [spil]. Знак *z* — так наз. «хвостатое *z*» (*geschwänztes z*) — употребляется

в грамматически нормализованном написании средневерхненемецких (и древневерхненемецких) текстов для обозначения звука [s], в противоположность простому z (zz), обозначающему аффрикату [ts]: ср. wazzer, haꝛ — zit «Zeit», sizzen «sitzen». Знак w, повидимому, обозначает, как в английском, неслоговое u [ʍ]: ср. mhd. winter (англ. winter), frouwe «Frau», gelwer «gelber».

В целом орфография средневерхненемецкого гораздо ближе к произношению, чем современная, в которой существенную роль играют и консервативная историческая традиция и этимологические соображения. Этим объясняется, между прочим, то обстоятельство, что в противоположность этимологическому принципу, принятому в новонемецком правописании, средневерхненемецкая орфография вполне точно отражает потерю звонкости шумными гласными на конце слова (Auslautverhärtung), где конечные -b, -d, -g > -p, -t, -c (k): ср. geben — gap «gab», libes — lîp «Leib»; tôdes — tôt «Tod», Kîndes — Kînt «Kind», tages — tac «Tag».

§ 19. При переходе от средневерхненемецкого к новонемецкому периоду звуковая система немецкого языка претерпевает следующие изменения.

I. Гласные

A. Качественные изменения

1. *Дифтонгизация старых долгих*: î > ei [ai], û > au, iu [y:] > eu [ɔi].

Например, dîn > dein, rîch > reich, îs > Eis, lîden > leiden, rîten > reiten. — hûs > Haus, lût > laut, brûn > braun, sûgen > saugen. — liute > Leute, hiute > heute, hiuser > Häuser, miuse > Mäuse, tiure > teuer.

Явление это распространяется с юго-востока, из баварско-австрийских диалектов (XII в.). Его широкое распространение связано с образованием и дальнейшей экспансией письменной нормы национального языка (XIV—XVI вв.). Недифтонгизованные долгие сохранились в нижненемецком, который остается незатронутым большинством звуковых изменений верхненемецкого, а в пределах последнего — в диалектах Эльзаса и Швейцарии, вступающих в это время на путь политического и культурного обособления.

2. *Монофтонгизация старых дифтонгов*: ie > i:, uo > u:, üe > ü:.

Например, bieten > bieten [bi:tən], fliegen > fliegen [fli:gən], brief > Brief [bri:f], diep > Dieb [di:p]. — kluoc > klug, buoch > Buch, guot > gut, gruop > grub, fuor > fuhr. — güete > Güte, büecher > Bücher, klüeger > klüger, sūeze > süß, müede > müde.

Монофтонгизация возникает в XII—XIII вв. в средненемецких наречиях, быть может — в результате смешения с нижненемецкими монофтонгами (ср. hd. guot — nhd. göd; hd. dieb — nhd. dieb; hd. sūeze — nhd. süte). В южнонемецкую область она попадает только как письменная норма литературного языка. Южно-

немецкие диалекты (как баварские, так и швабско-алеманнские) до сих пор сохраняют старые дифтонги: например, шваб. liær, guæt, siæs «süß».

В орфографии группа ie, потеряв свое дифтонгическое звучание, сохранилась как знак долгого i:. Поэтому она употребляется в новонемецком для обозначения долгого i: также и в тех случаях, где этот звук исторически происходит не из дифтонга, но из удлинненного краткого i, например, mhd. vil — nhd. viel [fi:l], mhd. sig — nhd. Sieg [zi:k], mhd. stigen — nhd. stiegen [sti:gən] и др.

Знак u, употреблявшийся в XV—XVII вв., в особенности в южнонемецких печатных памятниках, в настоящее время вышел из употребления, но остатком его является в готическом шрифте надстрочный знак над u (û), удержавшийся в курсиве для различения сходных по форме букв. Надстрочный знак над u для обозначения ü является также остатком надписного e (u), как и в прочих умлаутах.

В результате монофтонгизации старых дифтонгов в фонетической системе новонемецкого языка появляются новые долгие гласные i:, u:, y: взамен старых, которые ранее подверглись дифтонгизации.

3. *Расширение дифтонгов*: ei > ei [ai], ou > au.

Например, kleit > Kleid [klaït], stein > Stein [stain], teil > Teil [tail], leip > Laib; — boum > Baum, koufen > kaufen, ouge > Auge, ouch > auch.

Расширение дифтонгов распространяется из южнонемецких диалектов. Сохранение написания ei вм. ai связано с средненемецкими влияниями саксонской канцелярии; южнонемецкий письменный язык, ориентирующийся на императорскую канцелярию, пишет ai до середины XVIII в.

В современном немецком правописании ai употребляется в словах с mhd. ei в тех случаях, где желательно дифференцировать синонимы: ср. Laib (mhd. leip) «каравай хлеба» — Leib (mhd. lîp) «тело», Rain (mhd. rein) «лужайка» — rein (mhd. reine) «чистый», Saite (mhd. seite) «струна» — Seite (mhd. sîte) «сторона», Waise (mhd. weise) «сирота» — Weise (mhd. wîse) «способ» и др.

В некоторых случаях написание ai является результатом ориентации на латинскую форму слова: например, Mai (лат. maius), Laie (лат. laicus), Baier (лат. Bajuvarii), Main (лат. Mainus), Kaiser (лат. Caesar); в последнем слове очевидно влияние императорской канцелярии.

Таким образом в новонемецком литературном языке в дифтонгах ei (ai), au смешались звуки разного происхождения: ai < î (Eis < îs) и ai < ei (breit < breit); au < û (Haus <

hūs) и au < ou (Baum < boum). В большинстве немецких диалектов эти звуки до сих пор различаются, причем в нижне-немецком и средне-немецком ei и ou обыкновенно монофтонгируются в долгие гласные (ei < ē или ā, ou > ō или ā), а в южно-немецком частично сохраняются как дифтонги (например, шваб. ei > эе, ou > ао; бав. ei > oa, ou > ā и др.). Ср. nhd. īs — brād, hūs — ōge; md. ais — brād или brēd, haus — āg(э) или ōg(э); шваб. eis — bræet, hœus — aog; бав. ais — broat, haus — āg и др.

Более частный характер имеют следующие явления.

4. *Расширение u, ü перед носовыми*: u + носов. > o, ü + носов. > ö.

Например: sunne > Sonne, wunne > Wonne, sun > Sohn, begunnen > begonnen, gewonnen > gewonnen; sumer > Sommer, kumen > kommen, geswumen > geschwommen; күнес > König, münech > Mönch.

Расширение это имеет место перед простым или двойным (долгим) носовым, но не перед группой носов. + согл.: ср. gefunden, gebunden, gesungen, gesunken и т. д. Благодаря этому в новонемецком происходит новая дифференциация в рядах глагольного аблаута, обусловленная наличием после u простого носового или носового и согласного. Ср. mhd. singen — sang — gesungen, beginnen — begann — begunnen; nhd. gesungen, но begonnen (ср. стр. 230). В диалектах расширение u перед носовыми не всегда совпадает с литературным языком. Иногда оно отсутствует вовсе: например, пфальц. bəgʊnə «begonnen», gʁʊnə «gesprochen»; иногда же оно распространяется на u перед всякими носовыми: например, шваб. bəgonə, gʁonə «gesungen», gʁondə «gefunden».

5. ā > ǫ. Это явление, широко и систематически распространенное в большом числе немецких диалектов, проникло в литературный язык только в отдельных словах, что указывает на смешанный характер литературной нормы. Чаще всего мы встречаем такое ǫ перед носовыми или в соседстве губных. Например, в словах: ohne (< mhd. āne), Mond (< mhd. māne), Monat (< mhd. mānet), Montag, Mohn (< mhd. māne), Ohnmacht (< mhd. āmaht — народн. этимология от Macht), Woge (< mhd. wāg), Kot (< mhd. quāt), Ohm (< mhd. āme < лат. ama), однако, от того же корня — Nachahmer; Argwohn (< arg + wān), однако: Wahn; также Brodem (< brādem), Dohle (< tāhele), Zofe (< zāfe), Schlot (slāt), Docht (< dāht) и многие другие.

Формы Atem и Odem по происхождению — диалектальные разновидности одного и того же слова; в настоящее время вторая форма воспринимается как архаизм высокого стиля (из библейского языка Лютера).

Большинство слов с долгим ā сохраняет это последнее неизменным: например, schlafen (mhd. slāfen), raten (mhd. rāten),

Schaf (mhd. schāf). В диалектах, имеющих переход ā > ǫ, это явление закономерно распространяется на все слова с средне-верхне-немецким долгим ā: например, slōfə, gōtə, šōf и т. д.

б. *Лабиялизация и делабиализация*. Большинство современных верхне-немецких диалектов характеризуется делабиализацией: ö > e, ü > i, eu > ai. Например: bēs(э) вм. böse, glik вм. Glück, hait(э) вм. heute.

На фоне колебаний в произношении литературного языка, вызванных наличием делабиализации в диалекте, в норму письменного языка проникли некоторые случаи незакономерной лабиализации или делабиализации отдельных слов.

Делабиализация: Kissen (mhd. küssen), spritzen (mhd. sprützen), Pilz (mhd. bülz); Schleife (mhd. sloufe, slöufe), streifen (mhd. ströufen), ereignen, Ereignis (mhd. eröugen, от ouge «сравить перед глазами»), spreizen (mhd. spriuzen), Kreisel (mhd. kriusel — народная этимология от Kreis) и др.

Лабиялизация: zwölf (mhd. zwelf), löschen (mhd. leschen), Löffel (mhd. leffel), schöpfen (mhd. schepfen), schwören (mhd. swern), Hölle (mhd. helle), ergötzen (mhd. ergetzen); Würde (mhd. wirde), würdig (mhd. wirdec), Würze (mhd. wirze), flüstern (mhd. flistern); Wetterleuchten (< weterleich «Wetterspiel»; народная этимология от leuchten) и некоторые другие.

Б. Количественные изменения

§ 20. 1. Краткий коренной гласный удлиняется в открытом слоге (т. е. в слоге, оканчивающемся на гласный).

Например: mhd. sägen > nhd. sägen, mhd. haben > nhd. haben, mhd. lesen > nhd. lesen, mhd. nemen > nhd. nehmen, mhd. edel > nhd. edel, mhd. vögel > nhd. Vögel, mhd. böte > nhd. Böte, mhd. siben > nhd. sieben, mhd. gebliben > nhd. geblieben, mhd. hügel > nhd. Hügel и т. д.

Перед группой согласных или перед двойным (долгим) согласным, т. е. в закрытом слоге, краткие гласные не удлиняются (за немногими исключениями, которые указаны ниже). Например: halten, melken, trinken, mächtig, lustig, setzen (mhd. sezzē), beginnen, schwimmen, wissen (mhd. wizzēn), Sippe, Wille, Henne и др. Новонемецкие sch (из ahd. sk) и ch (ahd. hh) также являются в средневерхне-немецком долгими согласными и тем самым препятствуют удлинению. Ср. machen (ahd. mahhōn), lachen (ahd. lahhēn), waschen (ahd. wascan) и др. Благодаря этому в новонемецкой орфографии устанавливается правило: открытый слог обозначает долготу слогового гласного; чтобы указать графически краткость слога, нужно сделать его закрытым путем удвоения последующего согласного. Например: mhd. buter, weter, komen, сохраняющие краткость коренного

слога, обозначаются в новонемецком как *Butter, Wetter*, комп. Такое чисто графическое удвоение согласного для обозначения краткости предшествующего гласного сделалось возможным потому, что средневековые долгие согласные, обозначавшиеся с помощью удвоения (*beginnen, sippe* и др.), в новонемецкую эпоху становятся краткими. Долгие согласные сохраняются, однако, кое-где в северонемецком произношении, в частности — в прибалтийско-немецком.

В тех случаях, когда в словоизменении чередуются односложная форма слова с закрытым слогом и двусложные с открытым, нередко происходит удлинение закрытого слога по аналогии с открытым.

Например, в существительных *Höf* по аналогии с *Höfes, Höfe* (mhd. *höf — höfes, höfe*), *Täg* — по *Tages, Tage, Gläs* — по *Glases, Gläse, Wäg* — по *Weges, Wege* (наречие *weg* «прочь», происходящее от существительного *Weg* «дорога», сохранило старую краткость благодаря изоляции от склонения); в прилагательных *grōb* — по аналогии *grōber, grōbes, grōbe* (mhd. *grōp — grōber, grōbe* и т. д.) и др.

В нижненемецких диалектах односложные формы с закрытым слогом сохраняют краткость, которая удерживается и в северонемецком (в частности прибалтийско-немецком) обиходном языке, тем более, что написание не содержит прямого указания на долготу и краткость: ср. *täg* [taɥ], *grāb, grōb, glās* и т. д. Сценическое произношение предписывает долготу по верхненемецкому образцу.

Первоначальную двойственность в литературном языке сохраняет *Städt — Städte* (mhd. *stat — stete*).

В более редких случаях краткость из односложной формы распространяется на двусложные, в особенности перед *t*: ср. *Schritt — Schritte* (mhd. *schrit — schrite*), *glatt — glatte* (mhd. *glat — glate*). Сохранение краткости обозначается удвоением.

В изолированных односложных словах с закрытым слогом удлинение происходит только перед сонорными (*r, l, m, n*); ср. *wer, er, der, mir, dir, ihr* (mhd. *ir*), *für, vor, wem, wen, dem, den, ihm* (mhd. *im*), *ihn* (mhd. *in*), *wohl* (mhd. *wol*) и др. Долгота иногда остается необозначенной, иногда обозначается через *h*.

Удлинение кратких коренных гласных в открытом слоге имеет целый ряд исключений. В большинстве случаев сохранение краткости связано с наличием сонорного согласного (*r, l, m, n*) во втором слоге: ср. *Vetter* (mhd. *veter*), *Sattel* (mhd. *satel*), *geritten* (mhd. *geriten*), *Himmel* (mhd. *himel*) и др. При сонорном втором слоге в трехсложных формах косвенных падежей и множественного числа обыкновенно выпадал (синкопировался) гласный среднего слога, так что коренной слог становился закрытым: ср. mhd. *satel — sat(e)les, geriten — gerit(e)ner* и т. п. Чередова-

ние синкопированных и несинкопированных форм в словоизменении создавало возможность обобщения в том или другом направлении, закрепляющего форму с кратким или с удлиненным слогом. Орфографическим обозначением краткости является, как всегда, удвоение согласного.

Диалекты в большинстве случаев закономерно проводят долготу или краткость в зависимости от характера согласного, находящегося между коренным гласным и слогом с сонорным согласным. Так, во франкских диалектах обычно проводится краткость перед *-b-*, которое в средненемецких диалектах производится как *-w-*: *ʃnawl* «Schnabel», *gawl* «Gabel», *tswiwl* «Zwiebel», *gʷriwə* «geschrieben», *gəbliwə* «geblieben» и т. д. (mhd. *snabel, zwibel, gebliben*).

В швабском диалекте сохраняется краткость перед *-t-*: *fatr* «Vater», *fetr* «Vetter», *gʷnitə* «geschnitten», *bətə* «beten», *trətə* «treten» (mhd. *vater, veter, gesniten, beten*).

Литературный язык, смешанный по своему происхождению, обнаруживает в этом случае весьма пеструю картину: *Vater* (mhd. *vater*) рядом с *Vetter* (mhd. *veter*), *beten, geboten* (mhd. *beten, geboten*) рядом с *geschnitten, gesotten* (mhd. *gesniten, gesoten*). В этом пестром смешении форм могут быть намечены только преобладающие тенденции. В литературном языке наблюдается тенденция к сохранению краткости коренного гласного при сонорном втором слоге перед глухими взрывными (*t, p*) и перед *m* и удлинению перед звонкими взрывными и спирантами.

Ср. *-t-*: *Vetter, Wetter, Gewitter, Butter, zittern, wittern, Sattel, Bettel, Zettel, Büttel*; однако с удлинением — *Vater, Kater; geschnitten, geritten, gesotten* — однако *beten, treten, geboten*.

-p-: *Koppel, Kuppel, kuppeln*.

-m-: *Hammer, Kammer, Schimmer, Sommer, Nummer, Hammel, sammeln, Semmel, Himmel, Schimmel, zusammen, kommen* — однако *nehmen* (mhd. *nemen*).

Удлинение перед звонкими взрывными и спирантами: *Leben, eben, Weber, Nabel, Wagen, Nagel, Igel, Faden, Adel, Rasen, Hasel, Ofen, Schwefel* и мн. др.

Краткость нередко сохраняется перед *t* в слабом склонении мужского и женского рода, где сонорный слог (окончание *-en*) имеется в косвенных падежах и множественном числе: например, *Gatte, Schatte(n), Schlitte(n); Platte, Kette, Sitte, Motte, Hütte*. Однако в тех же грамматических категориях с удлинением: *Pate, Bote, Spate(n), Knote(n); Pfote, Schote, Kröte* и др.

Сохранение краткости перед *t* обычно также в словах, которые имеют односложную форму с закрытым слогом рядом с двуслож-

ной с открытым: например, Schnitt — Schnittes (mhd. snit — snites). Здесь, благодаря t, двусложная форма сохраняет краткость по аналогии с односложной. Ср. Tritt, Ritt, Gott, Blatt, Brett; прилагательные glatt, matt, satt. В отдельных случаях перед t наблюдается даже сокращение исконно долгих гласных: например, Blatter (mhd. blātere), Natter (mhd. nāter), Futter (mhd. fuoter), Mutter (mhd. muoter); перед m — Jammer (mhd. jāmer), immer, nimmer (mhd. iemer, niemer); перед f — Waffe (mhd. wāfen) и др.

Во всех приведенных примерах сохранение краткости в открытом слоге обозначается графическим удвоением согласного.

2. Перед группой согласных, образующих закрытый слог, долгий гласный сокращается.

Ср. mhd. brāhte > brachte, gedāht > gedacht, hêrre «господин» (из сравн. степ. ahd. hêrigo «более высокий», от прил. hêr — nhd. hehr) > Herr; в сложных словах mhd. hōchzît («hohe Zeit», с значением «праздник») > Hochzeit «свадьба», hōchfart > Hoffart, mhd. nāchgebûr > Nachbar и др.

Сокращению перед группой согласных подвергаются также долгие гласные, образовавшиеся в новонемецком из старых дифтонгов (ie, uo, ūe): wuohs > wuchs, lieht > Licht, viehte > Fichte, nüehtern > nüchtern, stuotgart (первоначальное значение «конюшня») > Stuttgart и др.

Непоследовательно проводится сокращение перед долгим zz: ср. lassen (mhd. lāzzen), müssen (mhd. müezzen), Genosse (mhd. genōzze); однако groß (mhd. grōz), stoßen (mhd. stōzzen), grüßen (mhd. grüezzen) и др.

Долгота в большинстве случаев сохраняется перед st, которое открывает собой второй слог: Kloster (mhd. klōster), Ostern (mhd. ôstern), trōsten (mhd. trōsten), husten (mhd. huosten), Schuster (mhd. schuohstere), Wüste (mhd. wüeste); однако сокращается в Osten (mhd. ôsten), Rost (mhd. rōst).

Сохраняется долгота и в тех случаях, где группа согласных возникла в результате выпадения гласного (синкопы): например, Magd (mhd. maget), Vogt (mhd. voget), Krebs (mhd. krebez), Obst (mhd. obez), в глаголах du lebst (mhd. lebest), er klagt (mhd. klaget), ihr tragt (mhd. traget) и др.

3. Удлинение перед группами согласных. В литературном языке удлинение встречается только перед r с последующим переднеязычным согласным, в особенности в сочетаниях -art, -erd, но нигде не проводится систематически. Ср. с удлинением: Art, Bart, Fahrt, zart; Harz, Quarz; Erde, Herde, Herd, Pferd, werden, wert; с сохранением краткости: warten, Garten, hart, Karte, Marter, Warze, Herz, Schmerz, März и др.

В диалектах это явление имеет также более закономерный характер: например, шваб. bārt, ārt, gārdə, wārdə и т. д. В диа-

лектах встречается также удлинение перед другими группами. Например, в швабском — перед -cht: nāht «Nacht», frūht «Frucht» и т. д., во многих диалектах — перед ld (lt): āld «alt», bāld «bald», hāldə «halten» и мн. др.

Таким образом в фонетическом отношении удлинение кратких и сокращение долгих в литературном языке представляет картину пестрого смешения, характерного для смешанного по своему происхождению национального языка. Окончательная регламентация долготы в целом ряде случаев — явление очень позднее даже для письменного языка; еще в XVIII веке встречаются написания: Vatter, betten, verboten, nemmen, Schemmel, Taffel, Hoff и др. (ср. в новейшее время колебания в написании giebst, giebt и gibst, gibt).

Система обозначений долготы и краткости вырастает стийно из средневековых написаний вместе с развитием новой звуковой системы. В основном наличествует тенденция рассматривать открытый слог как долгий, графически закрытый — как краткий, но эта тенденция нарушается целым рядом случаев долготы перед группами согласных (rd, rt, st и др.). Односложные слова с закрытым слогом, замыкающимся одной согласной (Tag, Glas), на долгое время остаются фонетически двусмысленными, и унификация их произношения принадлежит лишь самому недавнему прошлому.

В результате указанных количественных изменений распределение кратких и долгих гласных в новонемецком в большинстве случаев не совпадает с исконной (этимологической) долготой и краткостью средневекового языка. Рядом со старыми долгими, например schlafen (mhd. slāfen), raten (mhd. rāten), groß (mhd. grōz), hoch (mhd. hōch), Schnee (mhd. snē), Käse (mhd. kēse) и др., стоят совпавшие с ними краткие, удлиненные в открытом слоге, например, graben (mhd. grāben), fahren (mhd. fāren), holen (mhd. hōlen), lesen (mhd. lēsen), erzählen (mhd. erzēlen) и т. д.; рядом со старыми краткими, например, Nacht (mhd. naht), Fuchs (mhd. fuhs) — новые краткие, возникшие в результате сокращения перед группой согласных, например, gebracht (mhd. gebrāht), wuchs (mhd. wuohs), lassen (mhd. lāzzen) и т. д. На основании новонемецкой формы слова невозможно установить, является ли данный гласный исконно долгим или удлиненным; для этого необходимо знать этимологию (происхождение) и историю данного слова. Но в диалектах различие это выступает очень отчетливо, поскольку средневерхнемецкие долгие и старые удлиненные краткие могут здесь иметь различную судьбу. Так, многочисленные говоры, в которых mhd. ā > ō, будут иметь slōfə (< mhd. slāfen), rōtə (< mhd. rāten), gēbrōht (< mhd. gebrāht), lōsə (< mhd. lāzzen), но grābə (< mhd. graben), fārə (< mhd. faren), naht (< mhd. nacht). Диалекты, в которых mhd.

ô и ê сужаются в û и î (например, верхнегессенский), будут иметь grûs (< mhd. grôz), hûχ (< mhd. hôch), snî (< mhd. snê), но holê (< mhd. hollen), lêsê (< mhd. lesen) и т. д. Это различие происхождения новонемецких долгих и кратких необходимо всегда учитывать при установлении фонетических закономерностей современных говоров.

II. Согласные

§ 21. Изменения в области консонантизма в новонемецком сравнительно незначительны.

1. **Согласный s.** Средневековый немецкий различал два s, обозначаемые разными буквами: старое германское s и верхне-немецкое z (zz), происходящее из германского -t после гласной по правилам II перебора (см. стр. 136). Например, mhd. singen, lesen, lôs — wazzet, bezzet, haz, daz (ср. англ. water, better, hate, that). Различие произношения, о котором свидетельствует систематическое различие в написании, состояло, по видимому, в том, что старое германское s имело в немецком близкое к шипящему s «шепелявое» произношение, тогда как z произносилось как современное свистящее s. Гипотеза о шепелявом произношении s подтверждается его отражением как ž [ж] в заимствованных славянскими языками словах: например, польск. żołnierz «солдат» из нем. Söldner, żołd «жалование» (ž=ž) из нем. Sold и т. п. О том же свидетельствует, вероятно, и произношение немецкого s как ž в белорусских говорах еврейского языка (например, буžет «Busen», беžет «Besen», žilber «Silber» и др.), а также дальнейшая судьба этого s на немецкой почве.

В новонемецком s претерпевает следующие изменения.

а) В начале слова перед согласным (в сочетаниях sl, sm, sn, sw, st, sp) переходит в [s]. Этот новый звук обозначается sch, кроме сочетаний st, sp, в которых сохраняется старое обозначение.

Например, mhd. slâfen > schlafen, sliezen > schließen, smal > schmal, smelzen > schmelzen, snell > schnell, swert > Schwert, spil > Spiel [spi:l], stolz > stolz [stoltz].

Произношение это распространилось из юго-западной Германии. Здесь (в пфальцском, южнофранкском, швабско-алеманнском) st, sp переходят в št, šp не только в начале, но и внутри слова: например, mišt «Mist», brušt «Brust», haspl «Haspel» и др. В нижнегерманских диалектах s проникает лишь частично, причем в сочетаниях st, sp в начале слова, благодаря двусмысленности новонемецкой орфографии, s довольно широко сохраняется здесь и в обиходном разговорном языке; например, в Ганновере: Stein [stain], stolz [stoltz], Sprache [spra:çə] и т. п.

б) sch перед гласными и перед r, а также на конце слова происходит из группы ahd. sk. В древневерхнегерманском эта группа

нередко обозначалась буквами sc, в особенности перед a, o, u, r и на конце слова. Ср. ahd. sculd «Schuld», scôz «Schoß», scam «Scham», scriban «schreiben», но skîp (scîp) «Schein», skeltan (sceltan) «schelten»; wascan «waschen», fisc (fisk) «Fisch», rômisc «römisch». Написание sch, которое появляется в позднем древневерхнегерманском и утверждается в средневерхнегерманском, обозначает сперва s + ch [sx], т. е. частичную ассимиляцию второго (взрывного) согласного первому (спиранту): schuld, schîp (т. е. s-chuld, s-chîp). Такое произношение сохранилось до сих пор в некоторых нижнегерманских диалектах (например, в вестфальском). Дальнейшее развитие в средневерхнегерманскую эпоху приводит к слиянию s + ch [sx] > sch [s]. Таким образом sch становится знаком для звука s и распространяется и на такие случаи образования нового s перед согласными, где не было сочетания sk (например, slâfen > schlafen и др.). Аналогичное развитие германского sk происходит и в английском языке, где для обозначения нового звука, отсутствовавшего в латинском алфавите, утверждается сходное начертание sh (ср. ahd. skîp — nhd. Schein, англ. shine).

с) s перед гласными (в начале и в середине слова) переходит в звонкое [z], причем написание не меняется: ср. singen, sagen, lesen, Rose, emsig и др. По своему происхождению этот переход — явление нижнегерманское. Большинство верхнегерманских диалектов сохранило до сих пор глухое s.

д) r + s > rs. В литературном языке это явление ограничивается определенной группой слов: Bursche (лат. заимствование bursa — ср. русск. бурса), Kirsche (mhd. kirse < народн.-лат. ceresia), herrschen (mhd. hêrsen), forsch (nhd. fors < фр. force), morsch (ср., однако, Mörser, mhd. zermürsen) и немн. др.; rz > rsch в слове Hirsch (mhd. hirz). Литературный язык сохраняет rs в Ferse, Hirse, Börse, Mörser, Vers и др. В большинстве диалектов это явление охватывает все слова на -rs: например, ferz «Vers», herz «Hirse» и др., в том числе и сочетание -rst: wurzt, durzt, birzt «Bürste» и т. д.

е) В остальных случаях s в новонемецком совпадало в произношении с z: ср. List — išt (mhd. izzet), Masse и lassen (mhd. lâzzen). Результатом этого совпадения явилось смешение написания. В новонемецком вместо zz (z) в определенных положениях пишется ß (в интервокальном положении после долгого гласного или дифтонга, на конце слова и перед согласной — независимо от характера предшествующего гласного: см. стр. 93): однако в латинском шрифте допускается замена этого сочетания тождественным по своему звуковому значению ss. В ряде односложных слов конечное -z заменено -s, поскольку не имеется соответствующей двусложной формы косвенного падежа, где простое s перед гласным произносилось бы как [z]. Поэтому пишут das (mhd.

daʒ), was (mhd. waʒ), es (mhd. eʒ), aus (mhd. ûʒ), местоименное окончание среднего рода -es: gutes, dieses (mhd. -eʒ); но groß (mhd. grôʒ) — ср. großer (mhd. grôʒer), naʒ (mhd. naʒ) — ср. nasser (mhd. naʒzer) и т. д. Дифференциация das (артикл) и daʒ или dass (союз) устанавливается грамматиками, начиная с XVII в.

2. Согласный h. Средневерхненемецкий язык различает, как и современный, два звука: 1) h — придыхание (Hauchlaut), звук, общий всем германским языкам; 2) ch — спирант (заднеязычный или среднеязычный), возникающий в верхненемецком из германского k после гласного, в результате II перебора (machen, Joch — ср. англ. make, yoke). h встречается в средневерхненемецком не только в начале слова, как в новонемецком (Hammer, Himmel), но и в середине слова, например, sehen, geschehen, bevelhen «befehlen», fôrhe «Föhre», где он произносится обычным образом, как придыхание. В новонемецком h внутри слова перестает произноситься, но в написании в большинстве случаев остается. Ср. mhd. nhd. sehen, geschehen, mhd. zâhere > nhd. Zähre, mhd. stâhel > nhd. Stahl, mhd. vêhede > nhd. Fehde и др.

В таких графических сочетаниях «немое» h становится знаком долготы и в этом значении переносится на такие слова, где необходимо, вследствие двусмысленности написания, более определенно обозначить долготу (обычно в односложных формах с закрытым слогом). Ср. mhd. sêr — nhd. sehr, mhd. wâr — nhd. wahr, mhd. ir — nhd. ihr, mhd. sun — nhd. Sohn [zo:n] и т. д. В словах gehen, stehen (mhd. gên, stên) h вводится по аналогии с sehen, geschehen как знак долготы и для графического разделения слогов при оформлении этих глаголов по обычному типу тематических (ср. стр. 250).

На конце слова в средневерхненемецком придыхание h превращается в спирант ch (Auslautsverhärtung): ср. sehen — прош. sach, повелит. sich, bevelhen — прош. bevalch; множ. schuohē — ед. schuoch «Schuh» и др. В новонемецком спирант в односложных формах этих слов исчезает по аналогии с двусложными. Чередование сохраняется в условиях относительной изоляции: ср. hoher, höher, Höhe — hoch (mhd. hôher — hôch), jâhe — jach (mhd. gâhe — gâch), nahe, Nähe — nach (mhd. nâch — несклоняемая форма прилагательного и наречие от прилаг. nâhe), schmâhen — Schmach и немногие другие; в некоторых сложных словах: ср. фамилию Schuchart (из schuochworhte «Schuhwирker»), слово Rauchwerk «меха» (из rûch «rauh» + werk) и др. В диалектах частично сохраняются такие формы, как fîch «Vieh», schuch или schuk «Schuh» и т. д.

Сочетание hs > chs > ks (в написании сохраняется chs): ср. sehs > sechs [-ks], wahsen > wachsen, fuhs > Fuchs и т. д. В ряде диалектов, особенно в нижненемецком, h перед s выпадает

с удлинением предшествующей гласной: sēs, wāsēn и т. п.; ср. nhd. Reineke Voss «Рейнеке Лис», а также фамилию Voss («Fuchs»).

Сочетание ht > cht: naht — Nacht, brâhte > brachte и др. Отсюда чередования: sehen — Gesicht (mhd. gesihte), geschehen — Geschichte (mhd. geschichte) и др.

3. Согласный w. В древнегерманских языках, в том числе и в древневерхненемецком, w произносилось, как неслоговое ц (u-consonans), как в современном английском: ср. Wasser — англ. water, Winter — англ. winter. Это подтверждается обычным в средние века написанием w как u или двойное uu, а также вокализацией w на конце слова (в основах на -w-, см. стр. 166): ср. ahd. blâwer «blauer» — blâo «blau», grâwer «grauer» — grâo «grau», gelwer «gelber» — gelo «gelb». Частично это произношение сохранялось, вероятно, и в средневерхненемецком. Такой характер средневерхненемецкое w имело, во всяком случае, в середине слова между гласными, где оно исчезает в новонемецкую эпоху после лабиальных гласных. Ср. mhd. frouwe > nhd. Frau(e), ouwe > Aue, riuwe > Reue, niuwe > neu(e), frôuwen > freuen и др.

Mhd. lw, rw > nhd. lb, rb. Например, gelwer > gelber, valwer > falber; gerwen > gerben, varwe > Farbe.

4. Согласный m. Более частное значение имеет ассимиляция mhd. mb (mp) > mm (m). Например, krumber (krump) > krummer (krumm), stumber (stump) > stummer (stumm), zimber > Zimmer и т. д.

-m в неударном конечном слове переходит в -n. Например, mhd. busem > Busen (ср. англ. bosom), fadem > Faden (ср. англ. fathom), besem > Besen и др.

Другие средневерхненемецкие согласные в новонемецком остаются без изменения.

3. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОГО И ГОТСКОГО

§ 22. Основным фонетическим отличием средневерхненемецкого от более древних периодов истории языка является редукция разнообразных неударных гласных окончаний (и префиксов) в безразличное -e. Поэтому для изучения грамматического строя немецкого языка необходимо обращаться к языку древневерхненемецкому, как сохранившему в более полном виде именные и глагольные основы.

Фонетика древневерхненемецкого представляет пеструю картину диалектальных различий, находящихся в процессе непрерывного изменения. Приспособление латинского письма для обозначения немецких звуков происходило в значительной мере стихийно, и практика разных монастырских центров представляет в этом отношении большие различия. Обычно в грамматиках древневерхненемецкого за основу фонетической

нормализации принимается восточно-франкский диалект «Татиана» (первая половина IX в.), наиболее приближающийся по своему консонантизму к норме современного литературного языка (ср. II перебой — § 30). Мы добавляем в скобках важнейшие варианты других диалектов и периодов древневерхнемецкого.

I. Гласные. Долгие: ā ē ī ō ū

Краткие: a ē e i o u

Дифтонги: ei (ai) ou (au) ia (ea, ie) io (eo, ie) uo (ua) iu

Полугласный w (uu, u) [ʍ] — неслоговое u.

II. Согласные. Сонорные: носовые m, n; плавные l, r.

Шумные: губные b, p, f (v); переднеязычные: d, t, s, z, th (dh); заднеязычные и среднеязычные: g, k (c); hh (ch) [χ—ç], j. Придыхание h. Аффрикаты: z [ts], ph [pf] (obd. ch [kχ]).

В отличие от средневерхнемецкого древневерхнемецкого имеет только один умлаут — e (от a): ср. gast — gēsti «Gaste»; распространение прочих умлаутов происходит при переходе к средневерхнемецкому. Знак iu обозначает дифтонг, который в позднейшем древнемецком (Ноткер) переходит в долгое ī: ср. iuti «Leute». th служит для обозначения переднеязычного глухого спиранта (got. þ), там, где этот звук еще сохранился: напр., в «Татиане» в начале слова — thing «Ding», thorn «Dorn» и др. (ср. англ. th в thorn, thing). В отдельных случаях встречается и написание dh, которое может быть, свидетельствует об озвончении (ср. англ. th в that): напр., в «Исидоре» dhesemu «diesem». Фонетическое различие между z (zz) [s] и z (zz) [ts] обычно в рукописях не отмечается: ср. wazzar «Wasser», daz «das», sezzen «setzen», zit «Zeit»; только «Исидор» систематически обозначает zz в середине слова как zss (uuzassar «Wasser», heizssan «heissen»), на конце слова z как zs (dhazs «das», ūzs «aus»). Мы употребляем для ясности «хвостатое z», как в средневерхнемецких грамматиках. Буква c является графическим вариантом k [k] и обычно в этом значении употребляется, как в романских языках, перед задними гласными (a, o, u), перед согласными и на конце слова, кроме того нередко в комбинации sc; однако во всех этих положениях может встречаться и k: ср. calb (kalb), cund (kund), cleini (kleini) «klein», folc — kind, wirken; scin (skin) «Schein», sculd (skuld) «Schuld», fisc (fisk) «Fisch». Вместо kw [kʍ] употребляется qu: ср. quēman «kommen».

Буква h обычно, как в средневерхнемецком, обозначает придыхание (Hauchlaut) [h]: ср. hring «Ring», hano «Hahn», sēhan «sehen», naht «Nacht», sah «sah»; повидимому, однако, в конечном положении звук этот, как в средневерхнемецком, переходил в спирант: ср. sah [saχ], sprih [sprīç]. Для обозначения среднеязычного и заднеязычного спиранта [χ—ç] в раннем древневерхнемецком (до середины IX в.) в середине слова пишется hh: ср. lahhan «lachen», mahhōn «machen»; на конце слова тот же спирант обозначается через h: ср. ih «ich», joh «Joch». Со второй половины IX в. вместо hh в середине слова входит в употребление ch: ср. lachan, machōn, no joh (реже joch). Тот же знак ch или kh обозначает, кроме того, в южнемецком свойственную этим диалектам аффрикуту [kχ]: ср. chorn, chind, trinchan; khuninc «König» и др. Для аффрикаты [pf] обычно употребляется знак ph (реже pf): ср. phluog «Pflug», arhul «Apfel», scepheri «Schöpfer»; реже pfennig «Pfennig» и др.

О диалектальных и хронологических различиях древневерхнемецкого вокализма и консонантизма см. подробнее в §§ 23 и 24.

§ 23. Начало древневерхнемецкой письменной традиции (VIII в.) зафиксировало группу немецких диалектов, уже находившихся в процессе сильнейшего взаимодействия и перестройки.

Процесс этот продолжается и в классическую пору древневерхнемецкого языка. Исходный пункт этих фонетических и грамматических изменений лежит далеко за пределами сохранившихся письменных памятников. Поэтому для восстановления более древних стадий формирования и развития этого языка необходимо привлекать для сравнения другие германские языки, в особенности — готский, сохранивший в ряде случаев стадияльно более древние явления.

Как известно, на готском языке написан древнейший литературный памятник германской речи — перевод Евангелия, сделанный в IV в. н. э. вестготским епископом Вульфиллой (около 310—380 гг.). Хотя язык этого памятника на несколько сот лет древнее первых письменных текстов западногерманского происхождения, это не значит, конечно, что готский язык является «предком» других германских языков: в некоторых случаях он обнаруживает местные (восточногерманские) новообразования, не свойственные другим германским языкам. Тем не менее сравнение с готским углубляет историческую перспективу развития немецкого языка и нередко позволяет восстановить утраченные на немецкой почве стадияльно более древние языковые явления.

I. Гласные

a остается без изменений в обоих языках: got. graban — ahd. graban «graben», got. dags — ahd. tag. Перед i древневерхнемецкий имеет умлаут (см. ниже § 26).

ā встречается в германских языках только в случаях удлинения краткого a при выпадении n перед h: ср. got. briggan — brāhta (<*branhta), ahd. bringan — brāhta; got. þagkjan — þāhta (<*þanhta), ahd. denken — dāhta «dachte»; ahd. fāhan (<*fanhan) прош. fiang и др.

got. ē соответствует ahd. â: got. jēr — ahd. jār «Jahr», got. slēpan — ahd. slāfan «schlafen», got. nēmum — ahd. nāmum «nahmen» (прош. множ.) и др. Переход ē > â совершается в западногерманских диалектах в эпоху, предшествующую письменности, по данным исторических имен, сохранившихся в латинских записях в IV—VI вв.: ср. более раннее Theudomērus и более позднее Vadomārius и т. п.

В небольшом числе слов готскому ē соответствует ahd. ê, которое в дальнейшем подвергается дифтонгизации. Процесс дифтонгизации может быть прослежен по памятникам. Древневерхнемецкие памятники конца VIII в. имеют ê и ea, с начала IX в. ia, во второй половине IX в. ie. Ср. got. hēr — ahd. hēr > hear > hiar > hier. К этой группе относится лишь несколько германских слов, к которым примыкает значительное число

старых латинских заимствований: ср. lat. grēcus — ahd. chrēchi, kriachi (got. krēks), lat. tēgula — ahd. ziagal; lat. spēculum — ahd. spiagal; lat. fēbris — ahd. fiebar и т. д. Кроме того в немецком сюда присоединяется стяженное прошедшее так наз. редулицирующих глаголов: например, ahd. rātan — прош. rēt > reat > riat > riet; haltan — прош. hialt и др. (см. стр. 131 и 227). В грамматиках два готских ê различают как ê₁ («примарное») — например slēpan, и ê₂ («секундарное») — например hēr. Нижненемецкий сохраняет недифтонгированное ê₂ (прош. rēd «riet», lēt «ließ»).

got. i — ahd. e, i. Особенностью готского, в отличие от всех других древнегерманских языков, является смещение e и i. Ср. got. fisks — ahd. fisc «Fisch», got. bindan — ahd. bintan, got. stigan — ahd. stigan «stiegen» множ. прош.; got. niman — ahd. neman, got. giban — ahd. geban и др. В немецком i и e чередуются по правилам преломления (Brechung) в зависимости от последующего гласного: ср. ahd. neman — nimu, nimis, nimit (1—3 ед. наст.), got. niman — nima, nimis, nimiþ (см. стр. 126). Перед согласными h и g всякое готское i (ahd. i, e) расширяется в e, которое обозначается Вульфиллой знаком ai: ср. got. airpa — ahd. erda «Erde», got. waírpan — ahd. werden «werden», got. saíhwan — ahd. sehan «sehen», got. faíhu — ahd. fihu.

î остается без изменений (в готском обозначается ei): got. steigan — ahd. stigan «steigen», got. bileiban — ahd. biliban «bleiben».

got. ô соответствует ahd. ô, которое с конца VIII в. дифтонгизуется в io. Развитие это в немецких диалектах протекает неравномерно. Франкские диалекты имеют io уже около 800 г., баварские в IX в. сохраняют ô, алеманнские в IX в. имеют ua. Таким образом в IX в. форма этого дифтонга может служить признаком для локализации памятника (фр. io, бав. ô, алем. ua). К концу IX в. франкская форма вытесняет остальные — явление, связанное с политической и культурной гегемонией франков в каролингской державе (см. стр. 36). Ср. got. fōtus — ahd. fuoz (IX в. бав. fōz, алем. fuaz), got. brōþar — ahd. bruodar (бав. grōdar, алем. gruadar), got. fōr — ahd. fuor «fuhr» прош. и др. Нижненемецкий сохраняет недифтонгированное долгое ô (fōt, fōr).

got. u — ahd. o, u. Особенностью готского является и в этом случае смещение u и o. Ср. got. sunus — ahd. sun «Sohn», got. fralusts — ahd. firlust «Verlust»; got. juk — ahd. joch, got. wulfs — ahd. wolf. В немецком языке u и o чередуются по правилам преломления в зависимости от последующего гласного: ср. got. hulpum, hulpan — ahd. hulfum «halfen», giholfan «geholfen» (см. стр. 127). Под влиянием последующего г или h готское u (ahd. u, o) расширяется в o, которое в орфографии Вульфилы

обозначается как au. Ср. got. haurn — ahd. horn, got. baúrgs — ahd. burg, got. aúhsa — ahd. ohso «Ochse», got. saúhts — ahd. suht «болезнь».

û остается без изменения: got. dûbô — ahd. tûba «Taube»; got. hûs — ahd. hûs «Haus».

got. ai — ahd. ei. Переход ai > ei совершается в древневерхне-немецком в конце VIII в. Ср. got. haitan — ahd. heizan «heizen», got. dails — ahd. teil, got. staig — ahd. steig «ich stieg». Перед согласными h, r, w в древневерхне-немецком происходит стяжение ai > ê. Явление это предшествует письменным памятникам и происходит, по данным собственных имен, уже в VII в. Ср. got. saíws — ahd. sêo, род. sêwes «See», got. laisjan — ahd. lêran «lehren», got. maiza — ahd. mêro «mehr», got. táih (прош. от teihan) — ahd. zêh «zieh» (прош. от zihan «zeihen»). В нижненемецком всякое ai переходит в ê: ср. dēl «Teil» (got. dails), stēn «Stein» (got. stains).

got. au — ahd. ou. Переход au > ou совершается в древневерхне-немецком в конце VIII — начале IX вв. «Исидор» еще имеет au. Ср. got. augô — ahd. ouga «Auge», got. galaubeins — ahd. giloubi «Glaube», got. baug (прош. от biugan) — ahd. boug «bog» (прош. от biogan «biegen»). Перед h и переднеязычными согласными (d, t, n, s, z, r, l) au в древневерхне-немецком переходит в ô. Процесс этот совершается в VIII в.: баварские памятники второй половины VIII века еще имеют дифтонг (ao). Ср. got. dauþus — ahd. tōd, got. laus — ahd. lôs «los», got. háuhs — ahd. hōh, got. stautan — ahd. stōzan, got. ausô — ahd. ôra, got. laun — ahd. lōn, gaut (прош. от giutan) — ahd. gōz (прош. от giōzan «gießen»). Нижненемецкий имеет во всех случаях au > ô. Ср. ôge «Auge», lôf «Laub» (ahd. loub) и т. д.

got. iu — ahd. iu, io. Чередование iu — io в древневерхне-немецком происходит по законам преломления под влиянием последующего гласного (см. стр. 127); готский имеет только iu. Ср. got. liufs — ahd. liob «lieb», got. diups — ahd. tiof «tief», got. þiuda — ahd. diot «народ»; got. siuks — siukei, ahd. sioh «siech» — siuhf «Seuche»; got. biugan — biuga, biugis, biugiþ — ahd. biogan — biugu, biugiz, biugit. Дифтонг io имеет в VIII в. форму eo, в IX—X вв. io, в XI в. ie. Процесс изменения может быть прослежен по памятникам. Ср. teof > tiof > tief. С X в. происходит смещение ia (<ê₂) и io (<eo), в XI в. они окончательно совпадают в ie: ср. hiar > hier, tiof < tief; в редулицирующих глаголах: hiaz > hiez, liof > lief. Знак iu имеет в древневерхне-немецком, как и в готском, дифтонгическое значение. С X в. iu начинает произноситься как долгое ü (ũ), что видно из употребления его, например, у Ноткера, для обозначения умлаута от û (ũ): например, hûs — hiuser «Häuser». В средневерхне-немецком iu имеет значение ü и употребляется одинаково как для обозначения старого iu (siuche, biuge), так и для нового умлаута (hiuser).

Примечание. Вульфила обозначает *i* как *ei*, *e* и *o* как *ai* и *au*. Это написание соответствует позднегреческому произношению диграфов *ei*, *ai* как *i*, *e*; ср. греч. *eiddlon* — русск. «идол», греч. *hairesis* — русск. «ересь» (заимствования византийской эпохи). Диграфы *ai* и *au* обозначают в готском различные по происхождению звуки: 1) герм. *ai*, *au*: *dáils* «Teil», *áugô* «Auge»; 2) *e*, *o* из *i*, *u* перед *h*, *r*: *airþa* «Erde», *aúhsa* «Ochs»; 3) *ô*, *ê* перед гласными: напр., *stôjan* «судить» — *stauja* «судья»; *taúri*, род. *tôjis* — «деяние»; *saian* «säen» (ahd. *sāen*); *waiān* «wehen» (ahd. *wāen*); возможно, что *ô*, *ê* перед гласными теряли в готском долготу; 4) *ai* обозначает *e* в редуцирующихся глаголах: *haldan* — прош. *hald*; 5) *au* пишется вместо германского *û* перед гласными: *trauan* — ahd. *trûn* «trauen», *bauan* — ahd. *bûan* (фонетическое значение неясно — *o* или *au*?). В первом случае *ai*, *au*, как принято думать (на основании латинской и греческой транскрипции готских имен), обозначают дифтонги, в остальных случаях — простые гласные (вероятно, краткие *o*, *e*). Для различения в грамматиках дифтонги пишутся с ударением на первой букве — *ái*, *áu*, краткие гласные — с ударением на второй — *ai*, *au*. Такая противоречивость графической системы Вульфилы вызывает сомнения. Возможно, что в диалекте Вульфилы германские дифтонги *ai*, *au* > *e*, *o* (как в позднейшем остготском времен Теодорика, V—VI вв.). В таком случае написание *ai*, *au* у Вульфилы в противоположность написанию *e*, *o* (для долгих *ê*, *ô*) последовательно обозначало бы во всех случаях краткий (или открытый) звук [e], [o].

В неударных слогах древневерхненемецкий, как готский и другие древнегерманские языки, сохраняют качественное разнообразие гласных, как долгих, так и кратких. Ср. в склонении: ед. имен. *tag*, дат. *tage*, твор. *tagu*, множ. имен. *taga*, род. *tago*, дат. множ. *tagum* «Tagen», *gestim* «Gästen», *zungôm* «Zungen»; в спряжении: инд. наст. ед. 1. *nimu*, 3. *nimit*, множ. 2. *nemet*, 3. *nemant*; опт. наст. множ. 3. *nemên*, прош. инд. множ. *nâmun*, прош. опт. множ. *nâmin*; в словообразовательных суффиксах: *himil* «Himmel», *aphul* «Apfel», *wazzar* «Wasser», *kuning* «König», *fiskâri* «Fischer», *hohî* «Höhe», *wârnessi* «Wahrheit», *gimeinida* «Gemeinsamkeit» (mhd. *Gemeinde*) и т. п.

На протяжении всего развития древневерхненемецкого происходит процесс качественной и количественной редукции неударных окончаний (в особенности — в падежной и глагольной флексии), в связи с потерей значимости этими окончаниями в результате смешения типов склонения и спряжения и развития новых аналитических средств выражения для грамматических отношений (см. § 33). Как следствие этого процесса, к началу средневерхненемецкого периода все гласные в падежных и глагольных окончаниях и в значительной части суффиксов оказываются редуцированными в безразличное *-e* [ə].

В течение древневерхненемецкого периода процесс этот совершается не вполне равномерно. Вообще узкие гласные *i*, *u* ранее других утрачивают свое фонетическое своеобразие. Для франкских диалектов, уже в древнейших письменных памятниках, характерна замена узких гласных *i*, *u* средними *e*, *o* в положении перед носовыми, напр., дат. множ. obd. *tagum* (-un) «Tagen» — frk. *tagom* (-on); род. дат. ед. obd. *nâmin* «Nâmen», *herzin* «Herzen» — frk. *nâmen*, *herzen*; им. вин. множ. obd. *nâmun*, *herzun* — frk. *nâmon*, *herzon*. Баварские памятники с конца IX в. имеют *-a* как форму

редукции неударного *-e*: ср. род. дат. *tagas*, *taga* вместо *tages*, *tage*; прил. множ. *gasunta* «gesund» вместо *gisunti*; индик. наст. мнжж. 2. *nemat* вместо *nemet* и др. Переходу неударного *-a* в *-e* в окончаниях способствует предшествующее *j* в именных основах на *-j*- и слабых глаголах I группы на *-jan*: ср. уже в VIII в. *sunte* «Sünde» (рядом с *suntea*, *sunta*), им. вин. множ. *hirte* «Hirte» (рядом с *hirta*); в глаголе инфин. *suohhen* «suchen» (got. *sôkjan*), наст. индик. 3. множ. *suochent* (рядом с сильным *neman*, *nemant*).

В конце X в. у Ноткера редукция достигла уже значительного развития. При этом в закрытом неударном слоге все краткие гласные совпали в *-e*: ср. *tagum* > *tagen*, *gestim* > *gesten*, прил. вин. мужск. сильн. *blintan* > *blinten* и т. д.; в открытом слоге узкие краткие *i*, *u* переходят в средние *e*, *o*, т. е. приближаются к качественно безразличному положению, но *e*, *o*, *a* продолжают различаться: ср. твор. *tagu* > *tago*, им. вин. множ. *gesti* > *geste*, но сохраняются *sacha* «Sache», *taga* «Tage» и др. Долгие гласные у Ноткера редукция не подвергаются: ср. *zungûn* «Zungen», дат. множ. *zungôm*, опт. наст. 3. множ. *nêmên*, опт. прош. 3. множ. *nâmin* и др. Следует отметить, что верхнеалеманские (швейцарские) диалекты, к которым принадлежит диалект Ноткера, сохранили нередуцированные долгие гласные до настоящего времени.

В средневерхненемецком при всеобщей редукции неударных окончаний, как долгих, так и кратких, сохраняются нередуцированными гласные некоторых т. наз. «тяжелых суффиксов» (*schwere Ableitungssilben*), которые имели побочное ударение, предохранившее их от фонетической униформации. Ср. mhd. *manunge* (ahd. *manunga*) «Mahnung», *erkentnisse* «Erkenntnis» (ahd. *-nissi*, *-nisse*), *fischære* «Fischer» (ahd. *-âri*), *küneginne*, *künegin* «Königin» (ahd. *-inn*), *kindelfn* «Kindlein», *guldîn* «golden» и немн. др.; сюда также относятся многочисленные именные суффиксы, разившиеся в древневерхненемецком и средневерхненемецком период из самостоятельных слов: напр., *-heit*, *-schaft*, *-lich*, *-haft*, *-sein*, *-falt* и мн. др. (см. §§ 66 и 68). Из падежных окончаний остается нередуцированным *-iu* в сильных прил.; например, mhd. *guotiu* «gute» (им. ед. жен., им. вин. множ. средн.). Эта форма исчезает лишь в новонемецком. Во всех указанных случаях наличие побочного ударения и тем самым сохранение качественного своеобразия окончания связано с его смысловой значимостью, потеря которой является основной причиной фонетической редукции в именной и глагольной флексии.

Процесс редуцирования захватывает и предударные гласные префиксов. Древнейшие формы немецких префиксов в памятниках VIII в.: *ga-* (got. *ga-*, nhd. *ge-*), *za-* (nhd. *zer-*), *ant-* (got. *anda-*, nhd. *ent-*), *ur-* (got. *us-*, nhd. *er-*). С начала IX в. в франкских памятниках устанавливаются формы на *-i-*: *gi-*, *zi-*, *int-*, *ir-*, *fir-* (вост.-франк. *fur-*, *for-*); в баварском IX в. преобладают формы на *-a-*: *ga-*, *za-*, *ant-*, *ar-*, *far-*. На протяжении IX в. франкская огласовка распространяется и на южно-немецкие диалекты; к началу X в. она является общей для всех древневерхненемецких памятников; рядом с нею все более широкое распространение получают редуцированные формы на *-e-* (*ge-*, *ze-*, *ent-*, *er-*, *ver-*, *be-*), которые окончательно закрепляются с начала XI в. Только под ударением (в качестве именных префиксов) приставки сохраняют свой первоначальный вокализм: ср. nhd. *Antwort*, *Ursprung*, *Vorteil* и др. (см. § 25).

II. Согласные

§ 24. Основным отличием древневерхненемецкого консонантизма от готского (и всех прочих в германских языках) является II перебой согласных (см. ниже, § 30). Кроме того, в древневерхненемецком, как и во всех германских языках за исключением готского, z (s) заменилось r (так наз. ротацизм): ср. got. dius, род. diuzis «Tier» — ahd. tiog и др. (см. ниже, стр. 145).

Из других явлений в древневерхненемецком следует отметить потерю начального h в сочетаниях hl-, hn-, hr-, hw- (в начале IX в.); ср. got. hlaupan — ahd. hlaufan, loufan «laufen»; got. hlûtrs — ahd. hlûtar, lûtar «lauter»; got. hrains — ahd. hreini, reini; got. hrôpjan — ahd. hruofen, ruofen «rufen»; got. hneiwan — ahd. hnîgan, nîgan «neigen»; got. hwa (ср. англ. what) — ahd. hwaz, waz «was»; got. hweits (ср. англ. white) — ahd. hwîz, wîz, «weiß». Точно так же отпадает w (u) в начале слова в сочетаниях wr-, wl-: got. wrikan (ср. англ. to wreak) — ahd. rehhan «râchen»; got. wlits «лицо» — ahd. antliŷ «Antlitz». Это изменение предшествует письменным памятникам. Нижненемецкий сохраняет wr-: nnd. wringen «(die Wäsche) ringen» (ahd. ringan «drehen» — ср. got. wruggo «петля», англ. wrong).

В неударных слогах конечное m в течение IX в. переходит в n; ср. множ. I наст. opt. nēmēm > nēmēn, прош. инд. nāmum > nāmun, opt. nāmīm > nāmīn; дат. множ. tagum > tagun, blintēm > blintēn и проч. Это явление, как и редукция неударных слогов вообще, связано с ослаблением смыслового веса и с унификацией падежных и глагольных окончаний и потому распространяется только на флексию. В суффиксах конечное m сохраняется в неударных слогах до конца средневерхненемецкого периода; ср. ahd. buosam > mhd. buosem «Busen», ahd. fadam > mhd. vadem «Faden» и др. (ср. § 21, 4).

Из особенностей готского консонантизма отметим:

1. Чередование b и d внутри слова с f и þ на конце слова и перед s: например, им. мужск. liufs, род. liubis, им. вин. средн. liuf — ahd. liob, род. liobes «lieb»; hlaifs, род. hlaibis «хлеб», вин. hlaif; graban, прош. grôf — ahd. graban, gruob «graben»; haubîp, род. haubidis — ahd. haubit «голова»; им. мужск. gôþs, род. gôdis, им. вин. средн. gôþ — ahd. guot «gut»; biudan, прош. bauþ — ahd. biotan, bôt «bieten» и др. Можно предположить, что глухому спланту на конце слова соответствует звонкий внутри слова и что поэтому готские d и b произносились между гласными как звонкие спланты ð и þ. Точно так же звонкому z внутри слова соответствует на конце слова глухое s: ср. got. hâtis, род. hatizis — ahd. haz «Haß»; got. dius, род. diuzis — ahd. tiog «Tier»; got. hwas «wer» — с соединительной частицей hwaz-uh; got. is «er» — с релятивной частицей iz-ei «тот, кто» и т. д.

2. Поглощение j. Группа ji > i (графически ei) после долгого слога (т. е. после долгого гласного + согласный или после краткого гласного + группа согласных), а также во втором слоге после ударения; она сохраняется после краткого слога и непосредственно после долгого гласного. Явление это имеет существенное значение для склонения основ на -j- и спряжения глаголов на -jan: ср. got. harjis «Heer» (ahd. hari), дат. harja; tōjis «Täter», дат. tōja; no haírdeis, дат. haírdja «Hirte» (ahd. hirti); got. nasjan, наст. 2—3 ед. nasjis, nasjií «спасать» (ahd. nerien); stōjan, 2—3 ед. stōjis, stōjiþ «судить», но sōkjan, 2—3 ед. sōkeis, sōkeiþ «suchen» (ahd. suochen); sandjan, 2—3 ед. sandeis, sandeiþ «senden» (ahd. senten); mikiljan, mikileis, mikileiþ «делать большим» (от mikils «большой»).

По примеру греческой орфографии сочетания ng, nk обозначаются у Вульфилы как gg, gk: ср. laggс «lang», tuggō «Zunge», drigkan «trinken» и т. п. Вероятно, в таких сочетаниях n производилось как заднеязычный носовой (ŋ).

4. ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ НЕМЕЦКОЙ ЗВУКОВОЙ СИСТЕМЫ

§ 25. Звуки языка, являясь носителями значения, образуют в каждом языке систему, служащую средством выражения грамматических отношений. В этом смысле «учение о звуках — лишь техника для морфологии» (Н. Я. Марр). В немецком языке такими основными закономерностями, определяющими его звуковую систему, являются ударение, чередования гласных, как явление внутренней флексии (умлаут, аблаут), и чередования согласных, обусловленные перебоем. Эти отношения современной звуковой системы имеют различную древность и, представляя на данной ступени развития языка довольно противоречивую картину, вскрываются как исторически обусловленные закономерности более ранних стадий языкового развития, многократно переоформленные в процессе дальнейшего развития языка.

Ударение. Немецкий язык имеет неподвижное ударение. Как общее правило, в словах германского происхождения, не имеющих приставок, это ударение лежит на первом (в то же время коренном) слоге. Например, leben, Abend, guter, ohne и т. д. Положение ударения отличает германские языки от большинства других языков индоевропейской системы. Например, в русском языке ударение подвижно и может падать на любой слог: ср. окнó, окнá (род. ед.), óкна (им. вин. множ.); мблòд, мòлодбй, мòлодчик и т. д. При такой системе ударения, как в русском языке, определенное положение ударения (на корне или на суффиксе) характеризует определенные морфологические категории: например,

ударение в род. множ. мужск. падает на окончание *-ов*: *домов*, *концов*, *городов* и т. д. Соответственно этому ударение может служить для различения морфологических категорий: ср. *окна* (им. вин. множ.) — *окна́* (род. ед.), *дома* (нар.) — *дома́* (им. вин. множ.). Есть основание думать, что германские языки на более древней стадии развития имели также подвижное ударение. На это указывает так наз. «закон Вернера» (ср. стр. 143). Возможно, что это подвижное ударение было иного качества: не динамическое (основанное на силе выдыхания), как в современном немецком и других германских языках, а музыкальное (связанное с высотой тона), как в греческом. Это принципиальное изменение системы ударения в германских языках, как и германский перебой согласных, объясняется, по мнению некоторых исследователей, этническими смешениями, сопровождавшими образование германских племен.

Перенесение ударения на первый, коренной слог имело для германских языков существенные последствия: ударение сделалось смысловым, оно стало выделять основную часть слова, являющуюся носителем его предметного значения (корень), от побочных аффиксов (прежде всего окончаний), выражающих грамматико-синтаксические отношения. Благодаря этому более сильное или более слабое ударение становится выражением относительного смыслового веса данного морфологического элемента. Лишенное смысловой значимости окончание, теряя ударение, тем самым подвергается в дальнейшем фонетической редукции.

Использование относительной силы ударения для выражения смыслового подчинения особенно отчетливо выступает в сложных словах. Из двух элементов немецкого сложного слова первый в большинстве случаев является определяющим, второй — определяемым; определяющий элемент несет ударение более сильное, «главное» (*Hauptton*), определяемый — более слабое «побочное» (*Nebenton*): ср. *abendzeitung*, *liebeskümmel*, *erbsensuppe*, *lebensfröh* и т. д. В перечисленных примерах ударения разделены неударным слогом; в других случаях они могут находиться и в непосредственном соседстве: *erlkönig*, *mördanschlag*, *wortkarg*. Менее сильное побочное ударение имеют в немецком языке так наз. «тяжелые суффиксы» (*schwere Ableitungssilben*), т. е. словообразовательные элементы, сохранившие свою смысловую значимость и потому не подвергшиеся фонетической редукции: ср. *förderung*, *begleiterin*, *éigentlich*, *málerisch*; при столкновении ударений: *kénntnisse*, *júnglinge* и др. Впрочем, последний тип допускает переакцентуацию, вызванную тенденцией к более равномерному чередованию ударных и неударных слогов. В результате этой тенденции мы имеем рядом с *notwändig*, *leibháftig*, *wáhrschéinlich* — новые формы: *notwéndig*, *leibháftig*, *wáhrschéinlich*; вместо

ábschéulich, *bármhèzig*, *lébèndig*, *vórzüglich* — *abschéulich*, *barmhèzig*, *lebèndig*, *vorzüglich* и др.

Слово, состоящее из большего числа элементов, будет заключать несколько ступеней ударности: например, *wóhnungsmeldeamt*, *únübersichtlich*, *únvórtelháft* и т. п. Различение нескольких ступеней ударения и последовательное их использование для выражения грамматико-синтаксических отношений резко отличается немецкое произношение от русского и основано на общем принципе смыслового ударения.

В отношении акцентуации слов с приставками необходимо различать именные и глагольные соединения, а в этих последних — глаголы с отделяемыми и неотделяемыми приставками. В глаголах с неотделяемыми приставками ударение лежит на коренном слоге, глагольная приставка не несет ударения: ср. *beschreiben*, *versprechen*, *entságen*, *erschéinen*, *gewínnen*, *zerschlágen*; также *mißhándeln*, *vollbringen*. В старых соединениях существительных с приставками ударение падает на приставку: ср. *úrlaub*, *úrteil*, *vórsprung*, *ántwort*, *ánteil*, *béispiel*, *áussicht* и др. Исключение составляют соединения с приставкой *ge-*, рано утратившей самостоятельное смысловое значение: *gebirge*, *gefólge*, *gebót* и т. п. Приставка, на которую падает ударение, сохраняется нередуцированной, тогда как гласный неударной приставки редуцируется в безразличное *-e* [э]. Отсюда разница между *úrlaub* и *erláuben* (ahd. приставка *ur-*), *úrteil* и *ertéilen*, *ántwort* и *entwérfen* (ahd. *ant-*) и т. п. Различие это впоследствии затемняется вследствие наличия отглагольных существительных, образованных в более позднюю эпоху от глаголов с неударными приставками и поэтому несущих ударение на корне (ср. *ertéilen* — *Ertéilung*, *zerstóren* — *Zerstörung*), и с другой стороны — отыменных глаголов, образованных от существительных с ударной приставкой и имеющих подобно им ударение на первом слоге (ср. *ántwort* — *ántworten*, *úrteil* — *úrteilen*).

Глаголы с отделяемыми приставками имеют ударение на приставках, причем корень сохраняет побочное ударение: *fórtláufen*, *míttgehen*, *aúfláchen*, *aússpréchen* и т. д. Такие соединения, в сущности, являются сложными словами с сильным ударением на определителе, со слабым на определяемом. Отделяемая приставка еще не утратила смысловой самостоятельности наречия и потому сохранила свое ударение, тогда как приставка неотделяемые, утратив самостоятельную значимость, подчинились ударению глагола. Очевидно, именные соединения типа *úgláub*, *ántteil*, *aússicht* в период переноса ударения приближались по своему характеру к сложным словам с самостоятельным значением первого элемента, чем объясняется наличие в них ударения на первом слоге.

Когда в современном языке глагольная приставка употреб-

ляется и как отделяемая и как неотделяемая, она в первом случае несет по общему правилу главное ударение, во втором — является неударной. В этом последнем случае приставка обычно теряет самостоятельную значимость, слово как целое приобретает новый смысл: ср. *übersetzen* («пересаживать через») и *übersetzen* («переводить книгу»), *unterschlügen* («подставить под») и *unterschlügen* («утаить») и т. п.

В заимствованных словах одним из существенных признаков фонетического освоения является перенесение ударения на первый (коренной) слог. Такому освоению с последующей частичной редуциацией неударных слогов подверглись все древнейшие латинские заимствования. Ср. лат. *fenestra* > нем. *Fenster*, лат. *catillus* > нем. *Kessel*, лат. *catēna* > нем. *Kette* (ahd. *kétina*), лат.-галльск. *ragaverédus* > нем. *Pferd* (ahd. *phérfrit*). Более поздние заимствования латинские и французские, поддержанные книжной традицией, в особенности же новейшие ученые слова латинско-греческого образования, сохраняют ударение, свойственное данному языку: ср. *Altár*, *Elefánt*, *Periódē*, *Theáther*, *Religióñ* и т. д. Возникают целые словообразовательные категории с суффиксами иностранного происхождения, имеющие ударение на конце или на середине слова: например, *Báckeréi*, *Molkeréi* (фр. суфф. *-ie*); *hausíeren*, *philosophíeren* (фр. *-ier*); *Sozialísmus*, *Sozialíst* (лат.-греч. *-ismus*, греч. *-istēs*); *Philosophíe*, *Philologíe* (фр. *-ie*) и т. п. По типу этих заимствований небольшое число исконно немецких слов переносит ударение на конечный или средний слог: ср. *Forélle* (mhd. *fórhele*), *Hermelín* (mhd. *hármelín*, уменьш. от ahd. *harmo* «Wiesel») и немногие другие. Напротив, для диалектов характерно дальнейшее переформливание заимствований по принципам немецкого ударения: например, *keste* (<*kastánie*) «каштан», *kánnel* (<*kanál*) «канал» и др.

Таким образом рост интернациональных элементов в немецком литературном языке сопровождается широким развитием новой системы акцентуации, разрушающей рамки акцентных отношений, характерных для германской фонетической системы.

§ 26. Умлаут. В современном немецком языке умлаут и аблаут являются формами внутренней флексии и играют в словообразовании и словоизменении весьма значительную роль. Ср. *Gast* — *Gäste*, *stark* — *stärken*; *singen* — *sang*, *trinken* — *trank* и т. п. Немецкий язык отличается от большинства других языков индоевропейской системы широким развитием внутренней флексии. Но и в других германских языках внутренняя флексия, в особенности умлаут, не играет такой существенной грамматической роли, как в немецком.

По своему происхождению умлаут и аблаут относятся к разным эпохам языкового развития и имеют разные причины: ум-

лаут есть своеобразное, специфически германское явление уподобления («сингармонизма») гласных корня и окончания, аблаут связан с древнейшими закономерностями чередования гласных, свойственными всем языкам индоевропейской системы.

Умлаутом называется ассимиляция (обыкновенно — частичная) гласного корня гласному окончанию. Для немецкого языка важнейшее значение имеет *i*-умлаут, воздействие *i* (*j*) окончания, вызывающее палатализацию коренного гласного. При этом артикуляция *a* приближается к последующему *i* (*j*), достигая среднего уровня *e*; задние гласные *o* и *u* переходят в *ö* и *ü*, т. е. заменяются передними того же уровня, с сохранением присущей задним гласным лабиализации.

Умлаут наблюдается во всех германских языках, которым, очевидно, была свойственна тенденция к уподоблению («сингармонизму») гласных корня и окончания. Но осуществляется эта тенденция уже в историческую эпоху, в каждом из германских языков в разное время, независимо друг от друга и с своеобразными особенностями. Готский язык Вульфилы еще не знает умлаута, как и язык древнейших скандинавских рунических надписей (IV в.), но более поздние собственные имена свидетельствуют о наличии этого явления у вестготов в Испании (VII в.), а в письменных памятниках древнеисландского оно имеет самое широкое распространение. Древневерхнегерманский язык знает только умлаут от краткого *a*, который распространяется в середине VIII в.; в X в. появляется (у Ноткера) умлаут от *iu* (*iu*); лишь в средневерхнегерманском, одновременно с редуциацией конечного *i* в *e*, умлаут охватывает все гласные, давая следующие чередования: mhd. *a* — *e* (*ä*), *o* — *ö*, *u* — *ü*, *ā* — *æ*, *ō* — *œ*, *ū* — *iū* (*ü*); *uo* — *üe*, *ou* — *öu*.

Например, mhd. *gast* — *geste* (ahd. *gesti*); *korb* — *körbe* (ahd. *korbi*); *wurde* — *würde* (ahd. *wurti*); *slāfe* — *slāfest* (ahd. *slāfis*); *hōch* — *hōher* (ahd. *hōhiro*); *hūs* — *hiuser* (ahd. *hūsir*); *gruop* — *grüebe* (ahd. *gruobi*); *bouc* — *böugen* «beugen» (<*baugjan).

Умлаут в немецком языке представлен неравномерно. Движение это распространяется с севера на юг и в южногерманских диалектах встречается в целом ряде случаев сопротивление. Задние гласные (*o* и в особенности *u*) менее подвержены палатализации, чем *a*; заднеязычные согласные между коренным гласным и *i* могут задерживать палатализацию гласного.

В древневерхнегерманском умлаут от краткого *a* развернут не полностью. Палатализации коренного гласного препятствуют некоторые согласные, преимущественно заднеязычные. На всей территории древневерхнегерманского препятствием для умлаута служат сочетания *ht*, *hs*, *rw* [*ru*]. Ср. ahd. *mahti* «Mächte», *wahsit* «wächst», *garwen* (<*garwjan — ср. nhd. *gerben*). В южногерманских диалектах в противоположность среднегерманским препятствием

служит также $r + cons.$, $l + cons.$, нем. hh (ch) и герм. h : ср. *obd. haltit* — *md. heltit*, *obd. starchiro* — *md. sterkiro* «*stärker*», *obd. gimahhida* «соединение» (от *mahhôn* «*machen*»), *slahis* «*schlâgst*» (от *slahan* «*schlagen*») — *md. slehis* и др. Кроме того в древневерхненемецком обычно отсутствует умлаут перед долгим i , а также и перед кратким i , когда это последнее стоит через один слог от коренного гласного: например, *smalî* (абстр. от *smal* «*schmal*»), *magadî* (множ. от *magad* «*Magd*»), *magadîn* «*Mädchen*» и др. Во всех этих случаях в средневерхненемецком появляется умлаут: *mhd. mâhte, wâhset, gârwen; magede, magedîn* и т. д. Но этот поздний, так наз. «вторичный» умлаут (*Sekundärumlaut*) имеет менее интенсивный характер, чем умлаут «первичный». В результате вторичного умлаута получается более открытое e , которое обозначается в средневерхненемецком как $ä$, тогда как первичный умлаут, дающий закрытое e , обозначается в грамматиках как e . К вторичному умлауту относятся также явления, связанные с распространением умлаута по аналогии в определенных грамматических категориях (например, во множ. числе мужск. рода): ср. *mhd. slac* — *släge* (см. ниже стр. 167.)

В результате умлаута в средневерхненемецком устанавливаются три разных по качеству кратких e : 1) e закрытое — «первичный умлаут»: *geste* (ahd. *gesti*); *bezzet* (ahd. *bezzero*) — ср. нареч. *baz*; 2) e среднее — старое германское e : *neman* (ahd. *nëman*); *ëzzan* (ahd. *ëzzan*); 3) e открытое — «вторичный умлаут»: *mâhte* (ahd. *mahti*), *gârwen* (ahd. *garwen*), *släge* (ahd. *slaga*). Долгое e имеет также два качества: 1) e закрытое — старое немецкое e : *snê* «*Schnee*», *êwig*; 2) e открытое — умлаут от долгого a : *slæfest* «*schlâfst*» (ahd. *slâfis*), *mære* «*berühmt*» (ahd. *mâri*). Южнонемецкие диалекты до сих пор четко сохранили это различие открытого и закрытого e , причем секундарный умлаут $ä$ обычно совпадает с германским e , т. е. с открытым звуком. Ср. *beser* «*besser*» (mhd. *bezzet*) и *esä* (mhd. *ëzzen*); *twelf* (mhd. *zwelf* — ср. got. *twalif*) и *helfä* (mhd. *helfen*); но *meçic* (mhd. *mâhtec*); точно так же *snê*: (mhd. *snê*), но *ke:s* (mhd. *kæse*). В литературном произношении (как в севернонемецком) все краткие e , независимо от происхождения, произносятся открыто; для долгого e сценическое произношение установило дифференциацию закрытого и открытого звука, также независимо от происхождения, ориентируясь на орфографическое различие e и $ä$ (ср. стр. 91).

В новонемецком принято обозначать e (умлаут) через $ä$ в тех случаях, когда форма с умлаутом ощущается как производная от формы с a : например, *Gast* — *Gäste*, *alt* — *älter*, *stark* — *stärker* и т. п. В тех случаях, когда этимологическая связь для современного языкового сознания утрачена, исторический умлаут обозначается через e . Поэтому пишут без умлаута *Eltern* «родители» (ahd. *eltiron* «*die Älteren*») — рядом с *älter* сравн. степ.,

besser (ahd. *bezzero*), *fest* «крепкий» (ahd. *fësti* — одного корня с *fast*), *Bett* (ср. got. *badi*), *schwer* (mhd. *swære* < ahd. *swâri*) и мн. др. В некоторых случаях пишется $ä$ вместо германского e по исторически неправильным ассоциациям, например, *gebären* (mhd. *gebären*), *Bär* (mhd. *bër*), в противоположность *Beere* (mhd. *bere* — ср. got. *basi*) и др.

Распространение умлаута в средневерхненемецком и новонемецком происходит так же неравномерно, как и в древневерхненемецком. Южнонемецкие диалекты и здесь оказывают сопротивление умлауту, в особенности гласные заднего ряда, труднее поддающиеся палатализации. Так, в южнонемецких говорах отсутствует умлаут краткого u перед k : ср. шваб. *muk* «*Mücke*», *stuk* «*Stück*», *kruk* «*Krücke*», *tsruk* «*zurück*», *bruk* «*Brücke*»; местные названия: например, *Innsbruck* (Тироль) рядом с *Osnabrück* (Вестфалия); в литературном языке: *Rucksack* (из швейцарского), *drucken* «печатать», *Drucker* — рядом с *drücken* «давить» (главные центры книгопечатания в XV—XVI вв. находились в южнонемецких городах). Точно так же южнонемецкие *lupfen* «*lûpfen*», *hupfen* «*hûpfen*». Литературный язык допускает чередование северной формы с умлаутом и южной без умлаута в глаголах *dürsten* — *dürsten*, *nützen* — *nutzen*, *frönen* — *fronen*. Аналогичное чередование наблюдается в фамилиях на $-er$ (суффикс. лат. $-arius$ > ahd. $-âri$ > mhd. $-ære$): *Kohler* — *Köhler*, *Wagner* — *Wegener*, *Kramer* — *Krämer* и др. Умлаут от au перед губными согласными отсутствует в ряде слов не только в южнонемецком, но и в средненемецком, и тем самым в литературном языке: ср. *Haupt* (ahd. *houbit*), *glauben*, *erlauben*, *kaufen*, *taufen*, *raufen* (глаголы на $-jan$: got. *galaubjan* и т. д.); в севернонемецких диалектах: *häupt*, *gläuben*, *täufen* и т. д. Умлаут имеют *gläubig*, *betäubt*; однако у Шиллера, по происхождению шваба, еще встречаются южные формы: *gläubig*, *betaubt*. В письменном языке XVIII в. стабилизация умлаута в этих случаях еще не проведена окончательно: мы встречаем у севернонемецких писателей — *gläuben*, *Häubt*, *kündig*, *behäglich*, у южнонемецких — *Rucken*, *Stuck*, *zuruck*, *saumen*, *Rauber*, *Saufer*, *Gartner*, *Graber*, *Wachter*; *gewöhnlich*, *kostlich*; *Lammel*, *Gassel* и т. п.

Значение умлаута как явления морфологического выясняется при обзоре тех грамматических категорий, в которых встречается умлаут. Во всех этих категориях умлаут вызывается наличием $i(j)$ в окончании, т. е. фонетической ассимиляцией, но в процессе развития языка это фонетическое изменение становится техническим средством для выражения грамматических отношений.

А. Словоизменение.

1. Множ. число существ. мужск. рода: *Gast* — *Gäste*, *Schlag* — *Schläge*; женск. рода: *Stadt* — *Städte*, *Haut* — *Häute* (этот ум-

лаут распространился из группы основ на -i- — ср. ahd. gesti, steti); множ. число на -er (ahd. -ir); Kalb — Kälber, Haus — Häuser, Wald — Wälder (ср. ahd. kelbir).

2. Степени сравнения прилаг.: hoch — höher, höchst; lang — länger, längst (ср. ahd. hôhiro, hôhisto).

3. 2—3 лицо наст. врем. сильн. глаголов: ich grabe, du gräbst, er gräbt; ich laufe, du läufst, er läuft (ahd. grabu, grebis, grebit).

4. Оптатив прошедшего сильных глаголов (образуется от основы множ. числа прош. врем.): gäbe (ahd. gâbi), würfe (ahd. wurfi), trüge (ahd. truogi).

Б. Словообразование.

а) Существительные. 1. Основы на -j-: mhd. bette «Bett» (ahd. betti, got. badi), netze «Netz» (ahd. nezzi, got. nati), stücke (ahd. stukki) и др. С приставкой ge- (ahd. gi-) преимущественно в значении собирательном или социативном (ср. русск. co-): mhd. gewürme (ahd. giwurmi), gedärme (ahd. gidarmi), gesprache (ahd. gisprâhhi) и др.

2. Абстрактные женского рода от прилагательных (ahd. -î): hoch — Höhe (ahd. hôhî), gut — Güte и т. д.

3. Уменьшительные на -lein (ahd. mhd. -lîn) и на -chen (frnhd. -ichen): первые — из южнонемецкого, вторые — из средненемецкого (через язык Лютера). Ср. Böcklein (mhd. böcklîn), Wölflein (mhd. wöflîn), Schäflein (mhd. schæflîn); Söhnchen, Hänschen (у Лютера Söhnichen, Hensichen).

4. Имена действующих лиц на -er (старое заимствование лат. -arius > ahd. -âri > mhd. -ære): Jäger (ahd. jagâri > mhd. jägere), Sänger, Bäcker, Schäfer, Eigentümer и т. п.

5. Имена живых существ женского пола на -in (mhd. -in, -inne): Hündin (mhd. hündinne), Närrin (mhd. nerrin), Füchsin, Göttin, Schwägerin.

6. Абстрактные имена на -nis (ahd. -nissa, -nissi): Empfängnis (ahd. antfancnissa), Begräbnis, Verhältnis, Betrübnis, Kümernis, Bündnis, Fäulnis.

7. Другие именные суффиксы, например, -el (ahd. -il), -ling, -de (ahd. -ida); например, Würfel, Knöchel, Flügel; Sträfling, Jüngling, Säugling; Gebärde (ahd. gibârîda), Gemälde и др.

б) Прилагательные. 1. Основы на -j-: süß (ahd. suozi, mhd. süeze), kühn (ahd. kuoni, mhd. küene), spät (ahd. späti, mhd. späete), streng (ahd. strengi, mhd. strenge), schwer (ahd. swâri, mhd. swære) и мн. др.

2. Суффиксы -isch (ahd. -isc), -ig (ahd. -ig), -lich (ahd. -lîch): höfisch (mhd. höfisc), römisch, städtisch; täglich, höflich, sträflich, kränklich; kräftig, lästig, nötig и т. д.

с) Глаголы. 1. Слабые глаголы на -jan: wählen (got. waljan), hüllen (got. huljan), senden (got. sandjan). Часто в зна-

чении понудительных (каузативов) от сильных глаголов: sitzen — setzen (got. satjan «sitzen machen»), saugen — säugen («saugen machen»), trinken — tränken («trinken machen») и т. д.; от прилагательных stark — stärken («stark machen»), kurz — kürzen, rot — röten и др.; производные с разным значением от существительных: Futter — füttern, Schnur — schnüren, Traum — träumen и т. д.

2. Глагольные суффиксы: -igen, -eln (<ahd. -ilôn) и др.: schade — schädigen, satt — sättigen, Spott — spötteln, Frost — frösteln, Tanz — tänzeln и др.

Закрепляясь за определенной морфологической категорией, умлаут в этом новом значении грамматического признака распространяется далеко за свои первоначальные фонетические границы. Так, умлаут во множественном числе мужского и женского рода возникает в основах на -i- как явление чисто фонетическое в результате влияния конечного -i (gesti, steti); но в средневерхне-немецкую и новонемецкую эпоху, после редукции конечных окончаний в безразличное -э, он распространяется в этом новом грамматическом значении и на такие основы, которые никогда не имели -i во множественном числе: например, mhd. äste, fühse, nägel (ahd. asta, fuhsa, nagala) и др. Каузативы от прилагательных по типу глаголов на -jan: stark — stärken, rot — röten и т. д. образуются в большом числе в новое время с обязательным умлаутом, распространяющимся уже не по причине фонетической ассимиляции, а по грамматической аналогии. С другой стороны, фонетический умлаут нередко устраняется, когда он не имеет морфологической функции. Так, не получает более широкого распространения в древневерхне-немецком умлаут в род. дат. ед. числа на -in слабого склонения: например, у Исидора (VIII в.) им. ед. папо, род. nemin (namin), дат. nemin (namin), вин. pamun. В основах на -i- женского рода устраняется в новонемецкую эпоху умлаут род. дат. ед. числа, обусловленный также фонетически (ahd. им. ед. stat — род. steti, дат. steti — вин. stat), благодаря чему изменение гласного окончательно закрепляется в этих основах как признак множественного числа: ср. Stadt — Städte (см. стр. 172). В диалектах проявляется тенденция к устранению умлаута во 2—3 лице настоящего времени сильных глаголов, поскольку эти лица достаточно дифференцированы окончанием и обязательным личным местоимением: например, du fahrst, er fährt вм. du fährst, er fährt (см. стр. 221). Существенное значение при закреплении грамматической роли умлаута имеет в новонемецком и орфография, благодаря которой чередования а — ä, а — ö, u — ü выступают как варианты одного гласного. Мы видели, что там, где морфологическое значение умлаута не сознается, в орфографии остается е вм. а (ср. Bett, besser, netzen и мн. др.).

§ 27. Преломление. Подобно умлауту преломление (Brechung) также основано на уподоблении гласного корня гласному окончанию. Преломлением называется чередование гласных е — i, о — u, io — iu в корне под влиянием более широкого или более узкого гласного окончания. Явление это более древнее, чем умлаут, и предшествует историческим памятникам. В письменных памятниках древневерхненемецкого языка гласная основы, вызывавшая уподобление, часто уже редуцирована и может быть восстановлена только сопоставлением со стадияльно более древними формами языка древнейших скандинавских рунических памятников, сохранившими нередуцированными основообразующие гласные, или с другими языками индоевропейской системы (см. § 34). Преломление встречается во всех германских языках кроме готского, в котором оно вытеснено специфическим для готского вокализма развитием е, i > i; o, u > u: ср. got. niman, nimanans — ahd. neman, ginoman (см. § 23). Наиболее полное развитие оно получило в западногерманских языках.

С точки зрения древневерхненемецкого языка преломление может быть представлено в следующей схеме:

е — i
о — u
eo, io — iu
+a, e, o   +i(j), u

Иными словами, при последующих широких гласных окончания (а, е, о) корень также имеет более широкий вариант гласного (е, о, ео), при последующих узких гласных (i, u) корень имеет гласный более узкий (i, u, iu).

1. е — i. В словоизменении: наст. время сильн. глаголов на е — ср. ahd. инфин. geban; 1—3 ед. наст. gibu, gibis, gibit (mhd. gibe, gibest, gibet); 1—3 множ. gebamês, gebet, gebant (mhd. geben, gebet, gebent); инфин. helfan; 1—3 ед. hilfû, hilfîs, hilfît (mhd. hilfe, hilfest, hilfet); 1—3 множ. helfamês, helfet, helfant (mhd. helfen, helfet, helfent). В новонемецком i сохраняется только во 2—3 лице (см. стр. 221).

В словообразовании: основы на -j-, в частности имена собирательные с приставкой gi-: ahd. herta «Herde» (осн. -ô-) — hirti «Hirt» (осн. -j-); ahd. berg (осн. -a-) — gibirgi «Gebirge» (осн. -j-); feld (осн. -a-) — gifildi «Gefilde» (осн. -j-); wetar «Wetter» (осн. -a-) — giwitiri «Gewitter» (осн. -j-) и др.; отглагольные существительные (основы на -i- и на -ti-): ahd. инфин. tretan «treten» — tritt «Tritt» (осн. -i-); geban «geben» — gift, первоначально «дар» (осн. -ti-), sehan «sehen» — gisicht (осн. -ti-), giscehan «geschehen» — gischiht «Geschichte» (осн. -ti-) и др.; прилагательные с суффиксами: ср. recht — richtig, be-gehren (ahd. gerôn) — gierig (ahd. girîg),

wert — ahd. wirdîg (nhd. würdig); erde — irdisch (ahd. irdisc), irden (mhd. irdîn); слабые глаголы на -jan: recht (осн. -a-) — richten (-jan), schlecht (mhd. sleht «гладкий») — schlichten, mhd. quec «живой» (ср. Quecksilber «живое серебро») — erquicken, feder — befiedern (mhd. befiedern) и др.

2. о — u. (Под влиянием последующего i (j) в более позднюю эпоху (mhd.) и претерпевает умлаут в ü.)

В словоизменении: причастие II сильных глаголов (во II — III ряду аблаута) отличается от множ. числа и опатива прош. времени преломлением гласного под влиянием окончания. Ср. «bieten» — ahd. множ. прош. butum (опт. buti) — причастие II gibotan (mhd. buten, bûte — geboten); множ. прош. wurfum (опт. wurfi) — прич. II giworfan (mhd. wurfen, wûrfe — geworfen) и др. — Слабое прошедшее в глаголах претерито-презентных (см. § 61) имеет широкий гласный: ahd. sculum «wir sollen» — scolta «sollte», durfum «wir bedürfen» — dorfta «bedurfte». Чередование это устраняется уже частично в средневерхненемецком.

В словообразовании: собирательные на ge- (осн. -j-): holz — mhd. gehülze «Gehölz», wolke — mhd. gewülke; отглагольные существительные (основы на -i- или на -ti-): gezogen (ahd. gizo-gan) — Zug (осн. -i-), gegossen (ahd. gigozzan) — Guß (осн. -i-), geflogen (ahd. giflogan) — Flug (осн. -i-), verloren (ahd. firlo-ran) — Verlust (осн. -ti-) и т. д. Другие суффиксы существительных: hold (осн. -a-) — Huld (осн. -î-), ahd. folo «Fohlen», — fulî «Füllen», Knoten (ahd. knoto) — Knüttel (ahd. knutil), Knopf (осн. -a-) — Knüppel (ahd. knuppil); суффиксы прилагательных: Holz — mhd. hülzîn, Gold — mhd. guldîn (nhd. gülden, монета Gulden). Глаголы на -jan: voll (осн. -a-) — füllen (ср. got. fuljan), Zorn (осн. -a-) — zürnen. Наречия (предлоги): für (ahd. furi) — vor (ahd. fora); über (ahd. ubir) — oben (ahd. obana).

Перед носовым с последующим согласным или двойным (долгим) носовым все германские языки имеют только узкие гласные i и u, независимо от характера последующего согласного. Поэтому в глаголах этого типа отсутствует обычное чередование на основе преломления: ср. ahd. helfan — hilfû, hilfîs, hilfît, но findan, findu, findîs, findit и giwinnan, giwinnu, giwinnit; ahd. hulfum — giholfan, но fundum — gifundan и giwunnum — giwunnan.

3. ahd. eo, io — iu. Ahd. eo, io > mhd. ie > nhd. î; в ahd. iu — дифтонг, в mhd. — долгий гласный [y:], mhd. iu > nhd. eu [эi]. См. выше стр. 97 и 113.

В словоизменении: наст. время сильных глаголов на ie (ahd. io): ahd. инфин. fliogan (mhd. fliegen); 1 — 3 ед. наст. fliugu, fliugis, fliugit (mhd. flüege, flüegest, flüeget); 1 — 3 множ. flioga-

mês, flioget, fliogant (mhd. fliegen, flieget, fliegend); инфин. biotan (mhd. bieten); 1—3 наст. время biutu, biutis, biutit (mhd. biute, biutest, biutet); 1—3 множ. biotamês, biotet, biotant (mhd. bieten, bietet, bietent) и т. д. В новонемецком литературном языке формы на *iu* вытеснены формами на *ie* (см. стр. 221).

В словообразовании — ahd. *sioh* «siech» — *siuhî* «Seuche», *tiof* «tief» — *tiuff* (теперь по аналогии — *Tiefe*); ahd. *diot* (mhd. diet) («народ») — *diutisc* «deutsch» («народный» — первоначально о языке); ahd. *liht* (mhd. lieht) «Licht» — *liuhten* (глагол на *-jan*) «leuchten» и немногие другие.

В противоположность умлауту преломление в немецком языке не получило принципиального морфологического использования. Оно сохранилось в небольшом числе изолированных слов как чередование гласных при словообразовании, не обнаруживающее грамматической закономерности. Отсюда в ряде случаев вытеснение таких чередований, как mhd. *gold* — *gûlden*, *holz* — *gehûlze*, ahd. *tiof* — *tiuff*, обусловленных фонетическими закономерностями более ранней стадии языкового развития, аналогическими новообразованиями типа *golden*, *Gehölz*, *Tiefe*. Смысл внутренней флексии получило только чередование *e* — *i* в наст. времени сильных глаголов, но и оно вытесняется (особенно в диалектах) вследствие наличия других достаточно отчетливых признаков лица в виде окончаний и обязательных личных местоимений; ср. в диалектах: *ich geb*, *du gebst*, *er gebt* (см. стр. 221).

Примечание. Рассматривая преломление с точки зрения немецкого языка, как чередование *e* — *i*, *o* — *u*, мы не можем, оставаясь в пределах германских языков, решить, который из этих гласных является основным и который — производным. Яков Гримм, исходя из готского вокализма, считал изначальными для германских языков *i* и *u*, а гласные *e* и *o* рассматривал как результат преломления (отсюда и его термин *Brechung*).

Сравнение с другими языками индоевропейской системы не подтвердило теорию Гримма. На месте чередования *e* — *i*, указанного выше (стр. 126), другие индоевропейские языки имеют *e*, а не *i*: ср. ahd. *werden* — *wirdu* (лат. *vertere*, русск. вертеть); ahd. *reht* — *richtig* (лат. *rectus*); ahd. *weter* — русск. ведро и др. Гласный *e* в этих случаях чередуется с *o* по законам аблаута (см. § 29). В чередованиях *o* — *u* основным гласным является *u*, соответствующий так наз. нижней ступени аблаута (см. § 29); как известно, гласному *o* других индоевропейских языков в германских языках соответствует *a*: ср. лат. *hostis*, русск. гость — got. *gasts* «Gast» (см. стр. 23); таким образом *o* появляется в германских языках только в результате расширения *u* перед широкими гласными *a*, *o*, *e* (т. наз. *a-Umlaut*): ср. ahd. *hulfum* — *giholfan* (см. стр. 127). Наконец, дифтонгу ahd. *iu* — *io* соответствует в ряде других индоевропейских языков *eu*: ср. греч. *phœugō* — ahd. *biogan* — *biugu*. Таким образом сравнительная грамматика для каждого из трех случаев преломления дает свое особое объяснение: в первом случае — сужение перед узкими гласными (*i-Umlaut*), во втором — расширение перед широкими (*a-Umlaut*), в третьем — расщепление первоначального единого дифтонга в зависимости от характера последующего гласного.

Непоследовательность этого объяснения является результатом формалистического схематизма, характерного для индоевропеистики. Несомнен-

но, чередование — в том виде, как оно представлено в древневерхненемецком (и вообще в западногерманских языках), — представляет собой единое явление свойственного этим языкам «сингармонизма», т. е. ассимиляторных связей между гласными корня и суффикса. Возможно, что оно указывает, как и явление перебора, на скрещение языка индоевропейского типа с языком иной системы, для которой чередования *e* — *i*, *o* — *u* представляли варианты одного гласного, более открытого или более закрытого в зависимости от характера последующего звука.

§ 28. Аблаут. В противоположность умлауту и преломлению, аблаут является спонтанным чередованием гласных, не зависящим от вокализма последующего слога. Чередование гласных по законам аблаута представляет явление, общее для всех языков индоевропейской системы и восходящее к наиболее ранним стадиям образования этих языков. Аблаут встречается в словоизменении (*binden* — *band* — *gebunden*) и в словообразовании (*die Binde* — *das Band* — *der Bund*), притом не только в коренном слове, но и в аффиксах (ср. чередование суффиксов *-ing* и *-ung*: *Merowingi* — *Nibelungi*). Но особенно четко выступает аблаут в своем грамматическом значении в системе сильных глаголов, которая в германских языках почти полностью подчинила себе и более древний аблаут в словообразовании. Поэтому с законами германского аблаута удобно знакомиться, исходя из системы сильного глагола.

В средневековом немецком языке (ahd. и mhd.) сильный глагол имеет четыре основные формы, различающиеся по своему вокализму: 1) настоящее время (индикатив, конъюнктив, императив, инфинитив, причастие I); 2) ед. число прош. времени (I и 3 лицо); 3) множ. прош. (от которого образуется также 2-е лицо ед. числа и конъюнктив); 4) причастие II. Последние две формы могут являться (как во II и III ряду) вариантами одной и той же ступени аблаута, дифференцированной преломлением под влиянием последующего гласного. В новонемецком языке мы имеем три основные формы вместо четырех в результате унификации прошедшего либо по единственному, либо по множественному числу (см. стр. 229).

I ряд: *i*

a)

mhd.	<i>stigen</i>	<i>steic</i>	<i>stigen</i>	<i>gestigen</i>
ahd.	<i>stigan</i>	<i>steig</i>	<i>stigum</i>	<i>gistigan</i>
got.	<i>steigan</i>	<i>staig</i>	<i>stigum</i>	<i>stigans</i>

б) Перед *h*, *r*, *w* в ahd. *ei* > *ê* (см. стр. 113)

mhd.	<i>lihen</i>	<i>lêch</i>	<i>lihen</i>	<i>gelihen</i>
ahd.	<i>lihan</i>	<i>lêh</i>	<i>lihum</i>	<i>gilihan</i>
got.	<i>leiḥwan</i>	<i>lâihw</i>	<i>laiḥwum</i>	<i>laiḥwans</i>

В новонемецком побеждает форма множ. числа.

II ряд: *iu*

а)

mhd.	biegen (biuge)	bouc	bugen	gebogen
ahd.	biogan (biugu)	boug	bugum	gibogan
got.	biugan	baug	bugum	bugans

Чередування *io* — *iu* (1), *u* — *o* (3—4) основаны на преломлении.

б) Перед *h* и переднеязычными согласными в *ahd.* *ou* > *ô* (см. стр. 113)

mhd.	bieten (biute)	bôt	buten	geboten
ahd.	biotan (biutu)	bôt	butum	gibotan
got.	biudan	baup	budum	budans

В новонемецком побеждает форма ед. числа на *ô*, поддержанная причастием.

III ряд: *e (i)* + носов. или плавн. + согл.

а) носов. + согл. (или двойной носов.)

mhd.	binten	bant	bunten	gebunten
ahd.	bintan	bant	buntum	gibuntan
got.	bindan	band	bundum	bundans

Перед носов. + согл. отсутствует чередование *e* — *i*, *o* — *u* в 1 и 3—4 формах (см. стр. 127).

б) плавн. + согл. (или двойной плавн.)

mhd.	helfen (hilfe)	half	hulfen	geholfen
ahd.	helfan (hilfu)	half	hulfum	giholfan
got.	hilpan	halp	hulpum	hulpans

Чередування *e* — *i* (1) и *u* — *o* (3—4) основаны на преломлении. В новонемецком в III ряду побеждает форма ед. прош.

К этому ряду в немецком примыкают также некоторые глаголы, в которых плавный предшествует гласному: например, *ahd.* *brestan* «bersten», *drescan* «dreschen», *leskan* «löschen», *flehtan*, а также глагол *fehlan*.

IV ряд: *e (i)* + носов. или плавн.

mhd.	nemen (nime)	nam	nâmen	genomen
ahd.	neman (nimu)	nam	nânum	ginoman
got.	niman	nam	nênum	numans

Чередування *e* — *i* (1) основано на преломлении. Точно так же *o* в *vm.* и в причастии II. В новонемецком происходит удлинение по аналогии множ. числа. К этому ряду в немецком примыкают также некоторые глаголы, в которых плавный предшествует гласному, напр., *ahd.* *brehhan* «brechen», *rehhan* «râchen», *sprehhan*, а также *stehhan* (в большинстве из них за гласным следует *hh*).

V ряд: *e (i)* + шумн. согласн. (кроме *hh*)

mhd.	geben (gibe)	gap	gâben	gegeben
ahd.	geban (gibu)	gab	gâbum	gigeban
got.	giban	gaf	gêbum	gibans

Чередування *e* — *i*, как обычно. В новонемецком прошедшее имеет удлинение по аналогии множ. числа.

VI ряд: *a* — *ô*

mhd.	graben	gruop	gruoben	gegraben
ahd.	graban	gruob	gruobum	gigraban
got.	graban	grôf	grôbum	grabans

В глагольной системе немецкого языка имеется еще один ряд с различными гласными в настоящем, с которыми совпадает причастие II, и с прошедшим на *ie* (*ahd.* *ia*, *io*).

VII ряд: прошедшее *ie*

а)

mhd.	heizen	hieꝛ	hiezen	geheizen
ahd.	heizan	hiaꝛ	hiazum	giheizan

б)

mhd.	loufen	lief	liefen	geloufen
ahd.	loufan	liof	liofum	giloufan

Однако на более древней стадии развития германских языков, засвидетельствованной в готском и менее ясно в других языках, эти глаголы образовали прошедшее с помощью так наз. *редупликации* (удвоения), т. е. повторения начального согласного с гласным *e*: ср. готск. *haitan*, прош. *haihait*; *hlaupan*, прош. *haihlaup*. Гласные прошедшего *ia* (< *ê*₂) или *io* являются результатом стяжения редупликации в зап.-германских языках (см. стр. 112 и 228). Это — новое чередование, по грамматической функции совпавшее с аблаутом, но совершенно другого происхождения.

Аблаут в словообразовании частично связан непосредственно с глагольной системой. Такова, например, обширная группа отглагольных существительных (преимущественно основ на *-i*-мужск. рода), имеющих ступень аблаута 3—4 формы. Ср. I ряд: *Schnitt*, *Schritt*, *Ritt*; *Kniff*, *Pfiff*, *Schmiß* (от сильных глаголов

schneiden < mhd. snīdan, schreiten и т. д.). II ряд: Schuß, Schluß, Guß, Verdruß, Genuß, Fluß, Geruch, Flug и др. (от сильных глаголов шchießen < mhd. schiēzen, fliegen и др.). III—IV ряд: Sprung-Wurf, Trunk, Schwung и др. (от глаголов springen, trinken и пр.); Spruch, Bruch (от sprechen, brechen) и др. По своему значению эти существительные близки к пассивным причастиям II и обозначают обыкновенно однократное действие и вместе с тем его результат (ср., например, Schritt, Wurf и др.). Такую же прочную категорию образуют отглагольные существительные женского рода (основы на -i-) с той же ступенью аблаута и суффиксами -t (или -st). Ср. I ряд: Schrift (mhd. schriben), Trift (mhd. triben); II ряд: Kluft (klieben), Zucht (ziehen), Flucht (fliehen), Verlust (mhd. verliesen «verlieren»); III—IV ряд: Vernunft (mhd. vernehmen), Zunft (mhd. zemen «ziemen»), — первоначально в значении «обычай», «договор», Geschwulst (mhd. swelln), Geburt (mhd. geberen), Brunst (mhd. brinnen «brennen»), Kunst (mhd. kunnen «können») и др. Однако, целый ряд отглагольных существительных с различным значением образуется и от других ступеней аблаута. Ср. от второй ступени III ряд: Zwang, Drang, Klang, Sang, Trank, Band, Bedarf; VI ряд: Grube (mhd. gruobe от graben), Schwur (mhd. swuor) и т. д. От первой ступени I ряд: Streit (mhd. strīt), Steig (mhd. stīg); VI ряд: Stand (от mhd. standan), Schlag, Fahrt и др. (ср. § 65).

Среди производных глаголов отчетливую категорию образуют глаголы понудительные (так наз. каузативы, Bewirkungszeitwörter) — переходные слабые глаголы на -jan, образованные от второй ступени соответствующих сильных, в большинстве случаев — непереходных глаголов, со значением «заставить сделать» (Bewirkung einer Handlung). Ср. sitzen «сидеть» — setzen (got. satjan «посадить», т. е. «заставить сесть»), liegen — legen (got. lagjan), trinken — trenken (got. dragkjan), sinken — senken (got. sagkjan), springen — sprengen (*sprangjan), saugen (mhd. sūgen) — säugen (*saugjan, ср. прош. mhd. souc), genesen — nähren (got. nasjan — «спасать», «genesen machen»), fahren — führen (mhd. fūeren < *fōrjan) и др. (см. стр. 279).

Существуют, однако, в словообразовании примеры аблаута, не связанного ни с каким сильным глаголом: например, lieb (got. liufs) — glauben (got. galaubjan) — Lob (II ряд); Kern — Korn (IIIa ряд); Meer (ahd. mēri) — Moor (mhd. muor, nhd. mōr) (VI ряд) и др. Я. Гримм, рассматривая глагол как первичную грамматическую категорию, считал необходимым и в таких случаях восстанавливать «утраченный» сильный глагол. В настоящее время мы знаем из исследований акад. Н. Я. Марра, что глагол является относительно поздней грамматической категорией, и потому такие примеры аблаута без глагола мы можем в ряде случаев рассматривать как явление более древнее.

Аблаут встречается и в формальных элементах слова. Например, готское склонение на -u — sunus (Sohn) — род. sunaus — им. множ. sunjus — дат. множ. sunum — представляет чередование гласного основы iu — au — u по типу biugan — baug — bugum (II ряд); склонение на -i- — got. ansts «Gunst» — род. anstais — им. множ. ansteis — дат. множ. anstīm дает чередование ei — ai — i (ср. steigan — staig — stigum); в настоящем времени глаголов чередуется тематический гласный (суффикс) a — i: ср. готск. ед. 1. nīma, 2. nīmī, 3. nīmīþ и т. д. На аблауте основаны различия в некоторых наречиях и предлогах: ср. готск. þairh — нем. durch, союза unti «und» — enti (умлаут от anti, ср. англ. and) — inti в различных диалектах древневерхнегерманского и др.

§ 29. Аблаут — явление, общее всем языкам индоевропейской системы. Гласные индоевропейских языков образуют систему закономерных чередований, при которой согласные корни остаются неизменными, а гласные меняются по известным постоянным законам, в соответствии с грамматической категорией или значением слова. Наиболее широкое распространение в индоевропейских языках имеет чередование гласных e — o, которые в словах одного корня образуют как бы варианты одного гласного. Ср. греч. legō «говорю» — logos «слово», trepō «вращаюсь» — tropos «поворот»; русск. лежу — ложе, сезу — еоз. Рядом с чередованием качества гласного (так наз. «качественный аблаут») встречается аблаут «количественный»: с одной стороны, чередование кратких e — o (так наз. «средняя ступень» — Normalstufe) с долгими ē — ō («высшая ступень» — Dehnstufe): ср. лат. sedeo «сажу» — прош. sēdī «сел» (sed-/sēd-); лат. pēs «нога», род. pedis (pēd-/ped-) и got. fōtus, ahd. fuoz «Fuß» (pōd-), an. fet «шаг» (ped-); с другой стороны, выпадение краткого гласного, так наз. «низшая» или «нулевая» ступень (Schwundstufe): например, греч. инфин. наст. petesthai «летать» (ср. нем. feder) — аорист инфин. ptesthai (pet-/pt-). Когда гласный e — o сопровождается неслоговым i или u, образуя дифтонги ei — oi, eu — ou, то на нулевой ступени, при выпадении основного гласного, слогообразующую функцию приобретают i и u: ср. греч. peithō «убеждаю» — аорист II (e-)pithon (корень peith- — pith-); pheugein «бежать» — аорист phygein (корень pheug- — phug-) (об аористе см. стр. 226).

Основному качественному чередованию e — o других языков индоевр. системы в германских языках соответствует чередование e — a, например, geben — gab; essen — каузатив etzen, первоначально «essen lassen» (got. itan — atjan): ср. греч. trepō — tropeō «поворачиваюсь»; ahd. sega — saga «Säge» и др. Как уже было сказано (см. стр. 23), гласному o большинства других индоевропейских языков соответствует германское a: ср. слав. русск. гость, лат. hostis («враг» < «гость») — герм. got. gasts «Gast»; лат. hortus

«сад», греч. *chortos* — герм. got. *gards* (nhd. *Garten*); слав. русск. *молоть*, лат. *molere* — герм. got. *malan* «mahlen» и др. В соответствии с этим чередования первых пяти рядов германского сильного глагола могут быть сведены к аблауту *e — o — ноль*, с различными неслоговыми показателями при основном гласном.

I ряд — за гласным следует неслоговое *i*: *ei — oi — i*. Ср. греч. *leipō* «остаюсь» — перфект (*le-*)*loipa* — аорист (*e-*)*lipon* (корень *leip-*, *loip-*, *lip-*). Герм. *i* — *ai* — *i*. Греческому *ei* соответствует германское *i*: ср. греч. *steichō* — got. *steiga* (*staig*, *stigum*), ahd. *stīgu* «steige».

II ряд — за гласным следует неслоговое *u*: *eu — ou — u*. Ср. греч. *pheugō* «бегу» — аорист (*e-*)*phygon*. Герм. *iu* (*io*) — *au — u*. Дифтонгу *eu* соответствует готск. *iu*; в ahd. он преломляется в *iu — io*: ср. греч. *peuthomai* «расспрашиваю» — got. *biuda* (*bauf*, *budum*), ahd. *biotan* — *biutu* «bieten».

III — IV ряд — за гласным следует неслоговое *m*, *n*, *l*, *r*; при выпадении основного гласного сонорные становятся слоговыми: например, *em — om — m* (или *n*, *l*, *r*). Из слоговых *m*, *n*, *l*, *r* в дальнейшем развитии может выделиться новый гласный: ср. греч. *derkomai* «смотрю», перфект (*de-*)*dorka* — аорист (*e-*)*dr(a)kon* (корень *derk-*, *dork-*, *dr(a)k-*). В германских языках этот новый гласный, выделяющийся перед сонорными, принимает форму *u* (*-um*, *-un*, *-ul*, *-ur*). Отсюда герм. *e — a — u* перед сонорными.

Из этой системы выпадают в IV — V ряду множ. прош. got. *ê* (ahd. *â*), соответствующее высшей ступени от *e* (*e — ê*), а также чередование VI ряда.

В сравнительной грамматике индоевропейских языков явление аблаута трактуют формалистически как закономерность чисто фонетического порядка, пытаются объяснить чередование гласных положением ударения в слове. Действительно, нулевая ступень вполне объясняется с этой точки зрения как редукция неударного коренного гласного при перенесении ударения на суффикс. Однако, качественные чередования (*e — o*), столь характерные для вокализма индоевропейских языков, не могут быть связаны с ударением и остаются совершенно необъясненными. Для понимания аблаута в целом необходимо исходить из его грамматико-семантической функции. Рассматриваемый как явление внутренней флексии, аблаут индоевропейских языков представляет некоторую аналогию с языками семитическими, в которых носителем предметного значения слова является согласный корень, а гласные выражают грамматические отношения. Можно предположить, что в языках индоевропейской системы первоначально носителем значения были согласные, а гласный имел диффузный характер. Об этой стадии свидетельствуют чередования гласных, не укладывающиеся в известную нам систему индоевропейского

аблаута. Например, ahd. *goumo* — *giumo* — *guomo* «Gaumen» (*au — iu — ô*), got. *leitils* — зап.-герм. *lutil* (*i — u*) (ср. англ. *little*, mhd. *lützel* «малый»), an. *gnîpr* — *gnûpr* «обрыв» (*i — û*) и др. Для первоначальной стадии безразличия гласного характерно также наличие в языке дублетов того же слова с различной огласовкой: ср. ahd. *kreta* — *krota* «Kröte», *welha* (got. *wikô*) — *wolha* «Woche», *sega* — *saga* «Säge», *mios* — *mos* «Moos», *ruoba* — *râba* «Rübe» (*ô — ê*), *stroum* — *strûm* «Strom» (*au — û*), got. *qêns* — *qinô* «женщина» (*ê — e*) и др. Эти различия выступают еще более отчетливо при сопоставлении разных германских диалектов, как своего рода дифференциации племенных огласовок (термин Н. Я. Марра). Ср. got. *sauls* — ahd. *sûl* «Säule» (*au — û*), got. *þairh* — ahd. *duruh* «durch», got. *leitils* — зап.-герм. *lutil* «малый», ahd. *nasa* «Nase» — ags. *nosu* (англ. *nose*), nhd. *brust* — as. *brîost* «Brust», nhd. *Birke* — mnd. *borke* «Birke», mhd. *krinc* — mnd. *kranc* «круг», «венюк» (ср. nhd. *Kringel*), ahd. *enti* (<*anti) — *unti* — *inti* «und» (с дифференциацией по диалектам). В дальнейшем закономерные чередования гласных становятся средством семантической дифференциации при словопроизводстве. Ср. got. *magus* «юноша» («сын») — got. *mêgs*, ahd. *mâg* «свойственник», «родич» (*a — ê*), ahd. *swehur* «Schwâher», *swigar* «Schwiegermutter» — *swâgur* «Schwager» (*e — ê*); *Kerl* — *Karl* (первоначально «служилый человек»); ahd. *hano* «Hahn» — *huon* «Huhn»; an. *hjótr* «олень» (ahd. *hiruz* «Hirsch») — an. *hrútr* «баран»; ahd. *grioz* «песок» (nhd. *Grieß*) — mhd. *grûz* «зерно», nhd. *Grauß* (*iu — û*); *Kern* — *Korn*; ahd. *forha* «сосна» — лангобард. *feraha* «дуб» (ahd. *vereh-eih* «дуб») и др.

Этот древнейший слой аблаута в именах перекрывается развитием системы глагола, построенной на аблауте. По сравнению с другими индоевропейскими языками, германские языки развили глагольный аблаут наиболее систематически. Из многообразия чередований, засвидетельствованных в аблауте именно (ср. например, *ê — ô*, *iu — û* и др.), глагольный аблаут отбирает три основных ступени *e — o — ноль*, на которых построены формы сильного глагола и связанные с ними каузативы и отглагольные существительные более позднего образования. Но некоторые незакономерности этой системы указывают на более широкий круг чередований доглагольной стадии аблаута. Так, множ. прош. IV — V рядов имеет *ê*; VI ряд построен на чередовании *a — ô*. В готском имеется группа редуцирующих глаголов с аблаутом *ê — ô*: например, *lêtan* «lassen» — *l îlôt*, *gêdan* «raten» — *raîgôþ* и др. Во II ряду во всех германских языках существует группа глаголов с настоящим временем на *û* (низшая ступень от *ê*): ср. ahd. *sûfan* «saufen» (*souf*, *sufum*, *gisofan*), *sûgan* «saugen» (*soug*, *sugum*, *gisogan*), *lûchan* «schließen» — got. *-lûkan* (*lauk*, *lukum*, *lukans*); в ags. так же *bûgan* (ahd. *bio-*

gan), brūcan (ahd. brūhhan слаб.) и др. Глаголы III и IV ряда ahd. spurpan «топтать» (sparn, spurnum, gispurpan — ср. ags. spurnan, англ. to spurn), ahd. kuman или koman «kommen» (рядом с ahd. queman, quam, quātum, queman или quoman) также имеют в настоящем времени низшую ступень аблаута; ср. в других германских языках: got. trudan, an. troda «treten», an. sofa «schlafen» вм. svefa, и др. (см. стр. 247). Эти отклонения становятся понятными в свете тех более широких закономерностей, которые обнаруживают остатки аблаута доглагольного.

Таким образом могут быть намечены следующие стадии развития системы гласных: 1) незакономерные чередования вокализма — противопоставления племенных огласовок; 2) аблаут доглагольный как средство семантической дифференциации в словообразовании, совпадающий с системой вокализма других индоевропейских языков (с тремя ступенями — высшей, средней и низшей); 3) глагольный аблаут, построенный в основном по типу е — о — нуль с остатками более ранних стадий.

§ 30. *Перебой согласных.* Чередования согласных в современном немецком языке имеют лишь ограниченное распространение: ср. schneiden — schnitt — geschnitten; leiden — litt — gelitten; sitzen — saß; netzen — naß; schaffen — Schöpfer и немн. др. С точки зрения современного языка они представляют исключения, которые сохраняют закономерности более древних исторических эпох. Возникновение этих чередований связано с явлением так наз. «перебоев» или «передвижений» согласных (Lautverschiebung), которые определяют систему германского консонантизма в отличие от других индоевропейских языков (I перебой) и систему консонантизма верхненемецкого в отличие от других германских языков (II перебой).

II перебой. Второй или верхненемецкий перебой согласных, определивший фонетическую структуру консонантизма верхненемецких диалектов (и будущего немецкого литературного языка) в отличие от остальных германских наречий, относится к эпохе великого переселения народов и образования варварских государств на территории бывшей Римской империи (V — VII вв.). Центр этого явления находился в области южнонемецких говоров (баварского, алеманнского); говоры средненемецкие (франкские) проводят перебой лишь частично; нижненемецкий, как и прочие германские языки (готский, англосаксонский, древнеисландский), остается совершенно незатронутым этим явлением. Сравнивая верхненемецкий с готским, нижненемецким или английским, мы можем установить основные закономерности II перебоя. Они касаются изменения глухих и звонких взрывных.

1. Глухие взрывные t, p, k после гласных переходят в соответствующие спиранты -zz, -ff, -ch (ahd. hh). Орфографическое

удвоение свидетельствует о долготе спирантов. На конце слова и после долгого гласного (или дифтонга) долгий согласный заменяется кратким (-zz- и -hh- после долгих могут сохраняться).

t — ahd. zz (z): got. itan (англ. eat) — ahd. ezzan (нем. essen); got. watō (англ. water) — ahd. wazzar (нем. Wasser); got. lētan (англ. let) — ahd. lāzzan (нем. lassen); got. sat (англ. sat) — ahd. saz (нем. saß); got. þat (англ. that) — ahd. daẓ (нем. das).

p — ahd. ff (f): got. slēpan (англ. sleep) — ahd. slāfan (нем. schlafen); got. greipan (англ. gripe) — ahd. grīfan (нем. greifen); got. hlaupan (англ. leap) — ahd. loufan (нем. laufen); got. iup (англ. up) — ahd. ūf (нем. auf); as. scip (англ. ship) — ahd. scif, род. sciffes (нем. Schiff).

k — ahd. hh (h), с середины IX в. пишется ch: got. brikan (англ. break) — ahd. brehhan (нем. brechen); got. taikns (англ. token) — ahd. zeihhan (нем. Zeichen); as. makōn (англ. make) — ahd. mahhōn (нем. machen); got. juk (англ. yoke) — ahd. joh, род. johhes (нем. Joch); got. ik — ahd. ih (нем. ich).

Этот перебой охватывает всю область верхненемецкого. Только северо-западная часть средненемецкого, среднефранкский диалект (mittelfränkisch) области Кельна и Трира — Кобленца, сохраняет бесперебойное t в местоимениях dat «das», wat «was», et «es», allet «alles». Как показали новейшие исследования, в область среднефранкского, в особенности в его северную часть («рипуарский» или кельнский диалект), перебой проник сравнительно поздно (между 800 — 1200 гг.), и в ряде слов сохранились бесперебойные формы (см. стр. 77).

2. Глухие взрывные t, p, k в начале слова, после согласных и в удвоении переходят в соответствующие аффрикаты z (zz), pf (ahd. ph), kch (ahd. obd. ch). Удвоение в большинстве случаев возникло в западно-германских языках под влиянием последующего -j. Этот перебой не захватывает всех верхненемецких диалектов, образуя ряд ступеней распространения в направлении с юга на север.

t — ahd. mhd. z (zz), nhd. z (tz): got. twai (англ. two) — ahd. zwei (нем. zwei); got. taihun (англ. ten) — ahd. zehan (нем. zehn); got. tuggō (англ. tongue) — ahd. zunga (нем. Zunge); got. hairtō (англ. heart) — ahd. herza (нем. Herz); ags. holt (англ. holt) — ahd. holz (нем. Holz); got. satjan (as. settan) — ahd. sezzen (нем. setzen); got. nati, род. natjis (as. netti, англ. net) — ahd. nezze (нем. Netz); got. scatts — ahd. scaz.

Это явление охватывает все верхненемецкие диалекты.

p — ahd. ph (произносится pf), mhd. nhd. pf. В начале слова встречается только в латинских заимствованиях: лат. pīpa (англ. pipe) — ahd. phifa (нем. Pfeife); лат. piper (англ. pepper) — ahd. pheffar (нем. Pfeffer); лат. pondo (англ. pound) — ahd. phunt (нем. Pfund); got. scarpjan — ahd. skerpen (нем. schöpfen); nhd.

apple (англ. apple) — ahd. aphul (нем. Apfel); лат. coppa «чашка» (англ. cup) — ahd. kopf (нем. Kopf); nhd. stump — ahd. stumpf (нем. stumpf); nhd. strump — mhd. strumpf; лат. campus (англ. camp) — нем. Kampf.

Переход $p > pf$ охватывает только баварский и алеманнский (южнонемецкие диалекты) и восточнофранкский. Рейнскофранкский и среднефранкский имеют, как и нижне немецкий, вместо pf бесперебойное p : pund, pifa, skeppen, kop и т. д.

После согласных l , r до середины IX века стоит ph (pf): ср. got. hilpan (англ. help) — ahd. helphan, got. wairpan — ahd. werphan; с середины IX в. устанавливается дальнейший переход $pf > f$: helfan (нем. helfen), werfan (нем. werfen), dorf (nhd. Dorf).

Переход p после согласных в f не охватывает только северной части среднефранкского (рипуарский диалект).

k — kch [кч] (ahd. ch, kh, qh). В древневерхне немецком это явление распространяется только на южнонемецкие диалекты (баварский и алеманнский). Ср. ahd. obd. chorn, chind, decchen, trinchan, scalch, poch, chuedan (qhedan, quhedan) — frk. corn, kind, dekken, trinkan, scalc («Diener»), boc («Bock»), quedan («sprechen»). В средневерхне немецкую эпоху ch вытесняется в написании франкским k (c). В произношении перебой сохранился лишь в самых южных горнонемецких говорах (в Швейцарии, южной Баварии и Тироле), причем швейцарские говоры в большинстве имеют в начале слова и после l , r дальнейший перебой $kch > ch$: chint (южнобав. kchint), chli «klein», merche, melche.

3. Звонкие взрывные d , b , g переходят в соответствующие глухие t , p , k . Это явление также не захватывает всей территории верхне немецкого, образуя с юга на север ряд ступеней.

d — t : got. dauhtar (англ. daughter) — ahd. tohtar (нем. Tochter); got. dails (англ. deal) — ahd. teil (нем. Teil); got. dags (англ. day) — ahd. tag (нем. Tag); got. biudan (англ. bid) — ahd. biotan (нем. bieten); got. fadar — ahd. fatar (нем. Vater); got. waldan — ahd. waltan (нем. walten); got. hardus (англ. hard) — ahd. hart (нем. hart); got. aldus (англ. old) — ahd. нем. alt; got. bindan (англ. bind) — ahd. bintan (нем. binden); got. land (англ. land) — ahd. lant (нем. Land).

Переход d в t охватывает полностью только баварский, алеманнский и восточнофранкский. Среднефранкский имеет бесперебойное d : dohtar, dail, fadar, bindan, waldan. Рейнскофранкский в древневерхне немецкую эпоху обнаруживает колебания между d и t (например, gotes и godes, deda и deta «tat»), причем в начале слова и после n преобладает d (dohter, bindan), а в конце t (got. hant). Возможно, что эти колебания объясняются произношением d как слабого глухого (lenis), среднего между d и t (d), как в большинстве современных верхне немецких диалектов. Новонемецкий литературный язык имеет t , кроме сочетания nt ,

в котором в результате ассимиляции устанавливается средне немецкое nd .

b — p , g — k (ahd. k , c). В древневерхне немецком это явление ограничивается диалектами баварским и алеманнским, причем систематически проводится только в начале и в конце слова. В баварском преобладает тенденция к p , в алеманнском — к k . Франкские диалекты имеют бесперебойные b и g . Ср. obd. peran — frk. beran «tragen», obd. kepan (keban) — frk. geban, obd. kast — frk. gast, obd. pislacan — frk. bislagan, obd. macadi (magadi) — frk. magadi и др. Южнонемецкие написания p и k вытесняются франкскими b и g уже в X в. (под влиянием политической и культурной гегемонии франков в монархии Карла Великого). Однако p вместо b в начале слова выдвигается снова в южнонемецкой норме письменного языка императорской (австрийской) канцелярии, конкурируя с средне немецким b до начала XVIII в. (см. стр. 54 и 60). В удвоении новонемецкий литературный язык имеет $bb > pp$, $gg > ck$, как южнонемецкие диалекты: ср. got. sibja — obd. sipra (нем. Sippe), frk. sibba; nhd. ribbe (англ. ribb) — obd. rippa (нем. Rippe), frk. ribba; as. hruggi — obd. rucki (нем. Rücken), frk. ruggi; as. muggia — obd. mucka (нем. Mücke), frk. mugga и др.

В современных средне немецких и южнонемецких диалектах b , d , g утратили звонкость и являются слабыми глухими (lenes) b , d , g . Согласные этого типа занимают промежуточное положение между обычными (сильными) глухими (fortes) и звонкими, соединяя отсутствие звонкости, свойственное глухим, с менее интенсивной (слабой) артикуляцией, характерной для звонких. В большинстве современных верхне немецких диалектов звонкие и глухие в целом ряде случаев совпадают в этом промежуточном произношении.

Исключение из II перебора представляют сочетания st , sp , sk , tr , ht , ft , в которых глухой взрывной остается без изменения. Ср. got. stains (англ. stone) — ahd. stein (нем. Stein); got. spinnan (англ. spin) — ahd. spinnan (нем. spinnen); got. skeinan — ahd. skinan (нем. scheinen); got. fisks — ahd. fisc (нем. Fisch); got. triggwa (ср. англ. trew) — ahd. triuwa (нем. Treue); got. nahts — ahd. naht (нем. Nacht); ndl. klufft (англ. cleft) — ahd. klufft (нем. Klufft) и др.

К II перебою примыкает переход $p > d$, совершающийся в несколько более поздний период в письменных памятниках древневерхне немецкого (с VIII по XI в.). Ср. got. þairnus (англ. thorn) — ahd. нем. Dorn; got. þreis (англ. three) — ahd. dri (нем. drei); готск. þat (англ. that) — ahd. daz (нем. das); готск. aīþra (англ. earth) — ahd. erda (нем. Erde) и др. Передвижение это распространяется с юга на север, как и прочие явления перебора. Около 750 г. оно установилось в баварских памятниках,

около 800 г. — в алеманнских, к середине IX в. — в восточно-франкских («Татиан» имеет th в начале слова, d в середине и в конце), к концу IX в. в рейнскофранкском, в X—XI вв. в среднефранкском и нижненемецком. Таким образом, переход th > d может служить признаком для датировки древневерхненемецкого памятника, если известен его диалект.

Неравномерное распространение II перебора в направлении с юга на север послужило основанием для классификации древневерхненемецких письменных памятников по диалектам. Полностью перебой проведен только в южнонемецком (баварском и алеманнском). В среднефранкских (франкских) говорах интенсивность перебора постепенно ослабевает. Восточнофранкский не имеет южнонемецкого перебора b > p, g > k, k > ch. Рейнскофранкский не имеет также перебора p > pf (ahd. ph), а по отношению к d > t обнаруживает колебания. В среднефранкском отсутствует перебой d > t, местоимения wat, dat, et, allet сохраняют бесперебойное t, а в северной части среднефранкского («рипуарском») отсутствует перебой r, l > rf, lf. В остальном перебой t > z, p > ff, k > ch (hh) и t > z охватывает все верхненемецкие говоры. Новонемецкий литературный язык в основном соответствует той ступени перебора, которая представлена в восточнофранкском (b, g, k без перебора, d > t, p > pf).

Классификация немецких диалектов по признакам перебора является только формально-описательной схемой, дающей внешнее распределение древних письменных памятников без всякого отношения к конкретной истории диалектов. Как показал Ф. Энгельс в своей работе о «Франкском диалекте» (написанной еще в 80-х годах XIX в., но впервые опубликованной только в 1935 г.), перебой, проникая в франкские диалекты в своем движении с юга на север, разрывает более древнюю связь между ними, основанную на первоначальном племенном единстве (см. выше, стр. 29). В общепринятой классификации по признаку перебора франкский диалект разбивается на три обособленных группы — нижне-немецкую («нижнефранкский»), средне-немецкую («среднефранкский» и «рейнскофранкский») и южнонемецкую («восточнофранкский» и «южнофранкский») и тем самым утрачивает свое историческое единство. Между тем обращение к современным диалектам подрывает эту схематическую классификацию: как показывает Энгельс, северная часть среднефранкского (так наз. «рипуарский» говор Кельнской области) гораздо более тесно связана с нижнефранкским, несмотря на то, что она отделяется от него границей перебора, чем с южной частью того же среднефранкского (так наз. «могельским» диалектом Кобленца — Трира), — обстоятельство, которое полностью подтверждается материалами современной рейнской диалектографии. Критика Энгельса указывает путь от формалистической классификации диалектов по изолированным,

преимущественно фонетическим признакам к конкретной истории данного языкового района, увязанной с социальными отношениями и учитывающей как первоначальные племенные основы диалектов, так и последующие их смешения и переоформления в рамках позднейших феодальных территорий (см. стр. 77).

§ 31. Западногерманское удлинение согласных. Для судьбы глухого взрывного согласного по правилам перебора весьма существенное значение имеет наличие или отсутствие удвоения (Gemination), т. е. долготы согласного. В большинстве случаев это удвоение вызывается последующим j. Удвоение согласного перед j свойственно всем западногерманским языкам и известно под названием западногерманского удлинения согласных (westgermanische Konsonantendehnung). Оно имеет место только в тех случаях, когда согласному предшествует краткий гласный; при этом j исчезает (ср. в русских диалектах: *желанне, терпенне* вм. *желанье, терпенье*). Ср. именные основы на -j-: got. kuni, род. kunjis — ahd. kunni (mhd. künne) «род»; got. badi, род. badjis — ahd. betti «Bett»; got. sibja — ahd. sibba, sippa «Sippe»; got. halja — ahd. hella «Hölle»; giselli «Geselle» (основа на -j-, производная от sal «Saal», в значении «сотрапезник»); глаголы на -jan: got. huljan — ahd. hullen «hüllen»; got. bidjan — ahd. bitten «bitten»; ahd. fremmen «fördern» (<*framjan) и др.

Не подвергается удлинению согласный r, после которого j в древнегерманском сохраняется до X в.: ср. got. nasjan — «спасать» — ahd. nerien (nhd. nähren); got. warjan — ahd. werien «wehren» и др.

Наличие j и связанного с ним удвоения в производных именах на -j- и в глаголах на -jan создает в словах одного корня возможность чередования форм с простым и двойным согласным, вследствие чего, по законам II перебора, возникают соответствующие качественные чередования согласных. Например:

t — tt (ahd. zꝛ — zz): ahd. sizen «sitzen» (<*sitjan) — saz «saß» (got. sat); ср. ahd. sezzen «setzen» (got. satjan), ahd. sizzi «Sitz» (осн. -j-), но ahd. sezꝛil «Sessel» и др.; ahd. nezzen «netzen» (got. natjan), nezzi «Netz» (got. nati, род. natjis) — naz «naß» (nhd. nat); ahd. hezzen (<*hatjan) — от haz «Haß» (ср. got. hatis, англ. hate); ahd. hizza «Hitze» (as. hittia, англ. hit, осн. -j-) — heiz «heiß» (англ. hot) и др.

p — pp (ahd. ff — pf): ahd. scepfen «schaffen», got. scapjan (ср. nhd. schöpfen) — прош. scuof «schuf» (got. scôp).

k — kk (ahd. ch — ck): ahd. wabhên «wachen» (as. wakon, англ. wake) — wecken (got. wakjan); ahd. loch (ags. loc, англ. lock) — ahd. lucka «Lücke» (<*lukja, осн. -j-) и др.

g — gg (ahd. g — ck): ahd. hag «Hag» — hecka «Hecke» (осн. -j-); ahd. slag «Schlag» — mhd. manslecke «Mörder» (осн. -j-).

b — bb (ahd. b — pp): ahd. stoub «Staub» — mhd. stüppe (осн. -j-); ahd. weban «weben» — mhd. werpe «Gewebe» (осн. -j-) и др. Эти чередования в новонемецком остаются изолированными и не имеют грамматического значения.

§ 32. *I перебой.* Отношения между консонантизмом германских и других индоевропейских языков определяются явлениями первого или германского перебоя согласных. В обычной формулировке сравнительной грамматики индоевропейских языков отношения первого перебоя рассматриваются как система закономерных переходов от индоевропейского «праязыка» к «прагерманскому». Отвергая сомнительную гипотезу «праязыка», на которой в XIX в. строилась сравнительная грамматика языков индоевропейской группы, мы будем пользоваться общепринятыми сравнительно-грамматическими формулами «перебоя» лишь как условной схемой, обобщающей состояние консонантизма в индоевропейских и в германских языках, — схемой, от которой следует постоянно обращаться к реальным фактам звуковых соответствий отдельных языков.

При рассмотрении древневерхненемецких параллелей к другим германским языкам необходимо учитывать дальнейшее развитие немецкого консонантизма по II перебою.

1) p, t, k — герм. f, þ, h. Ср. лат. pellis «мех», греч. pella «кожа» — got. fill «кожа», ahd. fel «Fell»; лат. pēs, род. pedis, греч. pūs, род. podos «нога» — got. fōtus, ahd. fuoz «Fuß»; лат. pecus «скот» — got. faihu, ahd. fihu «Vieh»; лат. nepos «внук» — ahd. nefo «Neffe».

Лат. trēs, греч. treis «три» — got. þreis, ahd. drī: лат. tolerāre «переносить» — got. þulan, ahd. dolōn «dulden»; лат. mentum «подбородок» — got. munþs, ahd. mund «Mund».

Греч. kuōn, род. kynos «собака» — got. hunds «Hund»; лат. cano «пою» — got. hana «Hahn» (ср. «петух» — от «петь»); греч. deka, лат. decem «десять» — got. taihun, ahd. zehan «zehn»; греч. leukos «белый», «светлый», лат. lucēre «светить» — got. liuhaf, ahd. liohht «Licht»; лат. quis «кто», quod «что» — got. hwas «wer», as. hwat «was» (ahd. waz).

2) *bh, *dh, *gh — герм. *b, *d, *g. Восстановление «индоевропейского» bh, dh, gh имеет в сравнительной грамматике совершенно гипотетический характер и особенно ясно показывает ее слабые стороны. bh, dh, gh имеются фактически только в санскрите. Греческий и латинский показывают частью аспираты ph, th, ch или спиранты f, h, частью звонкие взрывные b, d; славянские языки имеют взрывные. Таким образом, условное обозначение bh, dh, gh, в сущности, указывает только на звонкий взрывной другого характера, чем обычное b, d, g (см. ниже, стр. 143), представленный в отдельных индоевропейских языках то взрыв-

ными, то спирантами. Германские b, d, g обозначают звонкие спиранты, соответствующие по месту артикуляции взрывным b, d, g, и, в сущности, являются такими же гипотетическими обобщениями. Для истории немецкого литературного языка они практически совпадают с взрывными b, d, g (d > ahd. t). Готская орфография знает только b, d, g; но b и d в середине слова, повидимому, были звонкими спирантами, потому что на конце слова и перед s они чередуются с глухими спирантами f и þ (см. выше § 24). В древнесаксонском, англосаксонском и в современных нижненемецких диалектах мы находим спирантное g во всех положениях, спирантное b [w] в середине и в конце слова, последнее также в современном английском (ср. нем. geben, Weib — англ. give, wife); в диалектах средненемецких спирантные b и g существуют в интервокальном положении, спирантное g, кроме того, также на конце слова: nnd. jōd «gut», zāzən «sagen», līzən «liegen», daʒ «Tag», weʒ «Weg», gēwən «geben», wīf «Weib» и т. п. Только после носовых (в сочетаниях mb, nd, ng), в удвоении, а для b и d также в начале слова, германские языки повсюду имеют взрывной. Таким образом, формула b, d, g лишь обобщает спирантные тенденции, присущие звонким взрывным в большинстве германских языков.

Ср. санскр. bhagāmi, лат. fero, греч. pherō «беру», «несу» — got. baifra, ahd. beru «ich trage» (nhd. ge-bäre «вынашиваю»); санскр. bhrātr, лат. frater, греч. phrātōr «брат» — got. brōþar, ahd. bruodar «Bruder»; лат. nebula, греч. nephos «облако» — ahd. nebul «Nebel» (ср. ags. nifol); лат. lubet «угодно», русск. люб — got. liufs, род. liubis, ahd. liob «lieb» (ср. англ. love).

Греч. thesis «положение» — got. ga-dēþs, род. -dēdais (ahd. tāt) «Tat»; греч. thygatēr «дочь» — got. dauhtar (ahd. tohtar) «Tochter»; греч. thyra «дверь» — got. daūr (ahd. turi) «Tür»; санскр. madhyas, лат. medius «средний» — got. midjis (ahd. mitti) «Mitte»; санскр. rudhiras, греч. erythros «красный» — got. rauþs, род. raudis (ahd. rōt) «rot».

Лат. homo «человек» — got. guma «человек», ahd. gomo (ср. Bräutigam < ahd. brütigomo); лат. hostis, слав. гость — got. gasts «Gast»; греч. chortos, лат. hortus «сад» — got. gards «двор», ahd. garto «Garten»; греч. steichō «шараю» — got. steiga, ahd. stīgu «steige»; лат. veho «везу» — got. ga-wiga, ahd. wīgu «bewege».

3) b, d, g — репр. p, t, k.

Ср. греч. baitē «платье пастуха» — got. paida (ahd. pfeit) «одежда»; слав. слаб — nnd. slap «schlapp» (ahd. slaf «schlaff»); русск. болото — ags. pōl (англ. pool), ahd. pful «Pfuhl».

Лат. duo, греч. dyō «два» — got. twai (ahd. zwei); лат. edo, греч. edomai «ем» (ср. русск. еда) — got. itan (ahd. ezzen «essen»); лат. cor, род. cordis «сердце», греч. kardia — got. hairtō (ahd. herza «Herz»).

Лат. genu, греч. gony «колено» — got. kniu «Knie»; лат. ager, греч. agros «поле» — got. akrs «Acker»; лат. jugum, греч. zygou «иго» — got. juk (ahd. joh «Joch»).

В такой формулировке законы I перебора не давали объяснения некоторой группе кажущихся отклонений. Ср., например, лат. septem, греч. heptá — got. sibun «sieben»; лат. pater, греч. patēr — got. fadar (ahd. fatar «Vater»); греч. kratýs — got. hardus «hart» и др.: в этих случаях глухому взрывному (p, t, k) в германских языках соответствует не глухой спирант (f, þ, h), а соответствующий звонкий (b, d, g). Отклонения подобного рода были сгруппированы датским лингвистом Карлом Вернером, который дал им следующее объяснение: глухие спиранты f, þ, h, возникшие из p, t, k, сохранились в германских языках внутри слова только, если ударение лежало на гласном, непосредственно предшествующем спиранту; если ударение следовало за этим спирантом или предшествовало ему на два слога, он переходит в соответствующий звонкий b, d, g. Точно так же при аналогичных условиях происходило озвончение s > z. Гипотеза Вернера предполагает, таким образом, что в эпоху перебора германские языки имели еще подвижное ударение. Ее косвенным подтверждением служит то обстоятельство, что в глагольных рядах формы с низшей степенью аблаута имеют обыкновенно звонкий спирант, т. е. ударение на суффиксе, которое объясняет ослабление неударного коренного гласного в этих формах (см. § 29).

Других указаний на первоначальное положение ударения германские языки не дают, поскольку в историческую эпоху германское ударение неподвижно и падает на первый (коренной) слог. Сопоставление с другими языками индоевропейской системы, сохранившими в той или иной степени подвижное ударение (греческим, санскритским, некоторыми славянскими языками), позволяет определить, в каких грамматических категориях ударение лежало на корне, в каких — на суффиксе. В словах heptá, patēr, kratýs это ударение сохранило, например, в греческом языке свое место и лежит после согласного: поэтому в германском мы имеем звонкий спирант (got. sibun, fadar, hardus); в греческих формах среднего залога 2 и 3 лица: phére(s)ai, phéretai оно предшествует согласному на два слога, поэтому соответствующие формы готского медиопассива также имеют звонкие z и d: baíraza, baírada.

Особенно показательны для гипотезы Вернера такие дублиеты: got. swaíhra, ahd. swehur «Schwäher» (ср. санскр. śváśura, русск. свекр) — ahd. swígar «Schwiegermutter» (ср. санскр. śvaśrúś, русск. свекровь); got. tafhun, ahd. zehan «zehn» (ср. греч. deka, санскр. dáśa, русск. десять) — got. tigus «десяток», ahd. -zig в zwan-zig, vierzig и т. д. (ср. греч. dekás «декада», русск. десятков); got. bróþar, ahd. bruoder «Bruder» (ср. греч. phrátōr, санскр.

bhrátā) — got. fadar, ahd. fater «Vater» (ср. греч. patēr, санскр. pitā) и др.

Систематически чередование по закону Вернера проходит в германских сильных глаголах, за исключением готского, где консонантизм в глагольных формах унифицирован по аналогии. Первые две формы (настоящее и ед. прош.) имеют ударение на корне и глухой спирант, последние две (множ. прош. и причастие) — ударение на суффиксе (нулевая степень аблаута) и звонкий спирант. Явление это получило название «грамматического чередования» (grammatischer Wechsel). Германскому чередованию þ — d, h — g, f — b, s — z соответствуют в верхненемецком d — t, h — g, f — b, s — r. При этом z заменяется r во всех германских языках кроме готского (так наз. «ротацизм»): ср. готск. maiza — ahd. mēra «mehr» (англ. more), готск. batiza — ahd. bezzer (англ. better), готск. dius, род. diuzis — ahd. tior «Tier» и др.

Герм. þ : d (hd. d : t)

as.	līthan	lēth	lidun	lidan	} «leiden»	
ahd.	līdan	leid	litum	gilitan		
	siodan	sōd	sutum	gisotan		«sieden»
	werdan	ward	wurtum	giwortan		«werden»
	quedan	quad	quātum	giquetan	«sprechen»	

h : g

as.	teohan	tōh	tugum	gitogan	} «ziehen»	
ahd.	ziohan	zōh	zugum	gizogan		
	zihan	zēh	zigum	gizigan		«(ver)-zeihen»
	slāhan	sluoh	sluogum	gislagan		«schlagen»
	fāhan	fiang	fiangum	gifangan	«fangen»	

s : r

as.	keosan	kōs	kurum	gikoran	} «(er)-kiesen»	
ahd.	kiosan	kōs	kurum	gikoran		
	(fir-)liosan	-los	-lurum	-loran		«verlieren»
	wesan	was	wārum	(mhd. gewesen)		«sein»

f : b

ahd.	heffen	huob	huobum	gihaban	«heben»
------	--------	------	--------	---------	---------

Отступления от нормального типа чередования обнаруживают fāhan (и hāhan), wesan, heffen. В глаголе wesan причастие в древневерхненемецком не встречается; в средневерхненемецком оно унифицировано с настоящим временем. В глаголах fāhan «fangen» и hāhan «hängen» n выпадает в настоящем времени перед h с удлинением коренного гласного (fāhan < *fanhan); в прошедшем единственное число унифицировано по множественному (fiang,

hiang). Глагол *heffen* «*heben*» имеет в настоящем суффикс *-ja* (ср. *got. hafjan* «*heben*»); прошедшее также унифицировано по множественному. Процесс униформации грамматического чередования продолжается в новонемецком языке, так как различия грамматических форм достаточно выражены другими, более систематически обозначенными признаками (аблаутом, окончаниями). Так утратили чередование *werden*, *zeihen*, *schlagen*, *fangen*, *verlieren*, *heben* и ряд других. Там, где чередование сохранилось, прошедшее вместе с вокализмом унифицирует и консонантизм. Прочнее других оказались чередования *d : t*; ср. *leiden* — *litt*, *gelitten* (так же *schneiden*, *sieden*); также *ziehen* — *zog*, *gezogen*, *war* — *gewesen*, *gedeihen* — *gediegen* (только как обособившееся от глагольной системы прилагательное, причастие II — *gediehen*), *erkiesen* — *erkoren* и немногие другие.

Понудительные глаголы («каузативы») имели ударение на суффиксе: ср. санскр. *svāpatī* «спать» — *svāpāyati* «усыплять»; греч. *trērō* — *trorēō* «поворачиваю(сь)» и т. д. Поэтому по своему консонантизму они совпадают с причастием II (герм. звонкий спирант). Ср. *got. leiþan*, *ahd. līdan* «*leiden*» (первоначальное значение: «путешествовать», «ездить») и каузатив *ahd. leiten* «водить» (<*laidjan). В готском это чередование также устранено: ср. *ga-nisan* «спасаться» — *nasjan* «спасать»; *ahd. ginesan* «*genesen*» — *nerien* «*nähren*» (<*nazjan).

Чередования по закону Вернера наблюдаются в немецком языке и в других категориях словообразования, но утратили здесь какое бы то ни было морфологическое значение, выступая как индивидуальные исключения. Ср. *schneiden* (*ahd. snīdan*) — *Schnitt* (*ahd. snit*), *Schnitt* (*ahd. snitāri*); *ziehen* (*ahd. ziohan*) — *Zug* (*ahd. zug*), *Zügel* (*ahd. zugil*), *Herzog* (*ahd. herizogo* — «воевода»); *dürfen* (*ahd. durfan* «*bedürfen*») — *darben* (*ahd. darbēn*), *ahd. biderbi* «*bieder*»; *hof* — *hübsch* (*mhd. hübesch* «*höfisch*»); *erkiesen* (*ahd. kiosan*) — *Kurfürst* (князя, выбирающие императора — от *ahd. kuri* «выбор»), *Willkür*, *Walküre* (из *an. valkyrja*: в скандинавской мифологии — дева, «выбирающая» павших на поле брани) и др. Низшая ступень аблаута в словах *Schnitt*, *Zug*, *ahd. kuri* и др. указывает на то, что ударение в этих формах первоначально лежало на суффиксе.

Сочетания *st*, *sp*, *sk* не подвергаются перебою. Ср. греч. *skia* «тень» — *got. skeinan* «*scheinen*»; лат. *piscis* «рыба» — *fisks* «*Fisch*»; лат. *stāre* «стоять» — *ahd. stān*, *stēn* «*stehen*»; лат. *stella*, греч. *a-stēr* «звезда» — *got. stafrno* «*Stern*»; лат. *spuere* «плевать» — *got. speiwan* «*speien*».

В комбинациях *pt*, *kt* > *ft*, *ht* перебою подвергается только первый элемент: лат. *captus* «пойманный» — *ahd. haft* «*gefangen*» (ср. *nhd. Haft*); лат. *octō*, греч. *octō* «восемь» — *got. ahtau* «*acht*»; лат. *nox*, род. *noctis* «ночь» — *got. nahts* «*Nacht*» и др. При этом

комбинации *pt*, *kt* нередко являются в индоевропейских языках результатом ассимиляции звонких *b* (*bh), *g* (*gh) последующему глухому *t*: ср. лат. *regere* «править» — *rectus* «правый» (*got. rahts* «*recht*»), лат. *nubere* «выходить замуж» — *nupta* «замужняя» и т. п. Отсюда и в германских языках соответствующая замена звуков *b* и *p* через *f*, *g* и звука *k* через *h* перед последующим *t*: ср. *got. scapjan*, *ahd. skepfen* «*schaffen*» — *got. gaskafts*, *ahd. giscaft* «*Geschöpf*»; *got. giban*, *ahd. geban* «*geben*» — *got. gifts*, *ahd. gift* «*Gabe*»; *got. siuks*, *ahd. sioch* «*siech*» — *got. sahts*, *ahd. suht* «*Sucht*» («болезнь»); *got. þankjan*, *ahd. denkan* «*denken*» — *got. þāhta*, *ahd. dāhta* «*dachte*»; *got. magan* «*vermögen*» — *got. mahts*, *ahd. maht* «*Macht*» и др. Отражением этих чередований в новонемецком являются, например, *mögen* — *Macht*, *tragen* — *Tracht*, *pflügen* — *Pflicht*, *denken* — *dachte*, *bringen* — *brachte*; *geben* — *Gift*, *treiben* — *Trift*, *darben* — *dürftig* и др.

Двойное *-tt->-ss-*: ср. *got. wait*, *ahd. weiz* «*ich weiß*» — *прош. got. wissa*, *ahd. wissa*, *wessa* «*ich wußte*» (<**wit + ta*), *got. ahd. wis* «*мудрый*» (из причастной формы **weit + to* «знающий»); *ahd. muoz* «*muß*» (*got. ga-môt*) — *прош. ahd. muossa* (<**môt + ta*) и др.

Позднейшие формы *ahd. wista*, *westa*, *mhd. muoste* образованы по аналогии обычного слабого прошедшего на *-te*.

Вопрос о причинах перебоев ставился неоднократно. Наиболее вероятной является теория, объясняющая это общее изменение артикуляции согласных смешением с языками иных систем на почве этнических смещений в эпоху образования германских языков. Подобные явления наблюдаются и в некоторых других языках индоевропейской системы, в которых рядом с индоевропейским слоем имеется неиндоевропейский (например, в армянском). Действительно, германские языки резко отличаются от большинства других индоевропейских языков всей своей фонетикой перебой согласных, ударение на первом слоге, явления «сингармонизма» — умлаут и преломление). Возможно, что с этим связаны также те черты архаического, доиндоевропейского строя, которые были отмечены Н. Я. Марром в грамматической структуре и лексике германских языков. Исторически образование германских племен и в особенности будущих немцев сопровождалось непрерывными смешениями с иноплеменными соседями (см. выше, стр. 27). Характерно, что географическим центром и очагом II перебора являются приальпийские местности южной Германии, куда германцы проникли сравнительно поздно и где исторически засвидетельствовано наличие более ранних, частью, вероятно, неиндоевропейских обитателей.

Глава II

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН

§ 33. Рассматривая грамматический строй современного немецкого языка, мы находим в нем ряд непоследовательностей и противоречий. Между формой и значением грамматических категорий существуют несоответствия, необъяснимые с точки зрения закономерностей данной стадии языкового развития. Например, в образовании множественного числа: *der Tag — die Tage*, но *der Schlag — die Schläge*; *das Brett — die Bretter*, но *das Bett — die Betten*; в спряжении глаголов: *ich trage, du trägst, er trägt — ich klage, du klagst, er klagt*; в образовании прошедшего времени: *liegen — lag, fliegen — flog, siegen — siegte* и т. д. Одинаковое значение выражается в приведенных примерах различными грамматическими признаками: множественное число — то окончанием *-e* без умлаута (*Tage*), то тем же окончанием с умлаутом (*Schläge*), то окончанием *-er* (*Bretter*), то окончанием *-en* (*Betten*); прошедшее время — то аблаутом различного типа (*lag, flog*), то дентальным (переднеязычным) суффиксом (*siegte*). При этом ни внешняя форма слова, ни его значение не могут подсказать нам заранее, какая именно грамматическая форма употребляется в данном случае.

С другой стороны, одинаковые грамматические признаки в тех же примерах нередко имеют различные значения. Например, окончание *-e* (*Tage*), кроме множественного числа, обозначает дат. ед., формы *lag* и *flog* употребляются для 1 и 3 лица ед. прош., а *liegen* и *fliegen* — для 1 и 3 лица множ. наст. и для инфинитива. Ср. также *Schlag — Schläge* (множ.) и *lag — läge* (оптатив прош.), *Brett — Bretter* (множ.) и *nett — netter* (сравн. степ.). Число грамматических форм в немецком языке гораздо меньше числа значений, которые они обслуживают.

Одним из характерных признаков противоречия формы и значения слова является избыток формальных признаков для обозначения грамматической категории (*Übercharakterisierung*). Например, в глагольных формах *du schlägst, du siehst* 2 лицо ед. наст. обозначено тремя признаками: личным окончанием (*-st*), умлаутом корня (внутренней флексией) и обязательным личным местоимением; в формах множ. *die Schläge, die Wälder*

сочетаются как признаки числа — окончание, умлаут (внутренняя флексия) и артикль, обычно сопровождающий существительное. В предложных конструкциях, например, *bei den Freunden*, кроме предлога, который является основным носителем падежного значения в широком смысле, признаками падежа являются окончания существительного и артикля.

В других случаях, напротив, грамматическая категория не имеет никакого флективного признака. Например, им. вин. мужск. *Tag*; несклоняемая форма прилагательного, совпадающая с наречием, — *stark, gut*; 1 и 3 лицо сильного прошедшего — *stand, gab* и мн. др. В таких случаях слово полиморфно, его грамматическое значение определяется только контекстом и самостоятельными словами-префиксами формально-грамматического характера: ср. прил. нар. *gut* — существ. *das Gut*; прош. глаг. *ich (er) stand* — существ. *der Stand* и мн. др.

Все эти противоречия современной немецкой грамматики объясняются тем, что язык, как явление историческое, находится в развитии, в движении. То, что на данной стадии языка регистрируется описательной грамматикой как исключение, раскрывается, с точки зрения истории языка, как пережиток закономерностей предшествующих стадий или как зарождение новых закономерностей, еще не получивших общего значения. Наличием этих противоречий определяется диалектический процесс развития языка, как выражения мысли, в конечном счете обусловленный развитием общественных отношений.

Сущность и направление этого развития для немецкого языка заключаются в разрушении старого, флективного строя и замене его аналитическим. При флективном строе синтаксические отношения между словами в предложении выражаются изменением самих слов с помощью особых аффиксов (внешняя флексия) или путем звуковых чередований в корне (внутренняя флексия).

В флективных языках индоевропейской системы важнейшая роль в словообразовании принадлежала окончаниям; ср., например, в готском: *gahailida* (прошедш. 3 ед.) *managans* (вин. множ.)... *ahmanê* (род. множ.) *ubilaizê* (род. множ.) «он исцелил многих от...». При аналитическом строе те же отношения выражаются особыми служебными словами, поставленными перед словами смысловыми (знаменательными). К этим служебным словам относятся артикли и предлоги при именах, личные местоимения и вспомогательные глаголы. Ср. нем.: *er hat manche geheilt... von ...* Здесь вспомогательный глагол *hat* (вместе с причастием) обозначает время (прошедшее); личное местоимение *er* (вместе с вспомогательным лицом) означает лицо; предлог *von* (при существительном) выражает падеж (родительный в значении отложительного) и т. п.

В формалистической сравнительной грамматике индоевропейской школы разрушение флексий и развитие анализа обыкновенно объясняют фонетической редукцией окончаний. Действительно, процесс редукции может быть констатирован уже на древнейших стадиях развития германских языков; при переходе из древневерхненемецкого в средневерхненемецкий все неударные гласные окончательно редуцируются в безразличное -e, которое, в свою очередь, имеет сильную тенденцию к отпадению на конце слова, в особенности в южнонемецких диалектах. С точки зрения, господствующей в буржуазной лингвистике, под влиянием фонетической редукции первоначальное богатство форм индоевропейского «праязыка» постепенно сменилось бедностью и однообразием; частичной заменой утраченного и являются якобы новые, аналитические формы.

Эта концепция должна быть признана неправильной в двух смыслах. С одной стороны, она рассматривает процесс языкового развития как деградацию (упадок) формы, что находится в полном противоречии с прогрессивным развитием человеческого мышления (содержания); с другой стороны, ведущим моментом в этом процессе она считает механическое изменение формы (фонетическое «разрушение»).

На самом деле фонетическая редукция безударных окончаний, наблюдаемая в немецком языке на всем протяжении его развития, обусловлена ослаблением их смыслового веса (семантической редукцией), в результате развития новой, более дифференцированной системы грамматико-синтаксических отношений и форм (предложное склонение и спряжение с помощью вспомогательных глаголов). Склонение с помощью предлогов позволило точнее дифференцировать падежные отношения и тем самым сделало ненужными старые падежные окончания (см. § 38); спряжение с помощью вспомогательных глаголов и полувспомогательных глаголов модальности создало новую, более дифференцированную систему времен, залогов и наклонений, вместо старой противоположности флексивного настоящего — прошедшего, индикатива — опатива (см. § 63). При этом редукции семантически ослабленных окончаний в германских языках в особенности способствовало характерное для этих языков смысловое ударение (см. стр. 118), благодаря которому безразличный в смысловом отношении слог ослабляется также в фонетическом отношении. Характерно, что там, где окончания сохраняют свою смысловую значимость, они не затрагиваются фонетической редукцией. Так, редукция не распространяется на так наз. «тяжелые суффиксы» (schwere Ableitungssilben), которые всегда имеют в немецком языке побочное ударение (см. стр. 262). Однако, самая наличность побочного ударения на окончаниях связана с его смысловой значимостью, от которой зависит фонетическая «весомость» данного суффикса.

Утрата значимости приводит к фонетическому ослаблению и обезличению суффикса, даже если исторически он восходит к самостоятельному слову: ср. viertel, drittel <-teil; в диалектах hamfel < handvoll, mumfel < mundvoll; mhd. nächgebûr > nhd. Nachbar > в диалектах nochber и др.

Конечно, раз начавшись, фонетическая редукция в свою очередь вызывает смешение форм и ускоряет процесс отпадения окончаний и развития анализа. По существу — это явления диалектически взаимообусловленные, но ведущее значение имеет смысловая сторона, связанная с общим процессом дифференциации средств языкового выражения.

Аналогичные процессы наблюдаются во всех индоевропейских языках, но не всюду приводят к одинаково сильному разрушению флексии. В чистом виде аналитический строй не представлен ни в одном из существующих языков: он вырастает на основе противоречий флексивных форм и, в зависимости от конкретных условий развития данного языка, в различной степени сохраняет элементы флексии. Немецкий язык обнаруживает значительные остатки флексивности в падежных окончаниях глаголов, широко пользуется флексией при образовании множественного числа существительных, степеней сравнения, простого прошедшего (претерита), причастий и инфинитива. Гораздо более последовательное разрушение флексии наблюдается во французском и английском языках, чему способствовало более активное взаимодействие этих языков с другими. В русском языке, при более полном сохранении флексии, весьма широкое развитие получают и аналитические формы, вступающие в сложные взаимоотношения с флексивными; характерным примером может здесь служить наш «предложный» падеж, сохранивший особое падежное окончание старого «местного» падежа (локатива), но фактически употребляющийся только с предлогами.

Датский англист Йесперсен, в отличие от представителей старой сравнительной грамматики, высказал мнение, будто замена флексии анализом знаменует собой некий «прогресс» в развитии языка. Совершенно очевидно, что это мнение столь же ошибочно, как и обратное мнение «компаративистов» старой школы: языки русский или немецкий, широко пользующиеся как флексивными, так и аналитическими средствами, создают столь же высоко дифференцированную систему выражения грамматических и логических отношений, как языки английский и французский, в которых аналитические элементы играют большую роль. Вообще говоря, такие технические формы выражения грамматических отношений, как флексия, анализ или агглютинация, само по себе не могут служить признаками той или иной ступени в развитии языка: определяющим в этом отношении является лишь содержание, которое получают эти формы в процессе исторического развития народов и их языков.

1. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

§ 34. Уже на древнейшей стадии развития германских языков в системе склонения наличествуют отмеченные выше противоречия между грамматической формой и ее значением. Существует несколько типов склонения, из которых каждый характеризуется определенными формами падежных окончаний. Сравнивая эти

формы между собой и сопоставляя их с аналогичными, но стадиально более древними других индоевропейских языков, мы устанавливаем, что различия между падежными окончаниями зависят не столько от признака данного падежа, сколько от основообразующего суффикса, определяющего тип склонения. Так, в дат. множ. got. *dagam* «Tagen», *gastim* «Gästen», *sunum* «Söhnen», *gibðm* «Gaben» признаком дательного падежа, падежной флексией, является, собственно, только *-m*, а различие окончаний *-am*, *-im*, *-um*, *-ðm* объясняется различием основообразующего гласного суффикса (*-a-*, *-i-*, *-u-*, *ð-*).

На древнейших исторически засвидетельствованных стадиях развития флексивных языков индоевропейской системы имя существительное состоит обычно из трех морфологических элементов: корня, как носителя предметного значения слова, основообразующего суффикса, как показателя грамматико-семантической категории, и падежной флексии, обозначающей синтаксическое отношение: корень вместе с основообразующим суффиксом составляет так наз. «основу» слова; из слияния основообразующего суффикса с падежной флексией в дальнейшем слагается падежное окончание.

Сопоставляя готск. *wulfs* «Wolf» с лат. *lupus*, греч. *lykos*, санскр. *vṛkas*, слав. *влькъ*, сравнительная грамматика восстанавливает окончание им. пад. **-os*, состоящее из основообразующего суффикса *-o-* и признака им. падежа *-s*. В славянской форме редуцировано окончание именительного падежа (*-s*), в готской — гласный основы; но ранние скандинавские рунические надписи сохранили стадиально более древнюю форму *dagar*, в которой германское *a* закономерно соответствует *o* других индоевропейских языков (греческого), а *R < z (s) >* по закону Вернера); точно так же древнейшие финские заимствования из северногерманских языков сохраняют гласный основы нередуцированным: ср. финск. *kuningas* «König». Сравнение готск. *gasts* «Gast» с лат. *hostis* «враг», слав. *гость* (ср. лат. *ovis* «овца», санскр. *aviś* или греч. *orphis* «змея») позволяет восстановить окончание **-is*, в котором *-i-* является основообразующим гласным, а *-s* обычным признаком именительного падежа; ср. в древнейших рунических надписях *gastiR*. Сопоставление готск. *sunus* с санскр. *sūniś*, слав. *сынъ* (ср. греч. *ichthys* «рыба») приводит к типу *-u + s*. В других падежах к основообразующему суффиксу прибавляются другие падежные окончания, например, носовой (*m*) в винительном падеже: *-o + m* (лат. *lupum*, греч. *lykon*, санскр. *vṛkam*), *-i + m* (лат. *hostem*, греч. *orphin*), *-u + m* (лат. *domum*, греч. *ichthyn*, санскр. *sunum*) и т. д.

Древнейшие основообразующие элементы выступают на исторической стадии развития языка индоевропейской системы как элементы формально-грамматические, как именные суффиксы

вообще, повидимому утратившие свою первоначальную значимость. Лишь немногие из них входят в историческую эпоху, как продуктивные словообразующие суффиксы. Например, основы женского рода на *-in* (абстрактные от прилагательных): ahd. *hōhī* «Höhe» (от *hōch*), *breitī* «Breite» (от *breit*) — ср. got. *hāuhei* (от *hāuhs*), *diupeī* «Tiefe» (от *diups*) и др.; основы мужск. на *-en*, обозначающие действующее лицо (отглагольные существительные): ahd. *gebo* «Geber» (от *geban*), *ezzo* «Esser» (от *ezzan*), *sprecho* «Sprecher» (от *sprechan*) — ср. got. *skula* «Schuldner» (от *skulan*), *nuta* «Fänger» (от *niutan*) и др. (ср. стр. 263). Однако можно думать, что на более древней стадии развития индоевропейских языков и такие основообразующие суффиксы, как *-o-*, *-i-*, *-u-* и др., имели какое-то более специальное значение. Сравнение с другими, более архаическими по строю, языками позволяет с некоторой вероятностью предположить, что эти первичные словообразовательные элементы имели значение так наз. «классных показателей» слов, т. е. служили признаками тех классов, на которые для примитивного сознания распадались все предметы общественного опыта и тем самым все слова-понятия, обозначающие эти предметы.

В исторически нам известных языках индоевропейской системы, в частности — в языках германских, мы застаем именные основы в стадии уже утраченной значимости. Благодаря этому морфологические элементы потеряли свою первоначальную самостоятельность. Происходит общая редукция основ и их слияние с падежной флексией: в таких стяженных окончаниях падежная флексия и основообразующий суффикс образуют неразрывное единство, уже не поддающееся элементарному анализу. Ср. окончание имен. множ. основ на *-o-* (got. *wulfōs* — санскр. *vṛkās*), которое гипотетически восстанавливается как *-ōs < *o + es*. Поэтому в германских языках мы застаем уже для одинаковых падежей несколько различных окончаний, исторически возникших из соответствующей основы и флексии падежа. Описательная грамматика вынуждена регистрировать их как типы склонений, противоречивые формы которых уже не находят объяснения на данной стадии языкового развития. Дальнейшее развитие склонений ведет к все большей унификации этих типов: путем смешения и аналогического взаимодействия устраняются пережиточные различия, давно утратившие смысловую значимость. Вместе с тем широко развивается новая, более дифференцированная система обозначения падежных отношений с помощью предлогов, характерная для аналитической техники.

В германских языках различаются два типа именных основ: так наз. «гласные» и «согласные» основы (*vokalische und konsonantische Stämme*). Первая группа основ оканчивается на *глас-*

ную (а, і, u, ð), вторая — на *согласную* (п, s, г и др.). Из гласных основ в немецком языке развивается так наз. *сильное* склонение, из согласных основ на -п- так наз. *слабое* склонение. В наиболее полном виде различия основ сохранились в готском языке и в языке древнейших скандинавских рунических надписей. Поэтому для понимания дальнейшего развития немецкого склонения необходимо познакомиться с готскими формами.

Основы на гласные

	-а- (м. р.)	-і- (ж. р.)	-і- (м. р.)	-u- (м. ж. р.)
<i>Ед.</i>				
им.	dags	ansts	gasts	sunus
род.	dagis	anstais	gastis	sunaus
дат.	daga	anstai	gasta	sunau
вин.	dag	anst	gast	sunu

<i>Множ.</i>				
им.	dagōs	ansteis	gasteis	sunjus
род.	dagē	anstē	gastē	suniwē
дат.	dagam	anstim	gastim	sunum
вин.	dagans	anstins	gastins	sununs

	-а- (ср. р.)		-ð- (ж. р.)		
	<i>Ед.</i>	<i>Множ.</i>	<i>Ед.</i>	<i>Множ.</i>	
им.	waúrd	waúrda	им.	stibna	stibnōs
род.	waúrdis	waúrdē	род.	stibnōs	stibnō
дат.	waúrda	waúrdam	дат.	stibnai	stibnōm
вин.	waúrd	waúrda	вин.	stibna	stibnōs

Германским основам мужского рода на -а- соответствуют в других индоевропейских языках основы на -о- (ср. греч. *lykos*); германским основам женского рода на -ð- — основы на -ā- (ср. лат. *rosa*, греч. *chōra* «час», русск. *рука*).

В основах на -а-, -і-, -u- гласный основы и признак падежа отчетливее всего дифференцированы в дат. и вин. множ.: *dagam*, *anstim*, *sunum* (пад. окончание: -m); *dagans*, *anstins*, *sununs* (пад. окончание -ns). Признаком им. ед. в этих основах является -s, перед которым гласный редуцирован в основах на -а-, -і- и сохранился в основах на -u-. Гласный основы обнаруживает чередования по аблауту: в основах на -і- — по I ряду: *ei* (*ansteis*) — *ai* (*anstais*, *anstai*) — *i* (*anstim*, *anstins*); в основах на -u- — по II ряду: *iu* (*sunjus*, *suniwē*) — *au* (*sunaus*, *sunau*) — *u* (*sunus*, *sunu*, *sunum*, *sununs*); в основах на -а- — по основному

типу е — о (ср. III — V ряд): *i* (*dagis*) — *a* (*daga*, *dagam*, *dagans*). Таким образом, признаком падежа в род. ед. и имен. множ. является -s. В остальных падежах гласный основы совершенно слился с падежной флексией, и окончание, с точки зрения германских языков, уже не поддается анализу. В сущности и в прочих падежах с точки зрения готского языка падежное окончание образует неразрывное целое (род. -is, -ais, -aus), и только лингвистический анализ выделяет в нем те элементы (основообразующий гласный + падежная флексия), из которых оно исторически сложилось.

В винительном падеже окончание редуцировано целиком: отсутствует как гласный основы (за исключением формы *sunu*), так и носовой согласный, являющийся в других индоевропейских языках признаком вин. падежа. В языке древнейших скандинавских рунических надписей гласный еще сохраняется (ср. вин. *ulfa*, *horna*, *gasti*).

Окончание -ê в род. множ. может служить примером аналогического распространения одинакового падежного окончания во всех типах склонения.

В основах на -u- и на -і- мужской и женский род первоначально формально не различались (как и в других индоевропейских языках). Это показывает, что деление по основам (классным показателям) в индоевропейских языках древнее, чем деление по родам. Различие между мужскими и женскими основами на -і- в единственном числе — явление позднейшее: мужской род утратил в ед. числе исконное склонение на -і- (первоначально совпадавшее с *ansts*) по аналогии с единственным числом основ на -а- (типа *dags*); это — начало устранения различий между склонениями, потерявших смысловое значение. Униформации подверглись слова мужского рода, потому что они уже совпадали с основами на -а- в имен. и вин. падежах (*dags* — *gasts*, *dag* — *gast*); между основами женского рода на -і- (*ansts*) и на -ð- (*stibna*) такого соприкосновения не было.

Средний род на -а- отличается от мужского только имен. вин. пад. ед. и множ. В единственном числе имен. вин. среднего рода во всех индоевропейских языках совпадает с вин. мужского рода (лат. *jugum* «иго», греч. *zygon*, санскр. *yugam*). Можно предполагать, что средний род включал первоначально предметы «пассивного класса» и потому не имел активного (именительного) падежа. К основам на -u- среднего рода принадлежит слово *faihu* (ср. лат. *pesu*), у которого именительный также совпадает с винительным мужского и среднего рода. Имен. вин. множ. среднего рода имеет во всех индоевропейских языках окончание -а (лат. *juga*, санскр. *yugā*, русск. *окна*), совпадающее с имен. женск. рода основ на -ā- (герм. -ð-). Повидимому, это окончание первоначально имело значение собирательного.

Дифференциация основ на -o- и на -ā- в индоевропейских языках на основы мужского и женского рода, вероятно — явление стадияльно более позднее. В большинстве индоевропейских языков сохранились в виде исключения слова мужского рода на -ā- и женского рода на -os, как пережитки более древней стадии. Ср., например, греч. *neaniās* «юноша» мужск., *parthenos* «девушка» женск., лат. *scriba* «писец» мужск., русск. *слуга* мужск. и др. Женское склонение на -ō- (-ā-) отличается отсутствием в именительном падежном окончании -s. Основа -ō- отчетливо выступает в формах *stibnōs*, *stibnō*, *stibnōm*; в остальных падежах мы имеем слитные окончания, не поддающиеся дальнейшему анализу на германской почве.

Основообразующие суффиксы, оканчивающиеся на гласные, могут иметь в своем составе согласный элемент, предшествующий гласному. Значение этих морфологических элементов на исторической стадии развития индоевропейских языков уже не поддается учету. Древнейшие из них, вероятно, также являются классическими показателями: утратив свое первоначальное значение, они прирастают к корню или образуют именной суффикс вообще, т. е. формальный грамматический элемент, не имеющий более точного значения. Из таких согласных в качестве основообразующего элемента особенное распространение в германских языках имеют -n-, -t-, -j- (неслоговое *j*), -w- (неслоговое *ɥ*) и некоторые другие, в различных сочетаниях с последующим гласным основы (a, i, ō). Сюда относятся, например, основы на -na-: ср. got. *ahd. barn* «дитя» (от *beran* «носить», «рожать», ср. нем. *ge-bären*); got. *haurn*, *ahd. horn* (ср. греч. *keras* «рог», без элемента -n-: корень *ker-/kog-*); расширенные гласным элементом, предшествующим -n-, основы на -ina-/-ana-: ср. *ahd. magan*, *megin* «сила» (от глагола *mag* «могу»); *ahd. wagan* «Wagen» (от *ahd. wegan* «bewegen»); got. *aigin* «Eigentum», *ahd. прил. eigan*, *eigin* «eigen» (от глагола got. *aihan*, *ahd. eig* «имею», «владею», корень *aig-*); также ряд других имен на -an (nhd. -en): например, *ahd. regan* «Regen», *wāfan* «Waffe», *trāhan* «Träne» и др. Форму суффикса -na- можно рассматривать как нулевую ступень аблаута от средней ступени -ina-/-ana-. Из основ с элементом -t- (осн. -ta-, -ti-, -tu-) группа отглагольных существительных женского рода на -ti- образует до сих пор довольно прочную грамматико-семантическую категорию, по своему происхождению близкую к причастиям на -t-: ср. *Macht* (от *mag* «могу»), *Geburt* (от *ahd. giberan* «gebären»), *Flucht* (от *fliohan* «fliehen»), *Fahrt* (от *faran* «fahren») и др.

Особое значение в развитии германского склонения приобретают основы на -j- и на -w-, поскольку наличие этого элемента благодаря ассимиляции существенным образом влияет на падежное окончание, а в древневерхненемецком — и на

корень. Различают основы мужск. и средн. рода на -ja- и на -wa- и женск. рода на -jō- и -wō- (ср. аналогичные образования в других индоевропейских языках: лат. *studium*, *modestia* и др.).

Основа на -j-

	-ja- (м. р.)	-ja- (м. р.)	-ja- (ср. р.)	-jō- (ж. р.)	-jō- (ж. р.)
	«Hirte»	«Heer»	«Bett»	«Band»	«Hölle»
Ед.					
им.	haírdeis	harjis	badi	bandi	halja
род.	haírdeis	harjis	badjis	bandjōs	haljōs
дат.	haírdja	harja	badja	bandjai	haljai
вин.	haírdi	hari	badi	bandja	halja
Множ.					
им.	haírdjōs	harjōs	badja	bandjōs	haljōs
род.	haírdjê	harjê	badjê	bandjô	haljô
дат.	haírdjam	harjam	badjam	bandjôm	haljôm
вин.	haírdjans	harjans	badja	bandjōs	haljōs

Падежные окончания вообще совпадают с основами на -a- и на -ō-; при этом перед гласными окончания везде присутствует -j-. Попадая на конец слова, *j* (неслоговое *j*) вокализуется (превращается в *i* слоговое): ср. *haírdi*, *hari*, *badi*. Им. мужск., в отличие от обычных основ на -a-, имеет *i* перед -s. Отличие типов *haírdeis* и *harjis* определяется стяжением *ji > ei* после долгого слога (долгого гласного и согласного или краткого гласного и двух согласных): ср. стр. 117. В основах женского рода при тех же условиях (после долгого слога) конечное *a* отпадает, *j* вокализуется в -*i* (тип *bandi*); после краткого слога (тип *halja*) -*a* сохраняется, и склонение ничем не отличается от обычного на -ō-.

Склонение основ на -w- мало чем отличается от нормального типа. На конце слова *w* (*ɥ*) после краткого гласного вокализуется. Ср. им. вин. средн. *triu* «дерево», род. *triwis*, дат. *triwa*.

Среди основ на согласные особое значение в германских языках получили основы на -n-, из которых развивается так наз. «слабое склонение». Основы этого типа встречаются и в других индоевропейских языках: ср. лат. им. *homo* «человек» — род. *hominis*, вин. *hominem*, им. множ. *homines*; русск. *семья* — *семенн*, *семена* и т. д. При этом лат. -*in-*, русск. -*ен-* являются основообразующим суффиксом, за которым следует соответствующий

щий признак падежа. Им. ед. отличается от прочих падежей отсутствием основообразующего суффикса.

Основы на -п-

-in-/-an-	(м. р.)	(ср. р.)	-ôп- (ж. р.)	-in- (ж. р.)
	(«человек»)	«Herz»	«Zunge»	«Menge»

Ед.

им.	guma	haírtô	tuggô	managei
род.	gumins	haírtins	tuggôns	manageins
дат.	gumin	haírtin	tuggôn	managein
вин.	guman	haírtô	tuggôn	managein

Множ.

им.	gumans	haírtôna	tuggôns	manageins
род.	gumanê	haírtanê	tuggônô	manageinô
дат.	gumam	haírtam	tuggôm	manageim
вин.	gumans	haírtôna	tuggôns	manageins

В мужском роде суффикс имеет аблаут (in/an); в женском роде (ôп, in) гласный остается без изменения; в среднем роде чередование вокализма — фонетически незакономерное: суффикс род. и дат. ед. (in) совпадает с мужск. родом, суффикс им. вин. множ. (ôп) — с женским. Признаки падежа везде одинаковы: в род. ед. и им. вин. множ. -s, в дат. множ. -m, которое ассимилирует конечное -п основы; род. множ. -ê мужск. средн. рода перенесен из сильного склонения, что свидетельствует о начинающейся униформации различий. Им. ед. везде образован без суффикса -п. С точки зрения готского языка суффикс и флексия сливаются в одно целое и переосмысляются как падежные окончания; так же переосмысляются и различия аблаута. Поэтому для готского языка -ins, -in, -ans, -an и т. д. — обычные падежные окончания, которые могут быть разбиты на элементы только историческим анализом.

Женские основы на -in- образуют в готском языке прочную и продуктивную грамматико-семантическую группу. Большинство из них обозначает абстрактные имена от прилагательных: ср. háuh «hoch» — háuhei «Höhe», diups «tief» — diurei «Tiefe» и др.

Другие основы на согласные представлены в готском языке лишь незначительными группами, которые подвергаются частичной униформации по образцу более обширных групп. Сюда относятся следующие категории.

1. Основы на -г-, с значением имен родства: brôþar «Bruder», swistar «Schwester», dauhtar «Tochter», fadar «Vater».

Ед.		Множ.	
им.	brôþar	им.	brôþrjus
род.	brôþrs	род.	brôþrê
дат.	brôþr	дат.	brôþrum
вин.	brôþar	вин.	brôþrun

2. Основы на -nd- — субстантивированные причастия настоящего времени с значением действующего лица: frijônds «Freund» (от глагола frijôп «любить»), fijands «Feind» (от fijan «ненавидеть»), daupjands «Täufer» (от daupjan «taufen»), nasjands «спаситель» (от nasjan «спасать»), bisitands «сосед» (от sitan «sitzen») и др.

Ед.		Множ.	
им.	nasjands	им.	nasjands
род.	nasjandis	род.	nasjandê
дат.	nasjand	дат.	nasjandam
вин.	nasjand	вин.	nasjands

3. Слова женск. р. на согласные, лишённые обычного оформления с основообразующим суффиксом: baúrgs «Burg», nahts «Nacht», brusts «Brust», alhs («храм») и немногие другие.

Ед.		Множ.	
им.	baúrgs	им.	baúrgs
род.	baúrgs	род.	baúrgê
дат.	baúrg	дат.	baúrgim
вин.	baúrg	вин.	baúrgs

4. Некоторые слова мужск. рода такого же типа: ср. manna «Mann», reiks «властитель», также mênôþs «Monat» (с суффиксом -ôd-) и немногие другие.

Ед.		Множ.	
им.	manna	им.	mans, mannans
род.	mans	род.	mannê
дат.	mann	дат.	mannam
вин.	mannan	вин.	mans, mannans

Для согласных основ характерны более краткие падежные окончания, в которых отсутствует гласный элемент, образуемый в господствующем типе гласным основы. Ср. род. ед. на -s (baúrgs, mans), им. вин. множ. на -s (nasjands, baúrgs, mans), дат. без окончания (brôþr, nasjand, baúrg, mann).

Приспособление изолированных групп к обычному типу склонения происходит по разным направлениям: в основах на -г-множ. число униформируется по аналогии основ на -и- (brôþrjus, brôþrum, brôþrunс); основы на -nd- имеют род. ед. и дат. множ. по типу основ на -а- (nasjandis, nasjandam); baürgs имеет дат. множ. на -im по типу ansts (baürgim); manna имеет ряд форм по слабому склонению (manna, mannap, manpans, mannam); род. множ. на -ê- является общей формой мужского и женского рода во всех склонениях. Чередования суффикса -ar-/-r- в основах на -г-объясняются аблаутом.

В целом готское склонение еще сохраняет многообразие типов, обусловленное различием основ. Но редукция и стяжение морфологических элементов, составляющих окончание, приводит уже к переосмыслению окончания в целом как признака падежа и тем самым к первому этапу униформации различий между типами склонений, утратившими свое первоначальное смысловое значение.

§ 35. В древневерхненемецком склонение существительных обнаруживает гораздо более значительную редукцию окончаний.

Основы на гласные

-a- (м. р.)   -a- (ср. р.)   -ô- (ж. р.)   -i- (м. р.)   -i- (ж. р.)

Ед.

им. вин.	tag	wort	zala	gast	anst
род.	tages	wortes	zala(-u,-o)	gastes	ensti
дат.	tage	worte	zalu(-o)	gaste	ensti
твор.	tagu(-o)	wortu(-o)	—	gastiu(-u)	—

Множ.

им. вин.	taga(-â)	wort	zalâ	gesti	ensti
род.	tago	worto	zalôno	gesteo (gesto)	ensteo (-o)
дат.	tagum(-om, -un, -on)	wortum(-om, -un, -on)	zalôm (-ôn, -on)	gestim (-in, -en)	enstim (-in, -en)

В большинстве случаев основообразующий гласный уже не может быть выделен: он образует прочное единство с падежной флексией. Признак им. ед. -s подвергся редукции: именительный везде совпадает с винительным. Остальные падежи отличаются друг от друга, благодаря сохранению нередуцированного вокализма (ср. tage, tagu, taga, tago и т. д.). Но постепенно начинается смешение форм (например, смешиваются женск. род. zala и дат.

zalu); крайние ступени неударного вокализма заменяются средними (u > o, i > e); в то же время -m в неударном слогe заменяется -n (см. выше, стр. 114 и стр. 116). Эти процессы редукции падежей и унификации окончаний завершаются в средневерхненемецком.

В основах мужск. рода на -a-, по сравнению с готским, следует отметить им. вин. множ. на -â (или -a); другие германские языки имеют в этих падежах конечное -s (got. -ôс, as. -os, ags. -as).

В среднем роде им. вин. множ. в древневерхненемецком и средневерхненемецком в результате редукции конечного -a не имеет падежного окончания: ср. ед. wort — множ. wort, ед. lant — множ. lant и т. п. В небольшой группе слов (по значению — преимущественно названия детенышей животных) множ. имеет суффикс -ir-, вызывающий умлаут там, где это возможно: ср. lamb — lembir, kalb — kelbir, huon — huonir, rind — rindir, а также ei «Ei» — eigir, rîs «Reis» — rîsir, blat — bletir и немногие другие. Множ. на -ir- склоняется по обычному образцу: им. вин. lembir, род. lembiro, дат. lembirum (-om, -un, -on). Исторически -ir- представляет не окончание множ. числа, а основообразующий суффикс -es- из группы согласных основ (по закону Вернера s чередуется с z > r). Суффикс этот известен и в других индоевропейских языках. Ср. лат. genus «род», род. generis (<*geneses), им. вин. множ. genera (<*geneses), где -er- (<-es-) является основообразующим суффиксом, -is и -a — соответствующими падежными признаками; русск. небо — небеса, чудо — чудеса (в ед. числе древние формы небеси, небесе вышли из употребления, благодаря чему в русском суффиксе -ес- также переосмыслиется, как особое, «неправильное» окончание множ. числа). Остатками согласных основ на -es- в германских языках являются готск. hatis «Наß», sigis «Sieg» (ср. сложное имя Sigismund, где sigis — старая основа) и некоторые др.; ahd. ahir «Ähre» (got. ahs): слова эти не сохранили старого согласного склонения и оформлены как обычные гласные основы на -a-. В группе lamb — lembir суффикс -es-, сохранившийся только во множ. числе, переосмысливается как окончание множ. числа (как русск. небо — небеса). В этой новой функции -ir- уже в древневерхненемецкую пору начинает выходить за границу своего первоначального употребления, конкурируя со старой формой множ. средн. рода без окончания: например, им. вин. множ. bret и bretir, grab и grebir, rad и redir и др.

В женских основах на -ô- намечается сближение со слабым склонением (см. ниже zunga). Ряд слов имеет сильные и слабые формы. Род. множ. zalôno, как показывает сравнение с готским (stibnô), образован по аналогии слабых.

В основах на -i-, как в готском, женский род сохраняет старые формы этого типа; мужской в род. и дат. падежах перестроен по аналогии основ на -a-. Благодаря наличию элемента -i-, множ.

число имеет умлаут во всех падежах (единственное — только в старом род. и дат. женского рода). Таким образом возникает новый производный признак, характеризующий множ. число в основах на *-i-*: чередование гласных (внутренняя флексия).

Основы мужского рода на *-a-* и на *-i-* сохраняют в более ранних текстах (VIII — IX вв.) особую форму творительного падежа (*Instrumentalis*), который в более поздних памятниках заменяется предложной конструкцией с дательным (см. стр. 177).

Основы на *-j-* и на *-w-*

	<i>-ja-</i> (м. р.)	<i>-ja-</i> (ср. р.)	<i>-jô-</i> (ж. р.)
Ед.			
им. вин.	hirti	kunni	suntea (-e, -a)
род.	hirtes	kunn>s	suntea (-e, -a)
дат.	hirtie (-e)	kunnie (-e)	suntiu (-u)
твор.	hirtiu (-u, -o)	kunniu (-u, -o)	suntea (-e, -a)
	<i>-ja-</i> (м. р.)	<i>-ja-</i> (ср. р.)	<i>-jô-</i> (ж. р.)
Множ.			
им. вин.	hirte (-a, -â)	kunni	sunteâ (-â, -e)
род.	hirteo (-o)	kunneo (-o)	sunteôno (-ôno)
дат.	hirtum (-un, -on), -im (in)	kunnim (-in), -um (-un, -on)	sunteôm (-ôm, -ôn)
	<i>-wa-</i> (м. р.)	<i>-wa-</i> (ср. р.)	
Ед.			
им. вин.	snêo (snê)	scato	
род.	snêwes	scat(a)wes	
дат.	snêwe	scat(a)we	
твор.	—	—	
	<i>-wa-</i> (м. р.)	<i>-wa-</i> (ср. р.)	
Множ.			
им. вин.	snêwa (-â)	scato	
род.	snêwo	scat(a)wo	
дат.	snêwum	scat(a)wum	

Основы на *-j-* не представляют принципиальных отличий от других основ на гласные. Палатальный элемент (*j*), предшествующий гласному, в древнейших текстах еще выступает как *i* (или *e*) перед падежным окончанием. В большинстве памятников, уже начиная с IX в., устанавливаются окончания, совпадающие с обычным типом гласных основ; при этом, благодаря влиянию палатального элемента, гласный *-a* очень рано имеет тенденцию к замене гласным *-e*. В дат. множ. муж. средн. окончание *-im*, совпадающее с основами на *-i-*, особенно распространено в франк-

ских текстах. Попадая на конец слова, *j* вокализуется в *i*. Поэтому им. вин. ед. мужск. рода и имен. вин. ед. и множ. средн. рода имеют окончание *-i*, которое составляет основное формальное отличие основ на *-j-* от обычных основ на *-a-*. Характерным признаком основ на *-j-* являются изменения корня: умлаут и преломление гласного (см. §§ 26—27), удвоение согласного (после краткого гласного) и соответствующие изменения, вызванные II перебоем (см. §§ 30—31): ср. *betti* (got. *badi*, *badjis*), *nezzi* (got. *nati*, *natjis*), *gibirgi* (от *berg*), *hella* (got. *halja*) и т. д.

В основах на *-wa-* неслоговое *u* предшествует гласному окончанию во всех падежах. На конце слова (в им. вин. ед. мужск. и ед. множ. средн.) оно вокализуется в *-o*, которое после долгого гласного может отпадать. Между согласным и *w* нередко появляется переходный гласный *a* (*o*, *e*): *scat(a)we*, *scat(o)we*.

Основы на согласные

	<i>-an-</i> (м. р.)	(ср. р.)	<i>-ôn-</i> (ж. р.)	<i>in-</i> (ж. р.)
Ед.				
им.	namo	herza	zunga	hôhî(-in)
род.	namen, -in	herzen, -in	zungûn	hôhî(-in)
дат.	namen, -in	herzen, -in	zungûn	hôhî(-in)
вин.	namon, -un	herza	zungûn	hôhî(-in)
Множ.				
им.	namon, -un	herzun (-on)	zungûn	hôhî(-in)
род.	namôno	herzôno	zungôno	hôhîno
дат.	namô:n (-ôn)	herzôm (-ôn)	zungôm (-ôn)	hôhîm(-in)
вин.	namon, -un	herzun (-on)	zungûn	hôhî(-in)

Склонение на *-n-* отчетливо сохранило различия основообразующих суффиксов, но собственно падежные признаки редуцированы повсюду, кроме род. множ. (-o) и дат. (-m < -n + m). В основах мужск. рода на *-an-* чередование *in/an* основано на аблауте суффикса, но переосмысливается с точки зрения древневерхненемецкого, как чередование падежных окончаний. Формы *-in* — *-en*, *-un* — *-on* различаются по диалектам: для южнонемецкого характерны узкие гласные (*in*, *un*), для средненемецкого — широкие (*en*, *on*). Нарушает чередование гласный *ô* род. дат. множ., распространившийся, вероятно, из женского рода. В женских основах *-ôn-* соответствует готскому *-ôn-*. К именам на *-in-* относятся, как в готском, абстрактные от прилагательных (*hôch* — *hôhî*, *reini* — *reînî* и др.), кроме того небольшая группа отглагольных существительных, обозначающих название действия (*toufi* «Taufe» от *toufen*, *urlôsi* «Erlösung» от *irlôsen*), которая в готском оформляется по типу основ на *-i-* (got. *daupeins*). Конечное *-n* в основах на *-î(n)-* имеет тенденцию отпадать во всех

падежах, вследствие чего ед. число становится несклоняемым, и группа выпадает из слабого склонения.

Весьма незначительны остатки других типов склонения, которые в большей степени, чем в готском, подверглись аналогической униформации. Большинство основ на -и- склоняется по типу основ на -i-. Небольшая группа сохранила -и- в более старых текстах в им. вин. падеже после краткого слога: например, мужск. situ «Sitte», fridu «Friede», sigu «Sieg», meto «Met»; средн. fihi. От женск. hant (got. handus), склоняющегося вообще по типу основ на -i-, сохраняется архаическая форма дат. множ. hantum рядом с новой hentin «Händen». Старая форма осталась до сих пор в наречиях, образованных из предложной конструкции с дат. множ. без умлаута: ab-handen, vor-handen.

Остатки согласных основ характеризуются отсутствием окончания в ед. и имен. вин. множ. Этот тип лучше всего сохранили женские родственные имена на -er (muoter, tohter): ср. ед. muoter, множ. им. вин. muoter, род muotero, дат. muoterum. К этому типу примыкают naht, buoh «Buch», brust, burg, имеющие, однако, и новые формы по типу основ на -i-. Из слов мужского рода так же склоняется man, который может иметь в род. дат. ед. новые формы mannes, manne рядом со старыми без окончания. Мужские имена родства на -er могут склоняться во всех падежах по типу основ на -а-, но сохранили рядом с новыми формами архаические без окончания в род. дат. ед. (fater). Из основ на -nt- только friunt и fiant имеют архаическую форму им. вин. множ. без окончания рядом с новой по типу основ на -а- (friunta, fianta). Остальные слова, входившие в мелкие группы, распределились между основными типами склонения.

Особая личная форма винительного падежа мужск. рода на -an образуется в древневерхненемецком по типу местоимений и сильных прилагательных при склонении имен собственных: Hartmuot — вин. Hartmuotan, Petrusan, Kristan и др. Это окончание распространилось и на имена нарицательные в личном употреблении: например, fater — fateran, man — mannan. Оно послужило источником для слабого склонения личных имен мужского рода, допускаемого современным языком в интимном разговоре и в просторечии: ср. Fritzen, Schmidten и др.

§ 36. В средневерхненемецком происходит общая редукция неударных окончаний: все неударные гласные, долгие и краткие, переходят в безразличное -e; двусложные неударные окончания редуцируются на один слог (ср. ahd. zungōno > mhd. zungen). Параллельно с редукцией происходит дальнейшее смешение и униформация типов склонения, а также различий между падежными окончаниями. Редукция и служит фонетическим выражением грамматического явления отмирания флексии, связанного

с потерей смысловой значимости основами и разлитием предложного склонения, заменяющего падежные окончания. С другой стороны, с частичным или полным уничтожением различий между падежами вырабатывается новое различие — между категорией единственного и множественного числа в целом. Все эти процессы завершаются в эпоху образования письменной нормы новонемецкого литературного языка.

		Мужской род				
		осн. -а-	осн. -ja-	осн. -wa-	осн. -i-	осн. -п-
Ед.						
им. вин.	tac	hirte	sē	gast	bote	
род.	tages	hirtes	sēwes	gastes	boten	
дат.	tage	hirte	sēwe	gaste	boten	
Множ.						
им. вин.	tage	hirte	sēwe	geste	boten	
род.	tage	hirte	sēwe	geste	boten	
дат.	tagen	hirten	sēwen	gesten	boten	

		Средний род				
		осн. -а-	осн. -а-(-ir-)	осн. -j-	осн. -w-	осн. -п-
Ед.						
им. вин.	wort	lamp	künne	mel	herze	
род.	wortes	lambes	künnes	melwes	herzen	
дат.	worte	lambe	künne	melwe	herzen	
Множ.						
им. вин.	wort	lember	künne	mel	herzen	
род.	worte	lember	künne	melwe	herzen	
дат.	worten	lembern	künnen	melwen	herzen	

		Женский род		
		осн. -ō-	осн. -п-	осн. -j-
Ед.				
им. вин.	sache	zunge	kraft	
род.	sache	zungen	krefte (kraft)	
дат.	sache	zungen	krefte (kraft)	
Множ.				
им. вин.	sache	zungen	krefte	
род.	sachen	zungen	krefte	
дат.	sachen	zungen	kreften	

В результате редукции в средневерхненемецком склонении остаются только окончания -e, -es, -en, -er. Окончания эти многозначны (кроме -es род. пад.) и совмещают различные функции, как в новонемецком. В известных фонетических условиях (главным образом после сонорных) неударное -e подвергается дальнейшей редукции. Это явление характерно для южнонемецкой области, откуда происходит большинство классических памятников средневерхненемецкой литературы: ср. *kil* «Kiel», род. *kils*, дат. *kil*, множ. им. род. вин. *kil*, дат. *kiln*; также *angel*, *angels*, *angel*, *angeln*; *wāren*, *wārens*, *wāren* и др. Такая редукция приближает существительное к несклоняемости.

В мужском и среднем роде гласных основ все падежные окончания имеют общую форму -e кроме род. ед. -es и дат. множ. -en. Основы на -i- отличаются от основ на -a- только умлаутом во множественном числе. Когда гласный корня не может иметь умлаута, основы на -i- совпадают полностью с основами на -a-: например, *mhd.* ед. *schrit* — множ. *schrite* (*ahd.* *scrit* — *scriti*), ед. *biz* — множ. *bizze* (*ahd.* *bizzi*) и др. С другой стороны, умлаут из основ на -i- широко распространяется на другие основы, как четкий морфологический признак множ. числа: *mhd.* *ast* — *este* (*ahd.* *asta*), *fuhs* — *fühse* (*ahd.* множ. *fuhsa*) и др.; частично и в двусложных: *nagel* — *negel* (*ahd.* множ. *nagala*), *vater* — *veter* (*ahd.* множ. *vater*) и др. Основы на -j- отличаются от основ на -a- только окончанием им. ед. на -e; в ряде случаев, где -e подвергается редукции (например, после сонорных), это различие устраняется: ср. *her* (*ahd.* *heri*), *mer* (*ahd.* *meri*) и др. Основы на -w- сохраняют чередование, как в древневерхненемецком (*sē* — *sēwes*), но в среднем роде встречаются формы без *w* (*meles*, *mele*, *melen*). В новонемецком происходит общая унификация этого склонения по типу именительного падежа (без *w*). В среднем роде по-прежнему господствует им. вин. множ. без окончания: ед. *wort* — множ. *wort*, ед. *lant* — множ. *lant*. Но множ. на -er все более распространяется за свои первоначальные границы, как четкий признак числа: ср. ед. *kint* — множ. *kint* (или *kinder*), ед. *kleit* — множ. *kleit* (или *kleider*) и др. Основы на -n- вырабатывают общую форму косвенных падежей единственного и всего множ. числа -en и тем обособляются в слабое склонение. Но в женском роде на основании совпадения основ на -ō- и основ на -n- в им. ед. и в род. дат. множ. продолжается сближение обеих групп, и ряд слов может образовать как сильные, так и слабые формы (например, *erde*, *strāze*, *bāre* и др.).

По типу сильных склоняются и абстрактные от прилагательных на -îp-, например, *hœhe* (*ahd.* *hōhî*), *güete*, *liebe* и т. д., утратившие -n уже в древневерхненемецком во всех падежах, кроме род. дат. множ. (ср. стр. 135).

Типу женских основ на -ō- и на -n- четко противопоставлены

женские основы на -i-. В род. дат. ед. рядом со старой формой *krefte* уже намечается тенденция к унификации по им. вин. ед. и использование умлаута, как признака множ. числа.

В старых согласных основах еще встречаются несклоняемые формы в именах родства на -r-, в словах *man* и *frunt*. В *man* новонемецкий сохраняет старое несклоняемое множ. при счете: *zwei Mann, mit hundert Mann, wieviel Mann?*

§ 37. В новонемецком процесс редукции частично захватывает неударное -e. В сильном склонении мужск. и средн. рода окончание -e в дат. ед. факультативно: ср. *dem Tag(e)*, *dem Sohn(e)*. Точно так же в большинстве случаев может выпадать e в окончании -es род. ед.: *des Tag(e)s*, *des Sohn(e)s* (однако, всегда сохраняется после s и z: *Fußes*, *Glases*, *Satzes*). Напротив, во множ. -e сохраняется, являясь здесь признаком числа: *Tage*, *Söhne* и др. В имен. ед. женск. и слаб. мужск. -e в одних словах отпадает, в других сохраняется, что свидетельствует о диалектологически смешанном происхождении литературного языка: ср. *Sache* (*mhd.* *sache*) и *Schlacht* (*mhd.* *slahte*), *Neffe* (*mhd.* *nēfe*) и *Graf* (*mhd.* *grafe*). В двусложных словах (особенно после суффиксов -el, -er, -en, -em) конечное -e безусловно отпадает, а окончания -en и -es редуцируются в -n и -s: ср. *Ritter*, *Ritters*, *Rittern* и др. При наличии суффикса -en дат. множ. не имеет особого окончания: ср. *Wagen* — дат. мн. *Wagen*. Таким образом двусложные слова имеют наиболее резко выраженную тенденцию к несклоняемости. В диалектах (южнонемецких и западной части средненемецких) редукции подвергается всякое конечное -e независимо от его морфологической функции: ср. ед. *ha:s* «Hase», *sach* «Sache»; множ. *tif* «Tische», *fis* «Füße». В связи с заменой род. ед. описательными формами (стр. 179) это свидетельствует о полном отмирании флексии.

Тенденция к формальному противопоставлению ед. и множ. числа проявляется в новонемецком очень отчетливо. В мужском роде сохраняется различие между сильным и слабым склонением, но тип сильного становится господствующим; в среднем роде слабое почти исчезло. Сильное склонение мужского и среднего рода имеет падежные окончания в род. ед. -(e)s и дат. множ. -(e)n и факультативное -(e) в дат. ед. Признаком сильного множ. являются окончания -e, -er и умлаут: ср. мужск. *Tisch* — *Tische*, *Gast* — *Gäste*, *Geist* — *Geister*, *Wald* — *Wälder*, *Nagel* — *Nägel*; средн. *Feld* — *Felder*, *Haus* — *Häuser*, *Haar* — *Haare*, *Chor* — *Chöre*, *Kloster* — *Klöster*. В мужском роде господствующим типом множ. числа является окончание -e (в односложных) и умлаут (там, где умлаут возможен). Умлаут, как признак множественного числа, охватывает огромное большинство односложных слов, гласный которых может подвергаться изменению, независимо

от их первоначальной принадлежности к тем или иным основам (из старых основ на -а-, например, Baum, Bock, Frosch, Hof, Hut, Kopf, Schatz, Stab, Stuhl, Wolf и мн. др.). В диалектах, где редуцировано конечное -е как признак множ., умлаут распространяется и на те немногие слова, которые в литературном языке его не имеют: ср. tag — täg, arm — ärm, halm — hälm, hund — hünd и др. Значительная часть двусложных также имеет умлаут: например, Nägel, Mäntel, Sättel, Schnäbel, Vögel, Brüder и пр. Колебания во множ. наблюдаются до сих пор в словах: Wagen — Wägen, Laden — Läden, Bogen — Bögen, Boden — Böden, Fäden — Fäden, Hammer — Hämmer и некоторых других, причем формы с умлаутом характерны для южной Германии, где уже в средневерхненемецкую эпоху отсутствовало -е как признак множественного. В литературном языке XVIII в. колебания были еще значительнее. Например, Гете и Шиллер пишут: Geburtstäge, Sommertäge, Ausrüfe и др.

Окончание -er распространилось в новонемецком периоде и на существительные мужского рода, но охватило небольшую группу слов: ср. Geister, Leiber, Götter, Ränder, Wälder, Würmer; слова на -tum (mhd. -tuom): Reichtümer и др. Исходными случаями были слова, которые употреблялись в средневерхненемецком в обоих родах, например, Gott, Leib, или, как Mann, не имели признака множественного числа. Колебания между старой и новой формой обнаруживают Orte — Örter, Sträuche — Sträucher, с дифференциацией значения и рода Schilde (мужск.) «щиты» — Schilder (средн.) «вывески»; ср. также Männer и Mannen (последнее с собирательным оттенком «дружина», «отряд»).

В двусложных словах благодаря редукции конечного -е множ. число не имеет особого признака, если гласный корня не может изменяться по умлауту: der Meister — die Meister. В ряде случаев множ. остается без изменения, несмотря на изменимость корня: ср. der Anker — die Anker, der Schuster — die Schuster, der Nobel — die Nobel и др.

Из слабого склонения мужск. рода значительная часть перешла в сильное и тем примкнула к господствующему типу. В слабом склонении все падежи, кроме им. ед., имеют общее окончание -en. Благодаря этому большинство падежей этого склонения (кроме им. и род. ед.) совпадает с сильными, образованными с суффиксом -en (например, Wagen, Morgen). Ср. сильн. ед. им. Wagen, род. Wagens, дат. вин. Wagen, множ. Wagen; слаб. ед. им. Rabe, род. Raben, дат. вин. Raben, множ. Raben. Слова слабого склонения, обозначающие предметы неодушевленные, в новонемецком распространяют -en косвенных падежей на им. ед. и переходят тем самым в сильное склонение типа Wagen (с родит. на -s). К этой группе относятся Balken (mhd. halke), Bogen (mhd. boge), Braten (mhd. bräte), Daumen (mhd. düme), Flecken (mhd. flecke),

Garten (mhd. garte), Graben (mhd. grabe), Haken (mhd. hâke), Knochen (mhd. knoche) и ряд других. Некоторые получают во множ. умлаут по типу сильных, например, Garten — Gärten (mhd. ед. garte — множ. garten). Только слова, обозначающие предметы одушевленные, сохраняют им. ед., отличный от других падежей, и склонение по типу слабых: Affe, Rabe, Löwe, Drache, Bulle, Falke, Hase, Knabe, Junge, Bube, Gatte, Neffe, Erbe, Bär, Herr, Fürst, Prinz, Mensch, Graf, Tor и немн. др.; также Geselle, Gefährte, Genosse, Gespiele и др.; имена племен и народов: Franke, Schwabe, Preuße, Franzose, Türke и др. При этом отпадение или сохранение -е в им. пад., как уже было указано, не подчиняется в литературном языке никакому общему правилу. Lumpen «тряпка» и Lump «негодяй», Tropfen «капля» и Tropf «малютка» представляли одно слово (mhd. lumpe, tropfe), которое в первоначальном значении неодушевленного предмета получило окончание -n, а в переносном употреблении по отношению к человеку сохранило старую форму им. пад. с редукцией конечного -е, причем оба слова в этом новом значении перешли в сильное склонение (множ. Lumpe, Tröpfe). Аналогичную дифференциацию одушевленного и неодушевленного представляют Drache «дракон» и Drachen «бумажный змей». Сохранение старого им. падежа в категории одушевленных связано с его значением как активного падежа. В некоторых словах, преимущественно — с отвлеченным значением, употребляется им. пад. с -n и без -n: например, Glaube(n), Haufe(n), Name(n), Wille(n), Friede(n), Gedanke(n), Schade(n), Same(n), Funke(n) и др. Род. падеж имеет -s, по типу сильных на -en: Glaubens, Haufens и др. Поскольку эти слова могут в им. пад. иметь окончание -e, отсюда возникает новое окончание род. пад. -ns рядом с -en других косвенных падежей и множ. числа: ср. Name — Namens (род.), Namen (дат. и др.), Glaube — Glaubens (род.), Glauben (дат. и др.) и т. п. В XVII — XVIII вв. это явление частично захватывало и имена одушевленные: например, род. Affens, Knabens, Bubens, Grafens, Fürstens. Довольно обычным окончание -ns является в именах собственных: ср. Goethens, Fritzens, Gertrudens.

Некоторые слабые из группы одушевленных также перешли в сильное склонение и имеют умлаут: ср. Hahn — Hähne (mhd. hane — hanen), Schwan — Schwäne (mhd. swanen), Kauz — Käuze (mhd. kûz — kûzen) и немн. др. Это подтверждает характерную для новонемецкого склонения непрочность категории слабых мужского рода.

Мужские основы на -j-, благодаря конечному -е в им. ед., частично переходят в категорию слабых; ср. имена одушевленные: Hirt(e) (ahd. hirti) и Riese (ahd. risi); неодушевленные распространяют -en и на имен. пад. (по типу Wagen): ср. Rücken (ahd. rucki) и Weizen (ahd. weizzi). Некоторые, образуя множ. на -en, меняют род на женский: ср. Pfüte (ahd. puzzi м. < лат.

puteus «колодец»), Hirse (ahd. hirsī m.), Imme «пчела» (ahd. imbi m. «пчелиный рой»). Сохраняет имен. на -e и сильное склонение только слово Käse (ahd. kâzi < лат. cāseus), во множ. мало употребительное. Слова на -er (mhd. -ære) теряют конечное -e, сохраняя сильное склонение: ср. Lehrer (mhd. lêrære) и др.

В среднем роде господствующим типом в новонемецком становится множ. на -er, вытесняющее старую форму им. вин. множ. без окончания: Ср. Feld — Felder (mhd. ед. множ. felt); при этом окончание -er обязательно вызывает умлаут, если коренной гласный может изменяться: Land — Länder (mhd. ед. множ. lant). В диалектах окончание -er получает еще более широкое распространение: например, Better, Hemder, Beiner, Stöcker, Messerer; от уменьшительных: Schä'cher, Mä'cher или Schäferche, Mä'derche. Гораздо уже сфера распространения конкурирующего окончания -e, которое входит в употребление по аналогии с мужским родом: ср. Schafe, Beine, Rosse, Dinge, Werke, Spiele, Zelte и др., в особенности — в словах, оканчивающихся на -r, которые не допускают во множ. суффикса -er: ср. Haare, Tiere, Tore, Jahre, Rohre и др. В единичных случаях по аналогии с мужским родом в эту группу проникает умлаут: Flösse, Chöre, Klöster, Wässer (в значении «воды»).

Основы на -j- в большинстве случаев утратили -e в имен. вин. ед. и окончательно совпали с основами на -a-: например, Heer (mhd. here), Meer (mhd. mere), Netz (mhd. netze), Stück (mhd. stücke), Kreuz (mhd. kriuze), Bild (mhd. bilde) и др.; с приставкой ge-: Gebein (mhd. gebeine), Glück (mhd. gelücke), Gericht (mhd. gerichte), Gestirn (mhd. gestirne), Gemüt (mhd. gemüte), Geschlecht (mhd. geslehte), Gespenst (mhd. gespenste) и др. Благодаря отпадению -e в ед. числе создается четкое противопоставление множественному, которое в средневерхненемецком также имело окончание -e: ср. ед. Netz — множ. Netze (mhd. ед. netze — множ. pezze), ед. Gebein — множ. Gebeine (mhd. ед. gebeine — множ. gebeine). Небольшая группа получает окончание -er, по аналогии господствующего типа слов среднего рода: ср. Bilder, Gemüter, Geschlechter, Gespenster и немногие другие. Сохранение конечного -e ведет в большинстве случаев к переходу в женский род и образованию множ. на -en: ср. Beere женск. (mhd. bere средн.), Ecke женск. (mhd. ecke средн.), Rippe женск. (mhd. rippe средн.), Schwelle женск. (mhd. swelle средн.), Wette женск. (mhd. wette средн.) и др. Конечное -e и сильное склонение среднего рода сохраняют лишь некоторые слова на ge-, которые первоначально как собирательные не имели множ. числа: Gebirge, Gefilde, Gelände, Gewölbe и др. (множ. Gebirge и т. д.).

Множ. без окончания сохраняют двусложные на -er, -el, -en, а также уменьшительные на -chen, -lein; ср. Messer, Rätsel, Füllen, Fischchen и др.

Слабое склонение среднего рода ограничивается в средневерхненемецком словами: Auge (mhd. ouge), Wange, Herz (mhd. herze), Ohr (mhd. ôre). В новонемецком Wange перешло в женский род, Auge и Ohr сохранили -en только как признак множественного; в единственном они склоняются по сильному типу: ср. Auge, род. Auges, множ. Augen (так наз. «смешанное склонение»). К этому типу присоединилось из основ на -j- слово Bett благодаря окончанию -e в им. вин. ед. (mhd. bette). Herz сохранило слабое склонение с новым окончанием -ns в род. пад.

В женском роде господствующий тип образует множ. на -en. Использование -en как признака множественного стало возможным в результате смешения сильного склонения на -ô- и слабого на -ôп-, наметившегося уже в средневерхненемецком.

	mhd.		nhd.	
	осн. -ô-	осн. -п-	осн. -ô-	осн. -п-
<i>Ед.</i>				
им.	sache	zunge	sache	zunge
род. дат. вин.	sache	zungen	sache	zunge
<i>Множ.</i>				
им. вин.	sache	zungen	sachen	zungen
род. дат.	sachen	zungen	sachen	zungen

В новонемецком единственное число идет по сильному, множественное по слабому склонению: иными словами, основы на -ô- унифицируют множ. число, распространяя окончание -en на им. вин. множ., основы на -п- унифицируют ед. число, устраняя окончание -en в род. дат. вин. ед. Таким образом, образование так наз. «смешанного склонения» осуществляет общую тенденцию новонемецкого к четкому различению форм числа. Старая форма слабого склонения на -en в косвенных падежах ед. числа сохраняется в женском роде только как пережиток: например, в фразеологическом сочетании auf Erden «на земле» (ср. Гейне: «Wir wollen auf Erden glücklich sein»); в старинной поговорке: «Es ist nichts so fein gesponnen, alles kommt an's Licht der Sonnen» («на свет с о л н ц а»); в архаизмах стихотворного языка: ср. у Шиллера: «Fest gemauert in der Erden» («... в земле»); у Гете: «Röslein auf der Heiden»; в сложных словах: например, Sonnenfinsternis («затмение с о л н ц а»).

Конечное -e в ед. числе женского рода обычно сохраняется, но в некоторых словах отпадает без какой-либо фонетической закономерности: ср. Zahl (ahd. zala, mhd. zal), Schlacht (ahd. slahta, mhd. slahte), Bahn (mhd. bane), Kost (mhd. koste) и немногие другие. В двусложных словах редукция -e обязательна,

частью — уже в средневерхненемецком: ср. Nadel (ahd. *padala*, mhd. *nadel*), Feder (ahd. *fedara*), Königin (mhd. *kūneginne*), Handlung (mhd. *handelunge*), Arznei (mhd. *arznei*). Множ. число образуется, как обычно, на *-en*.

Самостоятельную группу образуют женские основы на *-i-*. В ед. числе устраняется противоположность им. вин. (без окончания) и род. дат. (с умлаутом и окончанием *-e*); в новонемецком ед. число не имеет окончания, умлаут и *-e* становятся признаком только множ. числа (Kraft — Kräfte). Группа эта подверглась сильному сокращению. Все слова, в которых коренной гласный не может иметь умлаута, перешли в склонение на *-n-*: ср. Zeit, Schicht, Pflicht, Welt и др. (множ. Zeiten — ahd. *zīti*, mhd. *zīte*). Переход этот распространился также и на многие слова, способные иметь умлаут и частично имевшие его в средневерхненемецком: ср. Burg, Brut, Flut, Saat, Tat, Gewalt, Schuld (множ. Burgen — mhd. *bürge* и т. д.). Переход в склонение на *-en* связан у ряда слов, принадлежавших к женским основам на *-i-*, с распространением окончания *-e* из род. дат. на все единственное число по обычному типу основ на *-n-*: ср. Eiche (mhd. *eich*, род. *eiche*), Beichte (mhd. *bīht*), Erbse (mhd. *arweiz*), Eiche (mhd. *lich*) и др.

В некоторых случаях вместе с *-e* на им. вин. ед. распространяется и умлаут, наличествовавший в род. дат. ед. и в множ. числе; множ. число тогда оформляется, как обычно, по типу слабых: ср. Blüte (mhd. *bluot*, род. *blüete*), Ente (mhd. *ant*, род. *ente*), Hüfte (mhd. *huf*, род. *hüfe*), Säule (mhd. *sûl*, род. *siule*) и др. Дифференцируется по форме и значению mhd. *stat* «город», «место» (род. дат. *steti*, множ. *steti*): в слове Stadt «город» единственное число унифицируется по им. вин., множественное сохраняет окончание *-e* и умлаут по типу сильных (Städte); в слове Stätte «место» род. дат. ед. вытесняют им. вин.; новое множественное образуется по типу слабых (Stätten). В результате всех этих изменений сильное склонение сохраняет в женском роде лишь небольшая группа основ на *-i-*, способных иметь умлаут: Macht — Mächte, Kraft — Kräfte, Luft — Lüfte, Maus — Mäuse и немногие другие. К этому типу, образуемому множественное на *-e*, примыкают слова женского рода на *-nis*, по своему происхождению принадлежавшие к основам на *-j-*: ср. Finsternis, Kenntnis и др. (ед. Finsternis — множ. Finsternisse, дат. множ. *-en*).

В словах, не имеющих обычного грамматического оформления, в новонемецком распространяется новое окончание множ. *-s*. Оно особенно интенсивно развивается в северной Германии и имеет разные источники. Наименее вероятно сохранение древнесаксонского им. вин. множ. мужск. рода *-os*, так как ранний средненижненемецкий, по крайней мере в письменных памятни-

ках, уже не знает этой формы. Скорее всего оно происходит из французского, но не непосредственно, а через нидерландский, где формы на *-s* засвидетельствованы уже в XIII в. (broeders, susters, mans). В нижненемецком оно появляется в XV в. и отсюда проникает в литературный язык. *-s* употребляется преимущественно в иностранных словах (Reservoirs, Korps, Sofas, Leutnants), а также в других словах, которым недостает обычного грамматического оформления: die Wens und Abers, die Lebehochs, die Uhus; die Papas und Mamas. В интимном обиходном языке, в особенности — в северной Германии, эта форма употребляется также в некоторых именах с личным значением: die Jungens, Mädchens, Bengels, Kerls и др. Другой источник этой формы представляют множ. собирательные от фамилий и званий: die Meiers «семейство Мейеров», Müllers, Schulze(n)s и др. Они развиваются из род. падежа, обозначающего принадлежность, — die Meier's (т. е. «Мейеровы»). Точно так же Doktor's («семья доктора»), Apotheker's и т. п. Создание нового грамматического признака числа взамен недостающих характерно для господствующей в новонемецком тенденции к четкому противопоставлению единственного и множественного.

Таким образом, современный немецкий язык не устранил тех противоречий, которые являлись результатом истории склонения. Разнообразие типов склонения, возникшее благодаря различию основ, подверглось значительной унификации, когда основы потеряли свою значимость; но различия склонения сильного и слабого частично сохранились до сих пор. С развитием более дифференцированной системы предложного склонения падежные окончания подвергаются редукции и униформируются, но индивидуальный характер сохраняют род. на *-es* и дат. множ. на *-en* в сильном склонении мужского и среднего рода. Взамен различия падежей выдвигается новый принцип четкого грамматического оформления категории числа. Для выражения этой категории обобщаются признаки падежных окончаний, восходящие к основам различного типа: *-e* (гласные основы), *-en* (основы на *-n-*), *-er* (основы на *-es-*), и умлаут как новое явление внутренней флексии, возникшее в результате фонетической ассимиляции, но использованное грамматически. При этом в мужском роде преобладает тенденция образовать множ. на *-e* и с умлаутом, где умлаут возможен; в среднем роде на *-er*, при котором умлаут обязателен, если гласный корня может изменяться; в женском на *-en*. В этом направлении происходит довольно значительное перераспределение лексического материала по указанным категориям, еще более заметное в диалектах, не связанных письменной нормой и традицией. Но рядом с главенствующими типами остаются довольно значительные пережиточные группы: в мужском роде — имена одушевленные слабого склонения, в женском —

сильное склонение с умлаутом. В то же время наблюдаются конкурирующие тенденции, оттесненные, но не устраненные до конца господствующим направлением: в мужском роде — множ. на -ег под влиянием среднего рода, в среднем — множ. на -е под влиянием мужского. Несмотря на такое обилие форм, в значительном ряде случаев (главным образом в двусложных словах) множественное число остается совершенно необозначенным.

В практических грамматиках принято перечислять все разнообразие типов склонений, встречающихся в современном языке. Зюттерлин, учитывая все возможные варианты, насчитывает более 24 типов. Однако, классификация эта значительно упростится, если рассматривать отдельно, с одной стороны — образование множ. числа, с другой стороны — падежные признаки, встречающиеся в единственном, которые могут быть установлены по окончанию родит. падежа. Таким образом имен. ед., род. ед. и имен. множ. представляют три основные формы, определяющие в немецком языке тип склонения каждого данного слова.

§ 38. Разрушение падежной флексии в немецком языке не есть явление формальной деградации; оно связано с образованием более дифференцированной системы предложного склонения. Вместо небольшого числа многозначных и семантически недифференцированных окончаний вырастают падежи нового типа, специализованные по своему значению и обозначаемые с помощью предлогов. Система предложного склонения, делая ненужными старые падежи, тем самым способствует редукции и унификации падежных окончаний.

Сравнение между собой языков индоевропейской системы позволяет заключить о наличии на более древней стадии большего числа падежей, чем сохранилось в историческую эпоху в большинстве языков этой системы. Таких падежей было, по крайней мере, восемь: именительный, звательный, родительный, дательный, винительный, творительный (инструментальный), местный (локативный), отложительный (аблатив). Из них раньше других отмирают падежи с конкретным, наглядным, в основе — местным значением; к этому архаическому типу узких и однозначных *локальных* падежей принадлежат: отложительный («откуда?»), местный («где?»), винительный места («куда?»), затем творительный («чем?» или «вместе с чем?»). В германских языках отсутствуют (вероятно, утрачены) падежи местный и отложительный, вымирает в древнейших памятниках творительный. Остаются и даже расширяются за счет локальных — падежи наиболее широкие, отвлеченные, основное значение которых с трудом и не очень точно поддается определению: родительный — падеж принадлежности,

винительный — падеж прямого дополнения (объекта действия), дательный — падеж косвенного (или личного) дополнения (цели, направления действия). Вероятно, отвлеченный характер этих *логических* падежей и их многозначность (полисемантизм) являются результатом позднейшего обобщения на основе слияния (синкретизма) форм и значений. Таким синкретическим падежом по форме и значению является в особенности германский дательный, который восходит к дательному, творительному, местному, отчасти отложительному. Этим объясняется различие падежных окончаний дательного в различных германских языках и отчасти в пределах одного языка — в различных основах: например, в основах на -а- готское окончание -а (daga) восходит, повидимому, к старому творительному, а немецкое -e (tage) к дательному; напротив, в основах на -ō- готское -ai (stibnai) является формой дательного, а немецкое -и (stimmi) — творительного. В то же время функции отложительного частично перешли к германскому родительному падежу.

Отмирание локальных падежей непосредственно связано с развитием предлогов. По своему происхождению предлоги индоевропейских языков являются наречиями места, которые служили для пространственного определения (конкретизации) значения глагола-сказуемого. Эти наречия, с одной стороны, превращаются в глагольные приставки, более свободные, пока они сохраняют самостоятельное значение приглагольного определения (обстоятельного слова), или более тесно примыкающие к глаголу, когда они утрачивают самостоятельное значение, соответственно модифицируя значение сложного глагола. С другой стороны, эти наречия превращаются в предлоги, вступая в связь с приглагольными дополнениями и обстоятельными словами, которые до того времени управлялись непосредственно самим глаголом, требовавшим после себя соответствующего данной синтаксической связи падежа.

В немецком языке сохранились многочисленные пережитки изначальной связи наречий с глагольными префиксами и предлогами. Так, «отделяемые приставки» (trennbare Vorsilben) сложных глаголов, сохраняя относительную синтаксическую самостоятельность, стоят на границе между наречием и предлогом. Ср. er ruft mich zurück (зовет . . . назад) — zurückrufen, zurückgerufen; ich komme ihm entgegen (иду . . . навстречу) — entgegenkommen, entgegengekommen и пр. В некоторых предложных конструкциях вторым элементом является наречие, перенимающее от глагола управление предшествующим существительным: например, drei Tage durch (в течение трех дней), den Tag über (в течение дня), seinem Befehl nach (согласно его приказу), dem Anschein nach (по видимости), seinem Wunsche gemäß (в соответствии с его желанием), den Weg entlang (вдоль дороги), dem

Feind entgegen (навстречу врагу), der Sonne zu (к солнцу) и т. д. Между глагольными приставками (отделяемыми и неотделяемыми) и соответствующими предлогами сохранились также переходные случаи: ср. einen Fluß überschreiten — über einen Fluß schreiten; das liegt mir schwer auf — das liegt schwer auf mir. Обыкновенно в таких случаях наблюдается смысловая дифференциация: префикс, срастаясь с глаголом, теряет свой первоначальный смысл и видоизменяет значение глагола. Ср. einen Wald durchlaufen (пробежать лес до конца) — durch einen Wald laufen (бежать через лес), eine Insel umfließen (обтекать остров) — um eine Insel fließen (течь вокруг острова) и т. д. В процессе развития языка между этими категориями наблюдаются колебания. Например, в «Нибелунгах»: der helt ze sînen friunden lûte ruofen began (mhd. ruofen zu — предлог с дат.) — nhd. seinen Freunden zuzufen (глагольный префикс, дат. зависит от глагола); обратный случай: в «Нибелунгах»: mir suln mîne brüeder teilen mit diu lant (mhd. mitteilen — сложный глагол с дат., в значении «делиться с кем-нибудь») — nhd. sollen mit mir teilen (предлог с дат. — «со мной»).

Подобным образом происходило развитие предложных конструкций из приглагольных наречий места и в более древнюю эпоху. Так, в современном немецком винительный места сохранился только как пережиток в таких оборотах, как, например: seinen Weg gehen («идти своей дорогой»), einen Pfad wandeln («бродить по тропинке»). Обороты такого типа были гораздо более распространены в средневековом языке. Ср. у Отфрида (IX в.): thô fuar er mit imo hôhe bergâ («über hohe Berge»); mhd. ine weiz wie manec iant er reit («durch wieviel Lânder»). Современная предложная конструкция дифференцирует связь, имевшую в средневековом языке (при винительном месте) гораздо более неопределенный характер: из сочетания er ritt manches Land durch, где durch, как наречие, конкретизирует пространственную направленность глагола ritt, а Land (винит. места) управляется непосредственно глаголом, вырастает современная предложная конструкция: er ritt durch manches Land. Таким же образом в основе предложных конструкций с дательным падежом, например, er schläft im Walde, er liegt auf dem Bette, er steht an der Wand, можно предполагать наличие сочетаний глагола с местным падежом и определяющим наречием по типу: er schläft dem Walde in, er liegt dem Bette auf и т. д., только явление это лежит за пределами исторически засвидетельствованной эпохи развития германских языков. Так, мы имеем в древневерхнемецком предлоги, которые употребляются с дат. или винит., конкурируя по своей синтаксической функции с локальными падежами: с отложительным (дательным) — ab («от»), ir («из»), ûz «aus» («из»), vora («от», «из»); с творительным (дательным) — mit («с»), позже

duruh «durch» («через», употребляется с винительным), vora «vora» («от»); с винительным места duruh «через», umbi «um» («вокруг»); с локативом (дательным) на вопрос «где?» и винительным места на вопрос «куда?» — an («у»), ûf «auf» («на»), in («в»), hintar «hinter» («за»), untar «unter» («под»), vora «vora» («перед»), ubar «über» («над») и др. Из них ir уже в средневерхнемецкую эпоху выходит из употребления, сохраняясь только как префикс ir-, er-, (ср. Urteil — erteilen), ab употребляется теперь как предлог лишь в сочетаниях типа ab heute. Большинство перечисленных предлогов существует и в других германских языках, и возникновение их относится к стадии более древней, чем первые письменные памятники. Аналогичные явления наблюдаются и в других языках индоевропейской системы на самых ранних этапах их исторического существования. При этом некоторые германские предлоги имеют близкие соответствия в остальных индоевропейских языках: ср. герм. in — лат. in, греч. en; герм. ab (got. af) — лат. ab, греч. apo; готск. at (ahd. az — ср. англ. at) — лат. ad и др.

Развитие предложных конструкций из наречий позволяет точнее дифференцировать падежные отношения. Ср. das Licht steht auf dem Tisch, unter dem Tisch, vor dem Tisch, hinter dem Tisch, neben dem Tisch и т. д. Система предложного склонения дифференцирует целый ряд новых синтаксических отношений, выраженных с помощью падежей-предлогов, число которых будет непрерывно увеличиваться, в зависимости от дальнейшей дифференциации мышления и его языковых средств. Благодаря развитию этой новой системы старые локальные падежи становятся ненужными и отмирают, а остающиеся падежи, вступая в сочетания с различными предлогами, приобретают более абстрактный, логический характер.

Весьма существенным фактором дальнейшего развития предложного склонения является синтаксическая *перегруппировка* (Gliederungsverschiebung), позволяющая установить непосредственную связь между предложной конструкцией и именами. Первоначально предлоги, как приглагольные наречия, были непосредственно связаны с глаголом, и всякая предложная конструкция служила определением глагола. Но в ряде случаев определение могло распространяться по своему значению и на связанный с глаголом субъект или объект действия. Ср. ahd. quam boto fona Rîmu — «пришел посол из Рима»: fona Rîmu («из Рима») первоначально определяет глагол («пришел»: откуда?), но значение его распространяется и на подлежащее: boto fona Rîmi («посол из Рима» — «римский посол»). Сочетания такого типа становятся исходным пунктом для развития предложных конструкций, зависящих непосредственно от имени существительного или прилагательного и тем самым конкурирующих с

соответствующими падежами: ср. *der Apfel vom Baume, die Liebe zum Vaterland, begierig nach Freuden* и т. д.

Борьба между новой формой предложного склонения и старыми падежами продолжается и в исторический период развития немецкого языка и приводит к сильному ограничению сферы употребления чистых падежных конструкций. Прежде всего исчезает самостоятельный творительный падеж. Он встречается только в ранних памятниках древневерхненемецкого (VIII—IX вв.), притом — в ограниченном употреблении. Особую форму творительного (на -и, -iu) имеют только гласные основы существительных и прилагательных мужского и среднего рода в единственном числе, причем эта форма употребляется только от неодушевленных предметов и абстрактных понятий, но не распространяется на одушевленные. Ср. *ahd. speru werpan* («mit dem Speere werfen»), *swertu houwan* («mit dem Schwerte hauen»), *hungiru irsterpan* («vor Hunger sterben»). В готском языке в значении инструментального употребляется дательный падеж, поглотивший на более ранней ступени прежний творительный: *bliggwan stainam* («побить камнями»), *waürdam weiþan* («сражаться словами»), *gawasips taglam ulbandaus* («одетый шкурой верблюда») и т. д. Дательный в значении творительного употребляется в древневерхненемецком в случае отсутствия специальной формы инструментального, например, во множ.: *fragên fôhêm wortum* («спросить немногими словами»). Однако уже очень рано эти архаические формы вытесняются предложными конструкциями с *mit* при инструментальном или дательном падеже, в которых предлог служит уточнению синтаксической связи: *mit fiuru* (твор.) *brennan* («сжигать огнем»), *mit drôstu* (твор.) или *mit themo drôste* (дат.) «утешением». Сделавшаяся ненужной, благодаря новой предложной конструкции, старая форма творительного отмирает. В средневерхненемецком она встречается только в застывших предложных оборотах адвербиального характера от указательных местоимений: ср. *mit diu, zi diu* («поэтому»). Позже возникают инструментальные конструкции с предлогами *durch* и *von*.

С родительным падежом конкурирует предлог *von*. Первоначально он вытесняет родительный в его отложительной функции: *ein Gruß von meinem Freunde, ein Brief von deiner Mutter, ein Kuß von ihren Lippen, Gedichte von Goethe*. Позднее он вступает и в другие функции родительного падежа: например, *ein Mann von edlem Gefühl* (ср. у Гете: «*der Jüngling edlen Gefühles*»), *die schönste von allen* (у Гейне: «*die schönste der Jungfrauen*»), *die Pflege von Kranken* (ср. *die Pflege des Kranken*) и мн. др. Особенно часто употребляется предложная конструкция с *von* в тех случаях, когда при отсутствии сопутствующего артикля или прилагательного родительный падеж не имеет

особых формальных признаков. Поэтому можно сказать: *ein Strahl der Hoffnung*, но не *ein Strahl Hoffnung* (. . . *von Hoffnung*); поэтому новая форма обычно употребляется во множественном числе, заменяя старый родительный падеж с неопределенным артиклем в единственном: ср. *die Wahl eines Präsidenten* — *die Wahl von Präsidenten*, *die Pflege eines Kranken* — *die Pflege von Kranken*, *die Anlage von Gärten* и т. п. При широте и многообразии значения современного родительного падежа, он может в целом ряде случаев заменяться и другими уточняющими предложными конструкциями: например, *der Weg zum Verderben* (вм. *des Verderbens*), *der Schlüssel zum Tor* (вм. *des Tores*), *das Denkmal für Heine* (вм. *Heines Denkmal*), *die Denkmäler im Garten* (вм. *des Gartens*), *die Vögel im Walde* (вм. *des Waldes*), *die Haare auf dem Kopf* (вм. *des Kopfes*). Сравнение предложных оборотов с генитивными показывает существенное преимущество новой формы в смысле более четкой дифференциации смысловых связей.

Почти полностью отмирает в новонемецком так наз. родительный «разделительный» («партизив»), имевший широкое распространение в средневековом языке. Партизив служит для обозначения отношения принадлежности между целым и его частью. Ср. при глаголах: *mhd. des lûteren brunnen trinken* («vom Brunnen»); у Лютера: *iß des brots, seines brunnes trinken* и др. Архаический оборот встречается еще у поэтов XVIII в., например, у Гете: «*trank des Wassers*»; «*sorgsam brachte die Mutter des klaren herrlichen Weines*» («Герман и Доротея») — ср. русск. *выпить воды, принести вина* (первоначальное значение: *от воды*, т. е. часть воды). В новонемецком партизивное значение может быть выражено предложным оборотом: *iß vom Brote, trink vom Weine*. При именах родительный разделительный был особенно распространен для обозначения меры: например, *mhd. ein pfunt fleisches, ein stücke brôtes, ein faz wînes* (еще у Гете: «*den besten Becher Weiness*») — ср. русск. *фунт мяса, кусок хлеба* (первоначальное значение *от мяса, от хлеба*). В новонемецком в этих случаях укрепляется своего рода несклоняемая форма, совпадающая с им. вин. ед.: *ein Stück Brot, drei Pfund Fleisch, ein Schluck Wein, ein Körnchen Salz* (ср. косвенные падежи: *mit einem Stück Brot, mit zwei Stück Brot* и т. д.). При числительных также обычно употреблялся партизив: *mhd. starker Riegel*, *ganzer Tage dri* («*drei ganze Tage*») — ср. русск. *пять дней, десять кусков* (первоначальное значение: *из дней, из кусков*). В новонемецком родительный сохраняется здесь только при наличии притяжательного или указательного местоимения: *drei der Männer* (или *von den Männern*), *drei meiner Brüder* (или *von meinen Brüdern*). В остальных случаях управление существительного обычное (*drei Männer, vier Monate, nach vier*

Monaten); для названий мер также вырабатывается несклоняемая форма: zwei Pfund, drei Liter, vier Gramm (ср. mit zwei Pfund и т. д.). То же при прилагательных и местоимениях с количественным значением: например, mhd. vil, wenes, lützel, genuoc, mēre и др. Ср. ahd. mit sinero degano vilu «много витязей»; mhd. vil der liute «много людей», der gedanken vil «много мыслей», mē des roten goldes «больше золота», des loubes lützel «мало листвы», der recken genuoc «довольно витязей» и т. д. (еще у Лессинга: «viel Glücks»). В новонемецком рядом с обычным подчинением (viele Leute, mit vielen Leuten) развивается тенденция к несклоняемости количественного прилагательного (viel Volk, mit viel Glück, mit wenig Freude, mit mehr Leuten и т. д.).

Количественное значение имеют также waz (в значении «сколько») и swaz (в значении «всё что») с родительным разделительным: mhd. waz fröiden — ср. «сколько радостей», swaz iemen guotes geschicht — ср. «всё, что случается хорошо» (еще у Виланда: «was Leides ihm geschah»). В таком же значении употребляется в средневерхненемецком отрицательное местоимение niht «nichts» («ничего»), обычно — с родит. падежом: diu driu enhabent (ne+habent) geleites nint («никакой охраны»), niht wildes mīde sinen schuz («ничто из дичи не избегало его выстрела»), niht mannes («kein Mann»), niht arges («ничего дурного»); еще у Лютера: «nichts Glücks». В современном языке эти конструкции с прилагательными переосмыслены, как формы среднего рода (mhd. -ez > nhd. -es): ср. nichts andres, etwas andres, was wichtigeres и др. Сохраняются лишь отдельные адвербиальные обороты типа viel Wesens или viel Redens (machen), es ist des Redens genug. Таким образом, вся группа родительного разделительного подвергается распаду, заменяясь несклоняемыми формами, оборотами с von или прямым согласованием.

В диалектах, не связанных письменной традицией и потому менее консервативных, родительный падеж вообще выходит из употребления. Он заменяется особой possessивной конструкцией с дательным падежом (dem Bruder sein Haus — вм. des Bruders Haus, der Schwester ihre Kleider и т. д.) или предложными сочетаниями с von при именах неодушевленных (der Fuß von dem Tisch). Существование в мужском и среднем роде сильного склонения дифференцированного окончания род. падежа на -es, сохранившегося в письменном языке, не предохранило старую, флективную форму от замены новой, аналитической.

Предложные конструкции ограничивают также сферу употребления дательного падежа, вторгаясь в его специальную область — обозначения косвенного дополнения, лица или предмета, на который направлено действие. Локальный предлог,

развившийся из наречия, служит и здесь уточнению синтаксического отношения. С дательным направления конкурируют уже в готском и древневерхненемецком конструкции с предлогом «к» — готск. du, нем. zu. Ср. got. qīpan (du) «говорить к...», mēljan (du) «писать к...»; ahd. qeman (zi) «приходить к...», began (zi) «нести к...», ruofen (zi) «взывать к...». Формы с простым дательным служат обозначением связи более непосредственной, с лицом. В этом смысле готскому qīpan du marein, du þamma fairgunja («гворить к морю», «к пустыне») соответствует современное немецкое: er sprach zum Meere, zum Berge, в противоположность простому дательному при личном объекте: er sagte mir. Однако, в немецком языке встречается предложная конструкция и при дательном лице: ср. у Гете «Sie sang zu ihm, sie sprach zu ihm».

Особенно часто предложные конструкции конкурируют с дательным падежом при глаголах и прилагательных, выражающих душевное отношение (Verba и Adjektiva der Gesinnung). При глаголах возможна некоторая дифференциация значения, например, einem glauben («верить кому-нибудь»), an einen glauben («верить в кого-нибудь»); однако, в большинстве случаев она стирается: ср. einem trauen и auf einen trauen («доверять кому-нибудь»), einem zürnen и über einen zürnen («гневаться на кого-нибудь»). С прилагательными оба оборота имеют одинаковый смысл: ср. dankbar, erkenntlich, treu, gnädig, hold — mir или gegen mich; gut, freundlich, böse — mir или mit mir; однако формы с дательным имеют обычно более книжный (т. е. архаический) характер; в разговорном языке предложные конструкции преобладают. То же относится к сочетаниям с für («для»), вытесняющим так наз. дательный интереса (dativus commodi «для кого?»): es ist mir (или für mich) genug, schwer, hart, angenehm, wichtig и т. д. При этом с глаголом простой дательный и здесь обозначает более личную, непосредственную связь, чем соответствующий предложный оборот: ср. ein Buch kaufen — seinem Sohne или für seinen Sohn («купить книгу сыну — для сына»). Поэтому, когда косвенным дополнением является предмет неодушевленный, простой дательный падеж не употребляется: einen Stall bauen für den Wagen (а не dem Wagen). В диалектах аналитические формы преобладают.

Расширение сферы употребления предложных конструкций сопровождается развитием значения самих предлогов. Первоначальные местные значения переходят во временные, причинные и целевые, модальные.

Например, vor (ahd. fora): в пространственном значении «перед» — vor dem Haus; в переносном значении о душевных переживаниях — Angst (Achtung) vor jemandem haben; оценка, сравнение — vor allen anderen; во временном значении — vor

drei Tagen; в причинном — vor Durst, vor Zorn; в целевом теперь исключительно für (ahd. furi) — für mich (в диалектах также vor) и т. п.

С развитием логической мысли предлоги становятся носителями все более сложных и отвлеченных значений. Они как бы повторяют процесс развития падежей от первоначальных местных значений к абстрактным, но процесс этот совершается на более высокой ступени и потому дает качественно новый результат: с помощью предлогов, позволяющих различать более дифференцированные локальные отношения, оказалось возможным выразить более сложные логические отношения, чем с помощью старых падежей.

Не менее существенное значение для дифференциации более сложных отношений имеет образование новых предлогов. В древневерхненемецком существовало всего около 25 предлогов, в средневерхненемецком к ним прибавляется около 20 новых, в новонемецком — еще несколько десятков. Большинство предлогов более позднего времени — так наз. *unechte Präpositionen*, т. е. адвербиальные обороты, образованные из падежных форм, предложных конструкций и других застывших фразеологических групп (типа *anstatt, zufolge, entlang* и т. д.); в целом ряде случаев они управляют родительным падежом, зависевшим первоначально от соответствующего существительного. Частично эти новые предлоги дифференцируют более специализированные локальные отношения: например, *zwischen, diessseits, jenseits, abwärts, seitwärts, innerhalb, außerhalb, längs* или *entlang* и др.; или отношения временные: например, *während, binnen, seit* и др. Частично они выражают отношения логического основания и следствия, причины или цели, соотносительности, обусловленности, субъективной мотивации действия и т. п.: например, *in Folge, zufolge* (вследствие), *wegen* (по причине), *um — willen* (ради), *halb* или *halber* (ради), *kraft* (в силу), *dank* (благодаря), *gemäß* (в соответствии), *anstatt* (вместо), *laut* (согласно), *trotz* (несмотря), *bezüglich* или *rücksichtlich* (по отношению), *anlässlich* (по случаю) и др. Возникновение большинства этих предлогов относится к раннему новонемецкому; в значительной части они слагаются в языке письменном — канцелярском и деловом; крестьянские диалекты в основном ими не пользуются, ограничиваясь более конкретными формами синтаксических отношений.

Поскольку центр тяжести современного немецкого склонения переносится с падежей на предлоги, характерным для этого нового этапа является смешение падежей при предлогах. В сущности, функционально дифференцирующую роль в современном немецком синтаксисе играет только различие дательного («где?») и винительного («куда?») при местных предлогах. Там, где про-

странственное значение предлога затемнено, всегда возможны сдвиги в употреблении падежей при предлогах. Ср. дат. вм. вин. у Гете: «*Ich muß mich immer mehr an soliden Fleischspeisen halten*»; у И. Готхельфа: «*welche etwas auf ihrem Rufe halten*». В особенности новые предлоги допускают различные колебания, частично заменяя при этом старый родительный падеж дательным, который приобретает все более абстрактное и неопределенное значение и постепенно становится своего рода всеобщим «предложным падежом».

Например, *wegen* — у Шиллера: *wegen deiner — wegen dir*; у Гете: «*sowohl wegen des Stoffes (под.), als wegen den Umständen*» (дат.); *statt* — у Гете: «*statt feierlichsten Grußes (под.), wie sich ziemte, statt ehrfurchtsvollem Willkomm*» (дат.); *laut* — у Гете: *laut des Vorberichts (под.) — laut dem Vorbericht* (дат.). Это явление также свидетельствует об окончательном разложении флексии.

2. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 39. Дифференциация имен прилагательных от существительных, как самостоятельной грамматической категории, явление стадияльно довольно позднее. В языках, более архаических по своей структуре, имя, обозначающее предмет (существительное), поставленное как определение перед другим именем, функционирует как прилагательное со значением качества: например, камень + хлеб «твердый хлеб». Ср. сохранившиеся пережиточно в русском народном языке обороты типа: *жар-птица* («огненная птица»), *бой-баба* («боевая баба»), *царь-колокол* и др. Индоевропейские языки сохранили ряд признаков, восходящих к эпохе языкового развития, которая еще не знала особой категории прилагательных и различала имена только по их синтаксической функции. Сложные слова (см. стр. 284) могут служить примером такого архаического типа синтаксического построения, при котором именная основа, поставленная перед другим именем, приобретает значение определения, приближающегося по своей функции к современному прилагательному: ср. got. *skaudaraips* «Schuh-riemen» (буквально: «башмак + ремень», т. е. «башмачный ремень»). Пережитками первоначальной двойственности имен, как существительных, так и прилагательных, являются также слова, которые могут иметь оба грамматических значения: ср. в мужск. роде *laut* «громкий» — *der Laut* «звук» (mhd. *lût*), *wert* «достойный» — *der Wert* «достоинство», *gram* «печальный» — *der Gram* «горе», *stumpf* «тупой» — *der Stumpf* «обрубок» (переносное значение); в средн. роде *gut* «добрый» — *das Gut* «добро», *recht* «правый» — *das Recht* «право»,

licht «светлый» — das Licht «свет» (mhd. lieht), leid «огорчительный» — das Leid «страдание» (mhd. leit) и др.

Немецкий язык, как большинство языков индоевропейской системы, сохранил до сих пор широкую возможность субстантивации имен прилагательных при синтаксически самостоятельном их употреблении. Признаком субстантивности в новонемецком служит артикль, которым определяется тип склонения, согласно общим правилам склонения прилагательных: ср. alt — der Alte и die Alte или ein Alter, eine Alte, schön — das Schöne и т. п.

Первоначально прилагательные не дифференцируются особым, отличным от существительных грамматическим оформлением. Обе грамматические категории имеют общие типы именных основ. Отсюда следует, что именные основы древнее, чем дифференциация имен на существительные и прилагательные. Ср. лат. bonus — bona — bonum «добрый, -ая, -ое» и hortus мужск. «сад», rosa женск. «роза», jugum ср. «игло» (осн. -o- — -ā-); medius — media — medium «средний» и filius «сын», filia «дочь», spatium «пространство» (осн. -j-: io — iā); levis «легкий» и hostis «враг» (осн. -i-); греч. kratys «сильный» и ichthys «рыба» (осн. -u-).

В готском языке основы прилагательных еще отчетливо совпадают с основами существительных. Основы на -a- мужск. и средн. рода дополняются женскими основами на -ō-: blinds мужск., blind средн., blinda женск. «blind» (ср. dags мужск. «Tag», waurd средн. «Wort», stibna женск. «Stimme»). Как в существительных, большое распространение имеют основы на -j-: midjis мужск., midī средн., midja женск. «mittlere» (ср. harjis мужск. «Heer», kuni средн. «род», sibja женск. «Sippe»); к ним присоединилась небольшая группа основ на -w-: например, niujis «неи».

Основы на -u- и на -i-, как в существительных, не имеют формального признака рода (отличие имен. среднего рода объясняется обычной заменой винительным). Осн. -i-: hrains мужск., hrains женск., hrain «rein» (ср. gasts мужск. «Gast», ansts женск. «Gunst»); осн. -u-: hardus мужск., hardus женск., hardu ср. «hart» (ср. sunus мужск. «Sohn», handus женск. «Hand», faihu средн. «Vieh»).

Падежные окончания прилагательных первоначально также не отличались от окончаний существительных. Например, лат. осн. -o- — bonus, род. boni, вин. bonum (ср. существ. hortus, род. horti, вин. hortum); осн. -i- — levis, вин. levem, им. множ. leves (ср. существ. hostis, вин. hostem, им. множ. hostes) и т. д.

Особенностью германских языков является существование двух типов склонения прилагательных, сильного и слабого, к которым в немецком прибавляется еще так наз. несклоняемая форма: ср. нем. ein guter Mann (сильн.), der gute Mann (слаб.), der Mann ist gut (несклон.). Развитие этих типов склонения

связано с дифференциацией прилагательных, как особой грамматической категории, и с различием их синтаксических функций.

Сильное склонение прилагательных (осн. a — ō)

		Готский		
Ед.	мужск.	средн.	женск.	
им.	blinds	blind, blindata	blinda	
род.		blindis	blindaizōs	
дат.		blindamma	blindai	
вин.	blindana	blind, blindata	blinda	
Множ.				
им.	blindai	blinda	blindōs	
род.		blindaizē	blindaizō	
дат.		blindaim	blindaim	
вин.	blindans	blinda	blindōs	

Древневерхненемецкий

Ед.	мужск.	средн.
им.	1. blintēr, mhd. -er 2. blint	1. blintaz, mhd. -ez 2. blint
род.	blintes	
дат.	blintemu (-emo), mhd. -em(e)	
вин.	blintan, mhd. -en	1. blintaz, mhd. -ez 2. blint
твор.	blintu(-o)	
Ед.	женск.	
им.	1. blintiu (frk. -u), mhd. -iu 2. blint	
род.	blintera, mhd. -er(e)	
дат.	blinteru (-ero), mhd. -er(e)	
вин.	blinta (mhd. -e)	
твор.	—	

<i>Множ.</i>		мужск.	средн.
им.	1. <i>blinte</i> 2. (blint)		1. <i>blintiu</i> (frk. -u), mhd. -iu 2. (blint)
род.		<i>blintero</i> , mhd. -er(e)	
дат.		<i>blintēm</i> (-en), mhd. -en	
вин.	<i>blinte</i>		<i>blintiu</i> (frk. -u), mhd. -iu
<i>Множ.</i>		женск.	
им.	1. <i>blinto</i> , mhd. -e 2. (blint)		
род.		<i>blintero</i> , mhd. -er(e)	
дат.		<i>blintēm</i> (-ên), mhd. -en	
вин.		<i>blinto</i> , mhd. -e	

Отличия сильного склонения прилагательных от склонения существительных с такими же основами объясняются проникновением в первое окончаний указательных местоимений. Поэтому сильное склонение прилагательных также называется местоименным (прономинальным).

Аналогичное явление известно и в некоторых других языках индоевропейской системы, например, в славянских: русские полные формы прилагательных имеют местоименные окончания (*добрый, -ая, -ое*), тогда как краткие формы сохранили старые именные (*добр, добра, добро* — ср. *стол* мужск., *рука* женск., *окно* средн.).

Проникновение местоименных окончаний в сильное склонение прилагательных связано с дифференциацией грамматической категории прилагательного в атрибутивной функции (в качестве определения при имени) в отличие от предикативной функции (в качестве сказуемого при глаголе-связке) и самостоятельного употребления (субстантивации). В самостоятельном употреблении прилагательные в германских языках развивают именное склонение по типу основ на -n- (так наз. слабое склонение); для предикативной функции в немецком языке сохраняется старый именительный гласной основы (так наз. несклоняемая форма). Употребление указательного местоимения в атрибутивной функции параллельно с прилагательным создает условия для перенесения местоименных окончаний на прилагательные-определения. В таблице склонения новые местоименные формы выделены курсивом. Разрядкой обозначены формы, совпадающие в именном и местоименном склонении (род. ед. мужск., средн.).

Из сравнения готского и древневерхненемецкого видно, что в разных германских языках проникновение местоименных окон-

чаний в сильное склонение происходило неравномерно: в древневерхненемецком оно охватило большее число падежей, в том числе, например, весь им. ед. множ. и дат. ед. женск. (ср. got. *blindai* как существительное *sibnai* — ahd. *blinteru* с местоименным окончанием). Из двух параллельных форм средн. рода им. вин. ед., существующих в готском, *blindata* является новой местоименной, *blind* — старой именной (ср. существительное *waúrd*). В древневерхненемецком этот параллелизм проходит через им. ед. всех родов и вин. ед. средн. рода: рядом с новыми местоименными формами *blintêr*, *blintaꝛ*, *blintiu* стоит старая именная *blint* (ср. существ. *tag* мужск., *wort* средн.). Из нее впоследствии разовьется так наз. «несклоняемая форма», которая в предикативной функции распространяется и на имен. множ. В остальном древневерхненемецкие формы в фонетическом отношении соответствуют готским, но показывают более значительную редукцию окончаний. При этом got. *ai* в неударном положении соответствует ahd. *ê* (e), got. *z* (из *s* по закону Вернера) — ahd. *r*, got. *-ata* — ahd. *-aꝛ* (по II перебою).

В древневерхненемецком происходит дальнейшая редукция (замена *u > o*, *m > n*), которая завершается в средневерхненемецком переходом всех гласных в безразличное -e и частичной унификацией различий между окончаниями. Окончание -iu (mhd. [y:]) заменяется -e только в новонемецком, может быть — на основе редукции франкского -u, засвидетельствованного в древневерхненемецком рядом с -iu. В некоторых современных диалектах -iu сохраняется в сильном склонении как -i, функционируя как им. вин. женск. (*waisi sâf* «weiße Seife») или как общее окончание им. вин. множ. числа, развившееся из формы среднего рода (*gūti lait* «gute Leute»).

Склонение других основ не представляет в готском сколько-нибудь существенных отличий. Прилагательные на -j- совпадают в имен. падеже с существительными: ср. *midjis* мужск., *midî* (*midjata*) средн., *midja* женск. (тип краткосложных: ср. *harjis* мужск., *kuni* средн., *sibja* женск.); *alpeis* мужск., *alpi* (*alpjata*) средн., *alpi* женск. «alt» (тип долгосложных: ср. *haírdeis* мужск., *bandi* женск.).

В косвенных падежах перед гласным окончания выступает элемент *j*: ср. *midjamma*, *midjana*, *midjôs* и др.; *alþjamma*, *alþjôs* и т. д. В род. ед. мужск. ср. (как и в им. мужск.) *ji* претерпевает обычное стяжение после долгого слога: ср. род. *midjis* и *alpeis* (см. выше, стр. 117).

Основы на -i- и на -u- сохранили специфические формы только в им. ед. (и в вин. средн.): ср. *hrains* мужск., *hrain* (*hrainjata*) средн., *hrains* женск. «rein» (осн. -i-); *hardus* мужск., *hardu* (*hardjata*) средн., *hardus* женск. «hart». В остальных падежах, вместе с проникновением местоименных окончаний, устанавли-

вается общий тип склонения, унифицированный по основам на -j-: ср. hrainjamma, hrainjana; hardjana, hardjōs и др. Старая форма род. осн. -и- засвидетельствована в наречии filaus «на много» (род. от filu «viel»).

В немецком основы на -i- и на -и- полностью унифицированы с общим типом склонения на -a- — -ō-. Основы на -j- отличаются только несклоняемой формой, которая, будучи по происхождению старым номинативом именного склонения, в результате редукции падежного окончания вокализует j в -i: ср. ahd. mitti «mittlere», milti «milde» и др. (ср. существ. hirti мужск., kunni средн.). Наличие j вызывает умлаут или преломление коренного гласного, если последний способен изменяться, а также удвоение согласного после краткого гласного по законам западногерманского удлинения и соответствующие изменения по перебою: например, ahd. engi «enge» (ср. Angst), edili «edel» (ср. Adel), scōni «schön» (mhd. scōene), dunni «dünn» (mhd. dünne), nuzzi «nützlich» (mhd. nütze) и др.

В склонении наличие палатального элемента перед гласным окончания обозначается только в самых ранних древневерхнемецких текстах: например, festea вин. ед. женск. от festi «fest». В средневерхнемецком конечное -i несклоняемой формы редуцировано в -e: ср. mhd. müede (ahd. muodi). В новонемецком -e частично отпадает, в литературном языке — как обычно, без строгой фонетической закономерности: ср. spät (mhd. spæte), reif (mhd. reife), feucht (mhd. fiuchte), süß (mhd. süeze), schön (mhd. schōene), still (mhd. stille), edel (mhd. edele).

Сохраняется -e по преимуществу после звонких шумных согласных: ср. trübe, mürbe, feige, träge, blöde, öde, müde, böse, weise, leise и др.; однако mild (mhd. milde), wild (mhd. wilde), elend (mhd. elende), schräg (mhd. schräge) и некоторые другие.

В южнонемецких и в западной части средненемецких диалектов конечное -e, как и в других формах, систематически отпадает; напротив, в восточно-средненемецком оно сохраняется и в тех случаях, где литературный язык имеет редукцию: ср. späte, stille и др.

Основы на -w- в древневерхнемецком также отличаются от общего типа лишь в несклоняемой форме, где w (неслоговое υ) вокализуется в -o. После долгого гласного это -o может отпадать: ср. grā(o), grāwer, род. grāwes «grau»; blā(o), blāwer, род. blāwes «blau». После краткого a происходит стяжение конечного -ao > -ō, с распространением нового гласного ō на все склонение: ср. frao, frawer, род. rawes «froh»; позже frō, frōer, род. frōes; так же rao, rawer, род. rawes «roh», позже rō, rōer, rōes. После краткого слога между согласным и w может образоваться переходный гласный: ср. garo, gar(a)wer, род. gar(a)wes «gar» (в значении «fertig»); gelo, gel(e)wer, род. gel(e)wes «gelb» и др. Сред-

неверхнемецкий сохраняет противоположность gel — gelwer, fal — falwer «бледный», blā — blāwer. В новонемецком производится унификация склонения в ту или другую сторону (с переходом lw, rw > lb, rb, ср. стр. 109): например, kahl (ahd. kalo, kalwer) — по несклоняемой форме, gelb (из gelwer) — по склоняемой (в диалектах обычно gēl); fahl (из ahd. falo) и falb (из falwer) показывают фонетическую и лексическую дифференциацию.

Разграничение сильного склонения прилагательных и несклоняемой формы в их синтаксических функциях заложено было с самого начала в происхождении местоименных окончаний из атрибутивного употребления. Но строго различие функций — явление в немецком языке сравнительно позднее. В древневерхнемецком несклоняемая форма, как старый именительный падеж, частично продолжает употребляться и в качестве определения: ср. ahd. guot man, liob kind и др. В средневерхнемецком это употребление уже подвергается значительному ограничению. Однако встречаются без артикля guot man, grōz sorge и др.; с неопределенным артиклем особенно двусложные: ein sælec man «ein glücklicher Mann», ein touwes rose «eine betaute Rose» и др. В поэтическом языке прилагательное-эпитет может ставиться в несклоняемой форме после существительного во всех падежах: der künec hēr, diu heide rōt, mit ir bluote rōt, von der linden breit, die helden guot и др. Этот оборот сохранила народная песня; в XVIII в. его ввели в литературу поэты, подражавшие народной песне. Ср. у Гете: «Röslein rot». Перед существительными несклоняемая форма употребляется в новонемецком только в постоянных оборотах: ср. ein gut Teil, ein gut Stück, auf gut Glück; в пословицах: ein gut Gewissen ist ein sanftes Ruhekissen, gut Ding will Weile haben и др.; в архаических или народных формулах поэтического языка: Jung Siegfried, Schön Rotraut и др. В диалектах атрибутивное употребление несклоняемой формы до сих пор распространено очень широко и поддерживается редукцией конечного -e в южнонемецком и в части средненемецкого; ср.: der gut alt man, ein gut alt man и т. п. Отсюда в интимном обиходном языке lieb Kind, gut Freund и т. п. На народную речь ориентировано Rot Front.

С другой стороны, в древневерхнемецкую эпоху склоняемая форма им. (вин.) падежа проникает в сказуемое, согласуясь с подлежащим (или с объектом) в роде, числе и падеже: ср. ahd. ther lichamo ist iu fūler («der Körper ist faul»); thaʒ wīg ist sō hebigaʒ («der Streit ist so schwer»); fon im ward auch giboraniu sīn muoter («von ihm wurde auch seine Mutter geboren»); sīnan stual hiaz er italan («seinem Stuhl ließ er leer»); phīgboom habēta sum giflanzōtan («hatte einen Feigenbaum gepflanzt»). В средневерхнемецком в таком положении сохраняется только сильная

форма имен мужского рода в некоторых неизменных оборотах при подлежащих всех родов не только ед., но и множ. числа: ср. mhd. ein vaꝛ voller weines; die liegent halber tót и др. В новонемецком — voller Freude, voller Schmerz; в пословице: der Himmel hängt voller Geigen.

Синтаксическую дифференциацию сильного склонения и несклоняемой формы ограничивают некоторые особенности употребления местоименных прилагательных. Притяжательные местоимения (mein, dein, sein, ihr, unser, euer) и местоименные числительные (einer, keiner) сохранили в атрибутивном употреблении несклоняемую форму им. ед. мужск. и средн. рода: mein Vater, mein Kind — но meine Mutter. В предикативной функции употребляются обе формы: ср. das ist meines (или das ist mein); в самостоятельном положении — только сильная: einer kann nicht alles, einer von denen. Местоимения *welch* и *solch* сохраняют несклоняемую форму в им. вин. средн. рода — *welch (solch) Glück*, и распространяют ее на все падежи перед неопределенным артиклем: *welch ein Mann, solch einen Schmerz*. То же относится к прилагательным *halb* и *ganz* перед именами стран и городов среднего рода: *halb Paris, in ganz Frankreich*. Во всех указанных случаях несклоняемое слово сближается по своему значению с местоименным числительным, оформленным по типу наречий.

§ 40. Образование особого слабого склонения прилагательных является специфической особенностью германских языков. Оно строится по типу существительных на -n-, совпадая в мужском и среднем роде с основами на -an-, в женском — с основами на -ôn-. Ср. в готском *blinda* мужск., *blindô* средн., *blindô* женск. (как *guma* мужск., *hairtô* средн., *tuggô* женск.).

Слабое склонение прилагательных

Ед.	мужск.		средн.	женск.
им.	blinda		blindô	blindô
род.		blindins		blindôns
дат.		blindin		blindôn
вин.	blindan		blindô	blindôn
<i>Множ.</i>				
им.	blindans		blindôna	blindôns
род.		blindanê		blindônô
дат.		blindam		blindôm
вин.	blindans		blindôna	blindôns

Причастия настоящего и сравнительная степень образуют слабое склонение женского рода с помощью основ на -in- (по типу *managei*). Ср. *gibands* «дающий» (от *giban*): женск. ед. им. *gibandei*, род. *gibandeins*, дат. вин. *gibandein*; множ. им. вин. *gibandeins*, род. *gibandeinô*, дат. *gibandeim*.

Древненемецкое слабое склонение также совпадает с соответствующими формами существительных на -an- — -ôn-. Ср. *blinto* мужск., *blinta* средн., *blinta* женск. — *hano* мужск., *herza* средн., *zunga* женск.

Ед.	мужск.		средн.	женск.
им.	blinto		blinta	blinta
род., дат.		blinten, -in		blintûn
вин.	blintun, -on		blinta	blintûn
<i>Множ.</i>				
им., вин.	blinton, -un		blintun, -on	blintûn
род.		blintôno		blintôno
дат.		blintôm (-ôn)		blintôm (-ôn)

В средневерхненемецком все гласные редуцируются в безразличное -e. Им. ед. всех родов (и вин. средн.) имеет окончание -e, все прочие падежи — общее окончание -en. В новонемецком слабое склонение прилагательных, в противоположность существительным, сохраняет в косвенных падежах ед. женск. окончание -en, за исключением вин., который унифицируется с имен. и имеет окончание -e.

Развитие слабого склонения в германских языках связано первоначально с субстантивацией прилагательного, т. е. с возможностью его самостоятельного употребления в значении существительного. Мы имеем на германской почве специализацию суффикса, который существовал в языках индоевропейской системы для обозначения названия действующего лица от глагола; параллельно с существительным на -n- могло употребляться и соответствующее отглагольное прилагательное на -o-. Ср. лат. сущ. *bibô*, род. *bibônis* «пьяница» от глагола *bibere* «пить» — рядом с прил. *multibibus* «много пьющий»; греч. сущ. *strabôn* «Schielер» — рядом с прилаг. *strabos* «schielend» («косой») и т. п.; особенно часто в именах, образовавшихся из прозвищ: греч. *agathos* «хороший», «добрый» — *Agathôn* (осн. -n-) «Агафон» (собственно «добряк»); *kratys* «сильный» — *Kratôn* (осн. -n-) «Кратон» (собственно «силач») и т. д. Ср. также герм. имена *ahd. Brûno* (осн. -n-) от прил. *brûn* «braun», *ahd. Kuono* (осн. -n-) от прил. *kuoni* «kühn», *ahd. Harto* (осн. -n-) от прил. *hart* «hart» и т. д. В готском рядом с прилагательными (и глаголами) стоят

существительные, субстантивированные с помощью основ на -п-: ср. сущ. got. weiha (осн. -п-) «жрец» (в знач. «святитель») рядом с прил. weihs «святой»; un hulþa мужск. или un hulþō женск. (осн. -п-) «Unhold» («дьявол»), ahd. holdo (осн. -п-) «добрый дух» — рядом с прил. ahd. hold «милостивый»; got. blinda (осн. -п-) «слепец» — рядом с blinds «слепой» и т. д. В немецком слабая форма прилагательного без артикля вплоть до средневерхненемецкого может употребляться в значении существительного: ср. mhd. alte «der Alte» («старик»), junge «der Junge» («мальчик»), blinde «der Blinde» («слепец») и др.

Рядом с существительным слабая форма прилагательного в древнегерманских языках первоначально употребляется как своего рода приложение (Apposition), т. е. как существительное, определяющее другое существительное. В качестве такового оно ставится после определяемого слова, сохраняя относительную самостоятельность. Например, в древнеисландском Sigvörþr unge «Siegfried der junge» («молодой Зигфрид») еще имеет значение «Siegfried der Jüngling» и может быть поставлено в один ряд с другими прозвищами, имеющими синтаксическую форму приложений: ср. Gunnlaugr ormstunga «Gunnlaug Schlangenzunge».

В готском языке такое слабое прилагательное, поставленное после существительного, подхватывается при помощи указательного местоимения; роль последнего заключается в известном обособлении значения прилагательного в его отношении к уже названному существительному. Ср. augð þein þata tafhswo «das Auge dein, das rechte» «твой правый глаз» — буквально: «глаз твой, тот — правый»; haifdeis sa gōda «der gute Hirte» — буквально «пастух, тот — добрый» и т. п. Поэтому с слабым прилагательным-определением с самого начала связано указательное местоимение, из которого в дальнейшем развивается определенный артикль. Реже в готском встречается постановка указательного местоимения и слабого прилагательного перед определяемым существительным: sa liuba brōþar «der liebe Bruder».

В древневерхненемецком этот порядок слов уже господствует, но связь с указательным местоимением (артиклем) остается и в дальнейшем; старый порядок слов сохраняется в прозваниях: ср. Ludwig der Schnelle (Ludewig der snello).

Таким образом, уже в средневековом немецком языке между сильным и слабым склонением прилагательного в атрибутивной связи исчезает какое-либо различие синтаксической функции. Употребление слабых или сильных окончаний зависит исключительно от наличия или отсутствия перед прилагательным артикля или местоимения. На протяжении средневерхненемецкого и в новонемецком до конца XVIII в. наблюдаются всевозможные колебания в ту или другую сторону. Ср. Гердер: die menschliche Kräfte; Шиллер: die äußerste Enden; Виланд: diese schwarze

Tücher; Lessing: alle methodische Bücher; Гете: solche gute Geister, durch ihre nächste Folgen, für meine schwache Schultern. Колебания эти были еще более значительны в разговорном языке под влиянием диалекта, отбрасывающего конечное -е и -п вследствие редукции и обнаруживающего и здесь обычную тенденцию к полной ликвидации флективных различий. Окончательная грамматическая нормировка склонения прилагательных приводит к объединению всей атрибутивной группы (местоимение или артикль + прилагательное + существительное) одним общим для всей группы дифференцированным падежным признаком. Дифференцированную систему падежных окончаний (-е, -es, -er, -en) сохранило в прилагательных только сильное (местоименное) склонение, тогда как слабое, в результате унификации флексии, имеет общее для всех падежей окончание -en (или -e). Такое дифференцированное окончание повторяется в атрибутивной группе только один раз, либо при прилагательном, либо при местоимении. Поэтому при определенном артикле (der) и других местоимениях, склоняющихся по сильному типу (dieser, jener, solcher, welcher и др.), прилагательное стоит всегда в слабой форме: der (dieser) gute Mann, des (dieses) guten Mannes, der (dieser) guten Frau и т. д. При неопределенном артикле (ein) и притяжательных местоимениях (mein, dein и др.), имеющих в им. мужск. и им. вин. средн. рода несклоняемую форму, а в других падежах — обычные сильные окончания, прилагательное идет вообще по слабому склонению, но в им. пад. рядом с несклоняемой формой местоимения имеет сильное окончание: ср. ein (mein) guter Mann, ein (mein) gutes Kind, eines guten Mannes (Kindes), einem guten Manne (Kinde) и т. д. При отсутствии артикля и местоимения функция различения падежа переносится на прилагательное, которое получает сильные окончания во всех падежах: ср. им. armer Mann, arme Frau, armes Kind, дат. armem Manne (Kinde), armer Frau, вин. armen Mann, arme Frau, armes Kind; множ. им. вин. arme (Männer, Frauen, Kinder), род. armen (Männer, Frauen, Kinder); дат. armen (Männern, Frauen, Kindern). Только в род. ед. мужск. средн. рода в сильное склонение проникает слабое окончание -en: ср. род. armen Mannes (Kindes), но armer Frau. Вытеснение объясняется наличием дифференцированного окончания (-es) при существительном. В XVIII и начале XIX вв. сильные формы род. падежа еще очень распространены; ср., например, у Гете: reines Herzens, gutes Mutes — рядом с reinen Herzens, guten Mutes. Они сохранились в местоименных прилагательных: ср. dieses Anblicks, eines Augenblicks, ihres Kleides и др.

§ 41. Сравнительная и превосходная степени прилагательных образуются в готском языке с помощью окончаний сравн. -iza, -ōza, прев. -ists, -ōsts. В сравнительной степени z происходит

из *s* по закону Вернера (суфф. *-is-*); превосходная степень представляет дальнейшее расширение сравнительной (суфф. *-is + ta*). Аналогичные суффиксы степеней сравнения встречаются и в некоторых других языках индоевропейской системы: сравнит. степень на *-s-* — в лат. *altior, altius* «более высокий» (*-ior, -ius*); превосходная на *-st-* в греческом: *kratistos* «сильнейший» (*-istos*). Различие гласных *i* и *o* первоначально связано было с характером основы прилагательного: формы на *i* встречаются в готском со всеми основами, формы на *o* только с некоторыми из основ на *-a-*: ср. *manags* «манч» (осн. *-a-*) — сравн. *managiza*, прев. *managists*, *hardus* «hart» (осн. *-u-*) — сравн. *hardiza*, прев. *hardists*; *swinþs* «сильный» (осн. *-a-*) — сравн. *swinþôza*, прев. *swinþôsts*. Сравнительная степень склоняется по типу слабых прилагательных (при этом женск. род — как основы на *-in-*), превосходная имеет сильное и слабое склонение.

В древневерхненемецком существуют те же два конкурирующих окончания: сравн. *-iro* и *-ôro* ($z > r$), превосх. *-isto*, *-ôsto*. Их распределение по основам затемнено; однако основы на *-j-* допускают только *i*, многосложные прилагательные — только *o*, тогда как в основах на *-a-* встречаются оба типа. Ср. *hōch* (осн. *-a-*) — ср. *hōhiro* или *hōhōro*, прев. *hōhisto* или *hōhōsto*; *reht* (осн. *-a-*) — сравн. *rehtiro* или *rehtôro*, прев. *rehtisto* или *rehtôsto*; *suozi* «süß» (осн. *-j-*) — *suoziro*, *suoziro*; *sâlîg* «selig» — *sâlîgôro*, *sâlîgôsto*. Наличие *i* в суффиксе вызывает умлаут гласного корня, который в средневерхненемецком и в новонемецком становится в ряде случаев морфологическим признаком сравнительной и превосходной степени. Ср. *hoch* — *höher, höchst* (ahd. *hōhiro, hōhisto*), *lang* — *länger, längst* (ahd. *lengiro, lengisto*), *alt* — *älter, ältest* (ahd. *eltiro, eltisto*), *jung* — *jünger, jüngst* (ahd. *jungiro, jungisto*) и др. Однако наличие степеней сравнения на *o*, конкурировавших с формами на *i*, а также достаточно четкого окончания помешали распространению умлаута как внутренней флексии на очень большое число прилагательных со способными к изменению коренными гласными. Ср. *falsch* — *falscher*, *flach* — *flacher*, *faul* — *fauler*, *voll* — *voller*, *roh* — *roher*, *bunt* — *bunter* и мн. др., в особенности все двусложные, например, *mager* — *magerer*, *standhaft* — *standhafter*, *enthaltam* — *enthaltamer* и др. В ряде слов встречаются колебания, которые в XVIII в. были еще значительнее: *glatter* — *glätter*, *nasser* — *nässer*, *zarter* — *zärter*, *schmaler* — *schmäler* и др. Литературный язык предпочитает в этих случаях формы без умлаута. В диалекте и диалектально окрашенном разговорном языке господствует тенденция к более широкому распространению умлаута.

В древневерхненемецком сравнительная и превосходная степень склоняются исключительно по слабому типу. Сильная и несклоняемая форма появляются в средневерхненемецком. В

новонемецком употребление того или другого склонения соответствует принятому в прилагательных. Остатком старых отношений является слабая форма превосходной степени в предикативном употреблении с обстоятельством определенным артиклем: *er ist der älteste, sie ist die schönste* и т. п.

В ряде слов сравнительная и превосходная степени образуются от другого корня, чем положительная. Ср. ahd. *guot* — *bezziro, bezzisto* (got. *gôþs* — *batiza, batists*); *ubil* «böse» — *wirsiro, wirsisto* (got. *ubils* — *wafirsiza*); *mihhil* «groß» — *mêro* (*mêiro*), *meisto* (got. *mikils* — *maiza, maists*); *luzzil* (mhd. *lützel*) «klein» — *miniro, minnisto* (got. *leitils* — *minniza, minnists*). Такие формы, в которых слова различного корня дополняют друг друга в системе словоизменения, называются супплетивными. Супплетивы степеней сравнения встречаются во всех языках — преимущественно в прилагательных, обозначающих общее понятие количества или качества. Ср. русск. *хорошо* — *лучше, много* — *больше, плохо* — *хуже* и др.; лат. *bonus* «хороший» — сравн. *melior* — прев. *optimus*; *multus* «многий» — сравн. *plus* — прев. *plurimus*; греч. *agathos* «хороший» — сравн. *ameínon* — прев. *aristos* и др. Супплетивность в этой категории прилагательных является пережитком примитивного конкретного мышления, которое неспособно мыслить «лучшее» как сравнительную степень «хорошего», т. е. не может подняться до обобщения этих понятий, как степеней чистого качества или количества. В новонемецком супплетивные степени сравнения подверглись значительному ограничению. Сохранились только *gut* — *besser, best*; *viel* — *mehr* (только как наречие) — *meist*; *minder, am mindesten* (только как наречие) — от *wenig*, которое имеет также нормальные степени сравнения (*weniger, wenigst*). Из остальных слов *übel* имеет обычные формы, с которыми конкурируют в разных значениях *schlecht, böse*; *mihhil* и *lützel* вытеснены *groß* и *klein* также с нормальными степенями. В средневерхненемецком встречаются кроме того сравн. *guoter*, прев. *guotest* и прев. *mêrste*, которые не получили распространения (в современных диалектах часто *am mêrſte* «am meisten»).

Суффиксы степеней сравнения в индоевропейских языках по своему первоначальному происхождению восходят к показателям пространственной соотносительности при прилагательных и наречиях с местным значением: ср. (более) вперед, (более) передний — (более) назад, (более) задний; (более) вверх, (более) верхний — (более) вниз, (более) нижний; (более) влево, (более) левый — (более) вправо, (более) правый и т. п. Изолированные формы этой категории, сохранившиеся в германских языках, в большинстве случаев утратили свое первоначальное значение, которое восстанавливается сравнением с другими индоевропейскими языками и нередко подновляется в истории языка позднейшим добавлением к архаическому суффиксу обычных окончаний сравнительной и превосходной степени.

С р а в н и т. ст е п.: 1. Суффикс *-r-*: ahd. *innaro* «der innere» («внутренний», первоначально — «более внутренний») — от *inne* «внутри» (позже:

сравни. *innarǫsto*; прев. *innarǫsto*); *obara*, *oboro* («*der obere*» («верхний», первоначально — «более высокий») — от *oba* «oben» (позже сравни. *obarǫro*, прев. *obarǫsto*); так же *ūzaro* («*der āußere*» (позже сравни. *ūzarǫro*, прев. *ūzarǫsto*) — от *ūz*, *ūzar* «außen»; *untaro* (позже сравни. *untarǫro*, прев. *untarǫsto*) «*der untere*» — ср. *untar* «*unten*»; 2. тот же суффикс, расширенный дентальным элементом *-dar* (*-tar*): *vordaro* («*der vordere*» (позже сравни. *fordarǫro*, прев. *fordarǫsto*) — от *fora* «*vor*»; *hintaro* («*der hintere*» (позже сравни. *hintarǫro*, прев. *hintarǫsto*) — ср. *hintar* «*hinter*»; *aftro*, *aftǫro* (позже сравни. *aftrǫro*, прев. *afterǫsto*) «*der letzte*» — от *got. af*, *ahd. ab*).

Суфф. сравн. степ. *-g* встречается в аналогичных образованиях в латинском языке. Ср. *inferus* (*inferior*) «низкий» — от *infra* «внизу», *superus*, *superior* — от *supra* «наверху» и т. п. Суфф. *-ter* служит в греческом языке обычным признаком сравн. степ. прилагательных.

Превосх. степень: Суффикс *-m* или *-dm* (*-tm*) встречается в готском в целом ряде прилагательных, образованных от прилагательных и наречий с местным значением. Превосходная степень на *-m* оформляется по слабому склонению и в ряде случаев расширена аналогическим использованием обычного суффикса *-st*: ср. *aftuma* (*aftumists*) «*der letzte*», *innuma* («*der innerste*», *fruma* (*frumists*) «*der erste*», *hindumists* «*der āußerste*», *spēdumists* (*spēdistis*) «*der letzte*», *āuhuma* с новым значением сравнительной степени («*höher*») рядом с *āuhumists* «*der höchsten*».

Из других индоевропейских языков ср. лат. *primus* «первый», *summus* «самый высокий», *maximus* «самый большой», *minimus* «самый малый» (*-m*); *optimus* «лучший», *ultimus* «последний» (*-tm*).

В немецком языке эти формы в своем первоначальном значении не встречаются.

§ 42. По своему синтаксическому значению наречия являются обстоятельными словами, определяющими первоначально — глагол, а впоследствии также — прилагательные или другие наречия. Древнейшие наречия представляют морфологически неоформленные приглагольные частицы с пространственным значением, конкретизирующие действие глагола: ср. *ab* (*got. af*, *ahd. aba*), *an* (*got. ahd. ana*), *bei* (*got. bi*, *ahd. bi*), *auf* (*got. iup*, *ahd. ūf*), *aus* (*got. ūt*, *ahd. ūz*) и др. Из них, как было указано, развиваются в дальнейшем глагольные приставки и предлоги. Более поздние наречия представляют по своему происхождению падежные формы имен, которые служили обстоятельными определениями при глаголе и сделались в этой функции неизменяемыми. К застывшим падежным формам прилагательных и существительных с развитием предложного склонения присоединяются многочисленные предложные обороты, обособившиеся как неразрывные в смысловом отношении обстоятельные группы.

В готском для образования наречий от прилагательных служат суффиксы *-ba* и *-ǫ*: ср. *ubilaba* от *ubils* «*böse*», *baifhtaba* от *baifhts* «*блестящий*» (ср. англ. *bright*), *harduba* от *hardus* «*hart*»; *galeikǫ* от *galeiks* «*gleich*», *pridjǫ* «*zum dritten Mal*» от *pridja* «*der dritte*», от *glagwǫ* (рядом с *glagwuba*) от *glagwus* «*genau*» и др. Происхождение суффикса *-ba* не ясно; возможно сопоставление с латинским падежным окончанием дат. творит. множ. *-bus* (ср. *hostibus* — от *hostis* «*vrag*», *omnibus* — от *omnis* «*всякий*»).

Суффикс *-ǫ*, вероятно, является застывшей формой отложительного падежа (лат. *lupǫ* от *lupus* «*волк*»), сохранившейся также в лат. и греч. наречиях (ср. лат. *falsǫ*, *verǫ*). В древневерхненемецком употребляется только наречие на *-o*: ср. *ahd. snell* — *snello*, *eban* — *ebano*, *gilfh* — *gilfho*, *mahtig* — *mahtigo*. При образовании наречий от основ на *-j-* это последнее перед *-o* исчезает, не вызывая умлаута: ср. прил. *blidi* «*froh*» — нар. *blido*, прил. *engi* «*enge*» — нар. *ango* и т. д. В средневерхненемецком конечное *-o* по общему правилу редуцировано в *-e* (ср. прил. *hōch* — нар. *hōhe*), которое в ряде случаев может отпадать. Благодаря этому создаются фонетические предпосылки для смешения наречий с несклоняемыми формами прилагательных; формальное смешение этих категорий происходит также в основах на *-j-* (ср. *geine*, *blide*, *milte* — прил. и нар.). Независимо от этого формального смешения, предикативные прилагательные и наречия сближаются по своей синтаксической функции в тех случаях, где вещественное значение глагола ослаблено и он приближается к типу вспомогательного или глагола-связки. В таких случаях в средневерхненемецком нередко наблюдается смешение обеих форм: ср. *mhd. den lip hōhe tragen* (нар.) — *er tuoc den muot unmāzen hōch* (прил.); *daʒ lant lit* («*liegt*») *erbelōse* (нар.) — *lit erbelōsez* (прил.) и др. В новонемецком наречие и несклоняемое прилагательное совпали по форме и различаются только по синтаксической функции, как обстоятельное определение или как сказуемое: ср. *er schreibt schön* (нар. «*красиво*»), *sie ist schön* (прил. «*красиво*»).

В основах на *-j-* в средневерхненемецком прилагательные и наречия сохраняли чередование форм с умлаутом и без умлаута, намеченное в древневерхненемецком воздействием последующего гласного: ср. *mhd. enge* (ahd. *engi*) — *ange* (ahd. *ango*); *sūze* (ahd. *suozi*) — *suoze* (ahd. *suozo*); *spāte* (ahd. *spāti*) — *spāte* (ahd. *spāto*); *herte* (ahd. *herti*) — *harte* (ahd. *harto*); *senfte* (ahd. *senfti*) — *sanfte* (ahd. *sanfto*); *feste* (ahd. *festi*) — *faste* (ahd. *fasto*); *schōne* (ahd. *scōni*) — *schōne* (ahd. *scōno*); с преломлением *slihte* (ahd. *slihti*) — *slehte* (ahd. *slehto*).

В новонемецком, вместе с общей униформацией прилагательного и наречия, одна из форм обобщается. В словах *eng*, *süß*, *spät* форма прилагательного вытесняет наречие; наречие *spat* сохраняется как архаизм (*früh und spat*). В словах *hart*, *sanft* вытесняется форма прилагательного. В словах *fest* и *schön* побеждает прилагательное, но наречие сохраняется в специализованном значении, в котором форма прилагательного не представляла для него конкуренции (*fast*, *schon*). *Schlicht* и *schlecht* дифференцировались по значению, причем обе формы употребляются и как прилагательное и как наречие.

Степени сравнения от наречий этого типа имеют в готском

окончания сравн. -is и прев. -ist: ср. háuhis «höher» (от háuhs); frumist «zuerst» (от fruma «der erste»). В древненемецком в сравнительной степени наречий употребляется только окончание -ôr: reino — reinôr (прил. reini — reiniro), lango — langôr без умлаута (прил. lang — lengiro с умлаутом); в превосходной степени рядом с -ôst встречается также -ist: ср. lango — langôst (прил. lengisto с умлаутом), nâhe — nâhist (nhd. nächst). Благодаря гласному ô сравн. и прев. степень наречий, в противоположность прилагательным, в средневерхненемецком не имеет умлаута: ср. mhd. langer, höher, schöner; longest, höchste, schönest. В новонемецком и здесь закрепляется форма прилагательного. При этом для обозначения превосходной степени от наречий создается особый предложный оборот с определенным артиклем — am (с дат. пад.) и aufs (с вин. пад.): am höchsten, am schönsten, am glänzendsten; aufs höchste, aufs schönste, aufs glänzendste. Первый обозначает превосходную степень в собственном смысле (Superlativ): am höchsten «всего выше»; второй — очень сильную степень качества (так наз. Elativ): aufs höchste «весьма высоко». В отдельных сочетаниях сохранились наречные образования с zu: zuerst, zuletzt, zunächst, zu oberst и некоторые другие. В немногих случаях употребляется старая форма наречия превосходной степени без предложного оформления: ср. höchst, jüngst, erst, längst, nächst; baldigst, gefälligst, freundlichst, möglichst и некоторые другие.

Из супплетивных степеней сравнения от наречий в средневерхненемецком еще встречаются: 1) wol (как наречие к прилагательному gut) — сравн. baz — прев. beste; 2) übele — wirs — wirser; 3) vil — mēr(mê) — meiste; 4) lützel «wenig» — min (minre) — minste. В новонемецком большинство форм (кроме mehr, meist) в результате унификации исчезает. Наречие baz сохранилось в сочетании fürbaz и встречается в архаическом стиле.

Смещение прилагательного и наречия вызывает в средневерхненемецкую эпоху попытку создать новую форму наречия с помощью суффикса -lîche, -lîchen (особенно часто — в соединении с суффиксом прилагательного -ig): ср. mhd. offenlîche(n), gezogenlîche(n), sêleclîche(n), milteclîche(n) и др. Форма на -lîche по своему происхождению представляет наречие на -o от прилагательного на -lîch (уже в готском: galeikô «gleich» — от прил. galeiks, wafraleikô «menschlich» — от прил. wafraleiks); форма на -lîchen — застывший дат. множ. от тех же прилагательных. По этому пути пошел английский язык, образующий наречия на -ly (из ags. -lic). В современном немецком языке -lich как признак наречия сохранилось лишь в отдельных словах: ср. bitterlich, sicherlich, kürzlich, neulich, wahrlich и некоторые другие.

Из других падежей особенно часто образует наречия родительный на -s. От прилагательных уже в готском: allis «überhaupt», rahtis «nämlich»; ahd. alles «gänzlich» (nalles «durcharaus nicht»), gâhes «plötzlich» (от прил. gâhi «schnell», nhd. jäh). В новонемецком от прилагательных, существительных, причастий и синтаксических групп: ср. anders, rechts, flugs, rings, eilends, zusehends, unversehens, keinesfalls, einerseits и др.; сложные на -dings, -falls, -teils (allerdings, meistens, meistens) и др.; род. падеж от сложных прилагательных на -wert («повернутый») лежит в основе наречий типа vorwärts, rückwärts, allerwärts и др. (ср. уже got. andwaîrþis «gegenüber» и др.). Дальнейшее распространение адвербиального -s показывают наречия на -ns (например, erstens, zweitens, höchstens, meistens, nächstens и др.), на -lings (blindlings, rücklings, gählings и др.).

Примером новых предложных сочетаний адвербиального характера могут служить: von neuem, seit kurzem, im allgemeinen, im ganzen, bei weitem и др.

3. МЕСТОИМЕНЕНИЯ И ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 43. По своей структуре германские местоимения делятся на две группы: а) местоимения личные (1—2 лица, к которым примыкает возвратное местоимение); б) местоимения указательные и вопросительные. Местоимение 3 лица по своему происхождению принадлежит к категории указательных.

Личные местоимения

	1 лицо		2 лицо	
	got.	ahd.	got.	ahd.
<i>Ед.</i>				
им.	ik	ih	þu	du (dû)
род.	meina	mîn	þeina	dîn
дат.	mis	mir	þus	dir
вин.	mik	mih	þuk	dih
<i>Дв.</i>				
им.	wit	—	—	—
род.	—	unkêr (Отфрид)	igqara	—
дат.	ugkis	—	igqis	—
вин.	ugkis, uqk	—	igqis	—

Множ.

им.	weis	wir	jus	ir
род.	unsara	unsêr	izwara	iuwêr
дат.	uns, unsis	uns	izwis	iu
вин.	uns, unsis	unsih	izwis	iuwih

Возвратные местоимения (Reflexivum): got. ед. муж. род. seina, лат. sis, вин. sik; ahd. ед. род. мужск. средн. sîn, ед. множ. вин. sih.

Образование личных местоимений и их склонение совершенно изолированы от других имен и в своих формах обнаруживают черты большой древности. Склонение характеризуется супплетивностью: единственное и множественное число образованы от разных корней, в 1 лице — разные корни имеют также прямой и косвенный падеж. Супплетивность указанных форм типична и для других индоевропейских языков и имеет пережиточный характер. Первое явление указывает на то, что в примитивном мышлении коллектив по отношению к выделяющемуся из него индивидууму не мыслится как множество самостоятельных единиц; второе, вероятно, связано с поздним развитием самой формы именительного падежа, обозначающего активного носителя (субъект) действия.

Архаический характер имеет и самая форма склонения. Родительный падеж представляет притяжательное местоимение: образуется это последнее в ед. числе с помощью суффикса прилагательного -in с значением принадлежности; ср. ahd. gold — gul-dîn «golden» («из золотая»), silbar — silbarin «silbern» и т. д. (см. стр. 272); во множ. (и двойств.) — с помощью -er (-ar) архаического суффикса сравнительной степени (ср. аналогичное образование притяжательного местоимения по типу сравнительной степени в лат. языке: pos-ter «наш» от pos «мы», т. е. буквально: «более наш»). Дат. и вин. первоначально, вероятно, не различались: древнесаксонский имеет в единственном числе общие формы дат. вин. mî, thî, англосаксонский mē, þē, рядом с которыми для вин. употребляется также mes, þes (ср. лат. винительный и аблатив mē, tē); то же во множ. числе, где готский сохраняет еще следы общего падежа в дат. вин. uns (ags. as. ūs «uns»; ags. ēow, as. iu «euch»). Позднейшая дифференциация падежей проводится во всех числах с помощью окончаний дат. -s (нем. -г по закону Вернера), вин. -k (нем. -h по II перебою); из них второе встречается и в греч. языке как усилительная частица (ср. греч. вин. те или ете-ге). Формы им. множ. имеют падежное оформление -s, обычное в именах; однако и здесь в англосаксонском и древнесаксонском сохранились более архаические формы без падежного окончания: ср. ags. wê, we (англ. we), as. wê, wî и ags. ye

(англ. you), as. gî, gê. Таким образом, склонение личных местоимений представляет, в сущности, два падежа, прямой и косвенный, без какого-либо падежного оформления, образованные от двух разных корней или с помощью своеобразного аблаута корня, выпадающего из обычных рядов (во втором лице: *thū, thu — the).

В новонемецком во множ. числе происходит унификация дат. вин. падежа — в 1 лице по дат. uns, во 2 лице по винит. ahd. iuwih (mhd. iuh > nhd. euch). В нижненемецких диалектах дат. вин. совпадают и в ед. числе (mî, dî). Этим объясняется смешение литературного mir — mich, dir — dich в мещанском просторечии севернонемецких городов (например, в Берлине), усвоившем верхненемецкие формы без умения их дифференцировать синтаксически. То же явление широко распространено в восточно-средненемецких диалектах и указывает на смешение верхненемецких и нижненемецких элементов в колониальных говорах этой территории.

Готские формы двойственного числа образованы от видоизмененного корня множественного числа. В древневерхненемецком и средневерхненемецком они не встречаются (у Отфрида один раз род. unkêr), но сохранились в некоторых современных диалектах, например, в Баварии, где формы es, ez «вы оба», epk «вам обоим», epker (притяжат.) засвидетельствованы в письменных текстах с конца XIII в. и в настоящее время употребляются в значении вытесненного ими множественного.

Возвратное местоимение образовано по типу личных от корня указательного местоимения (и 3 лица). Оно имеет только косвенные падежи, одинаковые для ед. и множ. числа. Возвратное местоимение отсутствует в англо-саксонском и древнесаксонском, где его заменяют соответствующие формы 3 лица. В древневерхненемецком возвратное местоимение не имеет дат. падежа, вместо которого употребляется дат. падеж 3 лица: ед. мужск. средн. imi, женск. igi, множ. im; в новонемецком вин. sich приобретает также значение дательного.

Родит. sîn является также притяжательным местоимением, которое в готском (*seins) имеет исключительно возвратное значение («свой»). В древневерхненемецком sîn употребляется только в ед. числе при субъекте мужского или среднего рода; в ед. женского рода и во множ. всех родов в качестве притяжательного местоимения употребляются род. пад. 3 лица женск. ед. ira и 3 лица множ. всех родов iro (ср. русск. ee, их в притяжательном значении). В новонемецком sein уже совершенно утратило характер возвратного местоимения («свой») и является притяжательным 3 лица мужск. рода («его»). В этом значении оно вытеснило и старый род. мужск. средн. 3 лица (mhd. es), с которым конкурировало уже в древневерхненемецком; ihr (ahd. ira, iro) также оформилось по обычному типу местоименных прилагательных.

дополнив систему притяжательных местоимений недостававшими формами 3 ед. женск. и 3 множ. Все притяжательные местоимения склоняются в новонемецком как сильные прилагательные, но сохраняют несклоняемую форму в им. ед. в атрибутивном употреблении (см. стр. 189).

§ 44. *Местоимение 3 лица* по своему происхождению является старым указательным местоимением, в котором значение «он» развивается из указательного «тот самый» (ср. лат. *is, ea, id* «тот, та, то» — гот. *is, si, ita* «он, она, оно»). Подобно указательным, местоимение 3 лица изменяется по родам и оформлено теми же (так. наз. «местоименными») падежными окончаниями.

Местоимение 3 лица («он»)

	Готский			Древневерхненемецкий		
	мужск.	средн.	женск.	мужск.	средн.	женск.
<i>Ед.</i>						
им.	<i>is</i>	<i>ita</i>	<i>si</i>	<i>er (her)</i>	<i>iz</i>	<i>siu (si)</i>
род.	<i>is</i>		<i>izôs</i>	<i>sîn (es)</i>	<i>es</i>	<i>ira</i>
дат.	<i>imma</i>		<i>izai</i>	<i>imu (-o)</i>		<i>iru (-o)</i>
вин.	<i>ina</i>	<i>ita</i>	<i>ija</i>	<i>inan (in)</i>	<i>iz</i>	<i>sia</i>
	мужск.	средн.	женск.	мужск.	средн.	женск.
<i>Множ.</i>						
им.	<i>eis</i>	<i>ija</i>	<i>[ijôs]</i>	<i>sie</i>	<i>siu</i>	<i>sio</i>
род.		<i>izê</i>	<i>izô</i>		<i>iro</i>	
дат.	<i>im</i>		<i>im</i>		<i>im</i>	
вин.	<i>ins</i>	<i>[ija]</i>	<i>ijôs</i>	<i>sie</i>	<i>siu</i>	<i>sio</i>

Указательное местоимение («этот»)

	Готский			Древневерхненемецкий		
	мужск.	средн.	женск.	мужск.	средн.	женск.
<i>Ед.</i>						
им.	<i>sa</i>	<i>þata</i>	<i>sô</i>	<i>der</i>	<i>daꝥ</i>	<i>diu</i>
род.		<i>þis</i>	<i>þizôs</i>	<i>des</i>		<i>dero</i>
дат.		<i>þamma</i>	<i>þizai</i>	<i>demu (-o)</i>		<i>deru (-o)</i>
вин.	<i>þana</i>	<i>þata</i>	<i>þô</i>	<i>den</i>	<i>daꝥ</i>	<i>dia (die)</i>
твор.	—	<i>þê</i>	—	<i>diu</i>		—
<i>Множ.</i>						
им.	<i>þai</i>	<i>þô</i>	<i>þôs</i>	<i>dê (dia, die)</i>	<i>diu</i>	<i>dio</i>
род.		<i>þizê</i>	<i>þizô</i>		<i>dero</i>	
дат.		<i>þaim</i>	<i>þaim</i>		<i>dêm (dên)</i>	
вин.	<i>þans</i>	<i>þô</i>	<i>þôs</i>	<i>dê (dia, die)</i>	<i>diu</i>	<i>dio</i>

Оба местоимения обнаруживают следы супплетивности именительного и косвенных падежей. В первом корень *i-*, во втором корень *to-* (гот. *þa-* — ср. греч. *to* «то», русск. *то*) чередуются в имен. падеже с корнем *s-* (ср. санскр. *sa* «тот» — *sâ* «та»). Однако распределение чередующихся корней в отдельных германских языках обнаруживает существенные различия: в готском, в противоположность древневерхненемецкому, отсутствует супплетивность в им. множ. 3 лица, в немецком указательное местоимение проводит повсюду корень *d-*.

С супплетивностью связаны также формы им. ед. мужск. *her* или *he* (вместо *er*), которые встречаются только в среднемецких текстах (например, у Татиана), причем *her* является результатом скрещения южнонемецкого *er* (гот. *is*) с нижнемецким *he* (ас. *ags. he*, ср. англ. *he* «он»). Корень *he-* принадлежит указательному местоимению (ср. лат. *hi-*с «этот», русск. *сей*), которое в германских языках встречается лишь в адвербиальных оборотах: гот. *himma daga* «heute» — «сего-дня» (дат. мужск.), *und hina dag* «bis heute» (вин. мужск.), *und hita* «bis jetzt» (вин. средн.), *ahd. hiutu* «heute» (<*hiu + tagu твор. мужск.), *hiuru* «heuer» (<*hiu + jâru твор. средн.), *hînaht* > диалект. *heint* (<*hî + naht твор. женск.). Современные немецкие диалекты сохранили *hê* в нижнемецком, *hē* и *hēr* в северной части среднемецкого.

Падежные окончания совпадают с местоименными окончаниями сильных прилагательных (ср. стр. 185).

В мужск. средн. роде сохранился творительный падеж, который встречается в средневерхненемецком в застывших адвербиальных оборотах (*mit diu, zi diu* и др.; *nhd. desto* < *des diu*).

По сравнению с готским, древневерхненемецкие окончания частично уже редуцированы, при этом готскому *z* соответствует немецкое *r*, готскому неударному *ai* немецкое *ê*. В средневерхненемецком происходит дальнейшая редукция, сопровождаемая широкой унификацией падежных форм: *sie, sia, sio* > *sie*; *die, dia, dio* > *die* (вин. ед. женск., им. вин. множ. мужск. женск.); *ira, iru, iro* > *ir(e)*; *dera, deru, dero* > *der(e)* (род. дат. ед. женск., род. множ.); *inan, im* > *in* (вин. ед. мужск., дат. множ.); *den, dem* > *den* (вин. ед. мужск., дат. множ.); *imu* > *im(e)*, *demu* > *dem* (дат. ед.). В новонемецком формы *diu, siu* (им. ед. женск., им. вин. множ. средн.) также вытесняются общей формой *die, sie*. Кроме того в средневерхненемецком в среднем роде вместо *ahd. iz* укрепляется *eꝥ*; в новонемецком *eꝥ* совпадает фонетически с род. мужск. средн. *es*, тем самым помогая вытеснению этой формы конкурирующим притяжательным *sîn* > *sein*.

Фонетическая редукция местоимений, при сохранении ими смысловой значимости, вызывает противоборствующую тенден-

цию к расширению состава слова с помощью новых окончаний по типу прилагательных. Так возникают формы *iger* «ihrer», *inen* «ihnen», которые зарегистрированы уже в средневерхне-немецком, в новонемецком *dessen*, *derer*, *deren*, *denen*. Последние никогда не употребляются атрибутивно, но только в самостоятельном положении. Ср. *dessen Sohn er ist* или *er ist dessen Sohn*, но *des Sohnes* и т. д. Установление этого различия связано с дифференциацией формы артикля и указательного (относительного) местоимения: уже к концу древневерхнемецкого периода атрибутивное *der* становится артиклем, в то же время сохраняя частично свои прежние указательные функции (см. § 48).

С превращением указательного местоимения *der* в артикль связано развитие в древневерхнемецком нового указательного местоимения *dese* «dieser», образованного от старого *der* с усиленной частицей *se*. Первоначально склонение ограничивалось первой частью слова, местоимением *der*, частица *se* оставалась несклоняемой, но уже в IX в. оба элемента срastaются, образуя новое слово, которое склоняется, как обычно, на конце.

Указательное местоимение *dieser*

	мужск.	средн.	женск.
Ед.			
им.	<i>dese, desêr</i>	<i>diz</i>	<i>desiu (disiu)</i>
род.		<i>deses</i>	<i>desera</i>
дат.		<i>desemu (-o)</i>	<i>deseru</i>
вин.	<i>desan</i>	<i>diz</i>	<i>desa</i>
твор.	—	<i>desiu (-u), disiu (-u)</i>	—
Множ.			
	мужск.	средн.	женск.
им. вин.	<i>dese</i>	<i>desiu (disiu)</i>	<i>deso</i>
род.		<i>desero</i>	
дат.		<i>desem (-en)</i>	

В средневерхнемецком гласный *e* в корне заменяется *i*; исходным для этого новообразования были формы на *-iu* (им. ед. женск., им. вин. множ. средн. и твор. ед. средн.), где появление *i* является результатом преломления. В средневерхнемецком нередко встречается ассимиляция коренного *s* последующему *r*: ср. *dirre* (им. ед. мужск., род. дат. ед. женск., род. множ.). В новонемецком эти формы, так же как и изолированный им. средн. *mhd. ditze, diz*, вытесняются правильным склонением по типу сильного прилагательного.

§ 45. Те же окончания имеет и *вопросительное местоимение*, которое образуется от корня *hwa/hwe-*; ср. лат. *quis* «кто» — *ahd. (h)wer*, лат. *quod* «что» — *ahd. (h)waz* (ср. англ. *what* «кто, что»).

Вопросительное местоимение

	Готский		Древневерхнемецкий			
	мужск.	средн.	женск.	мужск.	женск.	средн.
им.	<i>hwas</i>	<i>hwa</i>	<i>hwô</i>	<i>wer</i>		<i>waz</i>
род.	<i>hwis</i>		<i>[hwizôðs]</i>	<i>wes</i>		
дат.	<i>hwamma</i>		<i>hwizai</i>	<i>wemu (-o)</i>		
вин.	<i>hwana</i>	<i>hwa</i>	<i>hwô</i>	<i>wenan, wen</i>		<i>waz</i>
твор.	—	<i>hwê</i>	—	—		<i>wiu</i>

§ 46. Из других местоимений в немецком языке встречаются:

а. Указательные: 1. *Ahd. jenêr* «тот» (*got. jains* — с аблаутом гласного) — склоняется, как сильное прилагательное.

2. *Ahd. selb* «сам» (*got. silba* — слаб.) — склоняется, как сильн. и слаб. (*selbêr, -ez, -iu; selbo, -a*); *der selbo* (*dar selba, diu selba*) — «тот самый». В новонемецком как предикативные формы употребляются *selber, selbst* (*mhd. selbes*); в остальных случаях только *derselbe*.

3. *der samo* «тот самый» — только в текстах VIII в. (*got. sama, sa sama* — ср. англ. *same, the same*; русск. «сам»).

б. Вопросительные: 1. *Ahd. wedar* (*hwedar*) «который из двух» (*got. hwarar* — русск. «который», греч. *poteros*) — образовано от вопросительного корня *hwe* — *hwa* (с суффиксом сравн. степ. *-tero*); в новонемецком, как местоимение, не употребляется.

2. *Ahd. wiolih* (*hweolih*), *welch* «welcher» (*got. hwileiks*) — образовано от того же корня, с суффиксом *-lih*, сильное склонение. По тому же типу образовано параллельное по значению указательное местоимение *ahd. solich* «solch» (*got. swaleiks*) — от местоим. наречия *ahd. sô* «asc» (*got. swa*).

3. От вопросительных местоимений образуются относительные в связи с развитием подчиненных предложений. В древневерхнемецком употребляются *sô wer sô, sô welih sô* (позже *sô wer, sô welih*) в значении «кто бы ни». В средневерхнемецком неопределенные местоимения *swer, swelch* «кто бы ни», *swenne, swanne* «когда бы ни», *swâ* «где бы ни», *swie* «как бы ни» и т. д. служат для выражения относительных и условных связей в подчиненных предложениях, развивающихся в ту эпоху. В новонемецком в этом значении употребляются вопросит.-относит. местоимения и союзы (*wer, wenn, wo, wie* и др.).

в. Не предельные. 1. *Ahd. sum, sumilih* «некий» (*got. sums*, ср. англ. *some*) образован от нулевой ступени корня *sam-* (*got. same*) — в новонемецком выходит из употребления.

2. Из вопросительных местоимений с приставкой *ettes-* (*ettes-*): *ahd. etteswer, etteswaz; ettesw. lih*, сокращенно — *etteslich* «некий». В новонемецком сохранились *etwis* (<*mhd. etewiz*), в диалектах с ассимиляцией — *eppes; etwi* (*mhd. etteswâ*); *etlich* (*mhd. etlich*) «irgendein» — с архаической и диалектологической окраской.

3. Числительное *ein* «некий» — см. ниже, §§ 48—49. Числительное *ein* с приставками: *ahd. dehhin* «какой-нибудь» (при отрицании или вопросе; *mhd. nihhein, ein* «яи один» (*mhd. nehein*) — с отрицат. частицей *nih-*

nih «nicht auch». В новонемецком из этих слов развивается отрицательное местоимение kein.

4. Значение неопределенного местоимения может быть связано с приставкой ahd. eo-, io- (mhd. ie-, nhd. je-), придающей местоименным образованиям обобщающее значение («всегда», «во всех случаях»): ср. got. aiw «всегда» (от сущ. aiws «век», ahd. ai + w > êo, с ослаблением) — eo, io). По этому типу образованы ahd. io-gilich «всякий» (первоначально: «все равно, кто», «кто угодно») — nhd. jeglich; ahd. io-gi-wedar «любой (из двух)» — nhd. jeder «каждый».

5. Существительное man «человек» приобретает уже в древненемецком значение неопределенного субъекта: см. в «Песне о Гильдебранде» (VIII в.): mit geru scal man gebâ infâhan «mit dem Speere soll der Mann (>man) Gabe empfangen» (ср. аналогичное развитие франц. on <homme «человек»). С приставкой eo-, io-: ioman «всякий (человек)» > nhd. jemand; с отрицанием — nioman «никто» > nhd. niemand.

6. Неопределенное местоимение и отрицание. Существительное ahd. wiht (got. waihts «вещь», «нечто» — ср. nhd. der Wicht) употребляется в древненемецком в значении «нечто». Чаще — с префиксом eo-, io- — ahd. iowiht «нечто», mhd. ieht; с отрицанием — ahd. niowiht «ничто», mhd. niht, niet, niht. В средневековом языке для обозначения отрицания служила частица ahd. ni (mhd. ne, en-): ср. mhd. ich neliebe (en)liebe dich «я не люблю тебя»; при этом niht могло прибавляться для усиления в значении «совсем не»: mhd. daz enist niht rehte minne «это совсем не настоящая любовь». Позже отрицание ne исчезает, слово niht само становится отрицанием: das ist nicht rechte Minne. Этим объясняется в новонемецком положение отрицания nicht после глагола, на месте, обычно занимаемом дополнением. При наличии в предложении отрицательного местоимения или наречия и обязательной отрицательной частицы ne, местоимение niht в средневерхненемецком не употребляется: ср. er enbêt mir nie die êre; позже, с отпадением отрицания ne: er bot mir nie die êre. Отсюда в новонемецком литературном языке сложилось правило, запрещающее двойное отрицание, т. е. употребление nicht при отрицательных местоимениях и наречиях. В диалектах конструкция с двойным отрицанием очень обычна: напр. das weiß keiner nicht! В значении отрицательного местоимения новонемецкий употребляет адвербиальный род. пад. nichts (< mhd. nihtes — ср. русск. «ничего»). Другие падежи того же слова сохранились в адвербиальных выражениях: zu nichte, mit nichten.

§ 47. Местоименные наречия по своему происхождению являются архаическими падежными формами от местоименных корней с местным, временным, модальным значением. Напр., от корня «got» образуются мест. «там», «туда», врем. «тогда», модальн. «так». Местоименные наречия с локальным значением сохранили в германских языках отчетливую систему суффиксов, связанных с архаическими местными падежами. В готском на вопрос где? (локатив) отвечают наречия с суффиксом -r, на вопрос куда? (вин. места) — с суффиксом -r (-d) или -drê, на вопрос откуда? (отложит.) — с суффиксом -rô или -ana. Ср. от корня вопросит. мест. (hwat): hwar «во», hwar, hwadrê «wohin», hwarô «woher»; от корня указ. мест. (pat): þar «da», þar «dahin», þarô «daher»; от других местоименных корней: jains «jener» — jainar «dort», jaind, jaindrê «dorthin», jainrô «dorthin»; aljis «другой» — aljar «anderswo», aljar «anderswohin», aljarô «anderswoher»; hina «сей» — hêr «hier», hidrê «hierher». Ср. также dalara «unten», dalara «abwärts», dalarô «von unten» (от dal «Тал» сущ.); samara «zusammen» (ahd. sament «samt»). Аналогичная система окончаний дифференцирует значение наречий места, не связанных с местоименными корнями: на вопрос куда? — без окончания, на вопрос где? — окончание a, на вопрос откуда? — окончания -rô или -ana: ср. iur «aufwärts»,

iura «oben», iurarô и iurana «von oben» (ср. ahd. ûf «auf»); út «hinaus», úta «außen», útarô или útana «von außen»; inn «hinein» — inna «innen», innarô и innana «von innen»; falra «fern» — falrana «von ferne» и мн. др.

В древненемецком окончания местоименных наречий лишь частично совпадают с готскими: ср. где? -r, куда? -ra, откуда? -na или -nân (-nân). Ср. dâr «dahin», dara «da», dana (danana) «von da»; (h)wâr «wohin», (h)wara «wo», wanana (wannân) «woher»; hiar (<hêr) «hierher», hera «hier», hina (hinana, hinân) «von hier». Рядом с формами на -ra встречаются расширенные на -rot в значении где? (также — куда?). Ср. dorot (ahd. dort), warot, herot. Чисто локальные наречия сохраняют в древненемецком такое же оформление, как в готском: на вопрос куда? — in, úf, úz, на вопрос где? — inne, úfe, úze («Отфрид»); более отчетливо выступают формы на -ana: innana «von innen», hintana «von außen», obana «von oben», untana «von unten», ferrana «von fern» (ср. mhd. verre «издалека») — mhd. verre «далеко»), forna «von vorn»; так же от прилагательных и существительных: hôhana (от hôch) «von oben», heimina (от heim «Heim») «von Hause» и др.

В новонемецком образование местоименных наречий унифицируется. Исходными формами становятся локативные (где?) — da, dort, wo, hier (с отпадением -r в da и wo). Модификаторами служат формы от hier, употребляемые как суффиксы — hin (куда?), — her (откуда?): ср. dahin, dorthin, wohin; daher, dorthier, woher; рядом с этим для отложительного значения утверждается аналитическая форма с предлогом von (родит. падеж), при факультативном сохранении суффикса -(n)en: von da (von dannen), von wo (von wannen), von hier (von hinnen), von dort (dorten — архаизм). Одновременно широкое распространение в местоименных наречиях получает суффиксация предлогов, как своего рода предложное склонение: ср. darauf, daraus, darin, damit, dabei; worauf, woraus, womit, wobei; hierauf, hieraus, hierin, hiermit (конечное -r сохраняется перед гласными) и т. п. В таких сочетаниях первый элемент переосмысливается как указательное или вопросительное местоимение среднего рода: darauf в м. auf das, damit в м. mit dem; woraus в м. aus was, wobei в м. bei was; hieraus в м. aus diesem, hierin в м. in diesem и т. д. Наречное значение сохраняется с her-, hin-: heraus, hinaus, herauf, hinauf и др. Здесь носителем основного значения служит второй элемент, первый служит для усиления, способствуя тем самым дифференциации наречия от соответствующего предлога или глагольного префикса: ср. hinauf—auf, hinaus—aus и т. д.

В чисто локальных наречиях основными формами с локативным значением (где?) становятся образования на -en: ср. hinter, unter, außen, innen и др., которые противопоставляются предлогам и глагольным префиксам на-er или без окончания: ср. hinter, unter, außer (aus), in (inner-) и др. Дифференциация по направлению движения дается аналитически с помощью предложного склонения: von hinten—nach hinten, von außen—nach außen и т. п.

§ 48. Возникновение артикля (члена) — явление, относящееся к историческому периоду развития германских языков. В качестве определенного артикля в немецком языке употребляется указательное местоимение der, в качестве неопределенного — местоименное числительное ein. В первом случае из группы предметов данного вида выделяется один, отличный от других («о т, уже названный»), во втором случае — вполне одинаковый с другими («о д и н, какой-нибудь»). Употребление указательного местоимения в значении артикля встречается уже в готском, где речь

идет о предмете, только что названном: ср. *briggan haubiþ is «sein Haupt zu bringen»... jah atbar þata haubiþ is «und brachte die ses (das) Haupt»*; так же при обособленных (аппозитивных) и субстантивированных прилагательных слабого склонения (см. стр. 191), при существительных-приложениях (ср. *Johannēn þana dauþjand «Johannes, den Täufer»*) и др.

То же наблюдается в древневерхненемецком, где, кроме того, появляется неопределенный артикль, не встречающийся в готском: *in tagen eines kuninges «in den Tagen eines Königs» («одного короля»)... was ein ewarto «war ein Priester» («был некий священник») и т. п.* Однако в древневерхненемецком артикль еще не обязателен; ср. «Песнь о Людвиге» (конец X в.): *kuning was ervirrit «der König war entfernt», sang was gisungan «ein Gesang wurde gesungen».*

Закрепление обязательного артикля происходит в средневерхненемецком. Существенную роль при этом играет возможность использования артикля для дифференциации редуцированных падежных окончаний существительного; ср. в новонемецком: *Ich trinke besser Bier als Wein, но Ich ziehe Bier dem Wein vor.*

Значительно позднее развивается употребление артикля при общих понятиях: *Der Mensch ist sterblich. Er hat wie ein Bruder an mir gehandelt.* В средневерхненемецком в таких случаях еще встречается существительное без артикля: например, *friunt sol friunte bi gestan «ein Freund soll dem anderen beistehen».*

Не требуют артикля вообще предметы, единственные в своем роде (*einzigartige Gegenstände*), т. е. такие, которые не рассматриваются как разновидность обозначенного тем же словом вида, прежде всего — имена собственные, в определенных случаях также некоторые категории имен абстрактных и собирательных: *Schönheit vergeht. Er liebt Ruhe. Er hat Geld. Wein ist besser als Wasser* и т. п. Поскольку неопределенный артикль по своему значению не может иметь множ. числа, отсутствие артикля во множ. числе становится признаком неопределенного артикля: *der gute Mann — ein guter Mann, die guten Leute — gute Leute.*

С местоименным происхождением артикля связано отсутствие такового рядом с другим атрибутивным местоимением (притяжательным, указательным): *diese gute Frau, meine Schwester* и т. д. Архаический характер имеет отсутствие артикля в пословицах и поговорках: *Morgenstunde hat Gold im Munde. Guter Rat teuer. Freund in der Not* и т. д.; точно так же в парных формулах типа: *Mann und Frau, Freund und Feind, jung und alt, Dorf und Stadt, mit Mann und Maus, durch Mark und Bein* и т. п. Синтаксическими архаизмами являются также предложные обороты, имеющие адвербиальный характер, которые нередко также остаются без

артикля, причем предлог служит достаточным признаком падежа: ср. *zu Lande, zu Hause, zu Tische sitzen, zu Bette liegen, zu Grabe tragen, zu Rate ziehen* и мн. др.; *an Bord, an Stelle, über Land, von Herzen, von Ort zu Ort* и т. п.

Превращение указательного местоимения в артикль приводит к его смысловой и фонетической редукции. Это явление выступает в литературном языке в соседстве с предлогами и ведет к образованию стяженных форм с частичным поглощением артикля предлогом: ср. *am, im, beim, vom, zum, hinterm; aufs, ins, ans, fürs, durchs* и др. Стяжение появляется уже в средневерхненемецком и в ряде случаев выходит за пределы принятого в современном литературном языке: ср. *mhd. ufme («auf dem»), anme («am»), vonne («vom»), zun («zu den»), umben (<umbe den «um den»), ufēn («auf den») и др.* В настоящее время стяженные формы характеризуют прежде всего разговорную речь, тогда как более консервативный письменный язык в целом ряде случаев предпочитает формы нестяженные.

Диалекты допускают стяжение и в других сочетаниях: например, *bein «bei den», beir «bei der», zen «zu den», aufn «auf den»* и др. В южнонемецких диалектах гласный артикля обыкновенно редуцирован и в именительном падеже: ср. шваб. *dmā: «der Mann», dmu-ðar «die Mutter», skend или tskend «das Kind».* Точно так же *ein* в подобных случаях редуцируется в *ə*. С самостоятельным ударением и без редукции *der* и *ein* сохраняют в диалекте значение указательного местоимения и числительного: ср. шваб. *dær mā: «dieser Mann», dui mu-ðar «diese Mutter»* (шваб. *dui < mhd. diu*) и т. п. В некоторых диалектах такое указательное *der* употребляется даже в значении местоимения 3 лица: шваб. *dær liagt «er lügt».*

§ 49. Германские числительные образуются по десятичной системе, но сохранились остатки другого счета по дюжинам. Так, первый десяток обозначается простыми числами. 1. *got. ains, ahd. ein*; 2. *got. twai, ahd. zwēn*; 3. *got. *þreis, ahd. dri*; 4. *got. tidwōr, ahd. fior*; 5. *got. fimf, ahd. fimf, finf*; 6. *got. sahs, ahd. sehs*; 7. *got. ahd. sibun*; 8. *got. ahtau, ahd. ahto*; 9. *got. ahd. niun*; 10. *got. tafhun, ahd. zehan*. Но 11 и 12 сохранили особые названия, свидетельствующие о столкновении двух систем: 11. *got. ainlif, ahd. einlif*; 12. *got. twalif, ahd. zwelif*, где второй элемент имеет значение «остаток» (ср. греч. *leipō «оставляю»*), тогда как начиная с 13 к простому числу прибавляется «десять» (*got. tafhun, ahd. zehan*): ср. *ahd. drizehan 13, got. fidwortafhun 14* и т. д.

Точно так же десятки обозначаются с помощью слова *got. *tigus* (множ. *tigjus*, осн. -u-), *ahd. zug «десяток»* (-g вместо -h по закону Вернера, см. стр. 144); ср. *got. twai tigjus 20* (точнее «два десятка»), *fimf tigjus 50, ahd. zweinzug 20, finzug 50*; но после

60-ти счет меняется в готском на *-têhund*, в древневерхненемецком — на *-zo*: ср. got. *sibuntêhund*, ahd. *sibunzo* 70 (с IX в. униформируется ahd. *sibunzug* и т. д.). Ahd. *-zug* редуцируется в mhd. *-zes*. в новонемецком оформлено как *-zig* (по суффиксу *-ig*).

Соответственно десятичной системе для 100 вводится новое слово: got. *hund* ср. рода (множ. *hunda*) — *twa hunda* 200, *þrija hunda* 300; ahd. *hunt* — *zweihunt* 200, *thriu hunt* — 300, позже — mhd. *hundert* (as. *hundered*, an. *hundraþ*, откуда англ. *hundred*), где второй элемент *-rad* означает «число» (got. *garþan* «считать»). Однако вместе с тем существует старая форма got. *taihuntêhund* 100, ahd. *zehanzug* (позже *zehnzeh*), которая в древневерхненемецком господствует как обозначение первой сотни («десять десятков»), тогда как слово *hundert* может иметь значение 120 (впоследствии *Großhundert*, англ. *long hundred*).

Аналогичное значение засвидетельствовано и в слове 1000 got. *þûsund* (женск. осн. *-j-*, множ. *þusundjôðs*), ahd. *dûsunt*, позже *tûsent* (ср. an. *þûs-hundraþ* — повидимому, сложное слово со значением «Krafthundert»), рядом с которым засвидетельствовано *Großtausend* 1200.

Первые три числа имеют развитое склонение и различаются по родам. Готское *ains* (ср. ain, ainata, женск. aina) склоняется как сильное прилагательное, так же нем. ein, имеющее кроме сильных и несклоняемую форму. В современном немецком ein склоняется по типу притяжательных по сильному склонению (имен. ед. имеет в атрибутивном употреблении несклоняемую форму, в самостоятельном — сильное окончание, см. стр. 189).

Склонение *zwei*

	Готский			Древневерхненемецкий		
	мужск.	средн.	женск.	мужск.	средн.	женск.
им.	twai	twa	twôðs	zwêne	zwei	zwâ, zwô
род.	twaddjê	—	—	zweio	—	—
дат.	twaim	twaim	—	zweim(-n)	—	—
вин.	twans	twa	twôðs	zwêne	zwei	zwâ, zwô

Род. *zweio* в позднем древневерхненемецком по аналогии заменяется *zweigo* (nhd. *zweier*).

В современном литературном языке разница родов утрачена, но еще в XVIII в. в литературе встречается *zwo* для женского рода (см. Гете, 1773 г.: «Über zwo biblische Fragen»); в некоторых диалектах юго-западной Германии различие это сохраняется до сих пор: например, шваб. мужск. *twe*, женск. *tswuê*, средн. *tswê*.

Как *twai*, склоняется в got. *bai* «оба», соединяющее с двойственным собирательное значение: ahd. *beide*, *bêde* имеет форму множ. сильн. прилагательного.

Склонение *drei*

	Готский			
	мужск.	средн.	женск.	
им.	*þreis	þrija	—	
род.	—	þrijê	—	
дат.	—	þrim	—	
вин.	þrins	þrija	þrins	

	Древневерхненемецкий			
	мужск.	средн.	женск.	
им.	drî	drîu	drîo	
род.	—	drîo	—	
дат.	—	drim (-n)	—	
вин.	drî	drîu	drîo	

В готском склонение оформлено по множ. основ на *-i-*. В женском роде сохранился только вин. множ. В позднем древневерхненемецком род. *drîo* по аналогии заменяется *drîero* (mhd. *drîer*). В средневерхненемецком начинается смешение мужского и женского рода в им. вин. — *drî*, *drîe*. В новонемецком разница родов утрачена.

По такому же типу в древневерхненемецком могут склоняться и следующие числа от 4 до 12, как в самостоятельном употреблении, так и в атрибутивном после прилагательного: например, мужск. женск. *fiori*, средн. *fioriu*; род. *fioro*; дат. *fiorim(-in)* — по множ. основ на *-i-*.

В новонемецком *zwei*, *drei* сохраняют род. пад. (*zweier*, *dreier*) при условии отсутствия артикля или местоимения с сильным окончанием: ср. mit Hilfe zweier (dreier) Männer, no der drei, aller drei. Дательный требуется только в самостоятельном положении: er half den zweien, er kam mit dreien; в последующих числах до 12 в таком же положении он не обязателен: mit fünf(en), mit sechs(en). В остальном числительные в атрибутивной функции (как и другие слова со значением количества — ср. стр. 179) употребляются в новонемецком в несклоняемой форме: zwei (fünf) Männer, mit zwei (zehn) Männern и т. д.

Hundert и *tausend* в значении собирательном («сотня», «тысяча») склоняются, как существительные: viele Hunderte (Tausende), trotz seiner Hunderte (Tausende). mit Hunderten (Tausenden).

Числительные порядковые образуются от количественных с помощью суффикса *-d-* (*-t-*): например, got. *fimfta*, *niunda*; ahd.

fimfto, niunto. В числительном «третий» суффикс расширен элементом -j-: got. þridja, ahd. dritto (tj > tt); ср. лат. tertius. Начиная с 20-ти древневерхненемецкий употребляет окончание превосходной степени -ōsto: zweinzugōsto «zwanzigste», zehanzugōsto «hundertste». В готском эти числа не засвидетельствованы.

Первые два числа имеют супплетивные образования. «Первый» — got. fruma или frumists представляет старую превосходную степень (суффикс -m-) от наречия got. faúr, ahd. fora «vor» — со значением «передний»; так же ahd. furisto (от fora) — «первый», «передний» (отсюда англ. first «первый» и нем. Fürst); чаще ahd. êristo — прев. степень от сравн. êr (nhd. eher) «раньше». «Второй» — got. anþar, ahd. ander «der andere», по происхождению — местоимение со значением «другой» (из двух); поэтому оно первоначально имело только сильное склонение (der andere — по аналогии других порядковых только с XV в.).

Порядковые числа склонялись в средневековом языке, как слабые прилагательные (в готском женск. род. на -ei). Теперь они имеют сильные и слабые формы, как прочие прилагательные.

Глава III

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ

§ 50. В первых исторически засвидетельствованных памятниках германских языков, в частности — в готском и древневерхненемецком, мы находим следующий состав глагольных форм: 3 лица; 2 числа (с остатками двойственного, еще широко представленного в готском); 2 времени (прошедшее и настоящее, которое употребляется и в значении будущего); 2 наклонения (индикатив и оптатив — в обоих временах), а также особые формы императива во 2 ед. (в готском также в 3 ед. и множ.), остатки особой формы страдательного залога (только в готском языке); отглагольные имена, вошедшие в систему глагола, — инфинитив (отглагольное существительное) и два причастия, связанные с настоящим и прошедшим временами (отглагольные прилагательные).

По сравнению с некоторыми другими языками индоевропейской системы (санскритом, греческим, латынью) глагольная система германских языков представляется очень бедной. Отсюда индоевропейцы делали вывод, что германские языки утратили многое из унаследованного богатства индоевропейского «языка». Однако индоевропейская глагольная система, как она восстанавливается сравнительной грамматикой, — наименее достоверная в лингвистическом отношении часть гипотезы о «языке»: кажущееся многообразие форм «индоевропейского глагола» в значительной степени является результатом проекции в общее прошлое своеобразных путей стадийального развития отдельных языков, тогда как на самом деле богатство форм, присущее отдельным индоевропейским языкам, возникает в длительном процессе позднейшей дифференциации глагольной системы в связи с развитием мышления. В этом отношении, как и во многих других, германские языки, со своей бедной и неразвитой системой времен, скорее представляют более примитивный тип строения глагола.

Однако сопоставление германских языков с другими языками индоевропейской системы может быть полезно в ином отношении. Множественность глагольных форм на ранних стадиях языковой эволюции существенно отличается от последующей дифференциации глагольных отношений; она основана преимущественно на различиях видовых. Дифференциация видовых отношений

удержалась в разных сочетаниях с более поздними временными различиями в таких высокоразвитых языках, как санскрит, древнегреческий и славянские языки. Например, в русском языке, наряду с различием времен настоящего, прошедшего и будущего, сохраняется различие видов совершенного и несовершенного (последний — иногда с оттенком повторяемости действия, так наз. многократный вид). При этом видовое различие может обозначаться с помощью разных суффиксов или чередованием гласных в корне (так наз. аблаут): ср. несоверш. *бросал* — соверш. *бросил*, несоверш. *собирал* — соверш. *собрал*, несоверш. *клевал* — соверш. *клюнул*, несоверш. (многократн.) *разглядывал* — соверш. *разглядел*; или с помощью префиксов в совершенном виде: несоверш. *летел* — соверш. *прилетел* (с завершительным оттенком), *взлетел* (с начинательным оттенком), несоверш. *строил* — соверш. *выстроил* (завершит.), несоверш. *говорил* — соверш. *заговорил* (начинат.) и др. В греческом языке видовые основы (так наз. «настоящего времени», аориста и перфекта) отчетливо образуют основание глагольной системы, на которое наслаиваются позднейшие различия времен.

Напротив, отсутствие временной дифференциации при большом разнообразии видовых отношений встречается на ранних стадиях языкового развития как признак более конкретного мышления, которое не может мыслить действия независимо от способа его протекания (длительного, мгновенного, законченного, повторяющегося и т. п.) и в то же время еще не научилось локализовать его в объективном времени. Позднее глагольные отношения выражаются в более общей и отвлеченной форме, но зато с более точной фиксацией во времени; при этом старые видовые отношения частично переосмысливаются как временные, частично же вступают в сложные взаимоотношения с новой системой глагольных времен. Германские времена (настоящее — прошедшее) при сопоставлении с другими языками индоевропейской системы, сохранившими видовые различия (напр., греческий), могут быть раскрыты в своем первоначальном видовом значении.

По сравнению с древнегерманскими языками глагольная система новонемецкого языка представляет дифференцированное многообразие времен, залогов, наклонений, причем основанием всей системы служит сложная дифференциация времен. Новонемецкий глагол насчитывает 6 времен: настоящее, три прошедших (Imperfekt, Perfekt, Plusquamperfekt), два будущих (Futurum I и II); в конъюнктиве (или оптативе — по более правильной в историческом отношении терминологии) к тем же шести временам прибавляются два условных (Konditionalis I и II); все эти 14 времен могут иметь соответствующие формы страдательного залога; инфинитив также имеет два времени (настоящее и прошедшее) и два залога (действительный и страдательный).

Эта сложная дифференциация глагольных форм связана в немецком языке с разрушением флективного строя и развитием аналитического. Предметное значение глагола и указание на синтаксическую функцию, которые при флективном строе составляют неразрывное единство, здесь разделяются: носителем предметного значения становится неизменяемое глагольное имя (инфинитив или причастие), а выразителем синтаксических отношений — личное местоимение и вспомогательный глагол: ср. got. прош. *nam «брал»* — нем. *ich nahm, ich habe genommen, ich hatte genommen*; got. прош. опт. *nemeima «мы брали бы»* — нем. *wir würden nehmen, wir hätten genommen*; got. наст. пасс. *nimanda «они взяты»* — нем. *sie sind genommen, sie werden genommen, sie sind genommen worden* и т. д. Это развитие, как и соответствующее изменение системы склонения, тесно связано с общим процессом редукции окончаний; связь эту мы понимаем, как взимную обусловленность, при которой, однако, как всегда, ведущее значение имеет семантическое осложнение и дифференциация глагольных форм, осуществляемые новыми средствами анализа.

В общем развитии немецкой глагольной системы можно установить следующие основные линии:

1. Число лиц не меняется, но возникает новая система их обозначения — с помощью обязательного личного местоимения при глаголе. Архаическое двойственное число в немецком спряжении не встречается.

2. Развитие системы времен идет, с одной стороны, к упрощению и унификации их формального строения (спряжение с помощью вспомогательных глаголов), с другой стороны — к дальнейшей дифференциации временных различий (образование будущего и относительных времен): таким образом, более простые формы становятся выражением более сложных и дифференцированных отношений. То же относится к развитию страдательного залога.

3. Система наклонений развивается в сторону индивидуальной стилистической дифференциации модальных отношений на основе разнообразных неграмматизованных синтактико-фразеологических сочетаний с полувспомогательными глаголами модальности.

4. Видовые различия, вытесненные в германском глаголе временными отношениями, частично намечаются, как модификация времен, но в общем остаются неграмматизованными и получают по преимуществу лексическое выражение.

1. СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ ГЛАГОЛЫ

§ 51. В германских языках существует два типа спряжения: *сильное* и *слабое*. Первое образует прошедшее с помощью аблаута, второе — с помощью дентального суффикса (герм. *d*, нем. *t*);

соответственно, причастие II сильных глаголов имеет суффикс -an, слабых — аналогичный дентальный суффикс (герм. -d, нем. -t). Слабые глаголы в свою очередь разбиваются на группы по типу глагольной основы настоящего и прошедшего: I глаголы на -ja-, II глаголы на -ô-, III глаголы got. на -ai- (ahd. на -ê-), IV глаголы на -na- — -nô- (только в готском).

Система готского глагола по составу форм архаичнее древне-немецкого. Прилагаемая таблица иллюстрирует все типы правильного спряжения:

Сильное спряжение		Слабое спряжение			
i—a	I ja	II ô	III ai	IV na—nô	
Н а с т о я щ е е в р е м я					
Индикатив					
<i>Ед.</i>	1. nima	nasja	salbô	haba	fullna
	2. nimis	nasjis	salbôs	habais	fullnis
	3. nimiþ	nasjiþ	salbôþ	habaiþ	fullniþ
<i>Дв.</i>	1. nimôs	nasjôs	[salbôs]	habôs	[fullnôs]
	2. nimats	nasjats	[salbôts]	—	[fullnats]
<i>Множ.</i>	1. nimam	nasjam	salbôm	habam	fullnam
	2. nimiþ	nasjiþ	salbôþ	habaiþ	fullniþ
	3. nimand	nasjand	salbônd	haband	fullnand
Оптатив					
<i>Ед.</i>	1. nimaui	nasjau	salbô	habau	fullnau
	2. nimais	nasjais	salbôs	habais	[fullnais]
	3. nimai	nasjai	salbô	habai	fullnai
<i>Дв.</i>	1. nimaiwa	[nasjaiwa]	[salbôwa]	[habaiwa]	[fullnaiwa]
	2. nimaits	[nasjait]	[salbôts]	[habaits]	[fullnait]
<i>Множ.</i>	1. nimaima	nasjaima	salbôma	habaima	[fullnaima]
	2. nimaiþ	nasjaiþ	salbôþ	habaiþ	fullnaiþ
	3. nimaina	nasjaina	salbôna	habaina	fullnaina
Императив					
<i>Ед.</i>	2. nim	nasei	salbô	habai	fulln
	3. nimadau	nasjadau	[salbôdau]	[habadau]	[fullnadau]

Множ.

3. [nimandau] [nasjandau] [salbôndau] [habandau] [fullnandau]

Инфинитив

niman nasjan salbôn haban fullnan

Причастие I

nimands nasjands salbônds habands fullnands

М е д и о п а с с и в

Индикатив

Ед.

1. nimada nasjada salbôda habada отсутствует
 2. nimaza nasjaza [salbôza] [habaza]
 3. nimada nasjada salbôda habada

Множ.

1—3. nimanda nasjanda salbônda habanda

Оптатив

Ед.

1. nimauidau nasjaidau salbôdau habaidau
 2. nimaizau nasjaizau (salbôzau) habaizau
 3. nimauidau nasjaidau salbôdau habaidau

Множ.

1—3. nimaindau nasjaindau salbôndau habaindau

Прошедшее

Индикатив

Оптатив

Ед.

1. nam nasida nêmjau nasidêdju
 2. namt nasidês nêmeis nasidêdeis
 3. nam nasida nêmi nasidêdi

Дв.

1. [nêmu] [nasidêdu] [nêmeiwa] (nasidêdeiwa)
 2. nêmuts nasidêduts [nêmeits] (nasidêdeits)

Множ.

1. nêmun nasidêdum nêmeima nasidêdeima
 2. nêmuþ nasidêduþ nêmeiþ nasidêdeiþ
 3. nêmun nasidêdun nêmeina nasidêdeina

Прим.: salbôda (salbôdêdju), habaida (habaidêdju), fullnôda (fullnôddêdju) спрягаются по типу nasida (nasidêdju).

Причастие II

numans nasiþs salbôþs habaiþs от fullnan отсутствует

Древневерхненемецкий утратил некоторые формы (медиопассив, двойств. число), но сохранил отчетливую дифференциацию неударных гласных окончаний. В средневерхненемецком они редуцированы в безразличное -e.

Н а с т о я щ е е в р е м я

Индикатив

Древневерхненемецкий

<i>Ед.</i>	1. nimu	suochu	salbôm (-ôn)	habêm (-ên)
	2. nimis (-st)	suochis (-st)	salbôs (-st)	habês (-st)
	3. nimit	suochit	salbôt	habêt
<i>Множ.</i>	1. nemamês	suochemês	salbômês	habêmês
	2. nemet	suochet	salbôt	habêt
	3. nemant	suochent	salbônt	habênt

Средневерхненемецкий

<i>Ед.</i>	1. nime	suoche
	2. nim(e)st	suochest
	3. nim(e)t	suoche

Множ.

1. nemen	suochen
2. nemet	suochet
3. nement	suochent

Оптив

Древневерхненемецкий

<i>Ед.</i>	1. neme	suoche	salbo	habe
	2. nemês (-st)	suochês (-st)	salbôs (-st)	habês (-st)
	3. neme	suoche	salbo	habe

Множ.

1. nemêm (-ên)	suochêm (-ên)	salbôm (-ôn)	habêm (-ên)
2. nemêt	suochêt	salbôt	habêt
3. nemên	suochên	salbônt	habênt

Средневерхненемецкий

<i>Ед.</i>	1. neme	suoche
	2. nemest	suochest
	3. neme	suoche

Множ.

1. nemen	suochen
2. nemet	suochet
3. nemen	suochen

Императив

Древневерхненемецкий

<i>Ед.</i>	2. nim	suochi	salbô	habê
------------	--------	--------	-------	------

Средневерхненемецкий

Ед.

2. nim	suoche
--------	--------

Инфинитив

Древневерхненемецкий

neman	suochen	salbôn	habên
-------	---------	--------	-------

Средневерхненемецкий

nemen	suochen
-------	---------

Причастие I

Древневерхненемецкий

nemanti (-enti)	suochenti	salbônti	habênti
-----------------	-----------	----------	---------

Средневерхненемецкий

nemende	suochende
---------	-----------

П р о ш е д ш е е в р е м я

Индикатив

Древневерхненемецкий

Средневерхненемецкий

<i>Ед.</i>	1. nam	suohta	nam	suochte (или lebete)
	2. nâmi	suohtôs (-st)	næme	suochttest
	3. nam	suohta	nam	suochte

Множ.

1. nânum (-un)	suohtum (-un)	nâmen	suochten
2. nâmut	suohtut	nâmet	suochtet
3. nâmun	suohtun	nâmen	suochten

Оптив

<i>Ед.</i>	1. nâmi	suohti	næme	suochte (или lebete)
	2. nâmis (-st)	suohtis (-st)	næmest	suochttest
	3. nâmi	suohti	næme	suochte

Множ.

1. nâmîm (-in)	suohtîm (-în)	nâmen	suochten
2. nâmît	suohtît	nâmet	suochtet
3. nâmîn	suohtîn	nâmen	suochten

Прим.: ahd. salbôta (salbôti), habêta (habêti) как suohta (suohti).

Причастие II

ginoman	gisuoht	gisalbôt	gihabêt	genomen	gesuoht (или gelebet)
---------	---------	----------	---------	---------	--------------------------

§ 52. В основе противоположности между германским настоящим (Präsens) и прошедшим (Präteritum), как показывает сопоставление со стадияльно более древними формами других индоевропейских языков, лежит противоположность видов действия: с одной стороны — длительного (незаконченного), с другой стороны — мгновенного (аорист) или заверщенного (перфект). Употребление формы настоящего времени для обозначения длительного или незавершенного действия без отношения к времени сохранилось пережиточно во всех индоевропейских языках, в том числе и в немецком. Настоящее время может обозначать вневременное действие (в общих суждениях): например, *der Mensch ist sterblich; wer wagt, gewinnt*; точно так же действие повторяющееся: *ich gehe oft (jede Woche) ins Theater*; длительное или привычное состояние: *er trinkt* («он постоянно пьет»), *er reitet* («он умеет ездить верхом»), *er spricht Deutsch* («он умеет говорить по-немецки»); действие, из прошлого переходящее в настоящее: *er schläft schon lange; seit seiner Rückkehr ist er immer fröhlich*. В примитивной повествовательной прозе (например, в исландских сагах) настоящее и прошедшее чередуются совершенно беспорядочно, что указывает на индифферентность временных отношений в языке. В современном языке при оживленном рассказе настоящее нередко употребляется вместо прошедшего как стилистический прием (так наз. *praesens historicum* «настоящее историческое»); например: *Heute kommt er zu mir, macht mir Vorwürfe und verläßt mich gleich darauf, ohne auf meine Antwort zu achten*. Будущее время в древнегерманских языках не дифференцировано от настоящего и обозначается той же формой, ср. в современном языке: *Heute Abend gehe ich ins Theater*.

Признаком основы настоящего времени в большинстве индоевропейских глаголов является *тематический гласный е — о* (в германских языках *і — а*). Таким образом, каждая форма настоящего времени так наз. *тематических* (правильных) глаголов содержит три элемента: корень + тематический гласный + личное окончание (ср. *nim + i + s, nim + a + nd* и т. п.). Чередование тематического гласного *і — а* основано на аблауте: ступень *а* имеют 1 ед., 1 и 3 множ. (и двойств.), ступень *і* характеризует 2 — 3 ед., 2 множ. Личные окончания, вероятно, являются суфигированными местоименными частицами, хотя они не вполне совпадают с самостоятельно употребляющимися личными и притяжательными местоимениями. Повидимому, в германских языках они уже редуцированы: греческий и санскрит дают нам более полные формы.

Первое лицо в тематических глаголах не имеет местоименного признака, который заменяется долгим гласным (ср. греч. *phereō*, лат. *fero*); в глаголах *атематических* (неправильных) упо-

требуется окончание *-mi* (см. ниже § 62). В санскрите это окончание распространилось на все глаголы (ср. *bhagāmi*). В древневерхненемецком, кроме глаголов атематических, оно употребляется во II и III группе слабых (ср. 1 ед. *salbōm, habēm*); в некоторых современных немецких диалектах (например, в среднефранкском) под влиянием этих глаголов окончание *-n* получило всеобщее распространение как более отчетливый признак первого лица настоящего и прошедшего времени: ср. *ech stiehn* «*ich stehe*», *ech leiden, ech woaren, ech hatten, ech liefen* и т. д. Напротив, в литературном языке конечное *-n* исчезает в новонемецкую эпоху в результате униформации (за исключением изолированного *ich bin* — ср. стр. 253).

По сравнению с готским древневерхненемецкие окончания представляют незначительные особенности, сохраняя в целом свои качественные отличия. В 1 ед. конечное *-a* заменяется *-i* (как во всех западногерманских языках); в 1 множ. древнемецкой сохраняет более полное окончание, чем готский. Ко второй половине IX в. для 2 ед. развивается новое окончание *-st*: наращение *t*, повидимому, имеет источником местоимение 2 лица, нередко следующее за глаголом, с соответствующим перераспределением элементов (*nimis + du > nimist + du*). Окончание *-st* закрепляется за 2 ед. также в оптативе и в прошедшем (сперва в слабых, потом в сильных глаголах). В средневерхненемецком все гласные окончаний редуцируются в безразличное *-e*. В 3 множ. наст. индикатива *-ent* сохраняется, но заметны тенденции к унификации, проявляющиеся в проникновении *-ent* в оптатив или в обратном вытеснении его обычными формами на *-en*. С переходом к новонемецкому этот процесс закончен, общая форма окончания *-en* вытесняет *-ent*.

В новонемецком неударное *-e* подвергается дальнейшей редукции перед *-s* и *-t* (2, 3 ед. и 2 множ.). Как в сильных, так и в слабых глаголах оно безусловно сохраняется после корня, оканчивающегося на *d, t* или на согласный + носовой: ср. *reitest, leidet, atmest, zeichnet* и т. п. Оно выпадает в формах с умлаутом или преломлением в корне: *gibst, nimmst, fährst, ficht, läuft* и т. д. В двусложных основах на *-l, -r* оно выпадает также и перед *n*: ср. *wanderst, wandert, wandern; handelst, handelt, handeln* — и т. д. В остальных случаях *e* перед *s* и *t* факультативно: ср. *schreib(e)st, fahr(e)t* и др., но формы без *-e* господствуют, в особенности ввиду наличной тенденции дифференцировать таким способом индикатив и оптатив, где *-e* обязательно: например, инд. *schreibst*, опт. *schreibest* (ср. стр. 236). Только после *s* и *sch* довольно часто сохраняется *-e* перед *s* по соображениям четкости грамматической формы: *reißest, lässest, wäschest* (и даже при преломлении возможно: *liesest, issest*).

В разговорном языке во всех случаях безусловно господ-

ствуют формы без -е. Конечное -е I ед. точно так же нередко отпадает в разговорном языке (особенно в южной Германии). В поэзии такие разговорные формы допускаются как «вольность», которая отмечается апострофом; ср. Гете: «Ich kenn' ein Blümlein wunderschön»; особенно часто при последующем местоимении, например: «Nun verlaß' ich diese Hütte». В остальных случаях письменный язык сохраняет полную форму, поддерживаемую консервативной грамматической традицией.

Новая дифференциация личных форм создается в настоящем сильных глаголов, благодаря явлениям преломления и умлаута (см. стр. 124 и 126): в III — V рядах чередуются е — i: ahd. ед. nimu, nimis, nimit — множ. nemamês и т. д. (mhd. ед. nime, nimest, nimet — множ. nemen и т. д.); во II ряду io (mhd. ie) — iu: ahd. ед. fliugu, fliugis, flugit — fliogamês и т. д. (mhd. ед. fluge, flugest, fluget — множ. fliegen и т. д.); в VI ряду а — е: ahd. ед. 1. grabu, 2. grebis, 3. grebit — множ. 1. grabamês и т. д. (mhd. ед. 1. grabe, 2. grebist, 3. grebit — множ. 1. graben и т. д.); в средневерхненемецком к ним присоединяются также глаголы VII ряда, способные менять гласную: например, ед. 1. slâfe, 2. slâfest, 3. slâfet; ед. 1. loufe, 2. lœufest, 3. lœufet; ед. 1. stôze, 2. stœzest, 3. stœzet и т. д.

В новонемецком глаголы на е с преломлением принимают тип чередования, свойственный глаголам с умлаутом (преломление только во 2 — 3 ед.): ich nehme, du nimmst, er nimmt; ich gebe, du gibst, er gibt и т. д. В ряде глаголов этой группы преломление совершенно устраняется (в особенности — при наличии слабых форм в прошедшем): например, bewegen, weben, pflegen, melken, gären, genesen и многие другие.

В глаголах II ряда чередование также устранено; однако, оно еще встречается у Лютера и до сих пор употребляется в отдельных случаях как поэтический архаизм: например, du beugst, er zeucht; «was da fleucht und kreucht» (Шиллер) и т. п. (mhd. iu > nhd. eu). Это вытеснение чередований объясняется тем, что при обязательном личном местоимении внутренняя флексия во 2 — 3 лице является избыточным признаком. Диалекты, не связанные консервативной письменной традицией, устраняют ее гораздо более последовательно: ср. du fahrst, er fährt; du nemst, er nemt и т. п.

Тематический гласный е — о в основе настоящего времени может быть расширен предшествующим согласным. Значение этих суффиксальных элементов не всегда может быть точно установлено: повидимому, в большинстве случаев они служили видовыми определителями. Так, в латинском и греческом языках суффикс настоящего времени -ske-/-sko придает глаголам значение начинательного вида (inchoativum). Ср. лат. exardesco «загораюсь» — прош. exarsi, conticesco «умолкаю» — прош. con-

ticui, obdormisco «засыпаю» — прош. obdormivi и т. д.; греч. gēraskō «старею» — аор. e-gērāsa, hēbaskō «мужаю» — аор. hēbēsa и др. С исчезновением видовой дифференциации эти суффиксы теряют свою первоначальную значимость и обычно сливаются с корнем, распространяясь на все глагольные формы: в таких случаях суффикс может быть выделен, как словообразовательный элемент, лишь при сопоставлении со словами одинакового корня. Ср. германские глаголы на -ske-/-sko: ahd. wascan (<*wat + sko) «waschen» при got. watō «Wasser»; ahd. wunscen «wünschen» при got. wunan «радоваться» (ср. ahd. wunne «Wonne» и др.); также, вероятно, ahd. eiscōn «heischen» (русск. *искать*), ahd. drescan «dreschen» и др.

Лишь в единичных случаях в германских языках такие показатели сохраняются как неправильность в образовании глагольной основы настоящего времени. Ср., например, суффикс -n- (-ne-/-no-): лат. sperno «презираю» — прош. sprēvi, sterno «устилаю» — прош. strāvi и др. В германских языках только got. fraihnan «fragen» (сильн. V) — прош. frah, frēhum, fraihans; got. keinan «keimen» (первоначально сильн. II) — прич. II uskijans (остальные формы по слабому: прош. keinōda). В ряде других глаголов -n- сделалось элементом корня во всех формах: got. skeinan, ahd. skīnan «scheinen» (сильн. I) — прил. got. skei-r-s «светлый», ahd. skīr; ahd. spurman (англ. spurn) «топтать ногами» — существ. ahd. spor «Spur» (соответствует лат. sperno) и др.

Носовой инфикс в настоящем времени имеет в лат. frango «ломаю» — прош. frēgi, scindo «рву» — прош. scidi, findo «раскалываю» — fidi, relinquo «оставляю» — reliqui — и др. С распространением носового инфикса на весь глагол: лат. jungo «соединяю» — прош. junxi (ср. jugum «ярмо» — русск. *уго*), defendo «защищаю» — прош. defendi и др. В германских языках инфикс в настоящем времени сохраняет только got. standan «stehen» (сильн. VI) — прош. stōþ, stōþum, standans; ср. ags. standan — прош. stōd (англ. to stand — прош. stood); в древневерхненемецком инфигированное -n- обычно распространяется на все формы: ahd. stantan — stuant, но Отфрид, например, имеет архаическую форму stuat (<*stōt), встречающуюся и в других памятниках. В прочих случаях инфикс распространился на весь глагол: ср. blinken и ahd. blihhan «bleichen» (герм. bliken), glinzen и ahd. glīzzan «gleißen», ahd. klimban «klimmen» (англ. to climb) и ahd. klīban «kleben» («haften») и др.

Характер суффиксов настоящего времени имеют и основообразующие элементы слабых глаголов. В глаголах на -jan тематическому гласному е — о предшествует -j-, т. е. неслоговое j (основы на ie — io). Например, лат. capio «беру» (ср. got. hafjan «heben») — прош. cēpi, facio «делаю» — прош. fēci, fodio «копаю»

— прош. *fōdi* и др. Такое образование настоящего времени первоначально не связано с дентальным прошедшим: в германских языках кроме слабых существует ряд сильных глаголов на *-jan* (V — VI сильн.), хотя число их немногочисленно. Ср. V: got. *bidjan* «bitten» (прош. *baþ*, *bēdum*, *bidans*); VI: *hafjan* «heben» (прош. *hōf*, *hōfum*, *hafans*), также *skapjan* «schaffen», *hlahjan* «lachen», *wahsjan* «wachsen», *skapjan* «schaden», *frapjan* «verstehen». В древневерхненемецком *-j-* имеют из сильных частично те же, частично другие глаголы, причем *-j-* вызывает преломление или умлаут гласного и удвоение согласного (с соответствующим изменением по перебою), которые отсутствуют в других формах. Ср. V: ahd. *bitten* (< *bidjan*), *bat*, *bātum*, *gibetan*; *sizzen* (< *sitjan), *saʒ*, *sāzum*, *giseʒfan*; *liggen* «liegen» (< *ligjan), *lag*, *lāgum*, *gilegan*; VI: *heffen* «heben» (< *hafjan*), *huob*, *huobum*, *gihaban*; *skēpfen* «schaffen» (< *skapjan*), *skuof*, *skuofum*, *giskaffan*; *swerien* «schwören» (*swarjan), *swuor*, *swuorum*, *giswaran*. Большинство глаголов этой группы в дальнейшем приспособляется к господствующим типам путем аналогических преобразований. Так, *heben* вытесняет *heffen* уже в конце древневерхненемецкого периода; mhd. *ligen* в новонемецком получает долгое *ī* (*liegen*): mhd. *schēpfen* и *sweren* лабиализуют коренной гласный (*schōpfen* — *schwōren*), причем *schōpfen* сохраняется только как слабый глагол в новом, суженном значении (ср., однако, *Schöpfer* «творец»), тогда как в сильном глаголе по аналогии закрепляется *schaffen*, в прошедшем устанавливаются новые формы — *schwor* (рядом с *schwur*), *geschworen*, *hob*, *gehoben*, по аналогии с более распространенным типом прошедшего на *o* (см. стр. 230); ср., однако, изолированную форму прил. *erhaben* «возвышенный» (причастие *erhoben*) и архаическое: *er hub an* («er fing an»). В V ряду тип *i — a* (*bitten* — *bat*) сохраняется неизменным, опираясь на аналогичное чередование в ряду IIIa (*binden*, *band*).

В обширной группе слабых глаголов на *-jan* особенно большое распространение имеют понудительные (каузативы), образованные от глаголов и прилагательных (см. стр. 277); последние благодаря умлауту являются до сих пор весьма активной категорией: *stark* — *stärken*, *kurz* — *kürzen* и т. д. Наличие элемента *-j-* вызывает и здесь обычные изменения предшествующего гласного и согласного. Удвоение согласного бывает, по общему правилу, только после краткого гласного: поэтому *zellen*, *stellen*, но *suochen*, *senden* и т. д. При спряжении элемент *-j-* предшествует тематическому гласному, сохраняющему обычное чередование. Во 2 — 3 ед. в готском после долгого слога или во втором слоге от ударения происходит обычное стяжение *ji > ei* (см. стр. 117): ср. *sōkjan* «suchen» — *sōkeis*, *sōkeiþ*; *mikiljan* «увеличивать» — *mikileis*, *mikileiþ*. В древневерхненемецком во 2 — 3 ед. *-j-* поглощается последующим *i*; поэтому 2 — 3 лицо перво-

начально не имело удвоения: ср. *zellen* «zählen» — *zelli*, *zelis*, *zelit*; *stellen* — *stellu*, *stelis*, *stelit* и т. п. Впоследствии происходит унификация в ту или другую сторону: *zählen*, но *stellen*. Так же спрягаются сильные на *-jan*: ср. *liggu*, *ligis*, *ligit*; отсюда в новонемецком *liegen*, с удлинением в открытом слоге по 2 — 3 лицу.

Под влиянием элемента *-j-* гласный *a* в окончаниях глаголов этой группы очень рано заменяется *e* (ahd. *suochen*, *suochemēs*, *suochent*). В остальном развитие окончаний настоящего времени происходит так же, как в сильных глаголах.

Суффикс *-ō-* во II группе слабых служил в большинстве случаев для образования глаголов, производных от имен существительных (деноминативных): ср. got. *salbōn* «salben» от *salba* «Salbe», *fiskōn* «fischen» от *fisks* «Fisch», *karōn* «sich kümmern» от *kara* «Sorge», ahd. *badōn* «baden» от *bad* «Bad», *mālōn* «zeichnen» от *māl* «Zeichen», *lōnōn* «lohnēn» от *lōn* «Lohn», *lobōn* «loben» от *lob* «Lob» и мн. др. Существование этого типа сделало возможным в новонемецком широкое образование новых глаголов от различных существительных: ср. *Narr* — *narren*, *Dampf* — *dampfen*, *Feuer* — *feuern*, *Knospe* — *knospen*, *Wirtschaft* — *wirtschaften* и мн. др. При спряжении суффикс *-ō-* остается неизменным; к нему прибавляются обычные личные окончания (ahd. I ед. *-m*). В других языках индоевропейской системы ему соответствует *-ā-* (ср. лат. I спряжение: *amāre*).

Суффикс *-ai-* в III группе слабых не имеет определенного, вполне четкого значения. Древнейшие глаголы этой группы — непроизводные, обозначают состояние и употребляются в непереходном значении. Ср. got. *liban* «leben», *rahan* «schweigen» (ahd. *dagēn*), *fulan* «dulden», *skaman* «sich schämen» и некоторые другие. В древневерхненемецком сюда присоединяется довольно значительная группа производных от прилагательных с непереходным значением, которые четко противопоставляются фактитивам на *-jan* как глаголы становления: ср. *altēn* «alt werden», *nazzēn* «naß werden», *irblintēn* «blind werden», *irkaltēn* «kalt werden» и др. В готском суффикс *-ai-* чередуется в настоящем времени с *-a-*, которое остается, как в сильных глаголах, в I ед. и I, 3 мнж. В древневерхненемецком неударному *ai* фонетически соответствует *ē*, которое проходит через все лица. К нему прибавляются обычные окончания (ahd. I ед. *-m*). Из других языков индоевропейской системы этой группе соответствует латинское II спряжение на *ē* (*habēre* «haben»).

Суффикс *-pa-* образует в готском особую IV группу слабых, которая отсутствует в западногерманских языках. В противоположность остальным германским глаголам, эта группа сохранила видовое значение: глаголы на *-pa-* — непереходные, совершенного вида. Корень обыкновенно имеет низшую ступень

аблаута. Ср. от глаголов: *giutan* «gießen» — *usgutan* «vergossen werden» («пролиться»); *gatairan* «zerreißen» (ср. *nhd. zerrén*) — *gataúrnán* «zerrissen werden» («порваться»); *bindan* «binden» — *andbundnan* «erlöst werden» («освободиться»); от прилагательных: *fulls* «voll» — *fullnan* «voll werden» («наполниться»); *gabigs* «reich» — *gabignan* «reich werden» («разбогатеть») и др. Как глаголы состояния с значением среднего залога (пассивно-медиальным) глаголы на *-па-* употребляются Вульфиллой при переводе греческого пассива, но только в тех случаях, где при страдательном залоге не обозначено действующее лицо: ср. *wein usgutniþ* «вино прольется», но не «будет пролито кем-нибудь». При спряжении в настоящем времени чередуются тематические гласные *a* — *i*, как в сильных глаголах; в сущности глаголы этой группы по своему происхождению относятся к рассмотренному выше типу *-ne-/no-* (ср. *fráhnán* и др.), но получили особое оформление по слабому спряжению и обособились в специальном грамматическом значении.

Примечание. Тематические гласные настоящего времени в германских, как и в других индоевропейских языках, фонетически совпадают с именными основами: ср. суффикс наст. сильных глаголов *e* — *o* (герм. *i* — *a*) с именными основами на *o* (герм. *a*), суффикс II группы слабых *a* (герм. *ó*) — с женскими именами на *a* (герм. *ó*), глаголы на *-ja-* с именными основами на *-j-*, именное и глагольное основы на *-ne-* — *-no-* (герм. *-pa-* — *-na-*) и др. Это обстоятельство позволяет предполагать, что в основе глагольной формы лежит предиктивная именная (ср. *va*, древнее имя в функции сказуемого (предиката), сформированная с помощью местоименного показателя лица (личного местоимения). Как указывает Н. Я. Марр, категория имени древнее глагола, который развивается из имени, употребляемого в функции сказуемого. Аналогичный процесс образования глагола наблюдается в языках других систем, например, тюркских. Ср. санскр. наст. *bhaḡ-a-mi* «несу», *bhaḡ-a-si* «несешь» и т. д. с узбекским настоящим-будущим *ber-a-man* «даю», *ber-a-san* «даешь» и т. д., где *ber-* — корень, *-a-* — признак глагольного имени («деепричастия»), *-man*, *-san* — предиктивные личные окончания (личные местоимения).

§ 53. Из двух типов прошедшего, существующих в германских языках, сильное является более древним и встречается также в других языках индоевропейской системы, хотя только в германских языках глагольный аблаут имеет такое широкое распространение; слабое дентальное прошедшее является новообразованием, специфическим для германских языков.

Видовые основы германского прошедшего вскрываются при сопоставлении с другими индоевропейскими языками, пережиточно сохранившими старую видовую систему, отчетливее всего — с греческим. Греческий язык имеет два вида, на основе которых в дальнейшем развиваются прошедшие времена: *аорист*, обозначающий действие *мгновенное* (*punktuell*), и *перфект*, представляющий *результативный* вид, т. е. обозначающий действие,

законченное в прошлом, результат которого существует в настоящем (например, «я запомнил» — следовательно, «помню»). В латинском языке сильное прошедшее (так наз. *perfectum*) по своим формам совпадает в одних глаголах — с греческим перфектом, в других — с аористом: это показывает, что оба вида, утратив свое первоначальное видовое значение, смешиваются и переосмысливаются как времена. Аналогичное явление имело место и в германских языках, с той разницей, что германское прошедшее, имеющее в большинстве глаголов две разных ступени аблаута (ср. *got. staig* — *stigum*, *band* — *bundum*, *nam* — *nēmum*), по видимому, является скрещением перфекта и аориста, потерявших свое видовое значение. По своему вокализму единственное число германского глагола совпадает с греческим перфектом (ступень *o*), множественное число — с греческим аористом (нулевая ступень, ударение первоначально на суффиксе). С этой точки зрения греч. перфект (*le-*)*loipa* и аорист (*e-*)*lipon* вполне соответствуют по аблауту германскому прошедшему (I сильн.): *ahd. ed. steig* — *множ. stigum*. Значение глагольного корня с нулевой ступенью как аориста косвенным образом подтверждают в германских языках отглагольные существительные типа *Tritt*, *Schnitt*, *Schuß*, *Trunk* и т. п., обычно обозначающие *однократное действие* и его результат (ср. стр. 267), и готские глаголы на *-nan* с низшей ступенью аблаута, единственные в германских языках сохранившие видовое значение (совершенного вида, близкого по значению к аористу).

Процесс скрещения перфекта и аориста, связанный с превращением видов во времена, проходил в германских языках не во всех случаях одинаково. Так, IV—V ряды сильных глаголов вместо нулевой ступени аблаута имеют высшую ступень *e* (*got. nēmum*, *slērum*), которая также встречается в других индоевропейских языках в так наз. атематическом аористе (ср. лат. *frango* — прош. *frēgi* «я сломал» и *got. прош. множ. brēkum* «wir brachen», лат. *edo* — прош. *ēdi* «я съел» и *got. прош. множ. ētum* «wir aßen» и др.). Во 2 ед. готский (как и древнеисландский) имеет нормальную форму перфекта с вокализмом ед. числа и окончанием *-t*; в западногерманских языках (в том числе и в древневерхненемецком) вокализм *множ. числа* (аориста) наличествует также во 2 ед.: в древневерхненемецком 2 ед. прош. сильных глаголов всегда имеет вокализм *множ. числа*, окончание *i* и консонантизм с чередованием по закону Вернера, также совпадающий с *множ. числом* (ударение на суффиксе): внешним видом эта форма напоминает опатив прошедшего времени но исторически она восходит к аористу как по своему вокализму, так и по окончанию (*ahd. прош. ед. 2. stigi* — греч. аорист (*e-*)*stiches*). Ср. прош. сильн. I: *ahd. ед. 1. 3. stīg. 2. stigi*, *множ. 1. stigum* и т. д.; ед. 1. 3. *snīd*, 2. *sniti*, *множ. 1. snitum*; II: ед. 1. 3. *zōch*,

2. *zugī*, множ. 1. *zugum*; III: ед. 1. 3. *warf*; 2. *wurfi*, множ. 1. *wurfum*; IV: ед. 1. 3. *nam*, 2. *nāmi*, множ. 1. *nānum*; V: ед. 1. 3. *gab*, 2. *gābi*, множ. 1. *gābum*; VI: ед. 1. 3. *fuog*, 2. *fuori*, множ. 1. *fuorum* и т. п.; в средневерхненемецком с умлаутом ед. 2. *zūge*, *wūrfe*, *gābe*, *fūere* и др. В новонемецком это чередование устраняется вместе с различием вокализма ед. и множ. прош. Исключение из этого типа прошедшего представляют глаголы претерито-презентные (см. § 61), которые и в западногерманских языках имеют во 2 лице ед. нормальный для перфекта вокализм единственного числа и окончание *-t* (как в готском): ср. *ahd.* ед. 1. 3. *darf*, 2. *darft*, множ. 1. *durfum* и т. д. (от глагола *ahd.* *durfan* «bedürfen»).

С видовым значением прошедшего связано наличие в готском особого типа сильного прошедшего с редупликацией (удвоением). Удвоение нередко встречается в индоевропейских языках как признак перфекта; в греческом перфект обязательно имеет удвоение: ср. *paideúō* «воспитываю» — перф. *peráideuka*, *léipō* «оставляю» — перф. *léloipa* и т. д. В готском существует значительная группа глаголов с удвоением в прошедшем. При удвоении начальный согласный повторяется с гласным *e* (*aí*): *haitan* «heißен» — прош. *haíhait*, *falpan* «falten» — прош. *faífalp*, *fāhan* «fangen» — прош. *faífāh* и т. д. Если слово начинается с двух согласных, то повторяется только первый: *fraisan* «versuchen» — прош. *faífraís*; но группы *sk* и *st* повторяются целиком: например, *skaidan* «schneiden» — прош. *skaískaiþ*. В словах, начинающихся с гласного, редупликация образуется только с приставкой *e-*: *aukan* «vermehren» — прош. *aíauk*. Некоторые глаголы соединяют редупликацию с аблаутом высшей ступени *ē* — *ō*: ср. *lētan* «lassen» — прош. *laílot*, *grētan* «weinen» — прош. *gaígrōt*, *saífan* «säen» — прош. *saíso* и др.

Готские редуплицирующие глаголы спрягаются в прошедшем, как сильные, но ед. и множ. прош. имеют одинаковую степень вокализма. Это показывает, что мы имеем в основе обеих форм один и тот же вид — старый перфект, переосмысленный как прошедшее. Ср. *haitan*, *haíhait*, *haíhaitum*, *haitans* «heißен».

		Прошедшее	
		Индикатив	Оптиматив
Ед.			
	1.	<i>haíhait</i>	<i>haíhaitjau</i>
	2.	<i>haíhaist</i>	<i>haíhaiteis</i>
	3.	<i>haíhait</i>	<i>haíhaiti</i>
Дв.			
	1.	[<i>haíhaitu</i>]	[<i>haíhaiteiwa</i>]
	2.	<i>haíhaituts</i>	[<i>haíhaiteits</i>]

Множ.

1.	<i>haíhaitum</i>	<i>haíhaiteima</i>
2.	<i>haíhaituþ</i>	<i>haíhaiteiþ</i>
3.	<i>haíhaitun</i>	<i>haíhaiteina</i>

В западногерманских и северногерманских языках редупликация, утратившая свое первоначальное видовое значение, подвергается редукции (стяжению). Процесс этот может быть наиболее отчетливо прослежен в англо-саксонском, где сохранились архаические полустяженные формы: ср. *ags.* *hātan* «heißен» — прош. *heht* (*got.* *haíhait*), позже *hēt*; *lācan* «spielen» — прош. *leolc* (*got.* *laílaik*), позже *lēc* и др. В древневерхненемецком продуктом стяжения являются дифтонги *ia* (<*ē*₂) или *io* (*ahd.* *heizzan* — *hiaz*, *loufan* — *liof*), которые дают в средненемецком *ie* (*mhd.* *hiez*, *lief*).

Таким образом развивается новое чередование глагольного вокализма (сильн. VII), образующее как бы аблаут позднейшего происхождения (см. стр. 112 и 131).

Уже на древнейших исторически засвидетельствованных стадиях германских языков образование прошедшего с помощью аблаута не является живой грамматической категорией, способной к дальнейшему развитию; чередование гласного в корне, как выражение грамматико-семантических отношений, является в германских языках пережитком более древних стадий. Разрушению сильного спряжения способствует растущая противоречивость рядов аблаута, вызванная ассимиляторным воздействием соседних гласных и согласных. Первоначально вполне четкое и однозначное чередование *e* — *o* — *u* осложняется уже в древнейшую пору влиянием показателей при коренном гласном (*i*, *u*, сонорные), благодаря которым дифференцируются ряды I, II, III, IV (см. стр. 134). Вследствие этого одинаковые по своему значению грамматические категории выражаются различными формальными признаками, причем эти различия не имеют объяснения в пределах данной стадии языкового развития: ср. *got.* I. *steigan* — *staig*, II. *biugan* — *baug*, III — V. *bindan* — *band*, VI. *faran* — *fōr*.

В дальнейшем число рядов увеличивается и система усложняется: в древневерхненемецком, например, раздваиваются ряды I и II в прошедшем времени в зависимости от последующего согласного: Ia. *stigan*, *s t e i g*, Ib. *līhan*, *l ē h* (*ahd.* *ei* > *ē* перед *h*, *r*, *w*); IIa. *biogan*, *b o u g*, IIb. *biotan*, *b ô t* (*ahd.* *cu* > *ō* перед *h* и переднеязычными); во всех западногерманских языках происходит дифференциация III ряда по правилам преломления (см. стр. 127): IIIa. *bindan*, *band*, *bundum*, *gib undan* (перед носовыми) — *werfen*, *warf*, *wurfum*, *giworfan* (перед плавными). В начале новонемецкой эпохи в ряду IIIa. наблюдается дальнейшее раздвоение: ср. *mhd.* *finden*, *fand*, *gefunden* — *beginnen*, *began*, *begunnen*;

nhd. gefunden, но begonnen (mhd. u + nn, mm > nhd. o). Кроме того, в древневерхненемецком меняется вокализм настоящего в глаголах V и VI рядов на -jan: ср. geban, gab, gigan, но bitten, bat, giban; faran, fuor, gifaran, но sweren, swuor, giswaran. В то же время возникает новый тип аблаута VII ряда с различными гласными, одинаковыми для настоящего времени и причастия II: ср. mhd. heizzen — hiez — geheizen, rāten — riet — gerāten, halten — hielt — gehalten, loufen — lief — geloufen, stōzen — stiez — gestōzen, ruofen — rief — geruofen.

Наличие большого числа пережиточных формальных различий, не имеющих грамматико-семантической значимости, вызывает тенденцию к аналогическому упрощению и унификации сильного спряжения. В новонемецкую эпоху уничтожается различие в аблауте единственного и множественного чисел прошедшего времени. Ср. I. mhd. steic, stigen (lêch, lihen) — nhd. stieg, stiegen (lieh, liehen): побеждает множ. число, поддержанное причастием (mhd. gestigen — nhd. gestiegen), так как форма steig становится двусмысленной благодаря совпадению с настоящим временем (mhd. stigen > nhd. steigen). IIb. mhd. bôt, buten — nhd. bot, boten: единственное вытесняет множественное также благодаря поддержке причастия (mhd. geboten > nhd. geböten). III. mhd. bant, bunden (warf, wurfen) — nhd. band, banden (warf, warfen): победа единственного числа связана, вероятно, с широким распространением гласного a, как признака прошедшего (ср. IV — V). IV — V. mhd. nam, nāmen (gar, gāben) — nhd. nahm, nahmen (gab, gaben): унификация вызвана распространением долготы на односложные формы ед. числа. В ряде случаев (I — II) устанавливается единый гласный для прошедшего и причастия: по типу IIb. bieten, bot, geboten (mhd. bôt, buten, geboten) униформируется в том же направлении IIa: biegen, bog, bogen, gebogen (mhd. bouc, bügen, gebogen). Причастие на o из II — IV ряда (gebogen, begonnen, geworfen, genommen) распространяется частично и на V ряд — gewogen, gepflogen, gewoben, а также на некоторые изолированные глаголы VI ряда (на -jan) — geschworen, gehoben. В свою очередь, опираясь на причастие, развивается прошедшее на o (по типу bot, geboten) и вытесняет старое прошедшее на a в некоторых глаголах III — V ряда: ср. quoll, gor, schor, erscholl, schmolz, glomm, klomm, molk, schmolz, borst (barst), focht, flocht, losch, pflog, wog, wob, drosch, а также VI ряда (на -jan): schwor, hob; в целом ряде случаев с этими новыми формами сильного прошедшего конкурирует слабое: например, pflegte, dreschte и пр. Окончательная унификация прошедшего относится к XVII в. Лютер еще различает ед. и множ. (см. стр. 58), а в южнонемецком письменном языке архаические формы встречаются до середины XVIII в. (множ. trinken, wurfen и по аналогии ед. ich trank, ich wurf). В настоящее время

чередование в прошедшем сохраняет только глагол werden в архаической форме ед. ward (рядом с wurde) — множ. wurden.

С точки зрения современного языка чередование сильных глаголов можно разбить на следующие группы:

I. Наст. ei — прош. i, прич. i (ie).

Например: greifen, griff, gegriffen; leiden, litt, gelitten; schweigen, schwieg, geschwiegen. Сюда относятся все глаголы на ei в наст., кроме heißen (сильн. I).

II. Наст. e — прош. a.

1) e — a — o: werfen, warf, geworfen; nehmen, nahm, genommen (сильн. IIIb — IV). К этой группе также примыкает kommen (ahd. kumen — с низшей ступенью аблаута в наст. врем., ср. стр. 135).

2) e — a — e: geben, gab, gegeben (сильн. V).

III. Наст. i — прош. a.

1) i — a — u: binden, band, gebunden; trinken, trank, getrunken (сильн. IIIa на i + носов. + согл.).

2) i — a — o: schwimmen, schwamm, geschwommen; beginnen, begann, begannen (сильн. IIIa на i + двойной носовой — кроме glimmen, klimmen).

3) i — a — e: bitten, bat, gebeten; sitzen, saß, gesessen; liegen, lag, gelegen (сильн. V на -jan).

IV. Прош., прич. o.

1) ie — o — o: bieten, bot, geboten; fließen, floß, geflossen. Все глаголы на ie в наст., кроме liegen (сильн. II). Сюда же примыкают из глаголов на i + двойной носовой glimmen, glomm, geglommen; klimmen, klomm, geklommen.

2) e — o — o: schmelzen, schmolz, geschmolzen; scheren, schor, geschoren; weben, wob, gewoben (сильн. III b, IV, V, принявшие o в прош. и причастии). Сюда же heben, hob, gehoben (сильн. VI на -jan). К этой группе примыкает schallen (mhd. schellen) с неправильным настоящим.

3) ü — o — o: lügen, log, gelogen; trügen, trog, getrogen. Глаголы lügen и trügen (сильн. II) приняли в новонемецком ü вм. ie в настоящем (mhd. liegen, triegen). Переход i > ü в lügen происходит под влиянием сущ. Lüge, в результате столкновения с однозвучным liegen «лежать»; trügen по аналогии с lügen.

4) ö — o — o: schwören, schwor, geschworen (сильн. VI на -jan с лабиализацией e > ö в настоящем); löschen — losch — gelöschen (сильн. IV с лабиализацией e > ö).

5) au — o — o: saugen, sog, gesogen; saufen, soff, gesoffen (сильн. II на û — см. стр. 135). Сюда же schnauben.

V. Наст. а — прош. и — прич. а.

Например: graben, grub, gegraben (сильн. VI).

VI. Прощ. ie. Гласные настоящего и причастия одинаковые.

Например: fallen, fiel, gefallen; raten, riet, geraten; stoßen, stieß, gestoßen; laufen, lief, gelaufen; heißen, hieß, geheißen; rufen, rief, gerufen (сильн. VII редуцирующие).

Кроме того ряд глаголов с индивидуальными отклонениями (gehen, stehen, tun — см. § 62).

Таким образом в современном немецком языке возможны самые разнообразные противоречия в производстве глагольных форм: например, nehmen, nahm, genommen — geben, gab, gegeben; liegen, bog, gebogen — liegen, lag, gelegen и мн. др.

§ 54. На смену архаическому и противоречивому типу сильного прошедшего в германских языках выступает новое слабое прошедшее с дентальным суффиксом (герм. -d, нем. -t), единственная живая и активная форма в историческую эпоху немецкого языка. Потребность в такой форме создавалась прежде всего наличием большого числа глаголов производных (от имен или других глаголов), не укладывающихся в нормальную последовательность аблаута глагольных рядов; с развитием языка число таких производных глаголов непрерывно увеличивается, и они образуют основную массу слабых глаголов. В противоположность старому сильному прошедшему, имевшему первоначально видовое значение, новая слабая форма, по всей вероятности, с самого начала служила обозначению времени. По своему происхождению дентальный суффикс прошедшего времени предположительно восходит к суффиксированному прошедшему от глагола tun «делать» (герм. *dōn): ср. готск. множ. прош. nasidēdum < nasi + *dēdum, где -dēdum в точности соответствует прошедшему ahd. tātum «taten». В дальнейшем, с потерей самостоятельной значимости, окончание -dēdum, еще выступающее в готском во множественном и в опативе как морфологически различимое слово, редуцируется в суффикс — got. -d- (прош. ед.), нем. -t-. Существует, однако, и другая теория, объясняющая развитие германского слабого прошедшего из причастия на -t- (в предикативном употреблении) на основании того, что дентальное прошедшее всегда совпадает в слабом спряжении с дентальным причастием II, а это последнее является грамматической категорией, широко распространенной во всех индоевропейских языках, несмотря на отсутствие в них дентального прошедшего. Скорее всего, что в создании этой новой формы участвовали обе указанные категории.

Характерно, что дентальный суффикс прошедшего времени присоединяется не непосредственно к корню глагола, а к соответствующей основе настоящего времени: I -i- из -j-, II -d-, III -ai-, в IV группе -lō- (с вокализмом -ō по типу II). В древневерхне-

немецком различаются окончания -ita, -ōta, -ēta. При этом в группе I гласный -i- выпадает после долгого слога (долгий гласный + согласный или краткий гласный + группа согласных). Ср. ahd. nerien — nerita (got. nasjan — nasida), leggen — legita (got. lagjan — lagida), no suochen — suochta (got. sōkjan — sōkida), hören — hörta (got. hausjan — hausida). Вследствие раннего выпадения -i- глаголы с долгим слогом не имеют умлаута в прошедшем времени, тогда как в настоящем времени умлаут вызывается, как обычно, наличием -j-. Ср. ahd. brennen — branta (got. brannjan — brannida), senden — santa (got. sandjan — sandida), stellen — stalta; mhd. hören — hörte, dürsten — durste, küssen — kuste и др. Это явление получило название «обратного умлаута» (Rückumlaut), хотя на самом деле умлаут в прошедшем времени не исчезает, а просто отсутствует, вследствие раннего выпадения -i- в древневерхнемецком. В новонемецком Rückumlaut в большинстве глаголов устраняется как семантически ненужная дифференциация: ср. hören — hörte, küssen — küßte. Он сохраняется только в некоторых глаголах на pp и nd: ср. brennen — brannte — gebrannt, также kennen, rennen, pennen; senden — sandte — gesandt, wenden — wandte — gewandt. Сохранение Rückumlaut'a именно в этих глаголах объясняется тем, что чередование гласных переосмысливается в них как аблаут по типу многочисленных глаголов с прошедшим на а при последующем носовом (band, begann и др.). Об этом свидетельствует написание настоящего времени через e, а не через ä, как следует при наличии умлаута, и отнесение этой группы в школьных грамматиках к категории глаголов «смешанных», т. е. одновременно сильных и слабых. В диалектах Rückumlaut и в этих глаголах нередко устраняется: ср. gebrennt, gekennt и т. п.

В небольшой группе слабых глаголов выпадение i в прошедшем — явление, общее для всех германских языков. Корень этих глаголов оканчивается на -k, которое ассимилируется с дентальным суффиксом в -ht. Ср. got. waurkjan «wirken» — прош. waurhta, прич. waurhts; brūkjan «brauchen» — brūhta, brūhts; þagkjan «denken» — þāhta, þāhts; þugkjan «dünken» — þūhta, þūhts — и др. (в двух последних случаях — с выпадением p перед h и заменительным удлинением гласного). В древнемецком глаголы эти обнаруживают Rückumlaut и преломление u > o перед последующим a: ср. ahd. wurken (mhd. wūrken) «wirken» — прош. worhta (или worahta), прич. giworht; furhten «fürchten» — прош. forhta (или forahta); denken — прош. dāhta, прич. gidāht; dunken (mhd. dūnken) — прош. dūhta (mhd. dūhte), прич. gidūht (mhd. gedūht) и многие другие. Из этих глаголов только denken сохранил полностью первоначальный тип (в диалектах обычная форма mir deucht восходит к опативу прошедшего: она вытеснила

индикатив в связи с модальным значением самого глагола (ahd. *dûhti* > mhd. *diuhte* «казалось бы»); в остальных случаях проведения униформация.

Сочетание аблаута с дентальным суффиксом в прошедшем имели ahd. *bringen*, *brâhta* (<*branhta), *gibrâht* (got. *briggan*, *brâhta*) и *biginnan*, *bigonda* (> mhd. *begonde*) — рядом с правильным *bigann*. Неправильные формы сохранились только в первом глаголе (в диалектах встречается аналогическое *gebrungen*).

Различия между типами слабого спряжения (ahd. *-ita*, *-ôta*, *-êta*) исчезли в средневерхненемецком при редукции неударных гласных в безразличное *-e*: дальнейшее сохранение суффиксального *-e* перед *-te* (тип *suchte* или тип *lebete*) зависит от предшествующего согласного и от особенностей данного диалекта. В новонемецком *-e* сохраняется после *d*, *t* или шумного + носовой: *redete*, *betete*, *atmete*, *öffnete* и т. п.

Таким образом, слабое прошедшее, в противоположность сильному, выступает как единообразная и однозначная грамматическая категория. Поэтому понятен переход целого ряда глаголов из сильного спряжения в слабое, в особенности в новонемецком (более 50 примеров). В средневерхненемецком по сильному типу спрягались, например: I. *schneien*, *kreischen*; II. *niesen* (*nießen*), *schmiegen*; III. *schinden*, *hinken*, *schwelgen*, *bellen*; IV—V. *râchen*, *hehlen*, *kneten*; VI. *lachen*, *mahlen*, *nagen*, *waten*; VII. *bannen*, *falten*, *spalten*, *fluchen*, *schweifen* и мн. др. В ряде глаголов сильные и слабые формы употребляются параллельно, например: *glimmen*, *weben*, *gären*, *pflegen*, *saugen* и др. Обычно в таких случаях сильная форма воспринимается как более книжная, литературная, слабая — как разговорная. Иногда рядом с новым, слабым прошедшим сохраняется еще старое, сильное причастие: например, *melken*, *melkte*, *gemolken* (и *gemelkt*); *spalten*, *spaltete*, *gespalten* (и *gespaltet*); *salzen*, *salzte*, *gesalzen*; *backen*, *backte* (реже *buk*), *gebacken* и др. В диалектах, сохранивших простое прошедшее, распространение слабых форм происходит еще энергичнее: ср. в восточно-средненемецком *gewinnnte*, *verlierte*, *scheinte*, *springte* и др. Обратные переходы из слабого в сильное спряжение наблюдаются лишь в единичных случаях на основании звуковой аналогии, главным образом по I ряду: *gleichen*—*glich*; *schweigen*—*schwieg*; *weisen*—*wies*; *preisen*—*pries*; *pfeifen*—*pfiff* (mhd. *glîchen*, *swîgen* и др. — слабые); уже в ahd. *scriban*—*screib*, из лат. *scribere*. Новобразованием диалектального происхождения является сильная форма *fragen*—*frug* вм. *fragte* (ahd. *frâgên*—*frâgêta*); переход этого глагола в VI ряд стал возможным лишь в новонемецком, после удлинения краткого *a* в открытом слоге (ср. mhd. *trâgen* > nhd. *tragen*); параллельно возникли диалектальные формы *frâgst*, *frägt* по типу сильного спряжения с умлаутом (ср. *trâgst*, *trägt*).

Таким образом, с точки зрения современного немецкого языка

слабое прошедшее является нормальной и «правильной» формой спряжения (глаголы «типичные»); сильное прошедшее закреплено лишь пережиточно в ограниченном числе глаголов (всего около 160), как исключение из правила.

Окончания прошедшего времени представляли изначала некоторые отличия от настоящего. В новонемецком множ. число благодаря редукции утратило своеобразие окончаний, во 2 ед. обычное *-st* вытесняет изолированную форму на *-i* с умлаутом (старый аорист), как и характерное для перфекта окончание *-t*, существовавшее и в немецком в глаголах претерито-презентных (ср. стр. 228).

§ 55. В противоположность индикативу (изъявительному наклонению), заключающему высказывание в объективной форме, для обозначения субъективности высказывания в германских языках употребляется наклонение, получившее название *конъюнктива* (сослагательного) или *оптатива* (желательного). В исторических грамматиках германских языков употребляется преимущественно термин *оптатив*, так как формы германских языков более соответствуют оптативу других языков индоевропейской системы, чем конъюнктиву. Германский оптатив может выражать желание, сомнение, возможность, предположение. При этом различаются две формы: для менее определенных, хотя и возможных высказываний (*unsicher, aber möglich*) употребляется оптатив настоящего времени (*Potentialis*), для предположений невозможных, противоречащих действительности, — оптатив прошедшего (*Irrealis*). Ср. наст. *Man mache Raum! Alle wünschen, daß er bald komme* (желание). *Ich zweifle, ob er zu Hause sei* (сомнение). *Man glaubt, er sei krank* (предположение). *Er sagt, daß er sich bereit fühle. . .* (конъюнктив чужого мнения). Прощ. *Lebte er noch!* (желание, противоречащее действительности). *Wäre es möglich?* (вопрос, предполагающий невероятное). *Mir träumt, du wärest gestorben* (предположение, не соответствующее действительности). *Wäre ich gesund, so käme ich zu dir* (нереальное условие) и т. д. Таким образом основное различие между двумя формами оптатива — не временное, а модальное. Однако по способу своего образования оптативы примыкают к основам, получившим в германских языках временное значение: первый — к основе настоящего времени, второй — к множественному числу прошедшего времени. При этом оптативы характеризуются особым суффиксом и частично отличающимися от индикатива личными окончаниями. Признаком оптатива в языках индоевропейской системы является суффикс *-ī-* (*i*). В настоящем времени вместе с тематическим гласным *o* он образует суффикс *-oi-* (ср. греч. опт. наст. I — 3 ед. *pheroimi*, *pherois*, *pheroi* и т. д.), — в германских языках *-ai-*. Готский имеет *-ai-* во всех лицах кроме 1 ед.

(-au); в немецком языке неударному -ai- соответствует -ê-, которое в 1, 3 ед. на конце слова теряет долготу. В прошедшем -î- присоединяется непосредственно к корню (в сильных глаголах) или к дентальному суффиксу (в слабых глаголах); готский имеет -î- (ei) во всех лицах, кроме 1 ед. (-jau), древневерхненемецкий — тоже -î-, которое также в 1, 3 ед. на конце слова теряет долготу.

В средневерхненемецком происходит обычная редукция неударных окончаний, в результате которой в целом ряде форм происходит совпадение оптатива и индикатива. В настоящем времени более четкое различие сохраняется только в 3 ед. инд. steigt — опт. steige, а также во 2 ед. и множ. при условии выпадения е в индикативе (инд. 2 ед. steigst, множ. steigt — опт. steigest, множ. steiget, но после d, t — reitest, reitet в обеих формах). Вторичное различие создают для 2—3 ед. наличие умлаута и перегласовки в индикативе сильных глаголов на а и е: ср. инд. fährst, fährt — опт. fahrest, fahret, инд. gibst, gibt — опт. gebest, gebet. В прошедшем слабых глаголов совпадение полное. В прошедшем сильных совпадают 1 и 3 множ., а также 2 ед. и множ. при условии сохранения е в индикативе после d, t: ср. ich schlief — schliefe, du schliefst — schliefest (однако r i t t e s t в обеих формах), er schlief — schliefe, wir s c h l i e f e n, ihr schlieft — schliefet (r i t t e t в обеих формах), sie schliefen. В результате форма оптатива теряет свою отчетливость, прошедшее и настоящее смешиваются в употреблении, в ряде случаев неотчетливые формы настоящего заменяются прошедшим. Бехагель дает такую схему употребления этих форм при глаголах, по смыслу требовавших настоящего (выражение чужого мнения): er meint (или er meinte), ich schlafe (или schliefe), du schlafest (или schliefest), er schlafe (единственная вполне отчетливая форма настоящего), wir schliefen, ihr schlieft, sie schliefen: т. е. в единственном преимущественно — настоящее, во множественном — прошедшее. В некоторых конструкциях оптатив вообще заменяется индикативом, в особенности в обиходном языке: например, er meint, du schläfst.

Новым средством дифференциации оптатива прошедшего времени становится в средневерхненемецкую эпоху умлаут, вызываемый в сильных глаголах суффиксом -i. Ср. mhd.: II züge (ahd. zugi); III fünde, dürfe (ahd. fundi, durfi); IV—V næme, gæbe (ahd. nâmi, gâbi); VI füere (ahd. fuori); ряды I и VII по фонетическим условиям умлаута иметь не могут. В новонемецком, в связи с униформацией единственного и множественного прошедшего, оптативы частично меняют гласный, следуя за прошедшим, частично остаются от него изолированными. Глаголы IV—V рядов остаются без изменения вследствие фонетического совпадения ед. и множ.: ср. nahm — nahmen — nähme; gab — gaben — gäbe. Первоначальный гласный ü сохраняют глаголы на г, l + согл. (III b.), несмотря на перестройку прошедшего: ср. warf, warfen (mhd. w u r f e n) —

würfe; half, halfen (mhd. h u l f e n) — hülfe. В этой группе распространение ä повело бы к совпадению с настоящим временем (ср. werfe — wärfe). Вместе с прошедшим меняют ü на ä глаголы на n, m + согл. (IIIa.), ср. band, banden (mhd. b u n d e n) — bände (mhd. bünde), sang, sangen (mhd. s u n g e n) — sänge (mhd. s ü n g e). Такой же униформации подвергаются оптативы глаголов II ряда, меняющие ü на ö: ср. bog, bogen (mhd. b u g e n) — böge (mhd. böge); bot, boten (mhd. b u t e n) — böte (mhd. b ü t e). Подобно прошедшему на o, униформированному с причастием, оптатив на ö распространился широко за первоначальную сферу своего употребления, захватив целый ряд глаголов III и V групп и изолированных типа heben, schwören: ср. pflöge, flöchte, schmolze, beföhle, höbe, gölte, schölte, börste (рядом с последними также gälte, schälte, bärste), spönnē, begönnē, gewönnē, schwömmē (также gewännē, schwämmē). В глаголах на e форма на ö должна была устранить совпадение оптатива с настоящим временем (ср. gelte — *gälte, fechte — *fächte и т. п.).

Характерно, что, несмотря на достаточно четкое оформление, оптативы с умлаутом в большинстве указанных типов выходят из употребления; в настоящее время они почти исчезли из разговорной речи, хотя еще держатся достаточно прочно в более консервативном литературном языке. Наиболее неустойчивы новые оптативы на ö, о чем свидетельствуют отмеченные колебания. Разложение оптатива связано с пестротой и противоречивостью самой формы и вместе с тем с широким развитием новых, аналитических форм выражения модальности, вытесняющих повсюду старый флективный оптатив.

Императив (повелительное наклонение) имеет в немецком языке только одну самостоятельную форму 2 ед. Форма эта, как и в других индоевропейских языках, равна чистой основе настоящего времени без личного окончания: ср. ahd. salbô, habê (ср. лат. amā от amāre, habē от habēre). У слабых I группы окончание -i (suochi) является результатом вокализации -j- основы; в средневерхненемецком, вследствие редукции, все группы слабых получают окончание -e: suoche, salbe, lebe. В сильных глаголах тематический гласный -e (герм. i) отпал, но его первоначальное присутствие обнаруживается наличием преломления в глаголах на e (III—V) и на io (II): wirf, nim, gib, züh. В новонемецкую эпоху преломление во II группе исчезает (ср. архаическое zeuch < mhd. züch и др.); в сильных глаголах, не имеющих преломления, по аналогии слабых распространяется окончание -e: schlafe, schwebe и др. Довольно широко, как в настоящем, происходит при этом вытеснение преломления: ср. pflege, melke и др. В обиходном языке эти новые формы имеют более широкое распространение и частично проникают и в литературный язык: ср. trete (Ю. Кернер), lese (Гейне), betrete (Тик) и др.

В готском сохранились особые формы императива в 3 ед. и множ. с окончанием *-dau* и *-ndauc*, имеющими аналогии в других индоевропейских языках (ср. греч. *pheretō*, *pherontōn*, лат. *agito*, *agunto*). Древневерхненемецкий употребляет в значении 1 — 2 множ. обычные формы индикатива настоящего времени, с которым конкурирует желательное наклонение (оптатив наст.).

Для *страдательного залога* готский язык имеет особую форму: так наз. *медиопассив* (*Mediopassiv*). Эта форма употребляется только в двух наклонениях настоящего времени. Личные окончания прибавляются в индикативе к тематическому гласному настоящего времени, а в оптативе — к соответствующему суффиксу *-ai-*, и являются новыми вариантами обычных глагольных окончаний, причем окончание 3 лица в ед. числе заменяет также 1 лицо, во множ. 1 и 2 лица. По своему образованию готский медиопассив совпадает с греческим средним залогом (*medium*), в котором соответствующие формы имеют вполне аналогичные окончания (ед. 2 *-sai*, *-so*; 3 *-tai*, *-to*; множ. 3 *-ntai*, *-nto*: ср. выше стр. 144). Однако греческий средний залог представляет форму совершенно развитую, которая употребляется во всех временах и наклонениях и обладает всеми личными окончаниями. Возможно, что в готском медиопассив сохранился на более архаической ступени (или утратил часть форм под влиянием развития аналитического страдательного залога). По своему значению греческий медиум представляет форму *среднего залога*, из которой в дальнейшем развивается *страдательный залог* (пассив). Аналогичный путь должны были проделать медиальные формы и в готском языке (ср. мед. «наполниться», пассив. «быть наполненным кем-нибудь»); но в письменных памятниках они употребляются исключительно в позднейшем значении страдательного залога. Отсюда и самый термин «медиопассив», обозначающий форму, по своему происхождению медиальную, но получившую в дальнейшем развитии значение пассива. Глаголы на *-pan* не образуют медиопассива, так как сами имеют медиальное значение (ср. *fullpan* «наполниться» и др.). Недостающие формы страдательного прошедшего заменяются в готском страдательным причастием с глаголами «быть» (*wisan*) и «становиться» (*waifran*): например, *atgitbands warþ* «был предан»; *dauridai wēsun* «были крещены» и др. В древневерхненемецком старый флективный медиопассив отсутствует, и страдательные обороты могут быть переданы исключительно аналитической формой.

§ 56. Развитие личных окончаний в немецком глаголе приводит в результате средневерхненемецкой редукции к известной унификации, которая завершается вытеснением изолированных форм (наст. инд. 3 множ. *-ent*, прош. инд. 2 ед. *-e* с умлаутом или *-t*). К началу новонемецкой эпохи устанавливаются (за единичны-

ми исключениями) одинаковые окончания, как признак лица, независимо от времени, наклонения и типа спряжения: ед. 1 *-e*, — ; 2 *(-e)st*; 3 *-e*, —, *-t*; множ. 1 *-en*; 2 *-(e)t*; 3 *-en*. Основным противоречием этой системы является многозначность окончаний, утверждающаяся окончательно, в связи с редукцией, в средневерхненемецкую эпоху, но начало которой восходит к древневерхненемецкому. Совпадают 1 и 3 ед. (кроме изолированной формы индикатива наст. *-(e)t*), 1 и 3 множ., 3 ед. и 2 множ. в инд. наст. В связи с этим уже в позднем древневерхненемецком закрепляется обязательное местоимение-подлежащее при глаголе (в случае отсутствия подлежащего-существительного): ср. *ahd. nimu* — *mhd. ich nime*, *ahd. nimit* — *mhd. er nim(e)t*. Присутствие местоимения, как обязательного признака лица, в свою очередь делает возможным дальнейшую редукцию и смешение окончаний в средневерхненемецком. В современном немецком языке формы без местоимений употребляются только в обиходном языке; ср. у Гете — Гретхен в «Фаусте»: «*Bin ja ein arm unschuldig Kind*»; особенно часто во 2 лице, где имеется вполне отчетливое личное окончание и обращение понятно из общей ситуации разговора; ср. Шиллер в письме: «*Bist ja groß worden!*»

Архаические формы двойственного числа встречаются только в готском. Они имеют параллели в других индоевропейских языках на ранних ступенях развития (например, в греческом).

§ 57. *Инфинитив* и *причастие* представляют отглагольные существительное и прилагательное, входящие в систему глагола и благодаря этому имеющие свойственные глаголу признаки вида, времени, залога и т. п.

Инфинитив по своему происхождению — отглагольное существительное, название действия. В различных индоевропейских языках для образования инфинитива использованы различные именные словообразовательные суффиксы: например, в славянских языках инфинитивы на *-ть* — *-ти* (*ходить*) образованы с помощью именного суффикса *-ti-*, который мы встречаем в германских языках в основах на *-ti-* женского рода (см. стр. 267): ср. слав. русск. *стать* (инф. «стоять» — существ. «вид», «бстоятельство»: например, с какой *стату*) — нем. *stat* «место» (*nhd. Stadt*). В русском языке инфинитив, как глагольная форма, потерял все признаки существительного. Напротив, в немецком границы между инфинитивом и существительным продолжают быть очень зыбкими: каждый инфинитив может быть субстантивирован (ср. *leben* — *das Leben*, *schreiben* — *das Schreiben*). Субстантивированный инфинитив склоняется: *das Leben*, *des Lebens*, *dem Leben*; в ряде случаев такой инфинитив совершенно обособился от глагола и превратился в обычное существительное: ср. *das Leben* «жизнь», *das Vertrauen* «доверие», *das Gefallen* «удовлетворение», *das Ver-*

sehen «ошибка», das Wesen «сущность» (от старого глагола *wesan* «быть») и др.

Развитие это связано с некоторыми особенностями грамматической категории инфинитива. Германский инфинитив образуется с помощью именного суффикса *-n-* (осн. *-a-*) от глагольной основы настоящего времени. В этой форме он употребляется, как обычно, в качестве дополнения к другим глаголам: ср. *ich kann lesen, ich kann schreiben*. Как глагольная форма, он допускает при себе дополнения и обстоятельственные определения (наречия): *Ich kann Briefe schreiben, ich kann gut schreiben*. Рядом с обычным инфинитивом в древнегерманском (как и в других западногерманских языках) существовали формы род. и дат. пад., расширенные суффиксом *-j-* (с удвоенным *n*): *ahd. род. nemannes, suochen-nes, salbōnnes; дат. nemanne, suochenne, salbōnne*. Эти западногерманские формы склоняемого инфинитива получили название «герундия» (*gerundium*) по аналогии с латинской грамматикой, где этим термином обозначается отглагольное имя, по своему значению соответствующее косвенным падежам инфинитива. Род. пад. инфинитива обыкновенно зависит в древнегерманском от управляющего инфинитивом глагола: ср. *ahd. mag mich gilusten weinōnnes* («*es mag mich gelūsten*» — с род. «*des Weinēns*»). Дат. пад. употребляется только с предлогами, в особенности с предлогом *zu* в значении цели: *ahd. giengut ir mih zi fāhanne* («*um zu fangen*» — «чтобы поймать»); ср. *er ging einen Mantel zu kaufen* (*mhd. zi koufenne* — «чтобы купить»). В новонемецком из формы *nemannes* путем редукции развивается род. пад. инфинитива *nemens*, дат. *nemanne* формально совпал с основной формой *nemen*. При этом предлог *zu*, утративший свое первоначальное значение, становится формальным признаком глагольного инфинитива и в этом значении распространяется и на такие случаи, где исходное целевое значение совершенно отсутствует: например, *ich liebe zu schreiben* («я люблю писать»); тогда как для выражения цели возникает новая расширенная форма *um zu*: *um einen Mantel zu kaufen* («чтобы купить»). Явление это связано с развитием анализа: можно сказать, что при аналитическом строе форма *kaufen*, сама по себе многозначная, имеет значение инфинитива в сочетании *zu kaufen*, а отглагольного существительного — в сочетании *das Kaufen*; кроме того, она может обозначать спрягаемые формы глагола (1 и 3 множ. наст. врем.) в соединении с соответствующими личными местоимениями: *wir kaufen, sie kaufen*. Характерно, что *zu* в инфинитиве отсутствует до сих пор после глаголов вспомогательных и полувспомогательных, т. е. в основном — в тех случаях, где мы имеем не самостоятельный по значению инфинитив, а часть сложной глагольной формы: ср. *ich werde kaufen; ich will, ich darf, ich soll, ich muß, ich möchte, ich lasse kaufen* и немногие другие.

§ 58. Причастие по своему происхождению — отглагольное прилагательное. Причастие I образуется от основы настоящего времени с помощью суффикса герм. *-nd-* (нем. *-nt-*), который встречается во всех индоевропейских языках (ср. лат. *amans* — род. *amantis* «любящий», *docens* — род. *docentis* «учащий» и т. п.). В готском языке причастие I оформлено по слабому склонению, при этом женский род — по типу основ на *-īn-*: ср. мужск. *nimanda*, средн. *nimandō*, женск. *nimandei*; единственная сильная форма (осн. *-a-*) — им. мужск. *nimands*. В древневерхненемецком оно имеет сильное и слабое склонение: сильн. мужск. *nemantēr*, средн. *nemantaz*, женск. *nemantiu*; слаб. мужск. *nemanto*, средн. *nemanta*, женск. *nemanta*; несклоняемая форма обнаруживает окончание основ на *-j-*: *nemanti*. Более древним является склонение субстантивированных причастий типа *friunt, fiant, heilant* и др. (см. стр. 158 и 163), которые указывают на первоначальную двойственность этих имен, предшествующую обособлению прилагательных от существительных: они склоняются как согласные основы на *-nt-* без гласного оформления и имеют значение названий действующего лица.

Причастие II имеет два типа образования: в сильных глаголах — с помощью суффикса *-ap-* с соответствующим чередованием глагольного корня (в I—IV рядах — нулевая ступень, в V—VII рядах — та же ступень, что в настоящем времени); в слабых глаголах — с помощью дентального суффикса, герм. *-d-*, нем. *-t-*, который прибавляется к основообразующему гласному (*i, ō, ai*). Ср. *got. numans—nasips, salbōps, habaiþs* (*ahd. ginoman—ginerit, gisalbōt, gihabēt*). Причастия на *-n-* и на *-t-* встречаются и в других индоевропейских языках (ср. слав. русск. *писать* — *писанный, убит* — *убитый*; лат. *amatus* «любимый»). В германских языках эти суффиксы не различаются по значению, и их употребление зависит исключительно от типа спряжения.

Причастие I обычно рассматривается в школьных грамматиках как форма настоящего времени. Однако на самом деле временное значение причастия I определяется глаголом того предложения, с которым причастие связано и которому оно одновременно: ср. *Geestern sah ich die aufgehende Sonne* («я видел в ч е р а») и «солнце восходило в ч е р а»). Более существенные признаки причастия I — залог и вид: оно стоит в действительном залоге и обозначает длительное действие. Ср.: *die aufgehende Sonne, die schlafende Frau, der seinen Herrn begleitende Hund*. С значением длительного вида (который первоначально имело и настоящее время) связано употребление причастия I с вспомогательными глаголами *sein* и *werden*, довольно обычное в средневековом языке; ср. *mhd.* в «Тристане» Готфрида Страсбургского: *umbe daz ist er mich allez streichende, listende und smeichende* («потому он все меня гладит, лицемерит, льстит»); *er war naht unde tac gedenkende unde trahtende und*

angestlichen ahtende umbe sîn leben («день и ночь он думал и беспокоился о своей жизни»); в «Нибелунгах»: *daʒ wil ich iemet dienende umbe Kriemhilde sîn* («хочу вечно служить ради Кримгильды»); в сочетании с глаголом *werden* с начинательным значением у Отфрида: *ahd. wio er sehenti wurti* (буквально: «стал выдающим»). Такие формы встречаются еще в XVIII в. как архаизм; ср. у Лессинга: *Ich bin alle Tage seine Antwort erwartend*. В современном немецком языке они вышли из употребления, в противоположность английскому, где причастие I на *-ing* с вспомогательными глаголами образовало особую категорию «длительного» вида («continuous»): *I am reading, I was reading, I shall be reading*.

Причастие II рассматривается в школьных грамматиках как причастие прошедшего времени, но связь его с прошедшим только формальная. Определяющими признаками и здесь являются залог и вид. Глаголы переходные образуют причастия страдательного залога, глаголы непереходные — действительного: ср. *kaufen* — *ein gekauftes Buch*, *tragen* — *ein getragenes Kleid* (страд.); *fallen* — *ein gefallener Stein* (действ.). Видовое значение причастия зависит от смысла данного глагола и никакими формальными признаками не обозначено. Ср. совершенный вид (действие закончено в прошлом, его результат существует в настоящем): *das gekaufte Haus*, *die durchnähten Kleider*, *der besetzte Platz*, *der gefallene Stein* (результативный вид); несоверш. вид: *das geliebte Kind*, *die gepriesene Schönheit* и т. д. Ср. по-русски *купленный дом* (соверш.) — *любимое дитя* (несоверш.). Как видно из приведенных примеров, значение совершенного вида могут иметь причастия как действительного, так и страдательного залога: ср. *das gekaufte Haus* (страдат.), *der gefallene Stein* (действ.). Причастия несовершенного вида возможны только в страдательном залоге, т. е. от переходных глаголов. Глаголы непереходные несовершенного вида не имеют причастия II (в атрибутивном употреблении), так как активное причастие несовершенного вида уже представлено в глагольной системе причастием I: ср. от *laufen* — *der laufende Hund*, но не *der gelaufene Hund*, не *der gegangene Mann* и т. д. При переходе в совершенный вид (например, с приставкой) те же глаголы могут образовать причастия II: ср. *der fortgelaufene Hund*, *das gestern abgegangene Schiff*. Причастия *gegangen*, *gelaufen* появляются лишь в позднем древневерхне-немецком, притом не в атрибутивном употреблении, а только как часть формы сложного глагола: *er ist gegangen*, *er ist gelaufen*.

От видового значения причастия II зависит и его временное употребление.

Причастие II несовершенного вида, как и причастие I, одновременно основному глаголу: ср. *das von vier Säulen getragene Dach ist (или war) sehr groß*; *sein geliebtes Kind kommt morgen (или war gestern da)* и т. д. Причастие II

совершенного вида обозначает действие уже законченное, т. е. предшествующее основному глаголу по времени, но вместе с тем одновременное ему по результатам: *das gekaufte Haus wurde (или wird) vernichtet*; *die durchnähten Kleider werde ich ausziehen (habe ich ausgezogen)* и т. д.

§ 59. С видовым значением причастия II связано также употребление в немецком глаголе префикса *ge-*. В индоевропейских языках глагольные префиксы, развившиеся из приглагольного наречия (см. стр. 174), нередко придают глаголам значение совершенного вида (начинательное или завершительное). Ср. русск. *смотрел* — *посмотрел*, *смеялся* — *засмеялся*, *бежал* — *прибежал* и т. д.; лат. *taceo* «молчу» — *conticui* «замолк». В современном немецком языке мы имеем с начинательным значением глаголы с префиксами *ent-*, *er-*, *auf-*: *entbrennen* «загореться», *erbeben* «задрожать», *erschallen* «звучать», *aufblühen* «расцвести», *aufschreien* «вскрикнуть» и мн. др.; с завершительным значением — с префиксами *ge-*, *er-*, *ver-*, *aus-*: *gefrieren* «замерзнуть», *gerinnen* «свернуться», *ereilen* «нагнать», *erbitten* «выпросить», *verbrennen* «сжечь», *verschlafen* «проспать», *verglimmen* «потухнуть», *aussaugen* «высосать» и мн. др. При этом основной глагол, как обычно в немецком языке, имеет значение несовершенного или совершенного вида, в зависимости от контекста (*sterben* «умереть» и «умирать», *schreien* «кричать» и «крикнуть» и т. д.).

Эта новая видовая дифференциация, развивающаяся на основе системы времен, которая в свою очередь заменила когда-то господствовавшие в языке архаические видовые отношения, не получает в германских языках принципиального грамматического значения, а остается побочной, лексически ограниченной характеристикой данного глагола. Грамматическое значение глагольного префикса развивается из его первоначального предметного смысла, как наречия места, в определенной группе глаголов с соответствующим основным значением. Так, начинательное значение приставки *auf* (mhd. *ûf*) связано с ее первоначальным локальным содержанием «hinauf» (движение «снизу вверх» от исходной точки покоя): *aufbrausen* «вспылить», *aufschreien* «вскричать» и т. п.; то же относится к приставке *er-* (got. *us-*), первоначально означавшей «aus» (движение «из» или «от» неподвижной точки): *erblühen* «расцвести», *erstehen* «восстать» и т. д.; завершительное значение *aus* (mhd. *ûz*) развивается в глаголах типа *aussmelken* «выдоить», *aussaugen* «высосать» из локального «из» («совсем», «до конца») и т. д.

С этим связана ограниченность применения приставки, как приема перфективации; даже те из них, которые наиболее утратили первоначальное предметное значение (например, *er-*, *ver-*), не являются только отвлеченным грамматическим элементом, при-

менимым ко всякому глаголу, но образуют с тем или иным глаголом неразрывное лексическое единство, по-разному видоизменяя его основное значение: например, *erschießen* рядом с *schießen* означает не просто «стрельнуть» (т. е. изменение вида), но «застрелить» (т. е. «убить выстрелом»), с новым предметным значением; то же самое *bitten* и *erbitten* («выпросить» — т. е. «просить с успехом»), *spielen* и *verspielen* («проиграть» — т. е. «сыграть не удачно») и т. д. Таким образом, в глаголах с приставками видовость остается лексической категорией.

В древнегерманских языках формальным признаком совершенного вида нередко служит глагольный префикс *got. ga-, ahd. ga-, gi-, mhd. ge-*, утративший полностью свое первоначальное предметное значение (*got. ga-* соответствует лат. *sum, co-*, русск. *c, co*). Например: *got. несоверш. mīrþaneī þan sa g q sunnō* «пока солнце опускалось» — *соверш. þan ga sa g q sauil* («тогда солнце опустилось»), *wildēdun sa í hw an jah ni ga s ē h w u p* («они хотели видеть, но не увидели») и др. В древневерхненемецком и средневерхненемецком префикс *gi-* также иногда употребляется в прошедшем для обозначения совершенного вида: *sach* «видел» — *gesach* «увидел»; ср. у миннезингера Дитмара фон Айст (XII в.): *dō gesach si falcken fliegen* («тогда увидела она летящего сокола»).

С настоящим временем *ga-* употребляется иногда для замены недостающего в германских языках будущего; настоящее совершенного вида (с префиксами) заменяет и в других языках будущее время: ср. русск. наст. пишу — буд. напишу, наст. вижу — буд. увижу. Ср. *got. jah aftra leitil jah ga sa í h w i þ mik* («и немного спустя вы увидите меня»); *ains izē ni ga d r i u s i þ ana aīgra* («ни один из них не упадет на землю»). В немецком языке такое употребление встречается еще в средневерхненемецкую эпоху. Ср. Вальтер фон дер Фогельвейде: *ich ge ma s h e in vollen kragen* («ich will ihnen den Hals schon voll stopfen»); миннезингер Фр. фон Хузен (XII в.): *ge l e b t ich noch die liebe zīt* («если я доживу до того времени»).

В результате в ряде глаголов в средневерхненемецкую и ново-немецкую эпохи закрепляется во всех формах префикс *ge-* первоначально в перфективном значении. При этом иногда простой глагол выходит из употребления: ср. *gewinnen, gebären, genießen, gelangen, geschehen, gedeihen* и др.; там, где он сохраняется, под влиянием перфектирующего префикса происходит соответствующая дифференциация значений: ср. *hören* — *gehören, horchen* — *gehörchen, frieren* — *gefrieren, loben* — *geloben, stehen* — *gestehen* и др. В дальнейшем значение совершенного вида обыкновенно утрачивается.

Употребление частицы *ge-* с причастием II первоначально также было связано со значением совершенного вида. Поэтому

частица *ge-* отсутствует в причастиях, образованных от глаголов с неотделимыми префиксами, уже имевших перфективное значение (ср. *verschlossen, erschlagen* и т. д.). Благодаря этой грамматической функции приставка *ge-* закрепляется в древненемецком как обязательный признак причастия II (*gekauft, gebaut, gefallen* и т. д.), теряя в дальнейшем свое видовое значение. В нижненемецком *ge-* в причастии неупотребительно, и до сих пор оно отсутствует в севернонемецких диалектах. В английском оно довольно широко распространяется в средневековом языке, но обязательности не имеет и в новоанглийскую эпоху выходит из употребления.

2. НЕПРАВИЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

§ 60. Грамматические явления, представляющие неправильности с точки зрения господствующей в языке системы, исторически объясняются как пережитки закономерностей более ранних стадий языкового развития. Такого рода пережитки представляют и германские неправильные глаголы.

К их числу относятся так наз. претерито-презентные глаголы (*praeterito-praesentia*). Эту группу составляют глаголы, в которых настоящее время по форме совпадает с сильным прошедшим. Возникновение этой категории, представленной во всех индоевропейских языках (а также и в языках иных систем), объясняется первоначальным видовым значением сильного прошедшего. Перфект (результативный вид) обозначает законченное действие, результат которого существует в настоящем (*vollendete Gegenwart*); поэтому из перфекта может развиться настоящее время. Ср. *praet.-praes. лат. наст. meminī* «помню», формально — перфект с удвоением, в первоначальном значении — «запомнил»; греч. наст. *oīda* (более древнее *voīda*) «знаю», формально — сильный перфект с вокализмом *oi*, в первоначальном значении — «узнал», точнее «увидел» (ср. русск. *ведать* — *видеть*, лат. *video*, герм. *praet.-praes. got. wait* «ich weiß») и др. В германских языках претерито-презентные глаголы характеризуются в настоящем времени вокализмом сильного прошедшего; поэтому множественное число обычно имеет другой гласный, чем единственное. С развитием в исходных формах значения настоящего времени становится необходимым новое прошедшее, которое образуется от основы множ. числа с помощью дентального суффикса слабого спряжения. Инфинитив также имеет вокализм множ. числа. Большинство претерито-презентных глаголов обозначает состояния сознания («душевные состояния») и имеет широкое распространение в языке в качестве глаголов модальности.

По своему образованию *praeterito-praesentia* распределяются по рядам аблаута.

Готский. I. 1) Наст. wait «ich weiß», 2. waist, множ. wítum, опт. wítjau; прош. wissa, опт. wissêdjau; прич. I wítands; инфин. wítan. Двойное ss в прошедшем — результат общегерманской ассимиляции tt > ss (ср. стр. 147).

2) Наст. lais «ich verstehe» встречается только в этой форме (ср. каузатив got. laisjan, ahd. lēren «lehren»).

3) Наст. áih (aig) «ich habe», множ. aigum (áihum), опт. 3 ед. aigi; прош. áihhta, опт. 2 ед. áihtêdeis; прич. I aigands (áihands); инф. áihan; отглагол. существительные áihts женск., áigin средн. «Eigentum» (по типу причастных образований). Отсутствует чередование гласного в ед. и множ. Смена h : g — по закону Вернера, с униформацией в ту и другую сторону.

II. 4) Наст. daug «er taugt». Безличный глагол. Встречается только в этой форме.

III. 5) Наст. kann «ich weiß», «ich kann», 2 ед. kant (kannt), множ. kunnim, опт. kunnjau; прош. kunþa, опт. kunþêdjau; прич. II (прилаг.) kunþs «bekannt»; прич. I kunnands; инфин. kunnan (ср. каузатив — got. kannjan «bekannt machen» — nhd. kennen).

6) Наст. þarf «ich bedarf», 2. þarft, множ. þáurbim, опт. *þáurbjau; прош. þáurfta; прич. II (прилаг.) þáurfts «nötig»; прич. I þáurbands; инф. [þáurban].

Чередование b : f по закону Вернера; ft — ассимиляция.

7) Наст. ga-dars «ich wage» (ср. англ. to dare), множ. ga-daúrsum, опт. gadaúrjau; прош. gadaúrsta; инфин. gadaúrjan.

IV. 8) Наст. skal «ich soll» (ср. англ. shall), 2. skalt, множ. skulum, опт. skuljau; прош. skulda, опт. *skuldêdjau; прич. II (прилаг.) skulds «schuldig»; инфин. skulan.

9) Наст. man «ich meine», [2. mant], множ. 2. munþ, опт. *munjau; прош. munda; прич. II munds; прич. I munands; инфин. munan (ср. нем. meinen, mahnen < ahd. manþn; лат. moneo «er-mahne», memini; русск. *мнить, мнение*).

10) Наст. ga-nah «es genügt», binah «es darf», «muß»; причастие II binauhts.

Безличный глагол; встречается только в этих формах. Выпадает из нормального чередования глагольного аблаута: низшая ступень на u, несмотря на отсутствие последующего сонорного (ср. также got. ganôhs, ahd. ginuog «genug», с высшей ступенью ô).

V. 11) наст. mag «ich kann», 2. magt; множ. magim, опт. magjau; прош. mahta, опт. *mahtêdjau; прич. II mahts; прич. I magands, инфин. [magan] (ср. русск. *могу*). Отсутствует чередование гласного в ед. и множ.; -ht — ассимиляция.

VI. 12) Наст. ga-môt «ich habe Raum», «ich kann», [2. môst], [множ. môtum], опт. *gamôjtjau; прош. *gamôsta (множ. gamôstêdum); инфин. gamôtan (ср. каузатив gamôjtjan «begegnen», англ. to meet). Ср. нем. muoz (§ 61). -st — ассимиляция.

13) Наст. ôg «ich fürchte», опт. *ôgjau; прош. ôhta; прич. I ôgands; [инфин. ôgan].

Примечание. Формы, заключенные в квадратные скобки, у Вульфилы не засвидетельствованы, но восстанавливаются из системы спряжения.

§ 61. В древневерхненемецком как общее явление можно отметить преломление u > o, i > e под влиянием гласного а слабого прошедшего (в том числе и перед n + согл.): ср. § 27. Во 2 ед. наст. — личное окончание перфекта -t и вокализм единственного числа (как в готском).

Ahd. I. 1) Наст. weiz «ich weiß», 2. weist; множ. wizzum, опт. wizzi; прош. wessa (westa), wissa (wista); инфин. wizzan; прич. II wizzanti; прич. II giwizzan.

В прошедшем встречаются формы с преломлением и без такового (i — e); ассимиляция ss (< tt) заменяется st по аналогии других глаголов, для более четкого оформления дентального прошедшего (см. стр. 147).

2) Наст. множ. 1. eigum, 2. eigut, 3. eigan «haben»; опт. eigi (ср. по типу причастия — прилаг. eigan «eigen»). Вокализм — как в готском. Остальные формы заменяются конкурирующим глаголом habên.

II. 3) Наст. 3 toug «es hilft», «es nützt», множ. 3. tugun; прош. tohta; прич. I toganti. Безличный глагол.

III. 4) Наст. an «ich gönne», множ. unnum, опт. unni; прош. onda; инфин. unnan. Встречаются формы с префиксом: gi-unnan (mhd. gunnen «gönnen»). Ср. отглагольные существительные: got. ansts; ahd. anst, unst; mhd. gunst «Gunst».

5) Наст. kann «ich weiß, verstehe, kann», 2. kanst; множ. kunnim, опт. kunni; прош. konda; инфин. kunnan; прич. I kunnanti.

6) Наст. darf «ich bedarf», 2. darft; множ. durfum, опт. durfi; прош. dorfta; инфин. durfan.

7) Наст. gi-tar «ich wage», 2. gi-tarst; множ. giturrim, опт. giturri; прош. gitorsta (ср. англ. to dare «сметь»).

IV. 8) Наст. scal «ich soll», множ. sculum, опт. sculi; прош. scolta; инфин. scolan; прич. I scolanti (sculanti). Рядом с формами на sc- встречается sal, sulum, salta, а с X в. (у Ноткера) наст. sol, 2. self (по аналогии прошедшего), множ. sulen; прош. solta.

V. 9) Наст. mag «ich kann», «ich vermag», 2. maht; множ. magun (mugun), опт. meg (mugi); прош. mahta (molhta); инфин. magan (mugan); прич. I maganti (muganti). Множ. не имеет чередования, как в готском (magan), или имеет незакономерную низшую ступень аблаута на u (несмотря на отсутствие последующего сонорного).

10) Наст. ginah «es genügt». Безличный глагол, засвидетельствованный только в этой форме (ср. готск. 10).

VI. 11) Наст. *muoz* «ich habe Gelegenheit», «ich mag», 2. *muost*; множ. *muozun*, опт. *muozî*; прош. *muosa* (позже *muosta*).

В прошедшем ассимиляция *tt > ss* (после долгого гласного *> s*), позже — аналогическое *t* как признак прошедшего (см. стр. 147).

Наиболее существенное изменение средневерхненемецкого периода — появление в опт. прош. умлаута, который устанавливается, несмотря на слабый тип прошедшего, в связи с преимущественно модальным употреблением этих глаголов: mhd. *töhte*, *dörfte*, *törste*, *mähte* (*möhte*), *müese* (*müeste*), а также *künde*, *günde* (рядом с *kunde*, *gunde*). Умлаут проникает также в множ. прош. и в инфинитив, в связи с общей модальной окраской глаголов этой группы: ср. mhd. *tugen* (*tügen*), *gunnen* (*günnen*), *kunnen* (*künnen*), *durfen* (*dürfen*), *turren* (*türren*), *suln* (*süln*), *magen* (*megen*), *mugen* (*mügen*), *müezen*.

В новонемецком языке глагол *turren* выходит из употребления, его значение перенимает *dürfen*. *Taugen*, *gönnen* униформируются как обыкновенные слабые глаголы. *Sollen* сохранило из старых форм только наст. 3 ед. без *-t* (*soll*). Остальные *praeterito-praesentia* сохраняют чередование вокализма в ед. и множ. наст. и другие особенности этой группы. В *müssen* — *mußte*, *können* — *konnte* (< mhd. *künnen*, *kunnte*; mhd. *u + nn > nhd. o*, см. стр. 100) устанавливается *Rückumlaut* в прошедшем, который распространяется и на остальные глаголы: от *dürfen* образуется прошедшее *durfte* (вм. *dorfte*); от прошедшего *mochte* инфинитив *mögen* (вм. *mügen* или *mägen*): прошедшее *wußte* (вм. *wiste*, *weste*), вероятно, также представляет *Rückumlaut* от *wissen* и возникает в условиях верхненемецкой делябиализации (*ü > i*) по типу *durfte*, *mußte*. Опт. прош. *möchte*, как форма желательного наклонения, совершенно обособляется от глагола *mögen*, приобретая значение, близкое к настоящему времени («хотел бы» > «хочу»). Во 2 ед. всей группы вместо *-t* устанавливается типичное окончание *-st*.

Примечание. Переходом старого аориста (мгновенного вида) в настоящее время по всей вероятности объясняется наличие во всех германских языках группы сильных глаголов, имеющих в настоящем времени низшую ступень аблаута, характерную для аориста (так. наз. «*aoristo-praesentia*»). Ср. II ряд на *û* — ahd. *sûfan* «saufen», *sûgan* «saugen», *lûchan* «schließen»; IV ряд на *u* (o) — ahd. *kuman* (koman) «kommen» и др. (подробнее — в главе об аблауте, см. выше, стр. 135.)

§ 62. Небольшая группа *атематических глаголов* имеет в языках индоевропейской системы архаическую форму настоящего времени без тематического гласного *e—o*. Обыкновенно глаголы этого типа характеризуются также окончанием *-mî* (герм. *-m*) в I ед. (ср. в греч. так. наз. глаголы на *-mî*: *eimî* «есмь»; *ti-thêmî* «кладу», «делаю» — нем. *tun*; *histêmî* < *si-stêmî «ставлю» — нем. *stân* «stehen» и др.).

К группе атематических глаголов относятся в древневерхненемецком: *stân* (*stên*) «stehen»; *gân* (*gên*) «gehen»; *tuon* «tun». *wellen* «wollen»; *sîn* (*wesan*) «sein».

В готском только два последних глагола отклоняются от нормального типа.

Древневерхненемецкий		
<i>stân</i>	<i>stên</i>	<i>tuon</i>
Н а с т о я щ е е		
Индикатив		
<i>Ед.</i>		
1. <i>stâm</i> (-n)	<i>stêm</i> (-n)	<i>tuom</i>
2. <i>stâs</i> (-st)	<i>stês</i> (-st)	<i>tuos</i> (-st)
3. <i>stât</i>	<i>stêt</i>	<i>tuot</i>
<i>Множ.</i>		
1. <i>stâmês</i> (-n)	<i>stêmês</i> (-n)	<i>tuomês</i>
2. <i>stât</i>	<i>stêt</i>	<i>tuot</i>
3. <i>stânt</i>	<i>stênt</i>	<i>tuont</i>
Оптатив		
<i>Ед.</i>		
1. <i>stâ</i>	<i>stê</i>	<i>tuo</i>
2. <i>stâs</i> (-st)	<i>stês</i> (-st)	<i>tûês</i> (-st)
3. <i>stâ</i>	<i>stê</i>	<i>tuo</i>
<i>Множ.</i>		
1. <i>stâm</i> (-n)	<i>stêm</i> (-n)	<i>tuom</i> (-n)
2. <i>stât</i>	<i>stêt</i>	<i>tuot</i>
3. <i>stân</i>	<i>stên</i>	<i>tuon</i>
Императив		
<i>Ед.</i>		
2. [stand]	[stand]	<i>tuo</i>
Причастие I		
<i>stânti</i>	<i>stênti</i>	<i>tuonti</i>

По типу *stân* — *stên* спрягается *gân* — *gên*. Различие вокализма *â* — *ê* в обоих глаголах не объяснено: географическое распространение этих форм приурочено к определенным диалектологическим границам. Личное окончание присоединяется непосредственно к корню: *stâ-* — *stê-*, *gâ-* — *gê-*, *tuo-* (более древнее *tô-*, герм. *dô-*; ср. англ. *do*). I лицо наст. времени имеет окончание *-m* (< *-mî*). Оптатив I, 3 ед. и императив *tuo* окончаний не имеют.

С архаическими, односложными, формами первых двух глаголов конкурируют новые, двусложные, оформленные по типу правильных (тематических) глаголов с сильным прошедшим:

stantan (силън. VI), stuont (или stuot, ср. стр. 222), stuontum, gistantan; gangan (силън. VII), gang, gangum, gigan. Наст. 2—3 ед. имеет обычный умлаут: stentit — gengit. Повелительное наклонение (stant, gang) и прошедшее образуются исключительно от правильного глагола, в настоящем времени употребляются те и другие формы.

В готском атематический тип совершенно не встречается: standan оформлено по VI ряду с носовым инфиксом (прош. stôþ), gaggan — по слабому спряжению: gaggida, с которым конкурирует слабое прошедшее iddja, образованное супплетивно от другого корня (ср. русск. *иду*, лат. *eo* — прош. *ii*).

В средневерхненемецком от глаголов *lâzen* и *haben* также образуются краткие стяженные формы *lân*, *hân*, которые спрягаются в настоящем времени по типу *stân*, *gân*: ср. *hân*, *hâst*, *hât* и т. д. От краткой формы *hân* образуется краткое прошедшее: 1. *hâte*, 2. *hâtest*, множ. *hâten*, опт. прош. *hæte*. В новонемецком, с сокращением перед *-t*: *hast*, *hat*, *hatte*, *hätte*. Краткие формы прошедшего существуют в средневерхненемецком от *gan* (*gên*), *lân*: прош. *gie* (рядом с *gienc*), *lie* (рядом с *liez*).

В новонемецком *lassen* имеет только нестяженные формы, *gehen* и *stehen* только формы на *ê*, но причастие II *gegangen*, *gestanden*, прош. *ging*, *stand* (последнее по аналогии с причастием вместо архаического *stund* < mhd. *stuont*). В диалектах сохранились и другие формы, например, в нижненемецком — формы наст. на *ô* (< mhd. *â*); в швабском: наст. 1. *gang*, *stand*; 2. *gô:st*, *stô:st*; 3. *gô:t*, *stô:t*; множ. *gagət*, *standət* и т. п. Двусложные написания *gehen*, *stehen* по аналогии *schen*, *geschehen* выражают общую тенденцию к оформлению настоящего времени по типу двусложных тематических глаголов (см. стр. 108). О том же свидетельствует устранение *-n* в 1 ед. (*ich gehe*, *ich stehe*).

Прошедшее от *tuon* — ahd. *teta*, 2. *tâti*, множ. *tâtum*; опт. прош. *tâti*; прич. II *gitân*. Форма *têta* имеет редупликацию, характерную для старого перфекта, и представляет единственный случай прошедшего с удвоением, сохранившийся в немецком языке. В готском глагол *tuon* не встречается, но окончание слабого прош. множ. *-dêdum*, опт. *-dêdjau* фонетически совпадает с немецкими формами *tâtum*, *tâti* (ср. стр. 232). В новонемецком ед. прош. имеет по аналогии множественного *tat*, оптатив *tâte* (< mhd. *tæte*). В диалектах сохранилось старое прошедшее *tet* (пишется *tât*) и множ. *teten* (по аналогии единственного); ср. в народной песне: «*Da tät er das Mägdelein fragen*»; у Гете — в стиле народной песни: «*Die Augen täten ihm sinken*».

В настоящем времени глагол *tuon* в новонемецком оформляется также по общему типу двусложных тематических глаголов, с отпадением *-n* в наст. ед. 1 (*ich tue*).

Глагол «*w o l l e n*» представляет в готском форму желательного наклонения (оптат. прош.), употребляющуюся в значении индик. наст. («я хотел бы» в смысле «хочу»); явление, аналогичное развитию современного *möchte*. От этой исходной формы образуется новое прошедшее по слабому спряжению с дентальным суффиксом и соответствующий инфинитив на *-jan*. Ср. got.:

Н а с т о я щ е е		
Ед.	Двойств.	Множ.
1. wiljau		1. wileima
2. wileis	2. wileits	2. wileiþ
3. wili		3. wileina
П р о ш е д ш е е		
Индикатив		Оптатив
wilda		1. [wildêdjau]
		3. wildêdi
Инфинитив		Причастие I
wiljan		wiljands

В древневерхненемецком во 2—3 ед. наст. еще сохраняются старые формы, в остальных индикатив наст. униформируется по слабому спряжению на *-jan* (ср. *zellen*), которому следуют также оптат. наст. и инфинитив; прошедшее имеет дентальный суффикс *-t*. Ср. ahd.:

Н а с т о я щ е е		
Индикатив		
Ед.		Множ.
1. willu		1. wellemês (-ên)
2. wili		2. wellet
3. wili		3. wellent
Оптатив		
Ед.		Множ.
1. welle		1. wellêm (-en)
2. wellês (-st)		2. wellêt
3. welle		3. wellên
Инфинитив		Причастие I
wellen		wellenti
П р о ш е д ш е е		
Индикатив		Оптатив
wolta (welta)		wolti

В средневерхненемецком в инд. наст. ед. 2 укрепляется, по аналогии с претерито-презентными глаголами, форма *wilt* (так еще у Лютера); в новонемецком -*st* (в диалектах частично — *du wit*). Формы на *o* (по аналогии с *sollen*) проникают из прош. в наст. множ. и инфинитив.

Таким образом устанавливается чередование, сходное с типом глаголов *praeterito-praesentia*, к которому *wollen* приближается и по значению (как глагол модальности): *will, wollen, wollte* (в диалектах встречается также оптатив *wöllte* по аналогии с *köpnnte*).

Спряжение глагола-связки *sein* «быть» имеет в языках индоевропейской системы супплетивный характер, т. е. различные формы глагола образуются от разных корней. Вообще супплетивность глагольных форм является пережитком дифференцированной синонимии примитивных языков: такие понятия, как «ходить», «брать», «говорить», «есть» и т. п., возникают в результате позднейшей абстракции развитого мышления, способного отвлекаться от конкретных подробностей и различий данного действия: «ходить быстро», «ходить медленно», «ходить взад и вперед», «приходить», «уходить» и т. д. В примитивном языке каждому из подобных значений обычно соответствует особое слово. Супплетивные образования в глагольной системе возникают в результате обобщения таких дифференцированных синонимов: ср. лат. *fero* — *tuli* — *latum* — *ferre* «носить», «брать»; got. *gaggan* — прош. *iddja* «ходить»; англ. *to go* — прош. *went*; русск. *ходить* — *иду* — *шел* и т. п. Глагол-связка, наиболее абстрактный из глаголов, должен был возникнуть таким же образом путем обобщения нескольких глаголов с конкретным значением.

В германских языках в образовании глагола «быть» участвуют три корня.

1. Тематический сильный глагол V ряда got. *wisan, was, wësum* (прич. II отсутствует), ahd. *wesan, was, wârum* (mhd. *gewesen*). Глагол *wesan* известен только в германских языках. Употребляется в прошедшем, в готском — также в настоящем, в конкретном значении «оставаться». В древневерхненемецком от основы настоящего времени существуют только инфинитив, причастие I (*wesanti*) и императив ед. 2 *wis*, множ. 2 *weset*; причастие II (*gewesen*) появляется только в средневерхненемецком. Чередование *s* и *g* в прошедшем по закону Вернера устраняется в новонемецком: ср. *wag* — *waren* (ср. англ. *was* — *were*). Старый инфинитив (mhd. *wesen*) сохранился только как существительное (*das Wesen*).

2. Настоящее время образует атематический глагол, как в других индоевропейских языках, от корня *es-* (нулевая ступень *s-*, с выпадением гласного *e-*). Ср. got.:

Настоящее		
Ед.	Дв.	Множ.
1. <i>im</i>	1. <i>siju</i>	1. <i>sijum</i>
2. <i>is</i>	[2. <i>sijuts</i>]	2. <i>sijup</i>
3. <i>ist</i>		3. <i>sind</i>

Оптатив		
Ед.	Дв.	Множ.
1. <i>sijau</i>	[1. <i>sijaiwa</i>]	1. <i>sijaima</i>
2. <i>sijais</i>	[2. <i>sijaits</i>]	2. <i>sijaiþ</i>
3. <i>sijai</i>		3. <i>sijaina</i>

В ед. числе к корню *es-* прибавляются личные окончания -*mi, -si, -ti*: ср. ед. 1. слав. *есмь*, греч. *eimi* (<**es + mi*); 2. слав. *еси*, греч. *ei*, лат. *es* (**es + si*); 3. слав. *есть*, греч. *esti*, лат. *est* (**es + ti*); во множ. числе корень имеет нулевую ступень *s-*: ср. множ. 3 слав. *суть* (<*sātъ*), лат. *sunt*; оптатив образован от нулевой ступени с обычными окончаниями.

3. В западногерманских языках образование наст. времени представляет некоторые существенные отличия. Ср. ahd.:

Настоящее	
Ед.	Множ.
1. <i>bim</i> (<i>bin</i>)	1. <i>birum</i> (-un)
2. <i>bist</i>	2. <i>birut</i>
3. <i>ist</i>	3. <i>sint</i>

Оптатив	
Ед.	Множ.
1. <i>sī</i>	1. <i>sīm</i> (-n)
2. <i>sīs</i> (-st)	2. <i>sīt</i>
3. <i>sī</i>	3. <i>sīn</i>

Элемент *b-*, присутствующий в 1—2 ед. и множ., принадлежит третьему корню, который встречается и в других индоевропейских языках в системе глагола-связки: ср. русск. *быть, буду, был*; лат. *fuī* «был», *futurus* «будущий». В некоторых языках этот глагол употребляется самостоятельно с конкретным значением — греч. *phūō* «расту», got. *bauan*, ahd. *būan* (nhd. *bauen*) «жить», «обрабатывать (землю)». Таким образом, отвлеченное значение «быть» развивается в этом глаголе из конкретного «расти», «жить». Форма *bim, bist* представляет скрещение *b + im, b + ist*; множ. *birum, birut* образовались из *b + irum, + irut* (*r < z* по закону Вернера). В англо-саксонском еще имеются рядом обе формы: нескрещенная *eom* (англ. *am*) и скрещенная *beom*. Оптат. наст. имеет нулевую ступень корня *s-* и признак оптатива -*ī*.

В средневерхненемецкую эпоху формы индикатива 1—2 множ. *bi-gun, birut* вытесняются формами опатива *sîn, sît*; в новонемецком 1 множ. имеет *sind* по 3 множ. В императиве конкурирует старая форма *wis* с новой *bis*, из которых последняя до сих пор встречается в диалектах; в новонемецком литературном языке обе вытесняются образованием от основы опатива *sei-*, от которой производится и новый инфинитив *sein* (< *mhd. sîn*).

3. АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

§ 63. Разложение глагольной флексии связано с внутренней противоречивостью старых флексивных форм прошедшего и опатива и с общим процессом развития новой, более дифференцированной системы сложных глагольных времен, залогов и наклонений.

Образование сложных форм прошедшего начинается уже в древневерхненемецком с так наз. *перфекта* (*Perfekt*). В ранних памятниках такие формы встречаются редко, затем число их быстро увеличивается; к концу древнемецкой эпохи у Ноткера (X в.) они существуют в таком же виде, как в современном языке. Первоначальное значение немецкого перфекта было видовое: он служил для обозначения *настоящего результативного*, т. е. законченного действия, результаты которого существуют в настоящее время (*vollendete Gegenwart*). В отличие от старого перфекта, утраченного в германском, в этой новой форме видовые различия наслаиваются на временные, обозначаемые вспомогательным глаголом. Это видовое значение сложного прошедшего в отличие от простого связано с тем, что причастие II с префиксом *ge-* и другими неотделяемыми глагольными приставками имеет значение совершенного вида (см. стр. 240—244). *Ich habe das Buch genommen* «я взял книгу», — означало первоначально «я имею книгу [уже] взятой» (*ich habe das Buch [als] genommenes*); *er ist gefallen* «он упал» — значило «он есть [уже] упавший» («*er ist [ein] gefallener*»). С глаголом *haben* употреблялось причастие II переходных глаголов, имеющее всегда пассивное значение, с глаголом *sein* — причастие глаголов непереходных, имеющее значение активное; однако, в последнем случае требовалось причастие совершенного вида — например, *gefallen* («упавший»); причастие II действительного залога с значением несовершенного вида, совпадающее по содержанию с причастием I, было вообще невозможно (например, *er ist [ein] gelaufener* — см. стр. 242).

Первоначально во всех таких сочетаниях причастие является простым предикативным прилагательным, вторым элементом сложного сказуемого, образованного с глаголом-связкой. Как всякое сказуемое прилагательное в древнегерманских языках,

оно согласуется с объектом (или подлежащим) в роде, числе и падеже. Например, *got. sô baürgs alla ga g a r i n n a p a w a s a t d a ū r a* (буквально: «весь город был сбежавшийся у дверей»); *sa skatts þeins, þanei ha ba i d a g a l a g i d a n a i n f a n i n* (буквально: «твое сокровище, которое ты имел положенное в платок»); *ahd. argangana wāgun* («*wagen vergangen*») (буквально: «были прошедшие», т. е. «прошли»).

При переходных глаголах в древневерхненемецком с *haben* первоначально конкурирует неполный глагол *eigan* («иметь», «владеть»); ср. у Отфрида: *si e i g u n m i r g i n o m a n a n l i o b a n d r u h t i n m i n* («*sie ha ben mir meinen lieben Herrn gep o m m e n*»).

Процесс развития сложного сказуемого в грамматическую глагольную форму проходит несколько этапов. Сперва *haben* и *eigan* означают «иметь», «владеть»; поэтому должен быть материальный объект владения (*druhtin min*), к которому относится пассивное причастие и с которым оно согласовано. Дальше становятся возможными сочетания с абстрактным, нематериальным объектом или совсем без такового; в связи с этим согласование перестает быть обязательным, причастие ставится в несклоняемой форме: например, *alsô d ū n ū v e r n o m m e n h a b e s t* («*wie du [es] v e r n o m m e n h a s t*»). Развитие абстрактного, грамматического значения в первоначально конкретном по своему содержанию обороте можно считать законченным, когда конструкция переносится на непереходные глаголы несовершенного вида, сначала не имевшие причастия II, при которых глагол *haben* может иметь только грамматическое значение: ср. *ich habe geschlafen*. Эта стадия уже достигнута у Ноткера.

В новонемецком языке перфект утрачивает результативное (видовое) значение. Видовое значение, как обычно в современном немецком языке, всегда может быть выражено лексически: *ich habe bereits erfahren* («я уже узнал»). Сложное прошедшее по своему значению в основном совпадает с простым. Старое значение результативного прошедшего выступает еще в таких примерах: *Wissen Sie wohl, daß wir uns seit zwei Tagen nicht gesehen haben?* (не *sahen*). *Ich möchte wissen, was Bergmann studiert hat* (не *studierte*). Однако Герман Пауль, который приводит эти примеры, вынужден вместе с тем признать, что не кто иной, как Лессинг, употребил в последнем случае «запретную» форму простого прошедшего («*studierte*»), и это показывает, что уже в XVIII в. разница значения между обеими формами была стерта. Можно привести примеры употребления обеих форм в одном предложении у немецких классиков. Ср. Шиллер: «*Wir waren Trojer. Troja hat gestanden*»; у Гете (конец «Вертера»): «*Handwerker trugen ihn; kein Geistlicher hat ihn begleitet*».

В основном в современном языке между этими формами осталось стилистическое различие: перфект является «прошедшим разговорным», простое прошедшее господствует в связанном книжном повествовании («прошедшее историческое»). Такая дифференциация объясняется тем, что вытеснение старой формы прошедшего происходит, по преимуществу, под влиянием живой разговорной речи; в общем развитии структуры немецкого языка перфект — форма прогрессивная, распространение которой поддерживается противоречиями архаических форм старого прошедшего и общим развитием системы анализа в сложных временах. В южнонемецких и частью в средненемецких диалектах простое прошедшее вытеснено сложным: здесь вместо *er starb* говорят *er ist gestorben*, вместо *ich kaufte* — *ich hab' gekauft* и т. п. Это явление связано, вероятно, с южнонемецкой редукцией конечного -e, благодаря которой оказалось поколебленным слабое прошедшее, «типичная» и наиболее употребительная форма этого времени: 3 ед. *sagt(e)* совпало с настоящим временем *sagt*. Поэтому и в обиходной форме литературного языка южной Германии простое прошедшее воспринимается как книжная, искусственная форма. Аналогичный процесс наблюдается и во французском языке: простое прошедшее (*passé défini*) и здесь вытесняется в разговорной речи более новыми и сложными формами (*passé indéfini*) и превращается тем самым в стилистическую категорию.

Предпрошедшее (*Plusquamperfekt*) развивается таким же образом из предикативного употребления причастия с прошедшим временем глаголов *haben* и *sein* и первоначально имело видовое значение законченного действия, результат которого существовал в прошедшем (*прошедшее результативное*): ср. *ich hatte das Buch genommen* — первоначально «имел взятой» («... hatte [als] genommenes»); *er war gefallen* — первоначально «был упавшим» («... war [ein] gefallener»). В таком смысле отдельные примеры встречаются уже в древневерхнемецком, с обычным для предикативного прилагательного согласованием: например, у Тагиана (IX в.): *phîgboum habêta sum giflanzôtan* («смоковницу имел посаженную»). Однако примеры такого рода встречаются редко. Значительно позже вырабатывается значение «предпрошедшего», т. е. относительного времени, обозначающего действие более раннее, чем то прошедшее, с точки зрения которого ведется рассказ. Эта форма появляется в куртуазной поэзии средневерхнемецкого периода (конец XII в.) и окончательно закрепляется в ранней новонемецкой прозе (XIV—XV вв.). Таким образом новая дифференцированная система сложного прошедшего (*Perfekt* — *Plusquamperfekt*) развивается из видовой категории, наслоившейся на старые германские времена.

Будущее время, как особая форма, отсутствовало в древне-

германских языках: форма настоящего времени, еще не определившегося в своем временном значении, могла употребляться также в смысле будущего. Пережитки этой стадии недифференцированности времен сохранились, как было уже указано (см. стр. 219), и в современном немецком языке: *Ich gehe heute ins Theater* «я иду сегодня в театр» — означает одновременно — «я пойду в театр». Особенно распространено это явление в условных предложениях, где настоящее заменяет «условное будущее» (*Konditionalis*): например, «*Wenn du dich beeilst, wirst du ihn noch einholen*» («если ты поспешишь...»). Временная направленность отчетливо выступала в средневековом языке при употреблении настоящего совершенного вида в значении будущего: ср. mhd. *ich mache* «я делаю» — mhd. *ich gemache* «я сделаю» (см. стр. 243).

Как и в других примитивных языках, не различающих полностью объективных времен, будущее время как категория временная развивается в германских языках из отношений видových (будущее совершенное, будущее начинательное), либо из модальных (будущее как необходимое, возможное или желанное). В древневерхнемецком языке преобладает модальное (субъективное) будущее — обозначение будущего времени с помощью глаголов *sollen* и *wollen*, как необходимого или желанного, причем первый тип встречается особенно часто: ср. ahd. *berga s c u l u n s w i n a n* («горы опустятся» — буквально: «должны опуститься»); *thu scalt began einan alawaltendan* («ты родишь одного, всемогущего» — буквально: «ты должна родить»); *then altan Satanasan wilit er gifâhan* («он возьмет в плен древнего сатану» — буквально: «хочет взять в плен») и т. д.

В большинстве современных германских языков (в английском, голландском, шведском, в нижнегерманских диалектах) из модального будущего с глаголами *sollen* и *wollen* развилась грамматическая форма объективного будущего. В немецком литературном языке эти формы не грамматизованы и сохраняют модальный оттенок. Ср. будущее с *sollen*: *damit soll er wohl bald fertig werden* («с этим он, вероятно, скоро справится»); *heute nachmittag soll Konzert sein* («п о в и д и м о м у, будет концерт»); *was soll daraus werden?* («что произойдет?» — точнее: «что может произойти?»); будущее с *wollen* (особенно часто в разговорной речи) — ср. в диалогах «Фауста» Гете: «*Wir wollen einen Papst erwählen*» («давайте выберем папу»). «*Ich will euch lehren Gesichter machen!*» («я научу вас строить гримасы»). «*Will euch noch heut' in ihr Zimmer führen*» («еще сегодня я сведу вас к ней» — точнее: «с о б и р а ю с ь свести»). С начинательным оттенком: *das Feuer will ausgehen* «огонь с о б и р а е т с я потухнуть» (т. е. «потухнет»); *es will regnen* («с о б и р а е т с я идти дождь») и т. д.

Другой путь развития идет от глаголов начинательных. Сочетания с *werden*, из которых разовьется объективное будущее, в средневековом немецком языке встречаются очень редко и имеют в основном видовое значение. *Werden* употребляется в сочетании с причастием настоящего времени в значении начинательном, переходящем в будущее несовершенное; ср. у Татиана: *wirdest swigenti* («станешь молчащим» — т. е. «умолкнешь»). *Werden* с инфинитивом имеет начинательное значение и потому еще в XVI в. употребляется также в прошедшем времени; ср. у Лютера: «*Moses aber ward zittern*» («стал дрожать»). С этим употреблением глагола *werden* связано возникновение условного наклонения (*Konditionalis*) как своеобразного условного будущего, образованного с помощью оптатива начинательного глагола: *er würde sagen* («он стал бы говорить», т. е. «он сказал бы»). Распространение начинательного будущего только намечается в прозаических памятниках XIV—XV вв.; окончательная грамматизация новой формы относится к XV—XVII вв. В северной Германии упорно конкурирует модальное будущее с *wollen*, укрепившееся в диалектах. Грамматика из северной Германии (из Мюнстера в Вестфалии) отмечает в 1480 г.: лат. *legam* — *ich will edder ich schal lesen; edder also de averlender seggen* («wie die Oberländer sagen», т. е. «как говорят южане») *ik werde lesen*. Еще в XVII в. Стефан Риттер приводит обе формы как равноценные. В диалектах объективное будущее с *werden* частично до сих пор не употребляется или имеет модальный оттенок: *er wird schlafen* («вероятно, он спит»). Вместо будущего обычно употребляют настоящее.

Еще позже возникает будущее относительное (*Futurum II*), означающее действие, которое будет закончено прежде того будущего, с точки зрения которого ведется рассказ: ср. *er wird schon gekauft haben, er wird gefallen sein*. Форма эта употребляется главным образом в книжном языке и возникла, повидимому, как перевод соответствующих французских и латинских оборотов. В разговорном языке она имеет значение прошедшего с модальным оттенком (возможности): ср. *es wird wohl was anderes bedeutet haben* («вероятно, это означало что-нибудь другое»); *wo wird er die Nacht zugebracht haben?* («где бы мог он провести эту ночь?»).

Предпосылкой развития этих форм является существование инфинитива прошедшего: *gekauft haben, gefallen sein*. Хотя потребность в дифференциации времен в инфинитиве ощущалась уже древневерхнемецкими переводчиками латинских текстов, имеющих соответствующую форму *infinitivus perfecti*, однако фактически сложный инфинитив прошедшего времени получает широкое распространение только в средневерхнемецкой поэзии, притом преимущественно с глаголами модальности (в значении

нереального предположения); ср. в «Парсифале»: *der kunde se baz gelobet han* («der hätte sie besser loben können»); в «Нибелунгах»: *du möhdest wol gedaget han* («du würdest geschwiegen haben») и т. п.

Таким образом, современная развитая и дифференцированная система сложных времен немецких глаголов устанавливается окончательно только в эпоху образования неогерманского национального языка (XIV—XVI вв.) и притом, по преимуществу, в письменном (литературном) языке, который по самому своему содержанию наиболее нуждается в дифференцированном выражении более сложной отвлеченной мысли.

Одновременно с развитием сложных времен спряжение пополняется соответствующими формами страдательного залога. В готском языке уже возникает новая форма с причастием II страдательного залога, которое может употребляться, как всякое прилагательное, в предикативных сочетаниях с глаголами *wisan* «быть» и *waifran* «становиться»; она конкурирует с неполной системой старого флективного медиопассива, заменяя ее в прошедшем, где флективные формы отсутствуют (ср. стр. 237). В древневерхнемецком старый флективный пассив не встречается; здесь уже в древнейших памятниках в стадии образования находится сложный пассив с глаголами *wesan* и *werden*. Первый обозначает пребывание в известном состоянии (*Beharren in einem Zustand*), второй — наступление состояния (*Eintritt in einen Zustand*). К концу древневерхнемецкой эпохи (у Ноткера) это различие уже прочно установилось, как видовое (несовершенный вид и совершенный результативный). Так же — в современном языке; ср. в настоящем: *Die Tür wird geschlossen* («дверь заперта») — *die Tür ist geschlossen* («заперта»); *die Stadt wird zerstört* («разрушается») — *ist zerstört* («разрушена»); в прошедшем: *die Tür wurde geschlossen* («дверь заперли») — *die Tür war geschlossen* («была уже заперта»); *die Stadt wurde zerstört* — *war zerstört* и т. д. Однако такая видовая дифференциация возможна только там, где само причастие имеет значение совершенного вида; в причастиях несовершенных форма с глаголом *sein* не имеет результативного значения и вообще мало употребительна, так как совпадает по смыслу с формой с *werden*: ср. *er wird geliebt* и *er ist geliebt* («он любим»). В повелительном наклонении и при заменяющем его оптативе употребляется только пассив с *sein*. Ср. *Sei mir gegrüßt! Er sei gesegnet!*

Остальные формы страдательного залога — предпрошедшее, будущее относительное, сложные формы оптатива и условного наклонения (*Konditionalis*) возникают в новонемецкой период и распространены преимущественно в книжном языке.

Тенденция к анализу в диалектах, связанная с унификацией глагольных форм и соответствующей редукцией неударных окон-

чаний, проявляется еще в развитии спряжения с вспомогательным глаголом *tun* «делать»: Ср. наст. *er tut laufen*, прош. *er tät (tat) laufen*; при вопросе: *tut er nicht kommen?* (ср. англ. *Does he come?*). В оптативе прош. форма с *täte* успешно конкурирует со старыми флективными формами: *er täte ihm gern schreiben* (вм. *er schriebe* или *er würde schreiben*). Спряжение с *tun* проникает довольно широко в литературный язык XIV—XVI вв., но в более позднее время изгоняется грамматической регламентацией. Сейчас оно является признаком диалектального просторечия (*volkstümliche Redeweise*). Поэты пользуются им в подражаниях народной песне. Ср. Гете в балладе «*Der König in Thule*»: «*Die Augen täten ihm sinken*».

§ 64. Оптатив, как выражение модальности, вытесняется широким развитием сложных аналитических форм с полувспомогательными глаголами модальности. Этому способствуют внутренние противоречия форм флективного оптатива, еще более значительные, чем в простом прошедшем. Однако характерно, что сохраняются и имеют большое распространение флективные формы оптатива от вспомогательных глаголов *sein* (*sei, w ä r e*), *haben* (*habe, h ä t t e*), *werden* (*werde, w ü r d e*), а также глаголов модальности (*möchte, könnte, dürfte, müßte, sollte*). Это сохранение оптатива модальных глаголов подсказывает объяснение всего явления падения флективного оптатива. Употребление глаголов модальности позволяет выразить более дифференцированным образом всевозможные оттенки личного мнения. Неграмматизированные типы сложного оптатива с глаголами модальности, существовавшие издавна, получают в позднейшие периоды истории немецкого языка все большее развитие и дифференциацию. Благодаря наличию подобных модальных оборотов оптатив из категории грамматической превращается в современном немецком языке в *категорию стилистическую*, что вполне соответствует его природе как субъективного наклонения.

С помощью глаголов модальности могут быть выражены желание, возможность, необходимость, долженствование с различными оттенками более решительного или смягченного утверждения: ср. *ich will kommen — ich möchte kommen, ich muß k. — ich müßte k., ich soll k. — ich sollte k., ich kann k. — ich könnte k., ich darf k. — ich dürfte k.* и т. д. Выражая сомнение, можно вложить в него разные оттенки: *das kann anders sein, das könnte anders sein, das dürfte sich irren; er kann sich irren, er könnte sich irren, er dürfte sich irren, er müßte sich irren*. Говоря о возможности, мы имеем способ различать — *daß etwas geschehen würde, geschehen könnte, geschehen dürfte*. Побуждение к действию выражается в смягченной форме: *er ließ ihn bitten, daß er kommen möchte*; в более решительной форме: *er befahl ihm, daß er käme*

или *kommen sollte*. Рядом с простым императивом 2 лица и оптативом настоящего времени 3 лица как выражениями приказа (ср. *komm! kommen Sie! er komme!*) стоит целая шкала оттенков, выражающих ту же мысль с помощью глаголов модальности и других модальных окрашенных глагольных сочетаний: *er soll kommen, er möge kommen, laßt ihn kommen* (каузатив с модальным оттенком), *du wirst heute zu mir kommen* (будущее в значении приказа), *wollen die Damen zu mir kommen* (вежливый полувопрос). Условные и часто искусственные формы вежливого обращения, принятые в буржуазном обществе, весьма охотно пользуются такими дифференцированными выражениями модальных отношений. Таким образом, развитие модальности как субъективно окрашенной стилистической категории делает ненужной и в значительной степени вытесняет старую однозначную форму оптатива.

Объективный характер имеет оптатив для выражения нереального или обусловленного предположения (*Irrealis* — см. стр. 235). И здесь устаревшие флективные формы успешно вытесняет новая категория условного наклонения (*Konditionalis*), которая развивается, как уже было сказано, из условного будущего и получает широкое распространение в ранний новонемецкий период (XIV—XVI вв.): ср. *ich würde schreiben* («я написал бы» — первоначально: «я стал бы писать»). В некоторых сочетаниях условная форма сохраняет побочное значение времени (сомнительного будущего): например, *ich wüßte keinen, der das tun würde* «я не знаю никого, кто сделал бы это» (в будущем), в противоположность — *der das täte* «кто сделал бы это» («вообще»). Обычно, однако, условная форма вполне тождественна по значению с оптативом прошедшего времени: ср. *ich würde dir das erlauben* («я бы тебе это позволил»), *wenn es zu deinem Vorteil wäre*. Новая форма вытесняет старую во всех случаях нереального или обусловленного предположения, хотя литературные консерваторы возражают против ее употребления в некоторых положениях, например, после условного союза: *wenn er kommen würde* — вместо правильного — *wenn er käme*. Для условных связей, относящихся к прошлому, употребляется так наз. *Konditionalis II* или *Plusquamperfekt* оптатива: *ich würde dir das erlaubt haben, wenn es zu deinem Vorteil gewesen wäre*. Эти формы встречаются только в письменной речи и возникают позже остальных.

В диалектах, полностью или частично утративших флективный оптатив, последний заменяется сложным оптативом с *täte*: *wir täten gern kommen* (вм. *wir kämen* или *wir würden kommen*); *er sagte, das täte ihm sehr gefallen* (вм. *das gefalle ihm sehr*) и др.

Глава IV СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

1. СУФФИКСАЦИЯ

§ 65. Несмотря на общую редукцию падежных окончаний и замену их анализом, характерной особенностью современного немецкого языка остается сохранение словообразовательных суффиксов и широкое развитие системы словопроизводства даже на самых новейших этапах развития языка. В противоположность потерявшим свою значимость основообразующим элементам словообразовательные суффиксы более позднего происхождения сохраняют свой смысловой вес и тем самым более или менее сильное побочное ударение, предохраняющее их от фонетической редукции (см. стр. 150). Таким образом сохраняются такие суффиксы, как *-heit*, *-schaft*, *-bar*, *-lich*, *-ing*, *-nis*, *-ig* и др., независимо от своего происхождения из самостоятельного слова, которое в историческую пору развития языка может быть констатировано лишь для небольшой группы.

Благодаря наличию системы суффиксов немецкий язык сохраняет как характерную особенность флективного строя — способность к *трансформации частей речи* морфологическими средствами. От глаголов могут быть образованы имена, от имен — глаголы, от существительных — прилагательные, от прилагательных — существительные. Наличие суффикса позволяет более точно дифференцировать грамматико-семантическую категорию данного образования. Так, от глагола могут быть образованы отглагольные имена с значением названия действия (*das Schreiben*, *die Beschreibung*, *der Gang*, *das Gebrüll*), действующего лица (*der Schreiber*, *der Schreibende*), орудия действия (*greifen* — *Griffel*), объекта или результата действия (*das Geschriebene*, *die Schrift*, *der Schlag*). От прилагательного производятся существительные с значением названия свойства (*der Reichtum*, *die Schönheit*, *die Länge*) или носителя свойства (*der Reiche*, *der Junge*, *der Reisende*, *der Bekannte*). Прилагательные, образованные от существительных, служат для обозначения свойства, производного от данного предмета (*blutig*, *silbern*, *städtisch*). В глаголах, производных от прилагательных, действие мыслится как сообще-

ние свойства предмету (*stärken*, *verkürzen*) или приобретение свойства самим предметом (*veralten*, *gesund*) и т. д. Для развития отвлеченной мысли особенно важное значение имеет существующая в языках флективного типа возможность образования абстрактных существительных от глаголов и прилагательных (*Verbalabstrakta* и *Adjektivabstrakta*), позволяющих мыслить действие (глагол) и свойство (прилагательное) в категории предмета (*das Schreiben*, *die Beschreibung* — *die Schönheit*, *die Länge*).

Древнейшая система именного словообразования, существующая в флективных языках, система основообразующих суффиксов, на исторической стадии развития германских языков уже утратила свое первоначальное значение. Восстановить значение тех классов слов, которые обозначались основообразующими гласными и согласными, в большинстве случаев не представляется уже возможным. Потеряв свою смысловую значимость на новой стадии развития языка и мышления, основообразующие элементы становятся формальными грамматическими признаками и тем самым сливаются с флексией и подвергаются редукции (см. стр. 153). Поэтому различия основообразующих суффиксов, как и более поздние различия грамматического рода, не связаны уже с определенными грамматическими категориями слов. Точно так же в большинстве случаев уже не поддаются объяснению различные ступени аблаута, встречающиеся в определенных грамматических категориях.

Мы имеем, например, ряд отглагольных существительных мужского или женского рода, оформленных как основы на *-a-*, *-ô-*, *-i-*, *-u-*, с различными степенями аблаута, без того, чтобы можно было указать причину данного грамматического оформления; например, мужск. р. (осн. *-a-*, *-i-*), вокализм настоящего времени: *ahd. scîn* «*schein*» (*scînan* «*scheinen*»), *strît* «*Streit*» (*strîtan*), *fall* (*fallan*), *louf* (*loufan*); вокализм прошедшего времени: *klang* (*klingan*), *trank* (*trinkan*); женск. (осн. *-ô-*), вокализм настоящего времени: *ahd. helfa* «*Hilfe*» (*helfan*), *binda* «*Binde*» (*bindan*); вокализм прошедшего времени: *stala* «*Diebstahl*» (*stelan*), *reisa* «*Reise*» (*rîsan* «*aufbrechen*»); вокализм множ. прош. (высшая ступень): *quâla* «*Qual*» (*quelan*), *râcha* «*Rache*» (*rechan*). В ряде случаев между глаголом и существительным утрачена непосредственная связь, и хотя существительное по своему вокализму укладывается в систему глагольного аблаута, мы не можем с уверенностью утверждать, какая форма является исходной — глагольная или именная: ср. *ahd. weg* — *wegan* «*bewegen*», *rouch* «*Rauch*» — *riochan* «*riechen*», *stoub* «*Staub*» — *stioban* «*stieben*», *snêo* (гот. *snaiws*) — *snîwan* «*schneien*» и др. Наконец, весьма многочисленны имена совершенно изолированные, которые не имеют рядом с собой ни глагола, ни другого существительного, и потому в пределах индоевропейской языковой системы

должны быть признаны непроизводными: например, ahd. *sêo* «See» (got. *saiws*), *wolf* (got. *wulfs*), *strâla* «Pfeil» (nhd. *Strahl*), *fano* «Fahne», *kern* — *korn*, *muor* «Moor» — *meri* «Meer» (got. *marei*) и мн. др.

Значительное число согласных показателей, предшествующих основообразующему гласному, также утратили самостоятельное значение и с точки зрения современного языка являются неотделимым элементом корня. Сопоставляя слова *Horn* и *Hirsch* (ahd. *hiruz*, ags. *heorot*), мы можем догадаться, что в основе того и другого лежит корень *ker-* (герм. *her-*) с значением «рог» (ср. греч. *keras* «рог»): первое слово имеет суффикс *-n-* (см. стр. 156), второе — *-t-* («олень» < «рогатый», «рогач»), но каково значение этих суффиксов, мы не знаем, а с точки зрения современного языка конечные согласные *-sch* и *-n* являются элементами корня. Точно так же в древневерхненемецком разница между *barn* «Kind» и *barm* «Schoß» (от *began* «tragen», «gebären») уже не может пониматься, как первоначально, в связи с различным значением суффиксов отглагольных существительных, а переосмысливается как различие самостоятельных коренных слов. Элемент *-m* (осн. *-ma-*) присутствует и в таких словах, как ahd. *helm* «Helm» (от *helan* «hehlen»), *malm* «Staub» (от *malan* «malen»), *sâmo* «Same» (от *sâen* «säen»), но и здесь он утратил самостоятельное значение и сделался частью корня. В слове *Wagen* (ahd. *wagan*) суффикс *-en-* (осн. *-ana-*) сохранился, но имеет чисто формальное грамматическое значение: уже в древневерхненемецком связь между существ. *wagan* «Wagen» и глаголом *wegan* «bewegen» затемнилась, вследствие потери суффиксом *-an-* того значения выразителя определенной грамматико-семантической категории, которое он сохраняет, например, в сильных причастиях II. Поэтому в новонемецком в категорию имен с окончанием *-en* могла перейти целая группа таких слов как *boge(n)*, *garte(n)*, *Knoche(n)* и др., первоначально принадлежавших к слабому склонению (см. стр. 168), а также все имена на *-en*, например, *Busen* (mhd. *busem*), *Besen* (mhd. *besem*) и др. (см. стр. 109). Это смешение показывает, что в современном немецком языке *-en* является одним из суффиксов существительных мужского рода без какой-либо определенной словообразовательной функции. Такие суффиксы, сохранившие свою форму, но утратившие благодаря расширенному применению и последующим смешениям свое первоначальное специальное значение, в современном немецком языке довольно многочисленны; они существовали, как было указано, уже в древнейшую пору. Ср., например, многие имена мужского рода на *-el*: *Vogel*, *Apfel*, *Sattel*, *Löffel* и др.; многие существительные на *-er*: *Wasser* (got. *watô*), *Acker*, *Donner*, *Feder*, *Zimmer* и т. п. Вследствие потери самостоятельной значимости, эти суффиксы имеют редуцированный вокализм.

С другой стороны, древнегерманские языки уже выработали систему полновесных и значащих суффиксов для большинства именных категорий. От прилагательных могут быть образованы названия свойства (*Adjektivabstracta*) с помощью суффикса *-in-* (см. стр. 158): ср. got. *braidei* «Breite», *hâuhei* «Höhe» и т. д.; ahd. *witi* «Weite», *blinti* «Blindheit», *snelli* «Tapferkeit» (от *snell* «tapfer»), *jungî* «Jugend» и др. Категория эта сохранилась и в новонемецком, несмотря на конкуренцию новых абстрактных образований, в ряде случаев получив формальное подкрепление в умлауте: ср. *Breite*, *Höhe*, *Güte*, *Röte* и т. д.

Носитель качества может быть выражен путем субстантивации прилагательного с помощью суффикса слабого склонения (см. стр. 185): ср. в современном языке — *der Reiche*, *der Reisende* и т. п.

Для имен собирательных употреблялись основы среднего рода на *-j-* с префиксом *gi-*, тип, представленный и в других индоевропейских языках (ср. русск. *созвездие*, *соцветие*, лат. *consilium*, *collegium*). Например, ahd. *bein* «кость» — *gibeini* «Gebein», *berg* — *gibirgi* «Gebirge», *feld* — *gifildi* «Gefilde», *fedara* «Feder» — *gifideri*, *wetar* «Wetter» — *giwiteri* «Unwetter»; mhd. *wurm* — *gewürme* «Gewürme», *wazzar* — *gewezzer* «Gewässer»; nhd. *Gepäck*, *Gesträuch* и др. Образования этого типа характеризуются древним преломлением и более поздним умлаутом (см. §§ 26—27). Первоначальное собирательное значение в ряде случаев затемнено дальнейшим смысловым изменением (*Gebirge* «горный хребет», *Gefilde* «поляна», *Gewitter* «гроза» и т. п.). Позже по типу собирательных образуются отглагольные существительные со значением повторяющегося действия: ср. *das Gedränge*, *Gelaufe*, *Geseufze*, *Gebrüll*; в особенности от глаголов на *-eln*, *-ern*, которые сами по себе имеют значение многократного действия: *das Geklingel*, *Gemurmel*, *Gewimmel*, *Geklimper*, *Geschnatter* и др.

Названия действующих лиц, производные от глаголов, обозначались в мужском роде основами на *-n-* (см. стр. 152). Например, ahd. *ezzo* «Esser», *gebo* «Geber», *scepfô* «Schöpfer» (от ahd. *scepfan* «schaffen»), *sprecho* «Sprecher», *boto* «Bote» (от *biotan* «bieten», букв.: «der Bieter»), *herizogo* «Herzog» (от *ziohan*: буквально «Heerführer» — ср. русск. *воевода*). Категория эта впоследствии была сильно ограничена конкуренцией имен на *-er* (см. стр. 274); в современном языке сохранились изолированно в составе слабого склонения: *der Bote*, *Schenke*, *Nachkomme*, *Vorfahr* и немногие другие.

Для женского рода соответственно употреблялись слабые основы на *-ôn-*: ср. ahd. мужск. *gastgebo* «Gastgeber» — женск. *gastgeba* *pflega* «Pflegerin»; независимо от глагола в таких словах, как got. *arbja* «Erbe» — *arbjô* «Erbin», *swaihra* «Schwiegervater» — *swaihrô* «Schwiegermutter», got. *frauja* «Herr» — ahd. *frouwa*

«Frau», ahd. ano «Ahne» («Großvater») — ана «Großmutter»; нередко от слов мужского рода сильного склонения: ahd. fridil «Geliebter» — fridila «Geliebte»; названия животных (по самке): fliega «Fliege» (от fliegen, буквально «Fliegerin»), spinna (от spinnen, буквально «Spinnerin»); без глагола: tûba «Taube», foha «Füchsin» и т. д. В современном языке сохранились изолированные слова этой группы в составе слабого (смешанного) склонения: например, die Fliege, die Taube и немногие другие.

Более широкое распространение для образования женских имен от мужских (movierte Feminina) имеет суффикс -in (осн. -j-): ahd. wirt — wirtin, friunt — friuntin, herizogo — herizogin, esil — esilin и т. д. В новонемецком этот суффикс сохранился передупрощенным и получил всеобщее распространение, в частности рядом с мужскими именами действующих лиц на -er: Pfleger — Pflegerin, Bäcker — Bäckerin, Meister — Meisterin, так же Berliner — Berlinerin, Italiener — Italienerin и др.

Действующее лицо могло также обозначаться субстантивированным причастием настоящего времени (см. стр. 158): ср. ahd. heilant (букв.: «целитель»), wîgant «боец» (от ahd. wîg «бой», wîgan «сражаться») и др. Образования этого типа являются изолированными архаизмами уже в древневерхнемецкую эпоху.

Суффикс -il также в некоторых случаях может обозначать действующее лицо: ср. ahd. biril «Träger» рядом с bero (от beran «tragen»), tregil «Träger» (от tragan), butil «Büttel» рядом с boto «Bote» (от biotan «bieten») и т. д. Чаше, однако, слова на -il обозначают орудие действия: например, ahd. griffil «Griffel» (от grifan «greifen»), zugil «Zügel» (от ziohan «ziehen»), sluzzil «Schlüssel» (от sliozan «schließen»), slegil «schlagen» (от slahan «schlagen»), mhd. flügel «Flügel» (от fliogan «fliegen») и др. По значению обе категории тесно между собою связаны: в первую входят одушевленные, во вторую — неодушевленные предметы. В современном языке отдельные слова этой группы сохранились среди большого числа различных по своему значению образований на -el.

Суффикс -il употребляется в германских языках также в значении уменьшительного. Ср. в собственных именах: got. Wulfila (букв. «волченок»), Attila (от got. atta «отец» — букв. «батюшка») и др.; в именах нарицательных: got. barnilô «Kindlein» (от barn «Kind»), mawilô «Mägdelein» (от mawi «Mädchen»). Уменьшительные на -il встречаются и в других индоевропейских языках, например, лат. nodus «узел» — nodulus «узелок», rivus «ручей» — rivulus «ручеек» и т. п. В древневерхнемецком в единичных случаях встречается мужск. -ilo, женск. -ila (осн. -n-): scalchilo (уменьшит. от scalch «слуга» — ср. nhd. Schalk), burgila (от burg). Ср. в новонемецком с измененным значением: Stengel (ahd. stengil от stanga «Stange»), Knöchel (ahd. knochil от knocho «Knochen») и немн. др. Обыкновенно уменьшительный суффикс расширен и имеет

форму ahd. -ilîn, -ilî (mhd. -lîn, -lî), в новонемецком -lein (с умлаутом). Форма -lî сохранилась в швейцарских диалектах: ср. blüemlî «Blümlein». В других диалектах южнонемецкой суффикс -lîn подвергается редукции: франкские и баварские диалекты имеют окончание (-e): kindl, knepfl; швабский — -lê: kendlê, knepflê; в некоторых баварских (особенно австрийских) диалектах употребляется расширенная форма -rl (maderl «Mädchen», bleamerl «Blümlein» и др.), которая образовалась из сочетания с суффиксом -er (ср. Wasserl «Wässerchen»). Нижне немецкий имеет уменьшительные на -ken, из and. -ikîn: ср. and. skipikîn «Schiffchen», mnd. mannekîn «Männchen» (ср. манекен); в средне немецком употребляется -chen (<-ichen): у Лютера — Sönichen, Hensichen (ср. стр. 124). В средневерхнемецком литературном языке употребляется главным образом форма -lîn как южнонемецкая: окончание -chen проникает в литературный язык через Лютера и в настоящее время в нем господствует. В ряде случаев в литературном языке объединяются оба конкурирующие суффикса, образуя окончание -elchen (у средне немецких писателей — уже в XIII в.): ср. Mädelchen, Büchelchen, Sächelchen и мн. др.

Наименее развита была в германских языках категория абстрактных отглагольных существительных с значением названия действия. Существовала издавна довольно обширная группа отглагольных имен на -i- мужского рода, образованных с низшей ступенью аблаута, с первоначальным видовым значением однократного действия и в то же время — его результата (см. стр. 227): например, ahd. scrit «Schritt» (от scritan «schreiten»), snit «Schnitt» (от snidan «schneiden»), scuз «Schuß» (от schießen), wurf (от werfen), trunc (от trinken) и т. д. Эта категория сохранилась и в современном языке, пополнившись другими образованиями, близкими по значению и по форме: например, Gruß (mhd. gruoz) от grûßen (ср. глаг. mhd. grûezen), Kuß от küssen (слаб. глаг.) и др. Однако в словах этой группы именное значение результата действия вытеснило глагольное: scuз, scrit обозначают отдельный «выстрел» или «шаг», не действие «стреляния» или «шагания» (ср. nhd. Schritt, Schuß и т. п.). То же относится к обширной группе отглагольных существительных женского рода на -t (осн. -ti-), близких по своему типу к причастным образованиям: ср. ahd. sculd «Schuld» (от sculan «sollen»), giburt «Geburt» (от giberan «gebären»), fluht (от fliohan «fliehen»), durft «Bedürfnis» (от durfan «bedürfen»), wist «Wesen» (от wesan «быть»); с ассимиляцией губного bt>ft; gift первонач. «дар» (от geban), kluft (от klioban «рассекать»), trift (от trîban); с дальнейшим распространением -ft, -st, как расширенных суффиксов после носовых: kumft, nhd. Ankunft (от kuman «kommen»), (vir-)numft «Vernunft» (от neman), Kunst первонач. «умение» (от kunnan «können»), Brunst (от brinnan «brennen»), Gunst (от gunnan «gön-

nen) и др. Слова, относящиеся сюда, довольно многочисленны, но еще дальше отошли от глагола и в ряде случаев давно уже являются существительными с предметным значением (ср. Gift «яд», Trift «выгон», Kluff «ущелье»). Самый тип словообразования в обеих категориях уже в древневерхненемецком является пережиточным и неспособен на дальнейшее развитие.

Как названия действия употребляются инфинитивы и связанные с ними в древневерхненемецком склоняемые формы так наз. «герундия» (см. стр. 240); но инфинитив имеет еще чисто глагольный характер и редко употребляется для образования абстрактных существительных. В готском получают широкое развитие абстрактные имена на -ni-, образованные от основ настоящего времени слабых глаголов (I -eins, II -ōns, III -ains) и склоняемые с некоторыми отклонениями по типу женских имен на -i-: ср. от laisjan «lehren» — laiseins «die Lehre», от laþōn «einladen» — laþōns «die Einladung», от þahan «schweigen» — þahains «das Schweigen». Распространение этой категории в готском языке было вызвано новыми потребностями отвлеченной мысли, весьма отчетливо сказывающимися в языке Вульфилы. В древневерхненемецком такие образования не получают развития; встречаются лишь единичные примеры отглагольных существительных этого типа, совпадающие по своей форме с женскими абстрактными на -i(n) от прилагательных: ср. leitī «Führung» от leiten, rastī «Ruhe» от rasten, toufi «Taufe» от toufen и немногие другие (см. стр. 163).

§ 66. Древневерхненемецкий период характеризуется усиленным развитием целого ряда новых словообразовательных категорий, которые служат выражением потребностей развивающегося отвлеченного мышления. Процесс этот совершается в немецкой переводной прозе под влиянием более развитого латинского языка. С одной стороны, для выражения абстрактных понятий приспособляются некоторые старые суффиксы (-ung, -nis, -ida), с другой стороны, возникают совершенно новые суффиксы из первоначально с самостоятельных слов с отвлеченным значением: -heit, -scaft, -tuom («вид», «образ», «свойство», «состояние»). Эти новые образования с самого начала представляли более высокую ступень логической абстракции, тогда как ранние категории отвлеченных слов носили более предметный характер. На этом основано различие между ahd. hōhi «Höhe» — конкретная «вышина» данной горы — и hōchneit («высота» в переносном смысле — «величие»), между sezzī «положение» (ср. ambahrtsezzī «Amtsbesetzung») и sezzunga («das Setzen») и др.

Суффикс -ung, -ing встречается во всех германских языках в патронимическом значении (родовые названия): ср. Amalungi (у готов), Carolingi (у франков). С патронимическим значением

связано его употребление в местных названиях на -ingen, -ungen (<дат. множ. ahd. -ingum, -ungum), которые свидетельствуют о первоначальном расселении германцев по родам: ср. Reutlingen, Solingen, Kissingen, Salzingen, Morungen и мн. др. (см. стр. 14). Отсюда развитие личного значения окончания -ing в таких словах, как kuning «König», ediling «благородный» («по происхождению»), arming «бедняк», mahting «могущественный человек» и т. п. Оно сохранилось в современном немецком языке за расширенной формой суффикса -ling, отвлеченной от слов, уже имевших суффикс -l, как ahd. ediling (от edili «edel»): ср. got. gadiliggs «родич», ahd. jungiling «Jüngling» и др.; в новонемецком ср. Flüchtling, Fremdling, Liebling, Lehrling; часто с уничижительным оттенком, может быть, развившимся из уменьшительного значения образований на -l: ср. Frömmling, Klügling, Schwächling, Weichling, Römling и др.

Суффикс -ung в абстрактном значении в готском не встречается. В древневерхненемецком он имеет форму -unga (женск. р.). В поэзии, например, у Отфрида (IX в.) он встречается только несколько раз в отглагольных существительных с более предметным значением: например, manunga («напоминание»), samzunga («собрание») и немногие другие. Развитие собственно отвлеченных существительных на -ung развертывается с чрезвычайной интенсивностью в древневерхненемецкой клирической прозе VIII—X вв. при переводе с латыни: ср. sceidunga «деление» (лат. divisio), wirkunga «действие» (лат. operatio), zeigunga «определение» (лат. determinatio), korunga «испытание» (лат. probatio); от глаголов с суффиксами: wehsilunga «изменение» (лат. mutatio) от wehsilōn «wechseln», heilagunga «освящение» (лат. sanctificatio) от heilagōn и мн. др. В дальнейшем развитии немецкого языка эта категория становится всеобщей формой образования абстрактных существительных от глаголов и царит в научной и технической лексике XIX и XX вв. наравне с субстантивированными инфинитивами. Особенно употребительны такие образования от глаголов с префиксами и суффиксами: ср. Erbauung, Betretung, Versuchung, Absetzung, Aufklärung, Zusammenstellung, Beglaubigung, Beschädigung, Berichtigung, Verherrlichung, Verheimlichung, Regierung, Einquartierung, Sozialisierung и т. п.; точно так же при синтаксических сращениях (см. стр. 289): Grundsteinlegung, Instandesetzung, Beschlagnehmung и др.

Отдельные слова этой группы потеряли глагольный характер и превратились в обычные существительные: ср. Stimmung «настроение», Sitzung «заседание», Dämmerung «сумерки» и т. д.

Суффикс -nis встречается в готском языке в форме -assus, которая расширяется в -nassus после глаголов и существительных, оканчивающихся на -ni: ср. got. ibnassus «Gleichheit» (от ibns «eben», gaibnjan «ebnen»), frauinassus «Herrschaft» (от frauinōn

«herrschen») и др. В древневерхненемецком суффикс имеет различное оформление: -nissa, -nissi (женск.), -nissi, -nessi (средн.). Двойственность рода сохраняется до сих пор: ср. Geheimnis (средн.) — Besorgnis (женск.) и т. д. Развитие этой формы происходит также в древневерхненемецкой переводной прозе: например, virstandnissi «Verständnis» (лат. intellectus), kihalt-nissa «Enthalt-samkeit» (лат. pudicitia), forlâzznessi «отпущение» (лат. remissio) и т. п. Рядом с образованиями от глаголов и в особенности от сильных причастий, которым эта категория, вероятно, обязана своим -n-, стоят с самого начала абстрактные от прилагательных и существительных: ср. heilagnissa «Heiligkeit» (лат. sanctitas) от heilag, gotnissi «Gottheit» от Gott и др. В новонемецком лексический состав этой группы значительно изменился, но встречаются образования от тех же грамматических категорий (при возможности — с умлаутом): Erkenntnis, Geständnis, Begräbnis (от глаголов); Finsternis, Fäulnis (от прилагательных), Bildnis (от существительных).

Суффикс ahd. -ida (got. -īpa) употреблялся преимущественно для образования абстрактных от прилагательных. Особенно часто в готском: daubiþa «Taubheit», diupiþa «Tiefe», weihiþa «Heiligkeit» (от прил. weihs «heilig») и мн. др.; в древневерхненемецком в переводной прозе, как от прилагательных, так и от глаголов: ср. reinida «Reinheit», heilida «Heilung», mihihilda «Größe» и др. За пределами ученой прозы суффикс большого распространения не имел. В средневерхненемецком он вытесняется образованиями на -heit и др. В новонемецком сохранилось лишь несколько изолированных слов, утративших свое первоначальное абстрактное значение: ср. Gemeinde (ahd. gimeinida), Gebärde (ahd. gibārīda), Beschwerde (ahd. biswārīda), Freude (ahd. frewīda) и немногие другие.

Новые суффиксы, образующиеся из самостоятельных слов, первоначально присоединяются к предшествующему существительному или прилагательному по типу сложных слов (zusammengesetzte Hauptwörter — см. § 73). В готском суффиксы такого происхождения еще не встречаются. Появление их в древневерхненемецком свидетельствует о недостаточности старых языковых средств для осложняющихся потребностей отвлеченной мысли.

Слово heit (got. haidus мужск., ahd. mhd. heit женск.) обозначает в самостоятельном употреблении «лицо», «положение», «вид». В древневерхненемецком оно может соединяться с существительными и прилагательными. Например, ahd. scalheit «рабство» от scali «раб» (букв.: «положение раба»), magatheit «девственность», tōrheit «глупость», friheit (букв.: «свободное состояние»), wīsheit, hōchheit и др. Характерно, что в противоположность старому, более конкретному суффиксу -ī, конкурирующее с ним -heit особенно часто соединяется с прилагательными, имеющими отвле-

ченное значение, в особенности с производными: ср. ahd. gelfichheit «Gleichheit», einicheit «Einigkeit», stetecheit «Stetigkeit», sâlicheit «Seligkeit» и др. Из сочетания -ic + heit образуется уже в средневерхненемецком новое окончание -keit (mhd. -ekeit): ср. mhd. blœdekeit «Blödigkeit», lîhtekeit «Leichtigkeit» и т. п. Оно переносится в дальнейшем и на слова, не имевшие суффикса -ig: ср. mhd. itelkeit «Eitelkeit», lûterkeit «Lauterkeit» и др. Распределение -keit и -heit в современном языке обнаруживает колебания. После суффиксального -n стоит -heit: Offenheit, Nüchternheit; после -er — обычно -keit: Bitterkeit, Magerkeit; точно так же после суффиксов -bar, -sam, -lich и некоторых других: Fruchtbarkeit, Duldsamkeit, Herrlichkeit. С суффиксом -ig образуется двойное окончание -ig + keit: Traurigkeit, Beständigkeit и т. д. Это окончание получает в дальнейшем самостоятельное распространение: ср. Bangigkeit, Dreistigkeit — рядом с bange, dreist; с колебаниями, при которых возможна последующая дифференциация значений: Neuigkeit (Neueit), Reinigkeit (Reinheit), Feuchtigkeit (Feuchtheit), Kleinigkeit (Kleinheit) и др.

Слово schaft (schaf), абстрактное существительное женского р. от ahd. scepfen «сchaffen», имело значение «состояния» («Beschaffenheit»). Соединения с -schaft менее многочисленны, чем с -heit, и часто обозначают состояние, род деятельности, характер человеческих отношений (обыкновенно от существительных, реже от прилагательных): например, vriuntschaf(t) «Freundschaft», formuntschaf(t) «Vormundschaft», nâchbûrschaft «Nachbarschaft», liebschaft «Liebschaft»; обозначения положений и рода деятельности приобретают собирательный смысл: priesterschaft (первоначально «Priesteramt»), ritterschaft (первоначально «Ritterwürde»); также Bürgerschaft, Bruderschaft; в диалектах Freundschaft в значении «Verwandschaft» («родня»). Приобретая абстрактное значение, -schaft может конкурировать с -heit; ср. Eigenschaft «свойство», Knechtschaft «рабство» и др.

Слово ahd. mhd. tuom мужск. средн. (got. dôms мужск. средн., англ. doom «приговор») употребляется в значении «обычай», «закон», «власть». В сложных словах оно обозначало «состояние», «общественное положение»: ср. munichtuom «Mönchtum» (букв. «положение монаха»), magettuom «Jungfräulichkeit» (также с -heit, -schaft). В этом значении оно конкурирует с -schaft и также может иметь собирательное значение: ср. Rittertum — Ritterschaft, Bürgertum — Bürgerschaft. Из значения «состояния» и «обычая» развиваются абстрактные типа Irrtum, Christentum, Luthertum, обозначающие образ мыслей, вероисповедание и т. д.

В ряде случаев значения всех трех суффиксов перекрещиваются, и их различие требует специального лексического истолкования: ср., например, Eigenheit — «своеобразие», Eigenschaft — «свойство», Eigentum — «собственность»; Meisterschaft — «мастерство»,

Meistertum — «положение мастера»; Christentum — «христианство», Christenheit — «христианские народы» (собирающее).

Благодаря сохранению в немецком развитой системы словосложения процесс образования новых суффиксов из самостоятельных слов продолжается и в современном языке. Ср. -mann: Edelmann, Amtmann, Bauersmann, Biedermann; -vogel: Spatzvogel, Nachtvogel, Spottvogel, Radvogel; -werk: Schuhwerk, Backwerk, Triebwerk, Räderwerk; -zeug: Viehzeug, Schreibzeug, Fischzeug, Werkzeug и т. д. Слова эти, утрачивая свое самостоятельное предметное значение, тем самым приближаются к типу словообразовательных суффиксов: из них первые два служат названиями лиц, последние два близки по своему значению к собираемым.

§ 67. Прилагательные первоначально не имели оформления, отличного от существительного (см. стр. 183): ср. ahd. lūt «laut» и «Laut» мужск., geht «gecht» и «Recht» средн. и др. Дифференциация прилагательных как особой грамматической категории приводит к созданию для ее обозначения специальных суффиксов, которые употребляются как для более отчетливого оформления уже существующих имен этой категории, так и для производства новых от других частей речи.

Из суффиксов прилагательных наиболее широкое значение имеет -ig (ahd. -ig, -ag, got. -eig, -ag), являющийся признаком прилагательного по преимуществу. С помощью -ig (-ag) оформляются в древневерхнемецком прилагательные, первоначально совпадавшие по своей форме с существительным: ср. rihtig от geht (прил. суц.), sculdig от sculd (прил. суц.), wirdic от wert (прил. суц.). Вместо ahd. stāti (mhd. stāte) появляется stätig «stetig», вместо ahd. nidiri «nieder» — nidirig «niedrig»; также gernig (от gern), spätig от spāti «spät»; суффиксы -haft, -falt расширяются в -haftig, -faltig (-fältig). Не все образования этого рода укрепились в литературном языке. Диалекты еще более последовательно осуществляют эту тенденцию: ср. blänkig (от blank), grandig «großartig» (от франц. grand «groß») и др.

От существительных прилагательные на -ig первоначально образуются со значением «имеющий свойство» (такого-то предмета или понятия): ср. ahd. bluot — bluotag «blutig»; rost — rostag «rostig»; dorn — dornag «dornig»; lust — lustig; kraft — kreftig и др. При дальнейшем изменении значения связь становится более неопределенной: ср. zeitig, geschäftig и др. Довольно рано становятся возможными образования от глаголов: ср. snidig «schneidig» (от snidan «schneiden»); gihōrig «gehörig» (от gihōren) и др. Наконец, в прилагательные превращаются и несклоняемые части речи: dortig, vorig, obig и т. п. Широко применяется суффикс -ig при синтаксических сращениях: zweijährig, zehnteilig,

gotbäckig, kaltblütig и т. д. Колебания в проведении умлаута в новонемецком зависят от первоначального различия в вокализме самого суффикса (-ig — -ag).

С суффиксом -ig конкурирует -isch (got. ahd. -isk, ср. русск. -ск-), менее употребительный, но с тем же широким значением грамматического признака прилагательного. Слова на -isch образуются почти исключительно от существительных: ср. ahd. heimisc «heimisch», himilisc «himmlisch», heidanisc «heidnisch»; в новонемецком bübisch, höhnisch, spöttisch, schelmisch. Особенно часто от имен на -er: träumerisch, verbrecherisch, betrügerisch, verräterisch и др. (нередко с оттенком отрицательной оценки). Специальную категорию применения суффикс -isch находит в прилагательных, образованных от имен народов, стран, городов: ср. ahd. frenkisc «fränkisch», sehsisc «sächsisch», rōmisc «römisch», nhd. kölnisch, französisch, russisch. Корень подвергается умлауту, а в более раннее время и преломлению.

Более специальное значение имеет суффикс ahd. -în (got. -ein), обозначающий сделанное из того или иного материала. Ср. ahd. eichîn «дубовый», nhd. eichen (от eiche); silbarîn (от silbar), nhd. silbern; îsarnîn (от îsarn «Eisen»); girstîn (от gersta «Gerste») и т. д. В переносном смысле этот суффикс обозначает наличие свойств, присущих тому или иному материалу, предмету или понятию: ср. bluotîn (от bluot) «кровавый», fleiscîn «плотский», wîbîn «женский» и т. п. В современном языке эта категория была вытеснена конкурирующими типами на -ig и на -isch. Расширенная форма суффикса ahd. -irîn (nhd. -ern) возникает под влиянием множ. средн. рода на -ir: ср. ahd. множ. huonir «Hühner» — прилаг. huonirîn, lembir — lembirîn. Расширенный суффикс -ern, более стойкий в фонетическом отношении, получает в немецком в той же категории преимущественное употребление. Ср. steinern, bleiern, gläsern, hölzern и мн. др. Оба суффикса вызывают умлаут коренных гласных.

§ 68. Подобно существительным прилагательные в древневерхнемецком создают новую систему суффиксов с более отвлеченным значением, образованных путем словосложения из первоначально самостоятельных слов. Из этих новых суффиксов наибольшее распространение имеет -lich (ahd. mhd. -lîch, got. -leik). Суффикс этот происходит от существительного got. leiks, ahd. lîh, означающего «тело» (отсюда nhd. Leiche), «вид», «образ». Образованные с его помощью прилагательные имеют значение: «имеющий образ (вид) того-то» (ср. русск. -образный). В готском прилагательные -leiks встречаются довольно редко, представляя по преимуществу сочетания с местоимениями и частицами: ср. got. swaleiks «такой» (ahd. solh «solch»), hwileiks «какой» (ahd. welfch

«welch»), samaleiks «подобный», galeiks «похожий» (ahd. gelîch «gleich») и немн. др. В древневерхненемецком он получает широкое распространение: ср. manlîh «männlich» (букв.: «имеющий образ мужа», «мужеобразный», т. е. «мужественный»), kintlîh, tôdlîh и др. В переводной прозе употребляется преимущественно для образования новых прилагательных с абстрактным значением: ср. geistlîh, gotlîh, fleischlîh, unentlîh; особенно часто — от существительных с суффиксами: bruderlîh, jugendlîh, fratscaftlîh «feindschaftlich»; ср. nhd. wissenschaftlich, verwandtschaftlich и др. В соединениях с прилагательными -lîch, как и -ig, является новым признаком дифференциации этой грамматической категории от других имен: ср. hôchlich «hoch», guotlich «gütlich», но при этом он содержит обычно новый оттенок значения: guot «gut» — guotlich «von guter Art» («похожий на доброго»). Отсюда вырабатывается специфическое для новонемецкого значение этой категории как более слабой степени качества: ср. ahd. suozi «süß» — suozlich «süßlich» («сладковатый»); nhd. rötlich, kränklich, ärmlich, schwächlich и т. п.

С глаголами и отглагольными существительными -lich образует отглагольные прилагательные, имеющие активное или пассивное значение, в зависимости от того, определяют ли они субъект или объект действия. Первые приближаются к типу активного причастия: ср. verderblich («Verderben bringend»), nachdenklich, förderlich, vergeßlich; вторые отличаются от пассивного причастия видовой характеристикой (как обозначение постоянного свойства) и модальным оттенком (возможность): ср. zerbrechlich («ломкий»), т. е. «могущий быть сломанным») и zerbrochen («сломанный»), kenntlich, faßlich, verständig, beweglich и др.; особенно часто с отрицанием un-: unaussprechlich («невыразимый», т. е. «не могущий быть выраженным»), unermesslich, unverwüstlich, unübersetzlich, unvergeßlich и мн. др. Характерно употребление -lich в сочетании со сложными глаголами, где простые имеют -bar: brechbar — zerbrechlich, brennbar — verbrennlich и др.

Суффикс -bar (ahd. -bâri, mhd. -bære, расширенная форма -bârig) происходит от глагола beran и имеет значение «несущий»: ср. ahd. un-bâri «unfruchtbar» (букв. «не несущий»), bârig «fruchtbar». В сложных словах — в значении переходном «несущий», «вызывающий»: ср. ahd. fluohbâri «ненавистный» (букв. «несущий проклятие»), lihtbâri «leuchtend» (букв. «светоносный»); mhd. fridebære «friedlich», sigebære «siegreich»; в непереходном значении «имеющий свойство», «являющийся»: ср. ahd. offenbâri «offenbar» (букв. «являющийся открытым»), suntarbâri «sonderbar» и т. д. С глаголами и отглагольными существительными, как в суффиксе -lich, выступает двойственность активного и пассивного употребления в зависимости от значения глагола. Первая группа очень немногочисленна: например, dankbar, haltbar, streitbar;

вторая имеет в новонемецком чрезвычайно широкое распространение, всегда с оттенком возможности: ср. denkbar, eßbar, fühlbar, greifbar, zahlbar и др. В этом значении -bar конкурирует с -lich. Там, где оба суффикса встречаются в том же слове, второй отчетливее сохраняет связь с глаголом и оттенок возможности: ср. deutlich — deutbar, ausführlich — ausführbar, unvergleichlich — unvergleichbar, verwerflich — verwerfbar и т. д. Обычно, однако, побеждает тот или другой из суффиксов.

Суффикс -haft (прил. got. hafts, ahd. haft, расширенная форма haftig) происходит от глагола got. hafjan, ahd. heffen «heben» и употребляется в значении «имеющий», «обладающий»: ср. ahd. minnihaft «любящий» («обладающий любовью»), eiterhaft «ядовитый»; nhd. schamhaft, herzlich, dauerhaft, vorteilhaft, ekelhaft; расширенная форма teilhaftig, wahrhaftig и др.

Суффикс -sam (от местоимен. got. sa sama, ahd. der samo «derselbe» — см. § 46а, 2) употребляется в древневерхненемецком в значении «подобный», «соответствующий»: ср. ahd. êrsam «ehrlich» («der Ehre entsprechend»), lobesam; в новонемецком часто — как обозначение душевных качеств и способностей: arbeitsam, furchtsam, betriebsam; в особенности от глаголов: folgsam, empfindsam, wachsam, schweigsam и др. Значение это отчетливо выступает при сопоставлении с конкурирующим образованием на -lich: ср. friedlich — friedsam, sittlich — sittsam; от глаголов, где образования на -sam прочнее сохраняют глагольное значение: bildlich — bildsam, folglich — folgsam, spärlich — sparsam, wirklich — wirksam и др.

Образование новых суффиксов из вторых элементов сложных слов усиленно продолжается в новонемецком: ср. -voll: wertvoll, geistvoll, lustvoll; -los: angstlos, ehrlos, herzlos, kinderlos; -frei: staubfrei, einwandfrei, alkoholfrei; -mäßig: gesetzmäßig, regelmäßig, zweckmäßig и др. Многие образования такого типа стоят еще на границе суффикса и сложного слова.

§ 69. О растущей потребности в развитии суффиксации свидетельствуют заимствованные суффиксы. Из языков народов, в свое время опередивших немцев по своему культурному развитию, они проникали в немецкий вместе с соответствующими заимствованными словами и, отвлекаясь от последних, распространялись в дальнейшем на лексический материал родного языка.

К древнейшим заимствованиям такого рода принадлежит латинский суффикс -arius (ср. нотариус, архивариус), got. -areis, ahd. -âri, -ari > mhd. ære > nhd. -er, обозначающий название действующего лица. Он проникает в язык восточных и западных германцев вместе с названиями новых профессий, с

которыми они знакомятся в процессе общения с римлянами: из лат. *tolonarius* («сборщик пошлин») заимствуется аhd. *zolonari* > nhd. *Zöllner*; из лат. *monetarius* — аhd. *munizari* > nhd. *Münzer*; из лат. *molinarius* «мельник» > аhd. *mulinari* > nhd. *Müller* «Müller» (теперь только как фамилия). Дальше следуют слова переводные: got. *bökareis*, аhd. *buohari* (от got. множ. *bökōs*, аhd. *buoh*) служит переводом к лат. *librarius* «книжник» (от *liber* «книга»), а got. *mōtareis* «сборщик податей» (от *mōta* «пошлина», ср. русск. *мыто*, *мытарь*) к лат. *tolonarius*.

В древневерхненемецком этот тип словообразования уже вполне развит. Его первоначальная область — названия профессий: ср. аhd. *fiskari* «Fischer», *sangari* «Sänger», *snitari* «Schnitter»; nhd. *Schneider*, *Maler*, *Weber*, *Schäfer*, *Schlosser*, *Fleischer* и т. д. Но уже в древневерхненемецком новый суффикс широко употребляется для имен действующих лиц от существительных и глаголов, вытесняя старые образования слабого склонения на -o (типа *gebo* «der Geber»), связанные архаическим типом словообразования от системы сильного глагола и менее четкие в фонетическом отношении: ср. *lōsari* «Erlöser», *meldari* «Verräter», *teilari* «Teiler», *nemari* «Nehmer» и др. В новонемецком — от огромного большинства глаголов, в том числе сложных: *Erzieher*, *Verwalter*, *Verfolger* и др.; в синтаксических сращениях: *Hungerleider*, *Glockengießer*, *Balgentreter*, *Spätaufsteher* и др. Специально для обозначения жителей от названий стран и городов: *Römer*, *Wiener*, *Österreicher*, *Niederländer* и др.

Расширенные формы суффикса -ner и -ler отвлекаются от слов, в которых -er следовал за суффиксом -n- и -l-: по типу *wagenari* «Wagner» (от *wagen* «Wagen») образуются аналогические *Schuldner* (от *Schuld*), *Glöckner* (от *Glocke*); по типу *vogelari* «Vogler» (от *Vogel*) — *Häusler* (от *Haus*), *Alpler* (от *Alpen*) и др. В средневерхненемецкую эпоху все эти суффиксы вызывают умлаут, который укрепляется в большинстве слов этого типа: ср., однако, *Dampfer*, *Maler*, *Verwalter*, *Schlosser* и нек. др.

В средневерхненемецкий период заимствуется ряд суффиксов из французского языка вместе с соответствующими словами светской и духовной феодальной культуры. Так, распространение получает французский суффикс -ie (лат. -ia), nhd. -ei — в словах с абстрактным или собирательным значением: ср. заимствованные *vilanîe* «dörperkeit», *prophezie* «Prophezeiung», *massenîe* «Gefolgschaft» и др. В новонемецком *Partei* (фр. *partie*), *Pfarrei*, *Türkei*, *Kanzlei* и немногие другие. В ученых словах в большинстве случаев сохраняется -ie, особенно — в более поздних заимствованиях: *Philosophie*, *Astronomie*, *Phantasia*, *Melancholie*; но в языке XVI и XVII вв. встречаются народные, дифтонгизованные формы: *Philosophie*, *Melancholei*, *Phantasei* (у Гете в первой редакции

«Фауста»: «Hab' ach! die Philosophie, Medizin und Juristereî») и т. д.

Широкое распространение суффикса -ei получает в сочетании с -er (nhd. -erei) для обозначения профессиональной деятельности или места, где производится эта деятельность: *Fischerei*, *Färberei*, *Jägerei*, *Bäckerei* и т. д.; нередко в более отвлеченном значении морального качества или поступка человека: *Schelmerei*, *Kinderei*, *Büberei*; от глаголов — с итеративным значением и часто с отрицательной оценкой: *Sprecherei*, *Raserei*, *Reimerei*, *Betrügerei*, *Lauferei*, *Singerei* и др.; от глаголов на -eln — с суффиксом -elei и аналогичным значением: *Bettelei*, *Frömmelei*, *Schmeichelei* и др.

Из средневекового французского заимствован также глагольный суффикс -ieren < старофранц. -ier: ср. в заимствованных словах mhd. *jubilieren*, *parlieren*, *chantieren* «петь» и др. (в средневерхненемецкий период — более 160 глаголов). Этот суффикс играет в современном языке весьма важную роль в словопроизводстве научного языка, несмотря на энергичную борьбу, которая ведется против него из шовинистического лагеря буржуазных пуристов. Ср. *nationalisieren*, *interpretieren*, *potenzieren* и др. В редких случаях он оформляет немецкие слова: ср. *stolzieren*, *buchstabieren* и немногие другие.

Образование наречий в средневерхненемецком пополняется заимствованным суффиксом с модальным значением, который происходит от старофранцузского существительного *ley* «Art und Weise» (соврем. франц. *loi* «закон») и первоначально употребляется как самостоятельное слово с род. множ.: mhd. *aller leie liute* («всякого рода люди» — ср. «allerhand Leute»). В новонемецком — как суффикс: *mancherlei*, *solcherlei*, *zweierlei*.

В новонемецком вместе с развитием интернациональной лексики большое значение получает система интернациональных суффиксов, существующая в аналогичной форме, но с национальными вариациями, и в других современных европейских языках: ср. *sozial*, *Sozialismus*, *sozialistisch*, *sozialisieren*, *Sozialisierung* и мн. др.

Элементы этой системы складываются из латинских и греческих заимствований, часто в последующем французском оформлении и в скрещении с немецкими образованиями. Так, в приведенных выше примерах суффиксы -al (лат. -alis), -ation (лат. -atio, род. -ationis) — латинско-французского происхождения; из греческого заимствован суффикс -ism (греч. -ismos), -ist (греч. -istēs); -ismus соединяет греческий суффикс с латинским окончанием (лат. -us); -istisch — с немецким (нем. -isch); -isieren, -isierung присоединяет к греческому элементу (-is) французский (-ier) с оформлением немецкого инфинитива (-en) или отглагольного существительного (-ung). Несмотря на такую разнородность

происхождения, эта система весьма пригодна для выражения тех новых понятий научно-технического и общественно-политического языка, которые сложились в результате культурного общения современных европейских народов.

§ 70. В образовании современных немецких глаголов суффиксация играет второстепенную роль. Германские языки, создав систему слабого спряжения, уже получили в свое распоряжение важнейшее средство для создания новых глаголов, производных от других глаголов и имен.

В средневерхнегерманскую эпоху в результате редукции происходит униформация типов слабого спряжения и вместе с тем уничтожаются суффиксальные признаки, отличавшие слабые глаголы от сильных и друг от друга по способу образования глагольной основы настоящего времени (кроме наличия умлаута в бывших глаголах на *-jan*): ср. got. *niman, sôkjan, salbôn, liban*; ahd. *neman, suochen, salbôn, lebên*; nhd. *nehmen, suchen, salben, leben*.

Утратив старые суффиксы, но сохранив способность к широкому образованию новых отыменных и отглагольных глаголов слабого спряжения, немецкий язык приблизился к такой морфологической системе, при которой большое число именных корней может быть непосредственно использовано для образования глаголов (как и глагольные корни для образования имен), хотя далеко не в такой степени, как английский, благодаря большому сохранению в немецком языке суффиксации и внутренней флексии (умлаута и аблаута).

В ряде случаев глаголы могут быть образованы без суффиксов непосредственно от существительных: ср. *Dampf — dampfen, Salbe — salben, Nagel — nageln*; от прилагательных: ср. *heil — heilen, rund — runden*; с умлаутом от существительных: ср. *Dampf — dämpfen, Wasser — wässern*; от прилагательных: *stark — stärken, hart — härten*; от глаголов: *trinken — trinken, saugen — säugen* и др.

При этом формы с умлаутом развиваются из глаголов на *-jan*, формы без умлаута из глаголов на *-ôn* и на *-ên*.

Глаголы на *-ôn* представляют обширную группу деноминативных, в особенности — от существительных.

Глаголы на *-jan* могут быть образованы от глаголов и от имен. Наиболее существенную роль они сыграли в развитии категории понудительных глаголов (каузативов). Каузативы от прилагательных с умлаутом остаются в современном языке весьма активной категорией: *stark — stärken, kurz — kürzen, rot — röten*; часто с префиксами (ср. § 71): *verkürzen, verstärken, taub — betäuben* и др.; там, где умлаут невозможен, употребляется только префикс: *bitter — erbittern* («bitter machen»),

möglich — ermöglichen («möglich machen»), *frei — befreien* («frei machen»), *düster — verdüstern* и др.

Образование каузативов на *-jan* от сильных глаголов на основе вокализма прошедшего времени восходит к эпохе, когда аблаут представлял еще активную форму словоизменения (см. стр. 132). Многочисленные примеры в германских языках имеют пережиточный характер, и число их сократилось с развитием немецкого языка. Ср. в новонемецком: *sitzen — setzen* (<*satjan), *liegen — legen* (<*lagjan), *trinken — trinken* (<*trankjan), *sinken — senken* (<*sankjan), *saugen* (mhd. *sûgen*) — *säugen* (<*saugjan), *springen — sprengen* (<*sprangjan) и многие другие.

В ряде случаев произошла дифференциация значения, благодаря которой первоначально понудительные глаголы перестали восприниматься как производные: ср. *fahren — führen* (<*fôrjan), первоначально «fahren machen»; *beißen — beizen* (<*baitjan), первоначально «beißen lassen»; *rinnen* (mhd. «laufen») — *rennen* (<*rannjan), первоначально «rinnen lassen»; *essen — ätzen* (<*atjan), первоначально «essen lassen». Нередко слабый глагол вытесняет сильный и получает его непереходное значение: ср. *brennen* — каузатив от mhd. *brinnen* «гореть» (*brennen* — первоначально «сжигать»), также *rennen* (от *rinnen* — ahd. mhd. «laufen»), *dämpfen* (от mhd. *dimpfen* «dampfen») и др. Обычно такая замена происходит в результате звукового совпадения в новонемецком: каузативы от глаголов III в, IV и V ряда с прошедшим на *a* соизпали по своему гласному (e) с настоящим на *ê*: ср. mhd. *swellen* сильн. и *swellen* слаб. («schwellen machen»), *smêlzen* — сильн. («таять») и *smêlzen* слаб. («schmelzen machen») и др.; в глаголах I ряда каузатив от прошедшего на *ei* соизпал с настоящим на *ei* (< mhd. *i*): ср. *seînen* сильн. «scheinen» — *sceinen* слаб. (mhd. «zeigen»), *nîgen* сильн. «sich neigen» — *neigen* слаб. «neigen» и др.

В современном языке понудительные формы могут быть образованы аналитически, с помощью полувспомогательных глаголов *machen, lassen*: *kommen — kommen lassen, fallen — fallen machen*; от глаголов переходных: *schreiben — schreiben machen, schreiben lassen, trinken — trinken machen* и т. п.; так же от прилагательных — с помощью *machen*: *stark machen (stärken), los machen (lösen)* и др.

В противоположность каузативам на *-jan* старые глаголы на *-ên* легли в основу категории непереходных глаголов состояния, образованных от прилагательных: ср. *siechen* (ahd. *siohên*), *kranken, bangen, lauten* и некот. др., чаще — как начинательные, со значением изменения состояния: ср. *reifen* (ahd. *rifên*) «reif werden», *welken, trocknen, nahen*; с префиксами: *veralten* (ahd. *altên* «alt werden»), *verarmen, erblassen, ergrauen* и др. В совре-

менном языке для начинательного типа широко употребительна аналитическая форма с вспомогательным глаголом *werden*: *grau werden, alt werden*.

Из новых глагольных суффиксов в немецком языке получают распространение *-ern, -eln, -igen* и заимствованный *-ieren*. Суффикс *-ern* (ahd. *-irōn, -arōn*) развивается в соседстве имен, образованных с суффиксом *-r*: например, ahd. *lastar* «Laster» — *lastarōn* «lästern». Это происхождение особенно отчетливо выступает в группе каузативов от прилагательных сравнит. степени: ahd. *bezzirōn* «bessern» («besser machen»), *minnirōn* «mindern»; в новонемецком обычно с префиксами: *vergrößern, verfeinern, bereichern, verschönern, erheitern* и т. п. Отглагольные образования на *-ern* имеют часто значение многократного вида, обозначая быстро повторяющееся действие: ср. *blinken* — *blinkern, flimmen* — *flimmern, glitzen* — *glitzern, sickern* и др.; ср. также *zwitschern, schnattern, stottern* и т. д.

Суффикс *-eln* (ahd. *-ilōn, -alōn*) таким же образом развивается в соседстве имен на *-l*, ahd. *nagal* — *nagalōn, rigil* — *rigilōn* и в самостоятельном употреблении также преимущественно обозначает повторяющееся действие: ср. *betteln* (ahd. *betalōn* от *betōn* «beten» — первоначально «просить»), *schütteln* (ahd. *scutilōn* от *scutten*), *rasseln, rascheln, funkeln, kritzeln* и мн. др.; часто к этому присоединяется уменьшительный оттенок, свойственный многим именам на *-l*: ср. *hüsteln, kränkeln, spötteln* и т. п. Оба суффикса могут вызывать умлаут.

Суффикс *-igen* (ahd. *-agōn, -igōn*) образуется в соседстве прилагательных на *-ig, -ag* (ср. ahd. *heilag* — *heilagōn, sculdig* — *sculdigōn*), но получает в дальнейшем самостоятельное распространение в отыменных глаголах: ср. *steinigen, ängstigen, reinigen, sättigen, verunreinigen, vereinigen* и др. Во многих случаях формы на *-igen* вытеснили более старые без суффикса: ср. mhd. *pīnen* — *pīnigen* «reinigen», *bevesten* — *bevestigen, befriden* — *befridigen* и т. д. В новонемецком суффикс *-igen* получил широчайшее распространение в отыменных глаголах с переходным (частично каузативным) значением. Этот суффикс вызывает умлаут коренного гласного.

§ 71. Гораздо большее значение для развития германских глаголов имеет префиксация. Глагольные префиксы, как уже было указано, в основном являются по своему происхождению приглагольными наречиями места, которые частично развились в предлоги, связанные с именами, частично соединились с глаголами как приставки (см. стр. 174). Эта связь наречий и приставок особенно заметна в так наз. отделяемых приставках немецкого языка, еще не утративших полностью своего адвербиального характера.

Неотделяемые приставки соединились с глаголами в эпоху, предшествующую письменным памятникам, но почти все имеют около себя в германских или в индоевропейских языках наречия и предлоги, свидетельствующие об их первоначальном адвербиальном происхождении. Ср.: *ver-* (ahd. *fir-, fur-*) и предлог *vor* (ahd. *fora*); *er-* (ahd. *ir-, ur-, got. us-*) и предлог ahd. *ir, ur* (у Отфрида *engil ur himile* «с неба»); *ent-* (ahd. *ant-*) и лат. *ante* «раньше» (греч. приставка *anti-* «против»: например, «антифашист»); *be-* (ahd. *bi-*) и предлог *bei* (ahd. *bī*); *ge-* (ahd. *ga-, gi-*) и лат. *cum* (приставка *co-*), слав. русск. *съ, со*; неясно происхождение приставки *zer-* (ср. got. *dis-*). Кроме того рано становятся неотделяемыми префиксами прилагательные *voll* («полный») и *miß-* (ahd. *missi* прил., got. *missō* нар.— первоначально «противоположный», «взаимный»). Потеря самостоятельности этой древнейшей группой глагольных приставок, связанная с отсутствием самостоятельного ударения (ср. стр. 119), объясняется смысловым объединением наречия с глаголом. При этом глагол нередко приобретает совершенно новое значение: ср. *sagen* — *entsagen, nehmen* — *vernehmen, zählen* — *erzählen, schlummern* — *entschlummern* и т. п.; в свою очередь приставка утрачивает самостоятельный смысл, меняя свое значение в зависимости от общего значения глагола: ср. *verreisen* «уехать прочь», *verschieben* «передвинуть», *verlöschen* «потушить»; *entfließen* «вытекать», *entschlafen* «уснуть» («умереть»), *entfalten* «развернуть», *entsagen* «отказаться», *enthaupten* «обезглавить» и т. п. В современном языке наименее сохраняют конкретное содержание приставки *er-, ver-* и в особенности *ge-*, которое в германских языках с самого начала встречается только как префикс.

Из первоначального вещественного значения приставки, утраченного благодаря смысловому объединению с глаголом, нередко развивается побочное грамматическое значение. Многие приставки придают глаголу значение совершенного вида, начинательное или завершительное; ср., например, начинательное: *lachen* — *auf-lachen* «засмеяться» (буквально: «воссмеяться»), *glänzen* — *erglänzen* «заблестеть» (буквально: «воссиять»); завершительное: *saugen* — *aussaugen* «высосать» (до конца), *schießen* — *erschließen* «застрелить», *löschen* — *verlöschen* «потушить» и т. д. (см. § 59). С этой видовой характеристикой связано развитие переходного значения у глаголов первоначально непереходных («транзитивация»). Вместе с завершительным видовым значением действие может приобретать направленность на объект и тем самым переходность: ср. *spritzen* — *bespritzen, herrschen* — *beherrschen, fluchen* — *verfluchen, schweigen* — *verschweigen* и т. д. Образованные от прилагательных глаголы с префиксами часто имеют характер каузативов: ср. *befeuchten, erfrischen, vervollkommen* и мн. др. Однако все эти грамматические функции

префиксов остаются тесно связанными с лексическим значением данного сочетания: поэтому рядом с *erblühen* с начинательным значением стоит *erschließen* с завершительным и *erklären*, в котором видовое значение совершенно отсутствует; рядом с *erbittern* или *ereilen* с переходным значением стоят *erblinden* или *erstarken* с непереходным. Таким образом, грамматические категории, обозначаемые префиксами, не имеют общезначимого формального выражения. (О грамматическом значении *ge-* см. § 59.)

Отделяемые приставки сохраняют самостоятельную значимость и употребляются в древне- и средневерхненемецком как слитно, так и обособленно. Современное правило, по которому именные образования (инфинитив, причастие) имеют слитные формы, а спрягаемые формы глагола — обособленные, закрепляется окончательно в раннем новонемецком вместе с установлением связанного порядка слов. Как известно, в новонемецком наиболее тесно связанное с глаголом обстоятельственное определение или дополнение ставится на конце главного предложения (прием синтаксического «замыкания» — согласно определению акад. И. И. Мещанинова). Поэтому при спрягаемой форме глагола наречие, как ближайшее глагольное определение, стоит на последнем месте: *ich gehe . . . fort*; при сложном сказуемом на это место отодвинется именная форма глагола, которой будет предшествовать адвербиальный определитель (префикс): *ich bin . . . fortgegangen*, *ich werde . . . fortgehen*.

Слитный характер номинальных форм поддерживается также общим характером именного словосложения, широко допускающего синтаксическое «сращение» (*Zusammenbildung*); ср. *fortgehen* и *Fortgang*, *zulaufen* и *Zulauf*, *danksagen* и *Danksagung* (см. стр. 288).

Некоторые префиксы (*durch*, *im*, *wieder*, *unter*, *über*) сохраняют двойственное употребление как отделяемые и неотделяемые приставки. Во втором случае всегда предполагается более тесное смысловое объединение, часто с изменением значения сложного слова в целом: ср. *über einen Fluß setzen* — *ein Buch übersetzen* («переводить книгу»); *ich pflanze den Baum im* («пересаживаю дерево»), *ich impflanze den Weg* («обсаживаю») и т. д. (см. стр. 120).

Свободная префиксация отделяемых приставок на протяжении развития немецкого языка втягивает в орбиту глагола все большее количество приглагольных определений. Рядом с простейшими наречиями места *ab*, *an*, *durch*, *auf*, *aus*, *bei*, *gegen*, *mit*, *nach*, *vor*, *wider*, встречающимися при глаголах уже в древневерхненемецкую эпоху, в более позднее время появляются наречия, заключающие более дифференцированные локальные определения — например, *aufeinander*, *auseinander*, *entgegen*, *ent-*

zwei, *vorbei*, *vorwärts*, *zuvor* и др., как в первоначальном, пространственном, так и в переносном, отвлеченном употреблении: ср. *er setzt viele Kenntnisse voraus*, *er hat dem Befehle zuwider gehandelt*. В то же время в орбиту глагола втягиваются временные и модальные определения, выражаемые нередко целыми адвербиальными оборотами: ср. *zuvorkommen*, *voraus-sagen*, *vorwegnehmen*, *wiederaufnehmen*, *zufriedenstellen*, *überhandnehmen* и т. д. В сложных сказуемых, где глагол теряет частично свое первоначальное значение, такие соединения образуют своего рода новые сложные глаголы, формально состоящие из двух элементов, но по своему значению образующие неразрывное целое: ср. *daheimbleiben*, *geheimhalten*, *müßiggehen*, *stattfinden*, *loswerden* и т. п. Развитие этой категории сложных глаголов с отделяемыми приставками тесно связано с общими принципами немецкого словосложения.

Соединение приставок с именами происходит через отглагольные существительные и прилагательные. Ср. *verstehen* — *Verstand*, *verständlich*; *ansehen* — *Ansicht*, *ansichtig* и т. д. Об особых условиях ударения для старых именных соединений (*Urteil*, *Vorsprung*, *Antwort* и др.) см. стр. 119. Только префикс *ge-*, утратив полностью на германской почве значение самостоятельного наречия и предлога, с самого начала встречается и в именных соединениях и никогда не несет на себе ударения.

§ 72. Таким образом, исторически сложившаяся в немецком языке система словообразования на современной стадии обнаруживает целый ряд противоречий. С одной стороны, для выражения определенной грамматической категории существует целый ряд конкурирующих словообразовательных средств: например, абстрактные существительные могут быть образованы от прилагательных с помощью суффиксов *-e* (ahd. *-î*), *-nis*, *-heit* (*-keit*), *-schaft*; ср. *breit* — *Breite*, *hoch* — *Höhe*; *faul* — *Fäulnis*, *finster* — *Finsternis*; *wahr* — *Wahrheit*, *frei* — *Freiheit*; *bereit* — *Bereitschaft* и др.; отглагольные прилагательные пассивного значения с оттенком возможности образуются с помощью суффиксов *-lich*, *-bar*, *-sam*: ср. *käuflich*, *zerbrechlich*; *lenkbar*, *unsagbar*; *lenksam*, *bildsam*; глаголы с значением фактитива от прилагательных — с помощью *um-*лаута или без такового, с суффиксами *-igen* и *-ern*, с различными префиксами: ср. *stärken*, *kürzen*, *trocknen*; *festigen*; *schmälern*, *nähern*; *beengen*, *entfremden*, *erbittern*, *verdüstern* и мн. др. С другой стороны, один и тот же словообразовательный элемент в различных лексических сочетаниях имеет разное значение: ср. прилагательное на *-lich*: *tödlich* «причиняющий смерть», *sträflich* «достойный наказания», *zerbrechlich* «могущий быть сломанным», *rötlich* «краснотатый» и т. д.; существительные на *-schaft*: *Leidenschaft*,

Eigenschaft (абстрактные понятия), Bürgerschaft, Dienerschaft (собираемые), Landschaft, Grafschaft, Ortschaft (территориальные единицы) и др.

Благодаря изменению значения некоторые слова выпадают из словообразовательной группы, с которой были связаны: например, Festung «крепость» (первоначально Befestigung «укрепление») перестает быть по значению отглагольным существительным, вследствие утраты глагола mhd. festen «befestigen»; Frühling или Schmetterling теряют связь с Fremdling, Lehrling, Säugling, Sonderling и т. д. С течением времени создаются целые группы суффиксов, утративших какое-либо определенное грамматико-семантическое значение: например, существительные на -en, -el, -er (кроме названий действующих лиц). Наибольшую четкость сохраняют словообразовательные категории, объединенные более или менее прочно с системой словоизменения: инфинитивы и причастия в глаголе, уменьшительные в существительных, сравнительные степени в прилагательных, в меньшей степени — отглагольные существительные на -ung с значением названия действия и на -er с значением действующего лица, а также связанные с ними женские имена на -in. В огромном большинстве прочих случаев обобщающие грамматические тенденции перекрещиваются с индивидуальными различиями лексического развития.

В диалектах система словообразования остается на более архаической ступени. Большинство новых суффиксов с отвлеченным значением в диалектах мало употребительно и является по преимуществу заимствованиями из литературного языка: например, отглагольные существительные на -ung, абстрактные на -heit, -schaft, -tum, прилагательные на -bar, -haft, глаголы на -ieren и вся серия новейших ученых суффиксов латинско-греческого происхождения. При наличии образований этого типа они употребляются обычно в более предметном значении: ср. диалект. Fraindschaft «Freundschaft» — не в значении «дружба», а «родня».

2. СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

§ 73. Словообразование встречается в сходной форме во всех языках индоевропейской системы, но в некоторых (в санскрите, в греческом, в германских языках) оно получило особое развитие. В современном немецком языке мы различаем три типа словообразования: *сдвиги* (Zusammenrückungen), *соединения* (Zusammensetzungen) и синтаксические *сращения* (Zusammenbildungen).

Синтаксические *сдвиги* возникают в результате смыслового объединения и обособления синтаксической группы. Ср. в

новонемецком: Langeweile, Feinsliebchen, achtgeben, Besserwissen, fünfundzwanzig, indem, insbesondere, inloedessen и др. Такое сочетание нередко сохраняет архаический порядок слов, исчезнувший на последующей стадии развития. Подобное несоответствие принципа объединения внутри сложного слова с нормальным типом синтаксического объединения элементов предложения превращает синтаксический *сдвиг* в более прочное и изолированное *соединение*: ср. mhd. ze mitter (прил.) nacht > nhd. zu Mitternacht; mhd. die aller (под. множ.) schönste > nhd. die allerschönste.

Древнейшая форма соединения в индоевропейских, в том числе и в германских, языках построена по типу: определение + определяемое. При этом определяющее слово имеет форму чистой именной основы, по существу не являясь ни существительным, ни прилагательным, что позволяет возводить происхождение этого типа синтаксического объединения к той стадии развития, когда существительные еще не были дифференцированы от прилагательных и синтаксическая функция имен определялась порядком слов (см. стр. 183). Ср. got. fotubaúrd «Fußbrett», со значением «скамейка для ног» (Schemel): буквально «нога + доска» (fotus «Fuß», осн. -u-); scaudaraips «Schuhriemen»: буквально «башмак + ремень» (skauda- «Schuh», осн. -a-); gastigöps «gastfrei»: буквально «гость + добрый» (gasts «Gast», осн. -i-). Ср. русск. *пароход*, *мореплаватель*, где так наз. «соединительный гласный» по своему происхождению представляет гласный основы. Такие соединения получили название «полносложных» (eigentliche Komposition) — в противоположность «неполносложным» (uneigentliche Komposition), в которых первое слово оформлено как падеж (например, Mannesalter).

Сравнение с языками других систем позволяет рассматривать словосложение этого типа в индоевропейских языках как пережиток более древнего, дофлективного строя речи. Мы находим словосложение в его простейшей форме в языках аморфных, например, в китайском, где оно служит основным способом образования новых слов-понятий. Ср. Pek-kin «Nordhauptstadt» (Бейпин), Nam-kin «Südhauptstadt» (Нанкин), thien-tsi «Himmelssohn» («богдыхан») и т. д. В тюркских и монгольских языках словосочетания такого типа имеют широкое распространение как пережиток более древней стадии выражения атрибутивных отношений; ср. в узбекском: темир йул «железная дорога» (буквально: «железо-дорога» — «Eisenbahn»), сув илон «уж» (буквально: «вода-змея», «водяной змей» — «Wasserschlange») и т. п. Нормальным выражением синтаксической связи такие соединения являются в языках инкорпорирующих; ср. в чукотском: там-ваыргхын «хорошая жизнь», тан'-клявол «хороший человек» («частичное инкорпорирование» — по терминологии акад. И. И.

Мещанинова). С этой точки зрения можно рассматривать полносложные соединения индоевропейских языков как своего рода пережиточную синтаксическую инкорпорацию.

В немецком языке, благодаря редукции, гласный основы выпадает, так что с точки зрения немецкого языка соединения такого типа производят впечатление простого объединения существительных без каких бы то ни было признаков флексии, как формального выражения синтаксической связи. Ср.: Dampf || schiff «пароход», Dampf || schiff || gesellschaft «пароходное общество» и т. д. С точки зрения семантической для полносложных соединений чрезвычайно характерна диффузность синтаксической связи между двумя элементами соединения. В переводе на дифференцированный язык развитой падежной и предложной системы эти сочетания оказываются многозначными: Dampfschiff означает «корабль,двигающийся паром» (*mit Dampf*), Zahnschmerz — «боль в зубах» (*in den Zähnen*), Dachfahne — «флаг на крыше» (*auf dem Dache*), Goldfaden — «нить из золота» (*aus Gold*), Wassermangel — «недостаток в воде» (*an Wasser*), Staubregen — «дождь, как пыль» (*wie Staub*) и т. д. По существу, однако, эта дифференциация привносится грамматическим анализом в сочетания такого типа извне и в своей логической определенности не соответствует той нерасчлененной связи определяющего и определяемого слова, которая характерна для более ранней ступени языкового развития. Наиболее удовлетворительным образом большинство полносложных соединений может быть переведено прилагательными: Dampfschiff «паровой корабль», Zahnschmerz «зубная боль», Goldfaden «золотая нить». Фактически они конкурируют с прилагательными как флективно-оформленными определениями, превратившимися на более поздней стадии развития в особую часть речи. «Основной показатель архаичности строя немецкой речи», говорит по этому поводу Н. Я. Марр, «отсутствие или бедность имен с оформлением качества или свойства, в том числе прилагательных, в связи с агглютинативным и даже синтетическим сочетанием слов... Отсюда происходит легкость образования составных слов и щедрое, все растущее использование этого приема при созидании новых терминов или при усвоении их из иностранных языков» («Новый поворот в работе по яфетической теории». Избр. работы, I, стр. 323).

С развитием флексии первый элемент сложного слова нередко осмысливается и оформляется как родительный (определятельный) падеж: например, Mannesalter, Löwenfell и т. д. Такие соединения называются «неполносложными» (*uneigentliche Komposition*) и в готском языке еще не получили распространения. Опорой для их развития является обычный в средневековом немецком языке порядок слов в синтаксических сочетаниях родительного определительного с определяемым словом: ahd. hanin fuoz («der

Fuß eines Hahns» — «Hahnenfuß»), wolfes milch («die Milch eines Wolfes» — «Wolfsmilch»); mhd. der sanges meister, nâch küneges site. В дальнейшем благодаря изменению порядка слов в новонемецком и расширенному употреблению артикля неполносложные соединения оказались изолированными от обычных синтаксических сочетаний с родительным падежом. В то же время генитивные -s и -en утратили значение падежных окончаний: -s распространилось в неполносложных словах на женский род — ср. Arbeitstag, Hochzeitsfest, хотя обычный родительный женского рода не имеет -s — ср. der Arbeit, der Hochzeit; -en сохранилось в словах слабого склонения, утративших это окончание в новонемецкую эпоху: ср. Sonnenfinsternis, Erdensohn — родит. der Sonne (mhd. der sonnen), der Erde (mhd. der erden) — см. стр. 170; Hahnenfeder, Schwanenhals — родит. des Hahns (mhd. des hanen), des Schwans (mhd. des swanen) — см. стр. 169. Таким образом, в современном языке падежная флексия в неполносложных соединениях имеет тенденцию превратиться в простую «соединительную согласную», в формальный признак сложного слова.

Соединение прилагательного-определения с существительным представляет стадияльно более поздний тип сложного слова, так как оно предполагает существование прилагательных как особой грамматической категории. Однако и здесь в древнейших полносложных соединениях первый элемент является именной основой без всякого падежного оформления, т. е., в сущности, именем без формальных признаков существительного или прилагательного: ср. got. fruma-bairg «перво-родной». В древневерхненемецком, благодаря редукции гласной основы, первый элемент такого соединения совпадает с несклоняемой формой прилагательного: ср. jung-frouwe «Jungfrau», wîh-rouh «Weihrauch» (ahd. wîh «святой»). В средневерхненемецком несклоняемая форма, исторически восходящая к старому именительному падежу именного склонения прилагательных, может употребляться как определение: например, der guot man (см. стр. 189). Поэтому на стадии флективной такие соединения могут быть переосмыслены и получить дальнейшее распространение как синтаксические сочетания. В дальнейшем развитии немецкого языка, при закреплении несклоняемого прилагательного за предикативной функцией, сложные слова в своей архаической структуре оказываются снова изолированными от обычных синтаксических сочетаний.

Особую группу образуют полносложные соединения прилагательного с существительным, имеющие в целом значение прилагательного, так наз. Bahuvrihi (термин санскритских грамматиков). Bahuvrihi по форме — сложные существительные, по синтаксической функции — прилагательные с значением «имеющий признак или свойство данного предмета». Ср. греч. rhodo-

daktylos «розоперстый», гомеровский эпитет зари («розоперстая Эос»), буквально: «Эос — розовый палец» (т. е. «имеющая розовые пальцы»); лат. *capri-cornus* «козерогий», буквально: «коза + рог» («козерог»). Этот тип соединений также является пережитком стадияльно более древней эпохи, когда прилагательные формально еще не обособились от существительных и различие между именами определялось их синтаксической функцией. В германских языках примеры *Bahuvrihi* немногочисленны: ср. got. *laus-handus* «имеющий пустую руку» (буквально: «пустая рука», т. е. «посторужий»), *frei-hals* «свободный» (буквально: «свободная шея»), *hrainja-hairts* — «чистосердечный» (буквально: «чистое сердце»), mhd. *barvuoꝝ* «barfuß» — (буквально: «босая нога», т. е. «босоногий») и немногие другие. По этому типу построены прилагательные на *-lic* (готск. *-leiks*): существительное *lic* (got. *leik*), означающее «тело», «образ», становится суффиксом прилагательного в сочетаниях got. *waifra-leiks*, ahd. *mannalfh*, означающих «мужеобразный», т. е. «мужественный» (буквально: «мужской образ», т. е. «имеющий образ мужа» — см. стр. 273); ср. также числительные *ein-falt*, *zwei-falt* (got. *ain-falps*) или *ein-fach*, *zwei-fach*, *maneg-fach*, где слова *falt* «складка» от *fallen* и *fach* «отделение» переосмысляются, как суффиксы прилагательных. В современном языке этот архаический тип сохраняется в прозвищах вроде *Langbein*, *Dickkopf*, *Schreihils*, *Dummkopf*, *Großmaul*, *Einhorn* («единорог»), *Rotkehlchen* («красногрудка») и т. п.

Полносложные соединения с первым глагольным элементом обычно рассматриваются как более поздний тип: хотя они встречаются во всех древнегерманских языках (в том числе и в готском в нескольких примерах), однако только в новонемецкую эпоху они получают широкое распространение. Переход от номинального первого элемента к вербальному мог произойти через отглагольные существительные: *Raubvogel*, *Tanzlust*, *Schlafkammer*, связанные с отглагольными существительными *Raub*, *Tanz*, *Schlaf*, могли быть переосмыслены, как соединения с глаголами *rauben*, *tanzen*, *schlafen*; по этому типу образовались затем соединения вроде *Ziehbrunnen*, *Brecheisen*, *Bindfaden*, *Schreibfeder*, *Schöpfelimer*, *Sterbezimmer*, *Lebemann* и др., в которых рядом с глаголом нет соответствующего существительного. Синтаксическое отношение между обоими элементами, как обычно в полносложных соединениях, имеет диффузный (нерасчлененный) характер. Если выразить его в категориях падежных и предложных отношений, оно раскрывается в своей многозначности: например, *Schreibfeder* — «Feder zum schreiben», *Schöpfelimer* — «Eimer zum schöpfen», *Ziehbrunnen* — «ein Brunnen, aus dem man Wasser zieht», *Sterbezimmer* — «ein Zimmer, in dem ein Mensch gestorben ist» и т. п. При этом неоформлен-

ная глагольная основа, поставленная перед существительным, превращается в своего рода именное определение, так что глагол функционирует как имя, точнее — снимается различие между именем и глаголом, как в языках дофлективного строя.

Иное синтаксическое отношение возникает в таких соединениях, где второй элемент является отглагольным существительным, а первый — объектом действия этого существительного: ср. got. *faihu-skula* «должник» (буквально «Viehschuldner»), *wein-drugkja* «пьяница» («Weintrinker»); ahd. *mêta-nemo* «мздоимец» и др.; нем. *Traumdeuter*, *Wasserträger*, *Hofhaltung* и др. С точки зрения языка с развитой падежной системой мы имеем в первом элементе таких соединений винительный падеж, зависящий от глагола как прямое дополнение. Однако, поскольку отглагольное существительное не может управлять винительным падежом, мы с еще большим правом могли бы рассматривать этот элемент как родительный дополнительный (*genitivus objectivus*): *Trinker des Weins*, *Deuter von Träumen*. Такой интерпретации синтаксической связи между элементами сложного слова вполне соответствует позднейшее флективное оформление таких соединений по типу неполносложных с родительным падежом: ср. *Freudenspender* (*Spender der Freude*), *Friedensbrecher* (*Brecher des Friedens*) и даже *Arbeitsgeber* (*Geber der Arbeit*) с мнимым генитивным *-s*. По существу мы и здесь имеем связь определяющего слова с определяемым, которая при дальнейшем развитии флективного строя дифференцируется с установкой на более сложные и расчлененные синтаксические отношения.

Из этого типа словосложения развиваются так наз. *Zusammenbildungen*, т. е. сращения синтаксической группы в сложное слово с помощью словосложения и словообразования одновременно — словообразование от синтаксической группы: ср. *Dank sagen* — *die Danksagung*, *frei lassen* — *die Freilassung*, *breite Spur* — *breitspurig* и т. д. Общим признаком синтаксических сращений является невозможность разложения соответствующего слова на составные части: второй элемент (*-sagung*, *-lassung*, *-spurig*) как самостоятельное слово обычно не употребляется и в качестве существительного не мог бы управлять в предложении ни прямым дополнением в винительном падеже, ни наречием (вроде *die Sagung Dank*, *die Lassung frei!*), ни в более сложных случаях — предикативным прилагательным или предложной конструкцией (ср. *Kundgebung*, *Zuhilfenahme* и т. д.).

Особенно большое распространение в современном языке получили синтаксические сращения типа отглагольных существительных. Как и в предыдущих случаях, в основе таких сращений лежит точнее не дифференцированное отношение между определением (I) и определяемым (II), позволяющее с помощью

отглагольных существительных субстантивировать целые синтаксические группы. Приведем несколько примеров с последовательным осложнением конструкции: I. Grablegung, Haushaltung, Danksagung, Wertschätzung, Schadloshaltung, Instandesetzung, Außerachtlassung. II. Briefausgabe, Geldausgabe, Zuhilfenahme, Inangriffnahme. III. Das Sichvergessen, das Sichüberheben, das Sichgehenlassen, das Umsichgreifen, das Naßwerden, das Rotwerden, das Sprödetun, das Aufrechtstehen, das Schönschreiben, das Außerlandessein и др. Ср. также соответствующие имена действующих лиц: der Freidenker, der Nichtstuer, der Schnellläufer, der Schönschreiber, der Hungerleider, der Balgentreter и пр.

Хотя зачатки этого явления наблюдаются уже в готском и древнемецком, однако полного своего развития оно достигает только в новонемецком литературном языке. В письменной форме этого языка оно выступает, конкурируя с придаточными предложениями, как особая форма сложного словосоединения на синтаксической основе. Ср. mit Zugrundelegung folgender Grundsätze (=«wobei folgende Grundsätze zugrunde gelegt werden sollen»); wir verzichten auf die Fortsetzung dieser Arbeit wegen Inangriffnahme eines neuen Planes («weil ein neuer Plan in Angriff genommen wird»); das schnelle Umsichgreifen dieser Krankheit scheint gefährlich zu werden («daß diese Krankheit schnell um sich greift. . .») и т. д. В современном английском языке аналогичную роль «сокращенного» придаточного предложения играет так наз. «герундий» на -ing: ср. англ. the possibility arises simply from people not understanding this truism — нем. diese Möglichkeit entsteht nur durch das Nichtverstehen folgender einfacher Wahrheiten. И в том и в другом языке мы имеем дело с новыми синтаксическими формами, выражающими более сложные отношения развитой логической мысли.

На протяжении всей истории немецкого языка сложные слова, будучи по своему происхождению пережиточными синтаксическими конструкциями инкорпорирующего типа, конкурируют с обычными для флективного строя синтаксическими группами. Вместо Rechte des Volkes можно сказать Volksrechte, вм. Fell eines Löwen — ein Löwenfell, вм. Reise zu Lande — Landreise, вм. Wunde am Fuße — Fußwunde, вм. Prozeß wegen Meineid — Meineidsprozeß, вм. die hohe Schule — die Hochschule, вм. der geheime Rat — der Geheimrat, вм. ein Mann, der Hunger leidet — ein Hungerleider и мн. др. Только в тех случаях, где сложное слово объединяется и обособляется в семантическом отношении, как новое понятие, оно вытесняет конкурирующий синтаксический оборот: ср. das Dampfschiff («пароход»), das Fensterbrett («подоконник»), die Jungfrau («девушка») — рядом с die junge Frau («молодая женщина») и т. д.

В современном немецком языке словосложение получило широчайшее распространение в словаре науки и техники. При создании научной и технической терминологии дифференциация синтаксических отношений с помощью падежных окончаний, артиклей и предлогов представляла существенные неудобства: полносложные соединения типа Dampfschiffgesellschaft, Kraftwagenhalle, Oberkinnbackenhöhle, не уточняя синтаксической связи между элементами соединения, позволяют в то же время включить в этот термин необходимые семантические единицы. Таким образом архаическая по своему происхождению система словосложения получила новое осмысление и применение на новейшем этапе языкового развития. Аналогичные тенденции к синтезу в терминологическом творчестве наблюдаются и в других языках, но формы осуществления этих тенденций могут быть различны в зависимости от строя данного языка. Так, в русском языке, сохранившем систему флексий в гораздо более полном виде, эти тенденции осуществляются в корневых сокращениях типа *комсомол*, т. е. с помощью отсеечения окончаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 74. Подведем некоторые итоги, намечающие основные линии образования и развития немецкого языка.

Германские языки принадлежат к индоевропейской системе языков, с которой они связаны общим лексическим фондом, грамматическим строем и закономерными фонетическими соответствиями. В то же время наличие ряда признаков, специфических для германских языков (перебой, ударение в основном на начальном слоге, особенности лексики), свидетельствует о сложных процессах этнического и языкового смешения, сопровождавших образование германских племен и языков.

Несмотря на позднюю письменную фиксацию германских языков, происходившую в условиях феодализации и христианизации, мы можем обнаружить в них, путем сопоставления с стадиями более древними явлениями других индоевропейских и неиндоевропейских языков, результаты длительного процесса исторического развития. В склонении имен первоначально значащие основообразующие суффиксы (показатели классов слов) уже потеряли свое значение: происходит слияние суффиксов с падежными флексиями, ведущее к образованию множества типов склонения, и начинается процесс унификации этих типов и редукции падежных окончаний, поддерживаемый зарождением предложного склонения. Дифференциация имен на существительные и прилагательные уже произошла, прилагательные могут оформляться особыми суффиксами и принимают в атрибутивной функции специальные, отличные от существительных, местоименные окончания (сильное склонение), сохраняя в то же время способность к самостоятельному употреблению (субстантивации) с помощью именного (слабого) склонения на -n. В то же время с прилагательными продолжает усиленно конкурировать более архаический тип полносложного соединения (*eigentliche Komposition*), представляющий своеобразный пережиток синтаксической инкорпорации, который в дальнейшем используется в немецком языке для новых целей.

В глагольной системе старые видовые различия переосмыслены как временные (настоящее — прошедшее), тематические суффиксы настоящего времени также в значительной степени утратили свое первоначальное значение видовых показателей,

но элементы видового значения еще сохранились в причастиях (и в готских глаголах на -nan). Как новая, чисто временная форма образовалось слабое прошедшее, которое становится господствующим типом спряжения в германских языках. Параллельно развитию предложного склонения из приглагольных наречий развивается система префиксации, позволяющая дифференцировать характер действия, обозначаемого глаголами, его направление и протяжение и частично перенимающая лексическое различие видовых оттенков, но уже на новой, временной основе.

Система внутренней флексии (аблаут), свойственная всем индоевропейским языкам как в словообразовании, так и в словоизменении, в германских языках является уже пережитком. Взамен ее возникают новые формы внутренней флексии, основанные на специфическом для германских языков сингармонизме гласного корня и окончания — так наз. «преломление» (*Brechung*), предшествующее письменным памятникам, затем умлаут, развитие которого как морфологической категории относится уже к древневерхнемецкому и средневерхнемецкому периодам.

Все эти изменения грамматического строя предшествуют началу письменной традиции и потому не могут быть более точно датированы и локализованы. Точнее могут быть фиксированы лексические заимствования из латинского языка, связанные с включением западных германцев в орбиту хозяйственно-политического и культурного влияния Римской империи (с I в. до н. э.).

Немецкий язык складывается в результате взаимодействия языков западногерманских племен, вошедших в состав франкской державы Меровингов и Каролингов. Древневерхнемецкий язык известен нам только с VIII в. в небольшом числе письменных памятников, в основном клерикального характера, обнаруживающих чрезвычайную диалектальную пестроту, усугубляемую отсутствием прочной орфографической традиции. При этом первоначальные расхождения племенных диалектов перекрываются новыми, вызванными распространением с юга на север II перебоя, составляющего основное фонетическое отличие верхнемецкого от всех других германских наречий. Сфера применения немецкой письменности в этот период чрезвычайно ограничена: языком средневекового клерикального просвещения, употребляемым также во всех актах письменной публичной речи, является «священный» латинский язык. В условиях развивающегося феодализма происходит идеологическая перестройка письменного немецкого языка как орудия отвлеченной богословско-философской мысли под непосредственным влиянием латыни; об этом свидетельствует ряд латинских заимствований и кальк и развитие новой системы словообразовательных суффиксов с отвлеченным значением. С необычайной интенсивностью продолжается процесс разрушения флексии, связанный с развитием

новых, более дифференцированных форм аналитического выражения грамматических отношений. Унифицируются типы склонений и различия между падежами; в то же время развивается предложное склонение и становится все более обязательным артикль (возникший из указательного местоимения и неопределенного числительного). В значительной степени устраняются различия между глагольными окончаниями разных времен и наклонений, и в то же время устанавливается обязательность приглагольного личного местоимения как способ различения совпавших между собой в ряде случаев личных окончаний. Появляются сложные глагольные формы, еще не закрепленные грамматически — страдательный залог, сложное прошедшее (с оттенком результативности), модальное будущее (с глаголами *sollen* и *wollen*). В конце древневерхненемецкого периода (XI в.) процесс редукции безударных окончаний в основном закончен. Сохраняются нередуцированными только так наз. «тяжелые суффиксы», имеющие словообразовательное значение.

Средневерхненемецкий (XII и XIII вв.) представляет картину относительной стабильности. Эпоха развитого феодализма создает сословно-замкнутую рыцарскую культуру, выражением которой является рыцарская поэзия. Литературный язык, которым пользуется эта поэзия, также обнаруживает черты сословной замкнутости. Состав лексического фонда, обозначающего предметы и понятия новой рыцарской культуры, определяется французскими заимствованиями и кальками, свидетельствующими о культурном влиянии Франции, как передовой феодальной страны. Литературный язык обнаруживает некоторые тенденции к унификации, преимущественно — региональной, но для языка разговорного характерна растущая раздробленность поместно-территориальных говоров, оформляющихся на основе старых племенных диалектов в новых границах феодальных территорий. В грамматическом отношении в средневерхненемецкий период продолжают процесс унификации системы склонения и спряжения и дальнейшее развитие аналитических форм.

Перелом в истории языка образует ранний новонемецкий (XIV—XVI вв.). В условиях начинающегося разложения феодализма, роста городов, усиления межтерриториальных связей экономического и культурного характера происходит процесс языкового объединения, завершающийся созданием письменной нормы национального языка. Важнейшие этапы этого процесса — деятельность канцелярий (особенно пражской, саксонской и венской), первопечатников и реформаторов, в особенности Лютера, на которого ориентируются последующие грамматиконормализаторы XVI—XVII вв. Благодаря специфическим условиям исторического развития Германии, ее экономической отсталости и политической раздробленности, при отсутствии еди-

ного хозяйственно-политического и культурного центра страны, авторитетного в языковых вопросах, объединение литературного языка происходит замедленными темпами, отражая борьбу между крупными территориями за политическое преобладание и культурную гегемонию и ориентируясь в основном на письменный язык. При этом фонетическая система новонемецкого языка претерпевает в этот переходный период весьма значительные изменения по сравнению с средневерхненемецким, тогда как орфография сохраняет целый ряд архаизмов.

Развитие литературного языка связано с национализацией просвещения, частично осуществленной бюргерской реформацией, с вытеснением латыни, с возникновением деловой письменности, практической прозы на национальном языке и бюргерской литературы, воспитанной гуманизмом и реформацией. Грамматический строй раннего новонемецкого характеризуется явлениями, свидетельствующими о развитии абстрактной мысли: предложное склонение обогащается предложениями нового типа, выражающими по преимуществу логические отношения (*uneigentliche Präpositionen*), окончательно закрепляется дифференцированная система глагола с объективным будущим, относительными временами, условным наклонением и широким использованием полувспомогательных глаголов модальности. Результатом развития аналитического строя является установление связанного порядка слов в предложении. В области синтаксиса в эту эпоху окончательно дифференцируется развернутая система логических форм союзного подчинения, существующая в современном немецком языке (предложения следственные, целевые, условные, уступительные и др.).

Процесс объединения немецкого литературного языка завершается в новонемецкий период (XVII—XIX вв.). В условиях феодальной раздробленности, окончательно ликвидированной только в XIX в., различия в письменном языке сохраняются до середины XVIII в., но заметная дифференциация в разговорной форме литературного языка наблюдается еще в XIX в. и не может считаться окончательно устраненной даже после выработки норм «сценического произношения» (*Bühnendeutsch*). В то же время крестьянские диалекты сохраняют исключительную территориальную расщепленность в границах феодальных владений конца XVIII в., а также значительные расхождения между отдельными диалектами. Объединение литературного языка происходит в условиях нового подъема буржуазного развития на основе возникающей в XVIII в. классической национальной литературы. В эту эпоху немецкий язык проникает и в область науки. Развитие научного языка связано с ростом международных языковых сношений и образованием обширного фонда интернациональных слов науки и культуры,

объединенных особой системой новых суффиксов латинскогреческого происхождения. С другой стороны, широко используется и система словосложения на национальном лексическом материале. При этом для агрессивных шовинистических тенденций империалистической буржуазии характерна организованная борьба за «онемечение» решительно всех иностранных слов («Allgemeiner Deutscher Sprachverein»).

В процессе изучения истории немецкого языка противоречия в его грамматическом строе раскрылись для нас как исторически обусловленные закономерности более древних стадий языкового развития, из которых возникают новые закономерности, соответствующие более высокой стадии развития мышления. В этом диалектическом процессе развития языка, как «реального сознания» (Маркс), т. е. как выражения мысли, отчетливо выступают, как поворотные пункты, эпохи больших исторических сдвигов, означающие ломку общественных отношений и существенную перестройку в области идеологии: переход от родового строя к феодальному, конец которого засвидетельствован в языке древнегерманской клерикальной прозы VIII—X веков, и начальная стадия разложения феодализма, завершающаяся социальными бурями крестьянской войны, — эпоха развития бюргерской литературы, гуманизма, реформации и зарождения новонемецкого литературного языка (XIV—XVI вв.).

Тем самым намеченные нами основные линии развития немецкого языка отражают изменения общественной идеологии, в конечном счете обусловленные развитием общественно-экономических отношений.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЗНАКОВ

1. Для *фонетической транскрипции* немецкого произношения применен международный фонетический алфавит с незначительными отклонениями.

Закрытые гласные o, u, i, e, ø (нем. ö в *v t ö t e n*), y (нем. ü в *m ü d e*), соответствующие открытые — ə, ʊ, ε, i, œ (нем. ö в *L ö f f e l*), y (нем. ü в *S t ü c k*), ä — очень открытое ε, приближающееся к а, å — очень открытое ə, приближающееся к а (в диалектах), ə — редуцированный гласный (нем. -e в неударных слогах — напр. *N a m e*). Долгота обозначается двоеточием после гласного — напр. a:, краткость не обозначается. Знаком назализации (в диалектах) служит над гласным ~ — напр. ä.

Из согласных ŋ — заднеязычный носовой (нем. ng. в *l a n g*); z — звонкое s (нем. s i n g e n); ſ — нем. sch (*S c h u l e*); ž — соответствующий звонкий согласный ж (ср. нем. Genie); v — звонкий губно-зубной спирант (нем. w в *W a n g e*; w — звонкий губно-губной спирант (в диалектах); x — глухой заднеязычный спирант (нем. ch в *a c h*); ʎ — соответствующий звонкий спирант (в диалектах); ç — глухой среднеязычный спирант (нем. ch в *i c h*); j — соответствующий звонкий спирант; h — придыхание. Для обозначения диалектальных слабых глухих взрывных употребляются знаки b, d, g (только там, где приводятся примеры на произношение этих согласных).

Фонетически транскрибированные написания в случае необходимости выделяются квадратными скобками — напр. [ε:] или [na:mə] и т. п.

2. В *историко-грамматических текстах* на разных языках долгота обозначается чертой над гласными (напр. ā); краткость вообще не обозначается; в тех случаях, где требуется специальное указание, знаком краткости служит ˘ над гласными (напр. ä). ц, ĭ обозначают неслоговые ц, і (напр. ац, аĭ); ṃ, ṇ, ḷ, ṛ — слоговые сонорные b, d, g — звонкие спиранты, соответствующие взрывным b, d, g. p — глухой переднеязычный спирант (англ. th в *t h i n g*).

3. В *древнегерманских и старонемецких текстах* знаком долготы служит ˆ (ср. ā, î, ê, ô, û). Для долгих умлаутов в средневерхнегерманских грамматических нормализованных учебных текстах употребляются знаки æ [ε:], œ [ø:], iu [y:]. Там, где нет особого знака долготы, гласный всегда краткий (в том числе и в открытом слоге — напр. mhd. name, geben, oben — читать nāme, gēben, ōben и т. п.). В противоположность современному произношению s во всяком положении произносится как [s], в том числе перед гласными и в начале слова в комбинациях st-, sp- (напр. mhd. singen, stein, spil). h — в отличие от новонемецкого правописания произносится во всех положениях (в основном — как придыхание): ср. ahd. hring «Ring», habēn «haben», sehan «sehen» (mhd. ring, haben, sehen). w имел, повидимому, произношение [ʍ] как в современном английском (напр. got. ahd. winnan — ср. англ. winn, got. twalif, ahd. zwelif — ср. англ. twelve).

В *древневерхнегерманском и средневерхнегерманском* ei всегда произносится как [ei], а не как [ai] — напр. ahd. mhd. breit [breit]; ie всегда является дифтонгом — напр. mhd. tief [tiɛf]. Знак ʒ (zz) служит для обозначения звука [s] — так наз. «хвостатое z» («geschwänztes z») — в противоположность

простому *z* (*zz*), обозначающему аффрикату [ʦ]. Ср. mhd. *wazzer* «Wasser», haz «Haß» — *zit* «Zeit», *sizzen* «sitzen».

В древневерхненемецком *iu* является дифтонгом; *ph* — обозначает аффрикату *pf* (напр. ahd. *aphul* «Apfel»); *hh* — спирант нем. *ch* (напр. ahd. *mahhôn* «machen»); *ch* — в большинстве случаев (в южнонемецких говорах) имеет значение аффрикаты [kç] — ср. южнонем. *chalt* [kçalt] «kalt»; *c* может обозначать [k] перед гласными *a*, *o*, *u*, перед согласными и на конце слова.

О готской орфографии Вульфилы см. подробнее §§ 23—24. *ei* обозначает долгое *i* (напр. got. *steigan* — ahd. *stigan* «steigen»); *ai*, *au* — могут иметь значение дифтонгов или кратких *e*, *o* (см. § 23). В учебных целях в первом случае пишут *ái*, *áu* (напр. *stáins* «Stein», *áugô* «Auge»), во втором *aí*, *au* (напр. *rafhts* «recht», *waúrd* «Wort»). *z* — обозначает звонкое *s* [z] — напр. *máiza* «mehr». Сочетание *ng* [ŋg] пишется *gg* (напр. *siggwan* «singen»), сочетание *kw* [kʷ] обозначается *q* (напр. *qiman* «kommen»). *b* и *d* между гласными, повидимому, произносились как звонкие спиранты (напр. *giban* «geben» — как *giban*, *sidus* «Sitte» — как *sidus*).

В латинских примерах, в противоположность общепринятому школьному произношению, *c* во всех положениях должно читаться как [k], *ae* является дифтонгом: например, *Caesar* [kaesar] — ср. заимствованное нем. *Kaiser*, *cellarium* — ср. нем. *Keller*.

Греческие примеры даются в латинской транскрипции. Долгие *ē*, *ō*, *ī* заменяют греч. *η*, *ω*, *ι*; *υ* заменяет греч. *υ*; *φ*, *θ*, *χ* передаются как *ph*, *th*, *ch* (*phero*, *thurai*, *chortos*). Как видно из принятой уже у римлян транскрипции, в классическую пору они еще произносились как аспираты. Знак придыхания (*spiritus asper*) заменяется *h*. Облеченное ударение обозначается знаком *ˆ* (напр. *kīnô* — «двигаю»).

В санскритских примерах *bh*, *dh*, *gh* являются звонкими аспиратами; *ṣ* и *ś* представляют два типа [ʃ] — верхнеязычное (церебральное) и переднеязычное (палатальное).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а) Названия языков и диалектов

<i>ahd.</i> — древневерхненемецкий (alt-hochdeutsch);	<i>and.</i> — древненижненемецкий (altniederdeutsch);
<i>mhd.</i> — средневерхненемецкий (mittelhochdeutsch);	<i>mnd.</i> — средненижненемецкий (mittelniederdeutsch);
<i>nhd.</i> — нововерхненемецкий (neuhochdeutsch);	<i>as.</i> — древнесаксонский (altsächsisch);
<i>frnhd.</i> — ранний нововерхненемецкий (frühneuhochdeutsch);	<i>ags.</i> — англо-саксонский (angelsächsisch);
<i>md.</i> — средненемецкий (mitteldeutsch);	<i>an.</i> — древнеисландский (altnordisch);
<i>obd.</i> — верхненемецкий (oberdeutsch);	<i>got.</i> — готский (gotisch);
<i>nd.</i> — нижненемецкий (niederdeutsch);	<i>frk.</i> — франкский (fränkisch);
	<i>ndl.</i> — голландский (niederländisch);

* * *

англ. — английский;
бав. — баварский;
галльск. — галльский;
герм. — германский;
греч. — греческий;
кельтск. — кельтский;
лат. — латинский;
народн.-лат. — народно-латинский («вульгарная латынь»);
нем. — немецкий;
польск. — польский;

пров. — провансальский;
пфальц. — пфальцкий;
русск. — русский;
санскр. — санскрит;
слав. — славянский;
фр. — французский;
шваб. — швабский;
диалект. — диалектальный;
сев. — северный;
южн. — южный.

б) Грамматические термины

буд. — будущее время;
вин. — винительный падеж;
глаго. — глагол;
дат. — дательный падеж;
ед. — единственное число;
женск. (ж.) — женский род;
инд. — индикатив (изъявительное наклонение);
инфин. — инфинитив;
имен. (им.) — именительный падеж;
мед. — медиум (средний залог);
многократн. — многократный вид;
множ. (мн.) — множественное число;
мужск. (м.) — мужской род;
нар. — наречие;
наст. — настоящее время;
несоверш. — несовершенный вид;
носов. — носовой согласный;
опт. — оптатив (желательное наклонение);

осн. — основа;
пад. — падеж;
пасс. — пассив (страдательный залог);
плавн. — плавный согласный;
пов. — повелительное наклонение;
прев. — превосходная степень;
прил. — прилагательное;
прич. — причастие;
прош. — прошедшее время;
род. — родительный падеж;
сильн. — сильное склонение;
слаб. — слабое склонение;
соверш. — совершенный вид;
согл. — согласный;
сравн. — сравнительная степень;
средн. (ср.) — средний род;
существ. (сущ.) — существительное;
твор. — творительный падеж.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ПРОРАБОТКИ

(на русском языке)

- И. В. СТАЛИН, Марксизм и национальный вопрос (Сочинения, т. II, стр. 290—357).
- Ф. ЭНГЕЛЬС, Происхождение семьи, частной собственности и государства (гл. VII—VIII).
- Ф. ЭНГЕЛЬС, Крестьянская война в Германии (гл. I).
- Ф. ЭНГЕЛЬС, Франкский диалект (Собр. соч., т. XVI, 1).
- Ф. ЭНГЕЛЬС, К истории древних германцев (Собр. соч., т. XVI, 1).
- Н. Я. МАРР, Новый поворот в работе по яфетической теории (Избр. сочин., т. I, стр. 312—346).
- И. И. МЕЩАНИНОВ, Члены предложения и части речи, 1945 г.
- В. М. ЖИРМУНСКИЙ, Национальный язык и социальные диалекты, 1936 г.
- В. М. ЖИРМУНСКИЙ, Развитие строя немецкого языка, 1936 г.
- В. М. ЖИРМУНСКИЙ, Сравнительная грамматика и новое учение о языке («Известия Отделения литературы и языка Академии Наук СССР», 1940, № 3).
- «В о п р о с ы немецкой грамматики в историческом освещении», сборник статей, Учпедгиз, 1935 г.
- «У ч е н ы е з а п и с к и Ленинградского Государственного Университета». Серия филологических наук, вып. 5, 1941 г. (Сборник кафедры романо-германской филологии).
- С. КАЦНЕЛЬСОН, К генезису номинативного предложения, 1936 г.
- А. ДЕСНИЦКАЯ, Чередование гласных в германских языках (Ablaut), 1937 г.
- М. М. ГУХМАН, Происхождение строя готского глагола, 1940 г.
- Т. В. СТРОЕВА-СОКОЛЬСКАЯ, Развитие сложноподчиненного предложения в немецком языке, 1940 г.
- В. М. ЖИРМУНСКИЙ, Проблемы немецкой диалектографии в связи с историческим краеведением («Этнография», кн. III, 1927 г. № 1).
- В. М. ЖИРМУНСКИЙ, Методика социальной географии (Сб. «Язык и литература», кн. VIII, 1932 г.)
- Л. Р. ЗИНДЕР и Т. В. СТРОЕВА-СОКОЛЬСКАЯ, Современный немецкий язык. Теоретический курс, изд. 2-е, 1941 г.
- Н. С. ЧЕМОДАНОВ, Хрестоматия по истории немецкого языка, изд. 2-е, 1940 г.

А-3035. Подписано к печати 27/VII 1948 г. Заказ 1017. Формат 60×92¹/₁₆.
Объем 18³/₄ п. л. Уч. изд. л. 21,41. Тираж 20000. Цена 10 руб. 50 к.

Типография „Искра революции“, Москва.
